Современная фантастика

Гордон Диксон

Абсолютная энциклопедия

Том 1

Абсолютная Энциклопедия. Том 1

Гордон Диксон

Аннотация
Гордон Диксон. Абсолютная Энциклопедия. Том 1
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18

Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34

Аннотация

Грандиозная эпопея завершается. Волею судьбы юный Хэл Мэйн оказывается главным участником грандиозной битвы, ставка в которой — судьба человечества, рассеянного по космосу и отчаянно сопротивляющегося безжалостным Иным...

Гордон Диксон
Абсолютная Энциклопедия. Том 1

Глава 1

Свет уходящего дня, проникавший сквозь окно библиотеки и падавший на страницу поэмы Альфреда Нойеса[1], вдруг померк. Как будто висящий низко над горизонтом диск солнца закрыло легкое облачко. Читавший поэму Уолтер поднял глаза, но никакого облачка не увидел. Яркий и блестящий, диск сиял в чистом, безоблачном небе.

Он нахмурился, отложил в сторону древнюю книгу и, запустив руку в складки своего уже давно вышедшего из моды маранского хитона, извлек на свет маленький прозрачный кубик, заполненный жидкостью. Его переслали Уолтеру сюда, на Землю, четырнадцать лет назад, как то, что осталось от древней Осколочной Культуры мужчин и женщин Мары, являвшейся, наряду с другой планетой — Культисом, одним из двух миров экзотов.

И все эти годы внешний вид кусочка розоватой

---

[1] Примечания: 1

Нойес (Noyes) Альфред, английский поэт (1880-1958 гг.), доктор права Йельского университета (1913 г.), профессор английской литературы Принстонского университета (1914 г.).

живой ткани, плававшего в жидкости, оставался неизменным. Теперь же он, сморщенный и почерневший, словно обожженный, лежал на дне кубика. И Уолтер понял, что это превращение есть тайный знак, который он воспринял спокойно, словно заранее ждал его, — предупреждение о скорой смерти.

Уолтер отложил кубик в сторону и резко поднялся из-за стола. В свои девяносто два он по-прежнему оставался высоким, стройным и подвижным. Он не знал, как давно начался отсчет отпущенного ему времени и сколько его осталось. Пройдя быстрым шагом через библиотеку, он через высокое, доходящее почти до самого пола окно вышел на выложенную прямоугольными каменными плитами террасу, окаймленную с двух сторон кустами буйно цветущей сирени; она на добрых сорок футов возвышалась над озером, часть которого — протяженностью около полумили — располагалась на территории поместья Мэйнов.

На террасе, широко расставив ноги и сцепив за спиной пяльцы рук, стоял Малахия Насуно, крепкий старик с изрезанным морщинами лицом, бывший дорсайский офицер, а теперь, как и Уолтер, учитель. Он не отрывал взгляда от устре-

мившегося к берегу легкого каноэ и сидящего в нем гребца. Солнце быстро опускалось за острые вершины Соуотча, одного из хребтов Скалистых Гор, окружавших поместье. На поверхности озера, у его дальнего берега, уже появилась тень, которая, разрастаясь, приближалась к дому. Гребец, словно соревнуясь с ней в скорости, гнал лодку по темно-голубой воде.

Уолтер поспешил к установленному в углу террасы флагштоку. Он отвязал конец фала, и нагретый солнцем гладкий шнур заскользил у него между пальцев, слегка обжигая кожу. Флаг с изображением вылетающего из леса сокола складками лег на плиты террасы.

Человек в лодке еще раз взмахнул блеснувшим на солнце веслом и перестал грести. Затем, перегнувшись через борт, нырнул в воду. Через мгновение каноэ накренилось, зачерпнуло воды и затонуло, словно ему вспороли днище и потащили в глубь озера. Спустя несколько секунд кромка распространяющейся по воде темноты достигла того места, где только что находилась лодка.

Уолтер внезапно почувствовал у своего левого уха теплое дыхание Малахии Насуно и повернулся к старому воину.

— Что случилось? — тихо спросил Малахия. — Зачем ты тревожишь мальчика?

— Я хотел, чтобы он исчез отсюда, если сумеет, — ответил Уолтер. — Мы же все, считай, уже покойники.

Лицо столетнего дорсайца сделалось твердым, как застывший металл, седые кустики бровей сдвинулись к переносице.

— Ты за меня не расписывайся, — сказал он. — Я мертв, когда я мертв. А пока что я еще жив. Ну, так в чем дело?

— Не знаю, — сказал Уолтер. Он снова достал свой кубик и протянул его Малахии. — Просто я получил предупреждение.

— Опять эти ваши экзотские фокусы, — проворчал тот. Но, секунду помолчав, заявил:

— Пойду, предупрежу Авдия.

— Боюсь, уже поздно, — удержал его Уолтер, положив ладонь на могучее плечо бывшего воина. — За нами в любой момент могут начать наблюдать. Поэтому чем меньше мы будем показывать, что чего-то опасаемся, тем больше у Хэла шансов убежать.

Из прибрежных зарослей тростников выпорхнула с громким криком явно чем-то потревоженная утка-арлекин, распознать которую по

ее характерному силуэту было нетрудно даже в сгущающихся сумерках. Хлопая крыльями, то взлетая, то опускаясь к самой воде и перебирая по ней лапками, она пролетела небольшое расстояние вдоль затененной части озера и снова скрылась в кустах.

Уолтер облегченно вздохнул:

— Славный мальчик. Теперь ему лишь надо найти, где спрятаться.

— Он останется, — угрюмо произнес Малахия. — Он уже не мальчик, а мужчина.

— Мужчина в шестнадцать лет? — удивился Уолтер. В уголках его глаз неожиданно появились слезы, столь свойственные этому возрасту. — Уже?

— Нормальный мужчина, — проворчал Малахия. — А кто нам здесь может угрожать? Или что?

— Я не знаю, — пожал плечами Уолтер. — Устройство лишь предупреждает о резком давлении онтогенетической энергии, движущейся в нашем направлении. Вы, должно быть, помните, я как-то говорил вам о своих расчетах относительно мальчика; они показали высокую вероятность его пересечения с пиком напряжения текущих исторических сил до достижения

им семнадцати лет.

— Ну, если это всего лишь энергетическое воздействие... — начал Малахия.

— Не обманывайте себя! — ответил экзот неожиданно резким, совершенно несвойственным ему тоном. — Должны появиться какие-то люди или произойти какие-то события, об этом и свидетельствует изменение давления, точно так, как внезапное падение давления воздуха говорит о надвигающемся урагане. Возможно... — Он замолк. — Что там?

— Похоже, это Иные, — тихо сказал Малахия.

— Почему вы так решили? — удивился Уолтер, огляделся вокруг, но не заметил ничего подозрительного.

— Я не уверен, а просто подозреваю, — пояснил Малахия. По спине Уолтера пробежал холодок.

— Мы плохо поступили с нашим мальчиком, — еле слышно проговорил он.

Обернувшись, Малахия уставился на него.

— Но почему? — взвился дорсаец.

— Мы учили его общению с человеческими существами, преимущественно с мужчинами и женщинами, — прошептал Уолтер, опуская голову под бременем внезапно осознанной вины. — А эти дьяволы теперь свободно разгуливают по

четырнадцати мирам.

— Иные — вовсе не дьяволы! — воскликнул Малахия. — Смешайте вашу кровь с моею и Авдия — смешайте кровь представителей всех Осколочных Культур, если хотите, — и все равно получатся только мужчины и женщины. Люди делают людей, и ничего больше. Что в горшок положил, то и вынул.

— Это не обычные мужчины и женщины, а гибриды, — произнес Уолтер. — Люди, обладающие множеством способностей.

— Что из того? — проворчал Малахия. — Человек живет, человек умирает. Если он хорошо жил и хорошо умер — какая разница, что убило его?

— Но ведь речь идет о нашем Хэле...

— Который тоже должен когда-то умереть, как все остальные. Да выпрямитесь же вы! — выкрикнул Малахия. — Разве у экзотов нет позвоночника?

Уолтер взял себя в руки. Он выпрямился, несколько раз глубоко вздохнул и снова стал абсолютно спокойным.

— Вы правы. По крайней мере, Хэл получил все, что мы трое могли ему дать. Если он останется жив, у него есть все возможности стать великим поэтом.

— Поэтом! — воскликнул Малахия. — Да существуют тысячи куда более полезных дел, которые он сможет совершить в течение своей жизни, а поэты...

Он вдруг замолчал, и Уолтер перехватил его предостерегающий взгляд.

По выражению лица Уолтера он понял, что предупреждение воспринято.

Экзот тем временем сложил руки в широких рукавах на груди и продолжил.

— Поэты тоже люди, — сказал он таким тоном, как будто участвовал в какой-то академической дискуссии. — Вот почему, например, я так высоко ценю Альфреда Нойеса. Вы ведь знаете Нойеса, не так ли?

— К чему это мне?

— Я так и думал, — покачал головой Уолтер. — Вы из тех, что не помнит ничего, кроме «Разбойника». Но «Истории русалочьей таверны» и другая поэма — «Шервуд» — они просто гениальны. Вы знаете, там в одном месте Оберон, король эльфов и фей, рассказывает своим подданный о том, что Робин Гуд умирает, и объясняет, почему эльфы должны вечно чтить Робина...

— Никогда не читал такого, — отрезал Малахия.

— Робин вытащил фею из того, что ему показалось лишь паутиной. И вот Нойес вкладывает в уста Оберона такие слова, послушайте:

...Ее он вырвал из объятий колдуна,

Что воплощеньем был жестокой древней тайны

И ужас леденящий вам внушал!..

Уолтер замолчал, когда позади Малахии из кустов сирени вышел бледный худощавый молодой человек, одетый в темный деловой костюм. В руке он держал импульсный пистолет с длинным и тонким стволом, в кожухе из проволочной сетки. Через мгновение появился второй и встал рядом с первым. Обернувшись, Уолтер увидев, как еще двое вышли из кустов у дальнего конца террасы. Два старика стояли под прицелами четырех пистолетов.

— «...И так он нежен был, ее освобождая, что даже радуга на крылышках ее нимало не померкла...» — Глубокий, звонкий голос закончил цитату, и очень высокий, стройный человек, узколицый и темноволосый, держа в руке том Нойеса, шагнул на террасу из того же самого окна, которым несколько минут назад воспользовался Уолтер.

— ...Но вы же сами видите, — продолжил он, обращаясь к Уолтеру, — как ритм здесь ослабевает, становится легким и изящным после самой первой вспышки силы, о которой вы говорили. Вот если бы вместо этого фрагмента вы выбрали песнь Блондина-Менестреля из той же самой поэмы...

Его голос внезапно преобразился, обрел новое звучание и богатство интонаций, он произносил слова нараспев, на манер средневековых монахов, словно читал грегорианский хорал:

«Рыцарь на узкой тропе,
Куда торопишь коня?
Только вперед, — ответ.
Любимая ждет меня!» —

...тогда я должен был бы согласиться с вами.

Уолтер вежливо поклонился. Но в глубине души он вдруг почувствовал предательское волнение. Великолепный голос, высокая, стройная фигура незваного гостя всколыхнули потаенные чувства Уолтера, всю жизнь сразу откликавшиеся на проявление высокого мастерства. Они требовали наивысшей оценки того, что он только что услышал, как если бы перед ним выступил выдающийся скрипач, играющий на скрипке

великого Страдивари.

Помимо воли Уолтер испытывал желание (последовать которому было, разумеется, немыслимо) выразить глубокую признательность этому незнакомцу, словно он был его господином или королем.

— Кажется, мы незнакомы, — сказал Уолтер.

— Меня зовут Аренс. Блейз Аренс, — ответил высокий пришелец. — Не беспокойтесь, никто не пострадает. Мы хотели бы провести в вашей усадьбе небольшое совещание, которое продлится максимум один-два дня.

Он улыбнулся Уолтеру. Дополнительную силу воздействия его голос приобретал благодаря легкому акценту, наводящему на мысли о древнеанглийском языке. Черты его лица были правильными, а изящные линии рта и глаз даже сообщали его внешности некоторую привлекательность. Прямой нос, тонкие губы, широкий высокий лоб и блестящие карие глаза придавали ему почти добродушный вид.

Продолжая рассматривать Аренса, Уолтер, обратил внимание на его необычайно прямые и широкие плечи: будь тот ниже ростом, они выглядели бы несоразмерными, но при такой высокой и стройной фигуре представлялись со-

вершенно нормальными. Сейчас он стоял перед Уолтером как будто бы расслабившись, но было ясно, что он ни на мгновение не ослаблял над собой внутреннего контроля и почему-то больше всего напомнил Уолтеру позевывающую пантеру. А бледные юноши с пистолетами в руках смотрели на него с искренним обожанием и собачьей преданностью в глазах.

— Мы? — спросил Уолтер.

— Да, это нечто вроде клуба. Откровенно говоря, в ваших же интересах поменьше этим интересоваться. — Продолжая улыбаться Уолтеру, Аренс окинул взглядом ту часть озера и прибрежных зарослей, которые были видны с террасы.

— Здесь есть еще двое, не так ли? — спросил он, снова поворачиваясь к Уолтеру. — Еще один наставник и ваш подопечный, мальчик по имени Хэл Мэйн. Где бы они могли быть сейчас?

Уолтер покачал головой, выражая полное неведение. Аренс повернулся к Малахии, который ответил ему безразличным взглядом.

— Ну хорошо, мы сами найдем их, — почти весело сообщил Аренс. Он снова посмотрел на Уолтера. — Вы знаете, мне так хотелось бы встретиться с этим мальчиком. Ему должно быть... Сколько? Шестнадцать?

Уолтер согласно кивнул.

— То есть прошло четырнадцать лет с того времени, как его нашли... — Голос Аренса звучал задумчиво. — Это, должно быть, необыкновенный ребенок. Кто его родители — удалось их отыскать?

— Нет, — покачал головой Уолтер. — В бортовом журнале было указано только имя мальчика.

— Замечательный мальчик... — сказал Аренс. Он снова окинул взглядом озеро и его берега. — Так вы сказали, что не знаете, где он сейчас?

— Нет, — подтвердил Уолтер.

Аренс вопросительно посмотрел на Малахию.

— А вы, командант?

Тот презрительно фыркнул.

Обращаясь со своим вопросом к Малахии, Аренс улыбался ему так же тепло, как и Уолтеру, но выражение лица дорсайца не изменилось. И улыбка Аренса быстро угасла, взгляд сделался задумчивым.

— Похоже, вы не очень-то жалуете Иных, таких как я? — сказал он. — Но времена ведь изменяются, а, командант?

— Причем в худшую сторону, — проговорил дорсаец.

— Увы, это правда, — вздохнул Аренс. — А вам

никогда не приходило в голову, что мальчик тоже может быть одним из нас, Иных? Нет? Ладно, не хотите о мальчике, давайте поговорим о чем-нибудь другом. Держу пари, что у вас другие поэтические пристрастия. Возьмем, например, «Королевские идиллии» Теннисона[2] — о людях и о войнах.

— Вот это мне знакомо, — сказал дорсаец, — неплохая вещь.

— Тогда вы должны помнить, что говорит Король Артур о том, как меняются времена. Король Артур и сэр Бедивер в конце концов остаются одни, и сэр Бедивир спрашивает короля, что будет теперь, когда Круглого Стола не станет, а сам Артур отправится в Авалон[3]. Вы помните, что ответил Артур?

— Нет, — покачал головой Малахия.

— Он отвечает, — и тут Аренс начал громко

---

[2] Примечания: 2

Теннисом (Tennyson) Альфред (1809-1892 гг.), английский поэт. Цикл поэм «Королевские идиллии» (1859 г.) основан на «Артуровских легендах» — кельтских народных преданиях, в центре которых образ короля бриттов Артура (5-6 вв.), боровшегося с англосаксонскими завоевателями. Артур и рыцари «Круглого стола» воплощают нравственные идеалы рыцарства.

[3] Примечания: 3

Авалон — в кельтской мифологии — «остров блаженных», потусторонний мир на далеких «Западных островах», куда после сражения при Камлане феей Морганой был перенесен смертельно раненный король Артур.

декламировать:

— Сменяется порядок старый новым...

И Господу приходится следить, чтоб ни один обычай добрый...

Аренс замолк и посмотрел на старого солдата, чтобы убедиться в произведенном впечатлении.

— Не испортил мир, — вмешался вдруг скрипучий торжествующий голос.

Они обернулись, все одновременно. Авдий, третий из учителей Хэла Мэйна, вышел через окно на террасу и стал между ними. За его спиной стоял, подняв пистолет, пятый спутник Аренса.

— Вы забыли закончить цитату, — упрекнул Авдий Аренса. — И это так похоже на вас, Иной Человек. Для Бога вы — не более чем струйка дыма. И ваша судьба тоже в руцех Господних — вот так!

Неожиданно для охранника Авдий сделал еще шаг вперед и с последними словами щелкнул своими костлявыми пальцами под самым носом Аренса.

Аренс рассмеялся, но вдруг выражение его лица резко изменилось.

— Охрана! — крикнул он.

Будто невидимая молния, по террасе пронес-

лась волна напряжения. Через мгновение после того, как Авдий щелкнул пальцами, трое из четырех охранников переключили свое внимание с Уолтера и Малахии на Авдия, наведя на него пистолеты. И лишь один продолжал держать под прицелом Малахию. Теперь же, подстегнутые окриком Аренса, словно ударом хлыста, оплошавшие и почти впавшие в панику охранники снова взяли под контроль свои прежние цели.

— О... какие вы дурачки, маленькие дурачки! — мягко сказал Аренс. — Смотрите!

Они виновато взглянули на него, как нашкодившие щенки.

— Этот уроженец Мары, — Аренс показал на Уолтера, — совершенно безобиден. Экзоты в принципе отрицают любое насилие — любое! Вот на фанатика пистолет навести стоит. А вот этот старик?

Он показал на застывшего, как изваяние, Малахию.

— Я бы не рискнул закрыть одного из вас — даже вооруженного — с ним, невооруженным, в темной комнате, если бы хотел снова увидеть этого человека живым.

Он замолк. Охранники продолжали стоять, подобострастно глядя на него.

— Вы трое следите за комендантом, — наконец тихо заговорил он снова. — А остальные двое пусть присмотрят за нашим религиозным другом. Ну а я уж как-нибудь постараюсь справиться с экзотом. — Он улыбнулся, пытаясь снять напряжение.

Пистолеты нацелились в указанных направлениях, оставив Уолтера без надзора.

На мгновение он ощутил, как его захлестнуло чувство, похожее на стыд. Но великолепно отлаженная машина сознания, о которой упоминал Аренс, пришла в действие, и волна иррациональных эмоций, на миг охватившая его, отхлынула, снова уступая место потоку мыслей. Аренс повернулся к Авдию.

— У меня такое впечатление, что вы вообще не особенно любезный человек.

Авдий стоял перед Аренсом, невозмутимый и бесстрашный, и молча смотрел ему прямо в глаза. Фанатик борьбы против фанатизма, вероотступник, отвергнувший повальную и неистовую религиозность породившей его Осколочной Культуры, этот квакер, почти не уступавший в росте Аренсу, во всем остальном был его полной противоположностью.

Сейчас Авдий отчетливо сознавал, что маль-

чика, которого он учил и воспитывал, ему необходимо защитить любой ценой, даже ценой собственной жизни. Глядя на квакера, Уолтер, проживший с ним бок о бок четырнадцать лет, понял, что тот прекрасно разобрался в обстановке и готов на все. Авдий же воспринимал этот последний момент своего бытия не с безразличием воина-профессионала, как Малахия, и не с философским стоицизмом, как Уолтер, а с каким-то неистовым, мрачным и пылким восторгом.

Сурового на вид, с резкими, угловатыми чертами лица, худого как щепка, подчинившего жизнь строгой самодисциплине, Авдия в его восемьдесят четыре года можно было уподобить этакому тощему и жилистому, обтянутому серовато-черной кожей светильнику. Светильнику, в котором пылала всепоглощающая внутренняя вера в Бога, такого, каким он его себе представлял, Бога, чья доброта и милосердие делали его полной противоположностью мрачному и мстительному Господу, почитаемому его родной культурой, а заодно противоположностью и самому Авдию. Равнодушный к насмешкам Аренса так же, как и к остальным, не имеющим в данный момент никакого значения вещам, Авдий продолжал неподвижно стоять, скрестив руки на груди и не

опуская глаз.

— Горе вам, — тихо и торжественно заговорил квакер, — вам, Иной Человек, и всей вашей породе!

Глядя в эти глубоко посаженные глаза, горящие на темном, костлявом лице, Аренс на мгновение нахмурился. Он с трудом отвел взгляд от Авдия и вопросительно посмотрел на охранника, стоящего за спиной квакера.

— Где мальчик? — спросил Аренс.

— Мы искали... — Это было сказано почти шепотом. — Он где-то... где-то здесь неподалеку.

Аренс резко повернулся и по очереди пристально посмотрел на Малахию и Уолтера.

— Если он уходит куда-то, то кто-нибудь из вас наверняка знает куда!

— Нет. Он... — Уолтер заколебался. — Может быть, он пошел погулять или взобрался на горку...

Уолтер видел, что Аренс концентрирует на нем взгляд своих пронзительных карих глаз. Ему показалось, что зрачки этих глаз вдруг стали расширяться и набухать, что они сейчас заполнят собой все окружающее пространство. И снова в его памяти всплыли величественная осанка и волнующее воздействие незнакомого голоса.

— Это просто глупо, — тихо заметил Уолтер, не предпринимая никаких усилий, чтобы освободиться от властного взгляда Аренса. — Гипнотическое подавление в любой форме требует хотя бы, неосознанного сотрудничества субъекта гипноза.

Зрачки Аренса снова стали нормальными. Но теперь он больше не улыбался.

— Кажется, вы от меня что-то... — начал он. Но Уолтер уже осознал тот факт, что пришло время действовать.

— Просто дело в том, что вы недооценивали меня. Какой-то генерал сказал, что неожиданность стоит целой армии...

И он устремился вперед, чтобы преодолеть те несколько футов, что разделяли их, и схватить Аренса за горло.

Это была неуклюжая попытка человека, непривычного даже к мысли о физическом насилии. Аренс отмахнулся от него одной рукой так же, как он мог бы отмахнуться, от ребенка с дурным характером, действующего под влиянием минутной вспышки раздражения. Но в эту секунду выстрелил охранник, стоящий позади Авдия. Уолтеру показалось, что в бок ему ударили чем-то тяжелым, и он почувствовал, что падает.

Однако, при всей своей тщетности, попытка Уолтера на какой-то миг отвлекла внимание охранников, и этого оказалось достаточно, чтобы Авдий бросился — нет, не на тех двух вооруженных парней, которые держали на прицеле его, а на одного из тех, что не спускали глаз с Малахии.

— Малахия рванулся с места практически одновременно с Уолтером. Он сцепился с одним из двух бледнолицых чужаков, по-прежнему державших его под прицелом, прежде чем тот успел выстрелить. А когда выстрелил другой, разряд его пистолета пронзил пустое пространство, где за мгновение до этого находился Малахия.

Дорсаец сразил своего противника наповал, рубанув его ребром ладони по шее, будто это был тонкий стебель цветка. Потом он повернулся, схватил промахнувшегося стрелка и швырнул его под выстрелы двух стражей Авдия. Тем временем схваченному Авдием охраннику наконец удалось высвободиться, и он дважды выстрелил в квакера. В тот же самый момент на него кинулся Малахия, они оба рухнули на пол, но при этом его вооруженный противник оказался сверху.

Уолтер, лежа ничком на полу террасы и слегка повернув голову, наблюдал за развитием событий, начало которым было положено его

нападением. Авдий лежал неподалеку от него с неестественно вывернутой головой, и его открытые, неподвижно застывшие глаза смотрели прямо на Уолтера. Старый квакер не шевелился, так же как и тот охранник, которого Малахия свалил первым, и другой, которого старый воин бросил под выстрелы, предназначавшиеся Авдию. Еще один охранник, сбитый с ног телом парня, попавшего под выстрелы сообщников, корчился и стонал на полу террасы.

Из оставшиеся двух охранников один все еще лежал на Малахии, не подававшем признаков жизни, а другой оставался на ногах. Он обернулся, посмотрел на Аренса и тут же съежился под его уничтожающим взглядом.

— Идиоты! — сказал Блейз негромко, но свирепо. — Разве я вам не говорил держать под прицелом дорсайца?

Стоящий перед ним охранник понуро опустил голову.

— Ладно, — Блейз вздохнул. — Поднимите этого, — указал он на раненого. Затем повернулся к стрелку, все еще лежащему на дорсайце.

— Хватит валяться, — и толкнул человека ногой. — Все кончилось.

Тот скатился с трупа и остался неподвижно

лежать на камнях, при этом его голова расположилась под каким-то странным углом по отношению к туловищу. У него была сломана шея. Блейз медленно вздохнул.

— Трое наших мертвы и один ранен, — подытожил он. — И это цена убийства трех безоружных стариков-учителей. Какая нелепость. — Блейз покачал головой и вернулся к охраннику, поднимавшему на ноги своего стонущего товарища.

«Значит, они считают, что я тоже мертв», — решил лежащий на каменных плитах Уолтер. Он не очень удивился, когда понял это. Блейз уже стоял у выходящего на террасу окна, придерживая его створку, чтобы оставшийся невредимым охранник мог втащить в библиотеку своего пострадавшего компаньона. Затем и сам Блейз прошел в библиотеку; в его руках по-прежнему оставался сборник Нойеса, который еще совсем недавно читал Уолтер. Окно закрылось. Уолтер остался один среди мертвецов на исходе гаснущего дня.

Он помнил, что заряд импульсного пистолета попал ему в бок; ощущение, что у него внутреннее кровотечение, не оставляло сомнений — рана была смертельной. Он лежал в ожидании смерти, и через какой-то момент времени тот факт, что

он еще жив, а ни Аренс, ни его уцелевший охранник об этом не догадываются, стал казаться ему маленькой личной победой.

И эту маленькую победу следовало присовокупить к большой победе, состоящей в том, что теперь не осталось ни одного человека, который мог бы стать для Блейза, с его быстрым и проницательным умом, источником сведений об уникальных качествах Хэла. Эти его качества, имеющие отношение к предполагаемому появлению пика давления онтогенетических энергий, возможно, являются настолько же опасными для Иных Людей, насколько сами Иные стали бы опасными для Хэла, если бы узнали, что он может представлять для них угрозу.

Именно свою уверенность в опасности Хэла для Иных Уолтер изо всех сил старался скрыть от Аренса. И ему это удалось. Теперь они, вероятно, начнут искать мальчика на прилегающем к дому участке, но, скорее всего, без особого старания. И поэтому Хэлу, видимо, удастся скрыться.

Закат становился все более красным, краснота эта сгущалась вокруг него и лежащих рядом безмолвных тел. Жизнь быстро уходила из тела, и только сейчас Уолтер понял, что ему никогда не хотелось умирать. На мгновение он ощутил горь-

кое, нестерпимое сожаление: если бы ему было отпущено еще несколько часов, то наверняка удалось бы найти ответы на некоторые из вопросов, мучавших его всю жизнь. Но и это ощущение тут же угасло. Он умер.

* * *

Солнце быстро садилось. Теперь его лучи не достигали не только каменных плит на полу террасы, но и темных пластин шифера, покрывающих крышу дома. Темнота окутала землю у подножия гор; небо еще некоторое время оставалось светлым, но вскоре и оно потемнело. Ярко сверкающие точки первых звезд украсили теперь его бархатно-черную, безлунную глубину.

На дальнем берегу озера зашевелились высокие камыши у самой кромки темной воды. На берег, поросший густой травой, почти бесшумно, словно тень, выбрался высокий, худощавый шестнадцатилетний подросток. Несколько секунд он стоял неподвижно, вытянувшись во весь рост, и не отрываясь смотрел на освещенные окна дома.

Глава 2

Что-то произошло там, на террасе. Юноша видел это, но в сознании возник некий барьер, стена, заслонившая память, не позволившая запомнить подробности случившегося. Во всяком случае, сейчас разбираться в этом было некогда. Давно воспитанное в нем ощущение необходимости не терять времени и совершать решительные поступки именно в такие моменты, как этот, настойчиво подталкивало его. Ему предстояло выполнить заранее отработанный комплекс определенных действий, которым он овладел еще тогда, когда даже мысль о чем-либо подобном показалась бы абсурдной.

Он снова скрылся в зеленых прибрежных зарослях и быстро зашагал вокруг озера. Узкая тропинка вскоре привела его к небольшому строению; он открыл дверь и вошел внутрь.

Это был сарайчик, где хранился самый разнообразный инвентарь, используемый в хозяйстве. Человек, впервые попавший сюда, сразу же наткнулся бы на один из нескольких дюжин находившихся здесь предметов, не успев сделать и

двух шагов. Но Хэл Мэйн свободно передвигался вперед, ни за что не задевая, ни к чему не прикасаясь, хотя внутри было совершенно темно, а света он не зажигал. Казалось, он обладал способностью отлично видеть впотьмах.

На самом же деле это был лишь один из привитых ему навыков — умение ориентироваться внутри этой хозяйственной постройки в абсолютной темноте. Поэтому теперь он, действуя лишь по памяти и на ощупь, без труда отыскал у стены нужную полку, повернул ее вокруг находящейся посредине оси и открыл дверцу, за которой скрывалась неглубокая ниша. Спустя несколько минут Хэл вышел из сарайчика, держа в руке небольшую дорожную сумку. Теперь на нем была сухая одежда — свободные серые брюки и короткая голубая куртка, во внутреннем кармане которой лежали документы, позволявшие ему отправиться на любую из четырнадцати обитаемых планет, а также кредитные карточки и банковские чеки, чтобы оплатить подобное путешествие.

Теперь он снова шел среди погруженных в ночную тьму кустов и деревьев, направляясь на этот раз к дому. Он намеренно ни о чем не думал, он перестал думать с того момента, когда увидел скользящий вниз флаг и подчинился этому

сигналу, скрывшись в озере. К обучению Хэла приступили сразу же, как только он начал ходить; его учителями стали трое профессионалов высокого класса. Они наполняли его, как драгоценный сосуд, капля за каплей всем тем, чему он должен был научиться. Хэл, со своей стороны, принимал как само собой разумеющееся эти знания и навыки. И сейчас, не прилагая никаких усилий и почти не отдавая себе в этом отчета, он шел по окутанному темнотой лесу легко и неслышно.

Наконец он приблизился к террасе, погруженной в глубокий мрак, хотя свет, проникавший наружу из окон библиотеки, освещал ее часть, прилегающую к дому. То, чему его научили, требовало держаться подальше от скрытой во тьме части террасы, и он не смотрел в ту сторону. Хэл подошел к одному из окон дома, через которое можно было заглянуть внутрь самой библиотеки..

В просторной, с высоким потолком комнате, вдоль стен от пола до потолка стояли полки, заставленные тысячами старинных фолиантов с любимыми произведениями Уолтера. В камине горел огонь, и пламя бросало уютный красноватый отсвет на массивную мебель, на книги, на

потолок. В комнате находились два человека; они вели беседу стоя, глядя в лицо друг другу, и было заметно, что оба пребывают в каком-то напряженно-возбужденном состоянии.

Один из них был тем высоким мужчиной, которого Хэл до этого уже видел на террасе. Второй почти не уступал ему в росте, но превосходил по весу раза в полтора. Он производил впечатление человека не тучного, а скорее могучего, крепкого телосложения, с мощным торсом и толстыми округлыми руками, которые, будь он пониже ростом, сделали бы его внешний облик ужасным. Круглое добродушное лицо здоровяка светилось из-под шапки иссиня-черных волос веселой улыбкой. По сравнению со своим элегантным собеседником в коротком черном плаще и серых брюках он казался неуклюжим, одетым почти неряшливо, в широкие бордовые брюки из мягкой ткани и полотняную куртку того же цвета.

Хэл придвинулся ближе к краю окна, но через толстые стекла слова едва доносились.

— ...завтра, самое позднее, — говорил высокий, стройный мужчина. — К этому времени они все должны быть здесь.

— Нужно, чтобы были. Я считаю тебя ответственным за это, Блейз, — произнес черноволо-

сый здоровяк.

— А когда ты считал иначе, Данно?

В сознании Хэла словно приоткрылась ячейка памяти, Данно, или Дано — его имя произносили по-разному — был руководителем независимой мафиозной организации, с помощью которой, как говорили, Иные Люди укрепляли свою власть над обитаемыми мирами. Блейз... Это, должно быть, Блейз Аренс, один из лидеров Иных.

— Никогда, Блейз. Так же, как и теперь: твои Псы из охраны наломали тут дров.

— Твои Псы, Данно.

— Псы, которых я одолжил тебе, — отпарировал черноволосый. — Это было твоим делом — подготовить проведение здесь конференции, господин вице-председатель.

— Твои Псы плохо выдрессированы, господин председатель. Им нравится убивать, потому что, по их мнению, это поднимает им цену в наших глазах. А когда у таких парней в руках импульсные пистолеты, на них нельзя положиться.

Данно усмехнулся. Взгляд его сверкающих глаз был жестким.

— Ты отказываешься от сотрудничества, Блейз?

— Ограничиваю его сферу.

— Ладно, пусть будет так. В известных пределах. Но к завтрашнему дню здесь соберется пятьдесят три человека. О трупах нечего беспокоиться, их просто надо убрать с глаз долой и забыть о них.

— Но мальчик не забудет.

— Мальчик?

— Подопечный тех троих.

Данно тихонько фыркнул.

— И тебя тревожит этот мальчик? — спросил он.

— По-моему, это ты, Данно, рассуждал об аккуратности в работе. Эти старики умерли прежде, чем рассказали нам о нем.

Данно снова шумно выдохнул через нос, на этот раз — с некоторым раздражением.

— А почему Псам следовало заботиться о том, чтобы они остались в живых?

— Потому что я не приказывал их убивать. — Казалось, при этих словах он совершенно не повышал голоса, но они дошли до слуха Хэла сквозь стекло с удивительной ясностью. Данно слушал, склонив голову набок, лицо его было серьезным, взгляд — выжидающим.

— Ну а будь они живы, что мы могли бы узнать от них многое. — Голос Блейза опять прозвучал очень отчетливо. — Ты разве не заглядывал в про-

спект, выпущенный по случаю проведения здесь конференции? Место, где мы находимся, выбрали по предложению концерна, основанного на средства, полученные от продажи незарегистрированного межзвездного корабля, который был обнаружен дрейфующим неподалеку от Земли. В нем, кроме мальчика примерно двух лет от роду, не было ни души. Здесь кроется какая-то тайна, а я их не люблю.

— Это из-за экзотской крови ты не любишь тайн, — сказал Данно. — Подумай, где бы мы сейчас были, если бы тратили время на попытки раскрыть каждую тайну, с которой сталкиваемся. Наше дело — держать под контролем технику, а не разбираться в ней. Скажи, ты можешь предложить иной путь, позволяющий нам, нескольким тысячам человек, получить власть над четырнадцатью мирами?

— Может, ты и прав, — задумчиво отозвался Блейз. — Но все равно, к подобным делам нельзя относиться так беспечно.

— Послушай, Блейз, дружище, ведь ты отлично знаешь, что я никогда не бываю беспечным, — возразил Данно. Голос его тоже слегка изменился, как и у Блейза минуту назад, а в глазах вдруг отразилось пламя горящего в камине огня.

От внезапного легкого порыва ночного бриза, дующего со стороны озера, ветки сирени застучали по стеклу соседнего окна библиотеки. Оба находившихся в ней человека мгновенно обернулись на этот звук. Хэл бесшумно отступил от окна на шаг, поглубже в тень.

Навыки, привитые ему, подсказывали: пора уходить. Он повернулся было в сторону террасы, по-прежнему не имея в своем сознании ясного представления о том, что же там находится, и в то же время испытывая щемящее чувство, что к тому, от чего он сейчас уйдет, он уже больше никогда не вернется.

Но его обучение предполагало преодоление подобных чувств. Отвернувшись и от террасы и от дома, он зашагал прочь, неслышно ступая между окружающими усадьбу деревьями.

В этом районе было немало покрытых гравием дорог, предназначенных для транспорта на воздушной подушке, но выбранный им путь пролегал мимо них. Он двигался ровно и легко через напоенный сосновым ароматом ночной лес, его поступь на покрытой опавшей хвоей земле была бесшумной, и только там, где под ногами оказывалась твердая, ничем не покрытая земля или скальные породы, шаги становились чуть

слышными. Он бежал не останавливаясь, делая по двадцать километров в час, и меньше чем через полтора часа оказался в небольшом торговом центре под названием Торкель. В этой округе было еще с дюжину других таких же центров и два небольших городка, все они находились ближе к поместью и он мог бы добраться до них быстрее. Но какой-то интуитивный расчет привел его к выбору Торкеля.

Через пятнадцать минут прибыл рейсовый автобус, делавший здесь остановку на пути в Боузмэн, штат Монтана. Хэл оказался единственным пассажиром. Войдя внутрь, он предъявил автомату, управляющему машиной, одну из своих кредитных карточек. Тот отметил в ней стоимость проезда и закрыл за ним мягко прошипевшие пневматические двери.

Хэл прибыл в Боузмэн вскоре после полуночи и успел сесть на челнок, отправляющийся в космопорт Солт Лейк. А когда уторенная заря еще только окрасила небо над окружающими космопорт горами в розовый цвет, он уже поднимался на орбитальном челноке к серебристо-серому шару Абсолютной Энциклопедии, плывущей по орбите вокруг Земли на расстоянии тысячи шестисот километров от ее поверхности.

На челноке летело около шестидесяти пассажиров; все они перед стартом с Земли проходили предварительную проверку, чтобы получить разрешение на этот полет. У Хэла в числе прочих документов был автоматически возобновляемый пропуск научного сотрудника, оформленный на его подлинное имя. Земля, Дорсай, Мара и Культис оставались единственными четырьмя мирами, чьи правительства не были под контролем Иных. Тем не менее на Земле только документы Абсолютной Энциклопедии можно было считать надежными, созданными без вмешательства или контроля Иных, поэтому кредитные карточки и бумаги, удостоверявшие личность Хэла, которыми он до сих пор пользовался для расчетов или при регистрации, были оформлены на имя Алана Семпла. Но когда челнок поднялся в воздух, Хэл сразу же их уничтожил, и его уже больше ничто не связывало с тем вымышленным именем, которое он временно принял на Земле. Автоматам, осуществляющим оформление документов на Абсолютной Энциклопедии, несомненно доступна достаточно обширная информация, так что вряд ли удалось бы сойти за кого-нибудь другого; но зато он мог пользоваться там собственным именем, не тревожась за свою безопасность.

Когда удаление корабля от поверхности Земли достигло тысячи двухсот километров, он начал сближение с Абсолютной Энциклопедией. Сидя в кресле, Хэл наблюдал, как на установленном в салоне экране она появилась в виде узкого сероватого серпика, постепенно превращавшегося в небольшой серебристый шарик, сверкающий в солнечных лучах. Корабль продолжал сближение, и этот шарик вырастал, давая представление об огромных размерах Энциклопедии.

Однако не ее размеры приковали внимание Хэла, не отрывавшего глаз от экрана со стремительно увеличивающимся изображением массивной сферы. Им овладело воспитанное в нем Уолтером чувство восхищения теми перспективами, которые сулила Энциклопедия. На экране, подобном этому, он разглядывал ее бессчетное количество раз, но впервые готовился посетить ее.

Приблизившись к гигантскому шару, корабль начал замедлять полет, уравнивая орбитальные скорости. Теперь, с близкого расстояния, Хэл увидел, что вся поверхность Энциклопедии окутана каким-то густым серым туманом. Причиной тому были защитные силовые панели, образующие вокруг нее сплошную оболочку

— один из практических результатов эффекта фазового сдвига, сделавшего четыреста лет назад доступными передачу информации и сообщение между мирами.

Таким образом, Энциклопедия стала неуязвимой для любого физического воздействия. Лишь в точках стыковки панелей находились ослабленные зоны, которые защищала обычная броня, и именно к одной из таких зон направлялся теперь челнок, чтобы попасть в порт и высадить там пассажиров.

За надежным щитом, образуемым этими панелями, находилось сама Энциклопедия — конструкция; созданная с помощью технической магии. Люди внутри этой конструкции не столько перемещались, сколько были перемещаемы. Так, комната, в которой они находились в какой-то определенный момент, после соответствующей надлежащей команды оказывалась по соседству с тем помещением, куда им хотелось попасть. Но при желании они могли и пройти туда по длинным, имеющим совершенно реальный вид коридорам, через анфилады комнат, открывая, и закрывая вполне осязаемые двери.

Металл, и магия... С самого раннего детства Хэлу Мэйну, насколько он себя помнил, внушалось

чувство благоговения перед Энциклопедией, мысль о создании которой принадлежала землянину Марку Торре. Но ни Марк Торре, ни вся Земля никогда не смогли бы построить ее самостоятельно. Чтобы воплотить этот замысел в реальность, понадобилось сто тридцать лет напряженного труда и те огромные средства, которые смогли выделить для этой цели два богатейших экзотских мира — Мара и Культис. Основные узлы были собраны на Земле, на территории анклава экзотов в Северной Америке, в городе Сент-Луисе. Сто два года спустя наполовину готовое сооружение подняли на первую орбиту, на расстояние всего в двести пятьдесят километров над Землей. Через двенадцать лет после этого были завершены последние работы, и Энциклопедия переместилась сюда, на свою постоянную орбиту.

Теория Марка Торре утверждала, что в познании человеком самого себя существует недоступная ему область, «зона темноты», где человек не способен к самовосприятию, так же как любое сканирующее устройство теряет работоспособность в своей мертвой зоне, то есть там, где находится оно само. Далее из теории следовало, что когда эта область станет доступ-

на человечеству, то оно отыщет наконец нечто такое, что было утрачено людьми Осколочных Культур. И это обретенное нечто станет ключом к последнему и самому значительному расцвету человеческой расы.

В данной теории, так же как и в самой Энциклопедии, объединялось величие мечты и цели, и мысль об этом всякий раз приводила Хэла в состояние сильного душевного волнения. В подобном состоянии он пребывал и сейчас, когда челнок приблизился туда, где сходились углы этих огромных нематериальных защитных панелей и происходило взаимодействие их силовых полей. В этом месте появился проем, открывавший кораблю путь к посадочной площадке. Корабль медленно, Хэлу показалось — очень медленно, двинулся в этот проем и опустился на предназначенную для него платформу.

Хэл присоединился к веренице пассажиров, направлявшихся к выходу из корабля. Он шагнул наружу, на аппарель, и в уши ему ударил грохот и лязг целого скопища машин, деловито снующих вокруг корабля по металлическому полу и стенам. Металл и магия... Он прошел по наклонному спуску и, миновав круглый, как будто слепо подернутый дымкой выход, оказался во внутренней

части Энциклопедии. И сразу наступила тишина, грохот и лязг пропали. Хэл стоял на месте, но движущийся пол нес его вперед, вдоль коридора, стены которого приглушали даже звуки негромких разговоров, что вполголоса вели между собой его попутчики.

Движение пола замедлилось, прекратилось, потом он продвинулся вперед на пару шагов, снова остановился, еще двинулся, опять остановился. Находящиеся впереди Хэла пассажиры раскрывали свои въездные документы перед экраном на стене. Черноволосый молодой человек с тонкими чертами лица внимательно просматривал их.

— Хорошо. Благодарю вас. — Молодой человек кивнул, и стоявший перед Хэлом пассажир двинулся дальше. Когда Хэл шагнул вперед и оказался перед экраном, изображение человека на нем отодвинулось, пропало из поля обзора камеры, и на его месте оказалась жизнерадостная женская физиономия, увенчанная, копной светлых, белокурых волос. Ее обладательницу скорее следовало даже назвать не молодой женщиной, а девушкой. Золотистые волосы окаймляли ее веселое округлое лицо, а в карих глазах мелькали зеленоватые искорки.

— Я вижу... — Она посмотрела на протянутые

Хэлом к экрану бумаги, затем подняла глаза на него самого: — Так вы — Хэл Мэйн? Отлично.

От всего ее облика на него повеяло такой теплотой, что на мгновение барьер, который удерживал определенные мысли в глубинах его сознания, вдруг опасно заколебался. Но так или иначе следовало продолжать свой путь.

Коридор тянулся дальше. Находящиеся перед ним люди, стоящие теперь друг за другом, стали двигаться быстрее. Впереди раздался голос, обращавшийся к ним как бы ниоткуда.

— ...Пожалуйста, задержитесь в том месте, где коридор расширяется, и прислушайтесь. Сообщите нам, если что-нибудь услышите. Там, в центре Индекс-зала, расположена Точка Перехода. Сейчас вы находитесь прямо в центре коммуникационной системы Энциклопедии. Вовсе не обязательно вы услышите что-либо; но если это произойдет, проинформируйте нас...

Казалось, они переместились всего на какую-нибудь сотню метров, а на самом деле уже были в самом центре шара. Но ни Уолтер, ни кто-либо другой никогда не говорили ему ничего о Точке Перехода. В просьбе прислушаться ему почудился некий скрытый вызов. Он не достиг еще обширного неподвижного участка, о котором

сообщал голос, но невольно напрягся, обратившись, в слух.

Сейчас Хэл уже видел Точку Перехода, его отделяли от этого места только два человека, и ему стало казаться, что он начал что-то слышать. Но возможно, до него доносились просто голоса людей, уже прошедших через Точку Перехода и обсуждавших этот момент. Правда, в голосах было что-то знакомое. Он не мог их узнать, но ощущение того, что они ему известны, не проходило, хотя язык, на котором они говорили, показался ему незнакомым. Хэл умел приводить незнакомые языки к знакомым структурам. Если это был индо-европейский... да, похоже, это какой-то язык романской группы.

Теперь люди разговаривали очень громко, и казалось, они одновременно говорили все сразу. Сейчас между ним и Точкой Перехода оставался всего один человек. Интересно, как можно было предполагать, что в Точке будет что-нибудь слышно, когда впереди нее, да и позади тоже, идет такая оживленная беседа? Голоса доносились до него со всех сторон. Должно быть, говорили все, кто стоял в одном ряду с ним. Находившийся перед ним человек шагнул вперед, Точка Перехода освободилась. Хэл ступил туда, остановился, и

лавина голосов обрушилась на него.

Не десятки, сотни или тысячи, даже не миллионы — миллиарды голосов на бесчисленном количестве языков, кричащие, возражающие, зовущие его. Но они не сливались в один великий, нечленораздельный рев, подобный реву радиоизлучения Вселенной. Все голоса оставались различимыми и обособленными и — это казалось невероятным — он слышал каждый из них. И среди них были знакомые ему голоса, они взывали к нему, предостерегали его. Голоса Уолтера, Малахии Насуно и Авдия. И когда он узнал эти три голоса, существовавший до сих пор в его сознании и защищавший его барьер обрушился и исчез.

Точка Перехода обратилась в возникший вокруг Хэла вихрь. Он услышал звук, донесшийся до него словно откуда-то издалека. Это был его собственный крик. Он закружился, пошатнулся и упал бы, но его подхватили и поддержали чьи-то руки. Это была та самая молоденькая девушка с экрана, с зелеными искорками в глазах. Каким-то образом она очутилась здесь, в реальности, рядом с ним; и оказалась не такой уж маленькой, какой выглядела на экране. Однако ей на помощь почти сразу же поспешили двое мужчин.

— Спокойно... Подержи-ка парня... — сказал один из них, и что-то проникло глубоко внутрь его организма, высвободив тьму, подобную чернильной жидкости, выпускаемой спасающимся бегством осьминогом. Она захлестнула его целиком, окутав полной темнотой абсолютно все, даже память о том, что произошло на террасе.

Постепенно он снова возвратился в явь, в покой и тишину. Хэл лежал раздетый на кровати, в комнате, стены которой медленно меняли свою окраску, выдержанную в пастельных тонах. Рядом с кроватью и ночным столиком он увидел два кресла, парящих в воздухе. Еще в комнате находились рабочий стол и небольшой бассейн с бортами и дном голубого цвета. Хэл приподнялся на локте и огляделся. Комната обладала сбивающим с толку свойством: казалось, она увеличивается в размерах в том направлении, куда обращается его взгляд, хотя при этом не удавалось заметить какого-либо перемещения стен или пола. Он снова обвел глазами комнату, затем внимательно осмотрел постель, в которой лежал.

Хэл никогда не придавал большой важности тому факту, что он рос и воспитывался в условиях, намеренно приближенных к патриар-

хальным и спартанским; но вместе с тем всегда осознавал это. Ему представлялось совершенно естественным, что, например, книги, которые он читал, — тяжелые предметы из настоящей бумаги, что в доме не существует движущихся дорожек, а вся мебель имеет постоянную форму и стоит на полу на ножках, вместо того чтобы внезапно появляться и висеть в воздухе, а потом, после нажатия соответствующей кнопки, бесследно исчезать.

Он впервые лежал в силовой кровати. Конечно, он знал о существовании подобных кроватей, но совершенно не представлял себе, насколько они удобны. Со стороны это выглядело так, как будто он лежал, наполовину погруженный в висевшее над полом на одинаковом расстоянии белое облако толщиной сантиметров двадцать. Обволакивающая его похожая на белое облако субстанция приятно согревала в прохладном воздухе комнаты, а те участки постели, с которыми соприкасалось его тело, приобретали достаточную жесткость, чтобы не деформироваться под ним, какую бы позу Хэл ни принимал. Вот и сейчас локоть, на который он опирался, словно бы поддерживала теплая, сложенная горстью ладонь.

Он сел, перебросив ноги через край постели, и вдруг к нему полностью вернулась память. Это было похоже на оглушительный удар. Перед его мысленным взором предстала терраса и все, что произошло на ней. Охваченный воспоминаниями, Хэл сгорбился и спрятал лицо в ладонях; на мгновение окружающий его мир пошатнулся, и разум закричал, пораженный картиной, вдруг открывшейся его внутреннему зрению.

Барьера, который скрывал бы все это от него, больше не существовало, и спустя мгновение он сумел успокоиться. Хэл поднял лицо от ладоней. Стены комнаты утратили свою окраску. Установленные в них датчики мгновенно уловили изменение температуры и влажности его кожи, а также с полсотни других слабых сигналов организма и четко отреагировали на изменение его эмоционального состояния. Стены изменили цвет на унылый, будничный, серый, и комната стала похожа на вырубленную в скале пещеру.

Внезапно, его охватило чувство яростного протеста: как такие события вообще могли произойти? И под действием энергетической волны его гнева, придавшей стенам комнаты цвет раскаленного утюга, снова включились и заработали приобретенные им навыки, заставляя предпри-

нять дальнейшие активные действия.

Усилием воли он сконцентрировал свое сознание, сосредоточив взгляд на единственной световой точке, мерцающей в углу кресла, так что в конце концов он стал видеть только ее одну. Через эту точку, как через порог трансформации, его сознание перешло в состояние самогипноза, сочетающегося с возникновением прямого канала связи между сознанием и подсознанием. Взгляд оторвался от светящейся точки, и Хэл снова увидел всю комнату. Прежде свободные кресла занимали Уолтер, Малахия и Авдий.

Конечно, его учителей на самом деле здесь не было. Он прекрасно осознавал это. И ведя с ними беседу, он понимал, что это не они отвечают ему, а их образы, воссозданные его воображением. Слова, якобы произносимые ими, были теми словами, которые он несомненно услышал бы из их уст, будь они сейчас рядом с ним. Этот в свое время кропотливо отрабатывавшийся прием предусматривался именно для таких моментов: Хэлу понадобится помощь, а их уже не будет рядом с ним, чтобы ее оказать. Правда, Хэд начал не с просьбы о помощи, а с упреков.

— Вы не имели права так поступать! — почти рыдая крикнул он. — Вы позволили им убить

себя и бросили меня одного! Вы не должны были делать этого...

— Но, Хэл, послушай! Ведь мы выполняли свою обязанность, защищали тебя. — В голосе Уолтера слышалась глубокая боль.

— А я не просил вас об этом! Меня незачем защищать! Я хотел, чтобы вы оставались живыми! А вы позволили им перестрелять вас!

— Мальчик мой, ты был подготовлен к такого рода событиям, — хрипло сказал Малахия. — Мы говорили тебе, что нечто подобное может произойти, и учили тебя, как следует поступать.

Хэл ничего не ответил. Теперь, когда он дал волю своей скорби, она захватила его целиком.

— Я не знал... — Он зарыдал.

— Малыш, мы же учили тебя, как надо справляться с болью, — вступил в разговор Авдий. — Ты не борись с ней. Прими ее. Считай, что тебя это не касается, и боль не причинит тебе вреда.

— Но это ведь касается меня... — Весь поглощенный своим горем, Хэл ритмично раскачивался, сидя на кровати.

— Авдий прав, Хэл, — мягко сказал Уолтер. — Мы научили тебя, и ты знаешь, что нужно сейчас делать.

— Вам все равно, всем вам... Вы не понимаете!

— Конечно же, мы понимаем, — продолжал Уолтер. — Мы были твоей единственной семьей, и теперь ты почувствовал себя совершенно одиноким. Ты считаешь, что у тебя все отняли. Но это не так. У тебя по-прежнему есть семья, огромная семья — все обитатели четырнадцати миров.

Хэл помотал головой, продолжая раскачиваться: вперед — назад, вперед — назад.

— Но это действительно так. Сейчас ты думаешь, что никто не сможет заменить тебе тех, кого ты потерял. Но они появятся. Среди людей ты встретишь тех, кто тебя возненавидит, и тех, кто полюбит. Я знаю, сейчас тебе трудно в это поверить, но так будет.

— А кроме того, существует нечто большее, чем любовь, — неожиданно сказал Малахия. — И ты узнаешь это. Бывает, что в итоге приходится жертвовать любовью, чтобы завершить то, что ты должен был сделать.

— Это наступит, если будет на то воля Божья, — остановил его Авдий. — Но нет никаких причин, чтобы ребенок столкнулся с этим уже теперь. Предоставь это будущему, Малахия.

— Будущее уже наступило, — буркнул Малахия. — Он не сможет противостоять направленным против него силам, если будет вот так

сидеть на постели и плакать. Ну-ка распрямись, мальчик! — Приказ прозвучал мягко, почти ласково. — Постарайся взять себя в руки. Тебе надо наметить план действий. Мертвые — это мертвые. А живые должны думать о живых, если даже эти живые — они сами.

— Хэл, Малахия прав. — Тон Уолтера по-прежнему оставался сердечным, но слова звучали уже настойчиво. — И Авдий тоже прав. Продолжая сейчас предаваться своему горю, ты только оттягиваешь момент, когда тебе придется задуматься о более серьезных вещах.

— Нет, — ответил Хэл, качая головой, — нет...

Сейчас он был не в состоянии даже в самой малой степени обрести уверенность в себе, осознавая гибель этих трех человек, которых он любил всю свою жизнь и продолжал любить сейчас. А они по-прежнему разговаривали — и хорошо знакомые ему соображения, повторявшиеся по много раз теми же самыми словами, постепенно, помимо его воли, достигали его слуха.

Шок, подученный им от случившегося, как будто отбросил его назад, в раннее детство, и он снова испытал это чувство ужасной детской беспомощности. Но сейчас, когда рядом с ним звучали такие знакомые голоса, он начал возвращаться

в настоящее, вновь обретая относительную зрелость своих шестнадцати лет.

— ...он должен где-то укрыться. — Это произнес Уолтер.

— Но где? — спросил Малахия.

— Я отправлюсь к экзотам, — неожиданно для самого себя сказал Хэл. — Уолтер, я ведь мог бы сойти за маранца?

— Что ты думаешь об этом? — поинтересовался Малахия, обращаясь к Уолтеру. — Твой народ не выдаст его Иным?

— По своей воле — нет, — ответил Уолтер. — Но ты прав. Если Иные узнают, что он там, и окажут на маранцев давление, те не смогут укрывать его. Экзотские миры Иные не контролируют, но их межпланетные связи уязвимы, а благополучие Мары и Культиса важнее судьбы одного мальчика.

— Он мог бы спрятаться на Гармонии или Ассоциации, — предложил Авдий. — Иные властвуют в наших городах, но за их пределами живут те, кто никогда не станет приспешниками сатанинских отродий. Эти люди не выдадут его.

— Ему придется жить там как изгою, — вздохнул Уолтер. — Он еще слишком молод, чтобы сражаться.

— Я могу сражаться! — запальчиво возразил Хэл. — И с Иными, и с кем угодно!

— Успокойся, малыш! — остановил его Малахия. — Они съедят тебя вместе с тостами за завтраком, даже не поднимаясь с кресел. Ты прав, Уолтер. Среди квакеров ему будет небезопасно.

— Тогда Дорсай, — сказал Хэл. Малахия посмотрел на него, сдвинув седые кустики бровей.

— Когда ты будешь готов и способен сражаться, тогда ступай к дорсайцам, — произнес старый воин. — А до тех пор тебе там делать нечего.

— Но тогда куда же? — воскликнул Авдий. — Все другие миры, кроме Земли, уже попали под контроль Иных. И стоит им лишь пронюхать, что он там, и его уже никто и ничто не спасет.

— И тем не менее это должен быть какой-то другой мир, — сказал Уолтер. — Здесь, на Земле, ему тоже нельзя оставаться. Как только они узнают все подробности о его жизни и о том воспитании, которое мы ему дали, то сразу же примутся искать его. Среди них есть потомки от смешанных браков с экзотами, как тот высокий человек, свидетель нашей гибели; эти люди, так же как я, как все, кто обучался на Маре или Культисе, знают онтогенетику. Они являются исторической силой, эти Иные Люди, но им известно, что по

отношению ко всякой подобной силе должна существовать противодействующая ей.

— Тогда Ньютон, — сказал Авдий. — Пусть он скроется среди лабораторий и башен из слоновой кости.

— Нет, — возразил Малахия. — Все они там похожи на черепах и улиток. Чуть что, тут же прячутся в свои панцири и раковины и закрывают их за собой. Среди таких людей он будет ощущать себя настоящей белой вороной.

— А как насчет Сеты? — спросил Авдий.

— Ты что, спятил? Как раз там и собралось больше всего Иных, — проворчал Малахия. — Ведь Сета — средоточие банков, там сходятся пути межзвездной торговли. Все эти не имеющие узкой специализации миры, так же как Венера и Марс, стали теперь планетами, где все структуры общественного управления контролируются исключительно Иными. Один неверный шаг, и с нашим мальчиком будет покончено.

— Да, это верно, — медленно произнес Уолтер. — Ты сказал, Авдий, что все миры, кроме Дорсая, Экзотских и Квакерских миров, а также Земли, уже контролируются Иными. Но есть одно исключение. Планета, которая не может представлять для них интереса, потому Что там не

существует подлинного общества, над которым они захотели бы властвовать. Это Коби.

— К шахтерам? — Хэл удивленно уставился на Уолтера. — Но ведь единственное, что я смогу там делать, — это работать в шахте.

— Да, — кивнул Уолтер.

Хэл продолжал с недоумением смотреть на наставника.

— Но... — Слова застряли у него в горле. Мара, Культис, Гармония и Ассоциация, а также Дорсай — вот те места, куда он жаждал отправиться. Любой из молодых миров был интересным, неизвестным местом. Но Коби...

— Это все равно что отправить меня в тюрьму! — наконец выдавил он из себя.

Малахия повернулся к экзоту.

— Я думаю, ты прав, Уолтер, — сказал он и перевел взгляд на Хэла. — Сколько тебе сейчас лет, мальчик? По-моему, примерно через, месяц должно исполниться семнадцать, так?

— Через две недели, — уточнил Хэл. Его голос дрогнул от внезапно нахлынувших воспоминаний о том, как отмечались его дни рождения в прежние годы.

— Семнадцать... — задумчиво протянул Малахия, глядя на Уолтера и Авдия. — Три года в

шахте, и ему будет почти двадцать...

— Три года! — В голосе Хэла прозвучало отчаяние.

— Да, три года, — мягко сказал Уолтер. — Там, среди безымянных и потерянных людей, ты сможешь сам стать безымянным и затеряться лучше, чем в любом другом мире. За три года о тебе совершенно забудут.

— И выйдешь оттуда другим человеком, — прибавил Авдий.

— Но я не хочу становиться другим!

— Ты должен им стать, — заявил Малахия категорическим тоном. — Если, конечно, намереваешься уцелеть.

— Но три года! — снова повторил Хэл. — Это же почти одна пятая всей прожитой мной жизни. Это вечность.

— Да, — подтвердил Уолтер, и Хэл отчаянно посмотрел на него. Уолтер, будучи самым добрым из его троих воспитателей, отличался тем, что никогда не менял однажды принятого решения. — И именно потому, Хэл, что пребывание в шахте покажется вечностью, оно пойдет тебе исключительно на пользу. При всем том, что мы старались делать для тебя, ты рос в уединении, изолированно от обычных людей. У нас не было

выбора, но тем не менее это нанесло тебе определенный вред. Сейчас ты как тепличное растение, которое может погибнуть, если внезапно окажется под открытым небом.

— Тепличное растение? — Хэл вопрошающе смотрел на Малахию и Авдия. — И это все, что я собой представляю? Малахия, ведь ты же говорил, что по своей подготовке я ни в чем не уступаю обычному дорсайцу моего возраста. А ты, Авдий, говорил, что...

— Да хранит тебя Бог, мой мальчик, — прервал его Авдий. — То, что мы старались из тебя сделать, и то, что ты сейчас собой представляешь, делает честь всем нам. Но реальная жизнь миров — это одна из тех сфер бытия, с которыми ты не соприкасался. А именно в этой реальной жизни тебе предстоит жить и бороться, до тех пор пока Господь не приведет тебя наконец к завершению всех твоих предназначений и вечному покою. Ты не можешь больше жить в изоляции, вне контактов с окружающей тебя действительностью, и, учитывая это, я не должен был предлагать Ньютон. Отныне ты должен окунуться в среду обычных людей, мужчин и женщин, и учиться у них жизни.

— Но они не захотят учить меня, — сказал

Хэл. — С какой стати им это делать?

— Не они должны учить тебя, а ты сам будешь учиться у них.

— Учиться! — воскликнул Хэл. — Вы постоянно твердили мне все трое: учи это! учись тому! Не пора ли мне заняться чем-то более важным, чем учение?

— На свете не существует ничего более важного, чем учение, — ответил ему Уолтер, и по его тону Хэл понял: сидящие перед ним три его воспитателя единодушно решили, что ему следует отправиться на Коби. И возражать было бесполезно. Итак, это решение о его дальнейшей судьбе не было принято другими людьми — ситуацию анализировал сам Хэл. При этом исследованию подверглись всевозможные варианты, и в результате он определил, что наиболее безопасно для него в ближайшие годы находиться на Коби.

Такой вывод чрезвычайно расстроил Хэла. Он был молод, и тринадцать других обитаемых миров, населенных «представителями человеческой расы, манили его к себе возможными перспективами, притягивали, словно сверкающие драгоценности. Работу же в шахте он совершенно искренне приравнивал к пребыванию в тюрьме, а установленный срок — три года

— действительно казался ему вечностью.

Глава 3

Хэл не уловил момента, когда его воспитатели исчезли. Просто кресла опустели, а он снова остался в одиночестве. Но их присутствия уже не требовалось, и они удалились обратно в мир воспоминаний.

Но ему стало легче. Даже мрачная перспектива пребывания на Коби теперь не казалась столь ужасной. Он снова обрел цель, а воскресшие в памяти суждения погибших учителей придали ему новые силы. К тому же жизненная энергия юного организма способствовала бодрости духа независимо от его сознания и, возможно, даже вопреки желанию. Несмотря на тяжелую психологическую травму, молодость не позволяла Хэлу пребывать в бездействии и лишь оплакивать свою горькую утрату.

Он оделся, ознакомившись с пультом управления, заказал себе еду и как раз приступил к ней, когда зазвенел сигнал вызова.

Он включил экран, находящийся на столике рядом с кроватью, и на нем появилась веселая, жизнерадостная физиономия уже знакомой ему

молодой «женщины.

— Хэл Мэйн? — сказала она. — Я Аджела, помощник Тама Олина.

Прошла доля секунды, прежде чем второе названное ею имя отозвалось в памяти. Там Олин руководит? Энциклопедией вот уже более восьмидесяти лет. Прежде он был одним из лучших межпланетных журналистов, но потом вдруг оставил это занятие — подобно тому как человек, решив удалиться в монастырь, разом обрывает все нити, связывающие его с суетным светом. Там Олин олицетворял собой верховную власть Энциклопедии. Хэлу было известно все об этом человеке, но он никак не ожидал встретиться с кем-либо из его ближайших помощников.

— Для меня большая честь познакомиться с вами, — произнес он дежурную фразу, глядя на экран.

— Могу я зайти к вам? — спросила Аджела. — Нам надо кое о чем поговорить.

В сознании Хэла автоматически сработал защитный рефлекс.

— Я здесь очень ненадолго, — сказал он. — Я улечу отсюда на один из молодых миров, как только приобрету билет.

— Ну разумеется. Но вы не против того, чтобы

мы побеседовали? — Она сделала паузу.

— Нет, нет. Конечно же нет, — Он сознавал, что ведет себя неловко, и одновременно чувствовал, что его охватывает странное, тревожное возбуждение. — Приходите прямо сейчас, если хотите.

— Спасибо.

Изображение пропало, экран утратил глубину и цвет, снова стал жемчужно-серой плоскостью. Хэл торопливо закончил трапезу и опустил использованную посуду в щель приемника. Едва он успел сделать это, как сигнал вызова зазвенел снова.

— Можно войти? — прозвучал голос Аджелы с темного экрана.

— Конечно, входите. — Он направился к двери, но прежде чем дошел до нее, она открылась, и в комнате появилась Аджела.

На ней было свободное платье шафранового цвета, доходящее до колен и перехваченное в талии. Ее экзотское происхождение бросалось в глаза, так же как и присущая жителям Мары и Культиса способность создавать впечатление, что все относящееся к ним должно быть именно таким, какое оно есть, а не каким-либо иным. Так, едва разглядев ее, Хэл сразу же понял, что это шафрановое платье — единственная вещь, которую

ей следует надевать. К тому же практически лишенный какого бы то ни было женского общества до сих пор, он внезапно оказался лицом к лицу с женщиной, ошеломившей его своей красотой. Возможно, он чувствовал бы себя рядом с ней еще более скованно, если бы ее открытое; с доброй улыбкой лицо и простая, без претенциозности, манера держать себя не рассеяли его юношескую робость и боязнь неверного движения или, невпопад сказанного слова.

— Ну как, теперь с тобой все в порядке? — поинтересовалась она.

— Да, все хорошо, — ответил он. — Я... Спасибо вам.

— Мне очень жаль, что так получилось, — сказала Аджела. — Если бы мы могли тебя предупредить, мы непременно сделали бы это. Но с Точкой Перехода обычно получается так: предупредишь людей, и тогда не будешь уверен... Ничего, если я сяду?

— Ох, ну конечно! — Он сделал шаг в сторону, давая ей дорогу, и они уселись в кресла друг против друга.

— Так в чем не будешь уверен? — спросил он, настолько охваченный любопытством, что оно пересилило ощущение робости, и скованности.

— Не будешь уверен, что они действительно слышали то, о чем рассказывают, а не вообразили себе это.

Хэл покачал головой.

— Но я действительно слышал.

— Да, разумеется. — Она внимательно посмотрела на него. — Скажи, а что ты конкретно слышал?

Ответный взгляд Хэла был пристальным, настороженным. Теперь он почти полностью избавился от неуверенности в себе.

— Мне бы хотелось поподробнее узнать, в чем здесь дело, — сказал он.

— Разумеется, тебе бы хотелось, — ответила она с теплой улыбкой. — Ладно, я расскажу тебе. Дело в том, что давно, еще во время строительства Энциклопедии, случайно обнаружилось: человек, впервые ступивший на Точку Перехода, может услышать голоса. Но они не вступают с ним в разговор. — Она сделала паузу и снова очень внимательно посмотрела на него. — Голоса, которые он как бы подслушивает. Первым их услышал Марк Торре, будучи уже в преклонном возрасте. А вот Там Олин, появившись впервые на Энциклопедии, услышал их настолько ясно, что упал в обморок; Так же, как и ты.

Хэл выжидательно смотрел на нее. Все предыдущее воспитание внушило ему необходимость вести себя тем осторожнее, чем более незнакомой или необычной покажется ему ситуация, в которую он попадет. То, о чем рассказала ему сейчас Аджела, таило в себе столько неизвестного, что он счел небезопасным каким бы то ни было образом проявлять свою реакцию до тех пор, пока у него не появится время, чтобы в этом разобраться. Он ждал продолжения. Но Аджела молчала. В свою очередь, она ждала, когда заговорит он.

— Там Олин, — наконец произнес Хэл.

— Да.

— Только Там Олин и я? За все эти годы?

— За все эти годы, — подтвердила Аджела. В ее голосе появилась новая, едва уловимая интонация — отзвук печали, причину которой он не мог понять. Ему показалось, что она смотрит на него с каким-то странным сочувствием.

— Я полагаю, — продолжал он, тщательно подбирая слова, — вам следует рассказать мне все. А затем дать возможность обдумать это.

— Хорошо. — Она кивнула головой. — Идея Энциклопедии принадлежит землянину Марку Торре, тебе это известно.

Экзоты же поняли, насколько хорошо его идея

согласуется с онтогенетикой и с другими нашими теориями, касающимися эволюции человеческой расы и исторического развития, и в итоге обеспечили финансирование строительства всего этого. — Взмахом руки она как бы обвела окружающее их пространство.

Хэл кивнул, ожидая продолжения.

— Как я уже говорила, Марк Торре впервые услышал голоса в Точке Перехода уже в преклонном возрасте. — Она бросила на него серьезный, почти суровый взгляд. — И выдвинул следующее предположение: услышанное им — это первое свидетельство первого, весьма скромного результата использования человеческой личностью потенциала Энциклопедии. Он уподобил это случаю, когда человек, не знающий толком, на что именно ему надо настроиться, включил прием сразу всего радиоизлучения Вселенной. Торре считал: чтобы извлечь полезную информацию из услышанного им хаоса голосов, необходимо овладеть определенными навыками.

Аджела снова умолкла, хмуро, почти сердито глядя на него. Хэл опять кивнул, показывая, что сознает важность всего сказанного ею.

— Я понимаю.

— Следовательно, использование Энцикло-

педии как нового инструмента для изучения человеческого сознания, о чем мечтал Марк Торре, требует наличия особых способностей, таких, которые еще не удалось обнаружить ни у одного представителя человеческой расы. Торре умер, так и не осознав смысла того, что он услышал. Однако он был убежден, что кто-нибудь когда-нибудь сумеет в этом разобраться. После него руководителем стал Там, но за все годы пребывания на Энциклопедии он так и не сумел извлечь из услышанного ничего полезного.

— Совсем ничего? — прервал ее Хэл, не в силах удержаться.

— Совсем ничего, — твердо ответила Аджела. — Но подобно Марку Торре, — продолжала она, — Там убежден, что рано или поздно объявится человек, способный сделать это, и, когда такое произойдет, Энциклопедию начнут наконец использовать с той целью, ради которой она и была построена, — как инструмент познания внутреннего мира человека, того внутреннего мира, который остается темной и пугающей тайной с тех самых пор, как люди осознали, что они способны мыслить.

Хэл сидел неподвижно, не спуская с нее глаз.

— Значит, — произнес он, — вы... вы с Тамом

Олином считаете, что я, возможно, и есть тот самый человек?

Она нахмурилась.

— Почему ты так насторожен, так... испуган? — спросила она.

Он не мог ей ответить: ему показалось, что в вопросе прозвучал скрытый упрек в трусости, и он инстинктивно ощетинился.

— Я не испуган, — резко парировал он. — Я просто осмотрителен. Меня всегда учили быть именно таким.

Ее реакция была мгновенной.

— Прости меня, — сказала она с неожиданной теплотой в голосе, и под ее взглядом он почувствовал себя неловко за свой столь несправедливый вывод. — Поверь мне, ни я, ни Там не пытаемся вовлечь тебя во что-либо силой. Если ты поразмыслишь об этом, то поймешь, что результат, о котором мечтали Марк Торре и Там, никем и ни при каких обстоятельствах не может быть получен по принуждению. Его невозможно добиться насильно, так же как невозможно обязать кого-либо создать шедевр в области искусства. Событие, которого мы ожидаем и на которое надеемся, по своему величию и новизне не уступает такому шедевру, и никто не в силах заставить

его состояться. Оно может произойти лишь по доброй воле человека, готового посвятить этому свою жизнь.

Последние слова произвели на Хэла особо сильное впечатление. В глубине души он еще никак не мог почувствовать себя взрослым в житейском смысле слова, хотя уже был выше ростом большинства мужчин и в свои шестнадцать овладел большей суммой знаний, чем обычный человек вдвое старше его. Внутренне же ему никак не удавалось убедить себя, что он вырос. Отчасти причина такого затянувшегося «внутреннего детства» заключалась и в огромном интеллектуальном превосходстве его учителей, на фоне которых Хэл ощущал себя просто младенцем.

И только теперь, беседуя с Аджелой, он впервые начал осознавать свою самостоятельность и внутреннюю силу, чего прежде с ним никогда не происходило. Он обнаружил, что воспринимает Аджелу, думает о ней и обо всех остальных на этой Энциклопедии, за исключением, пожалуй, Тама Олина, как о своих потенциальных партнерах, равных, а не стоящих выше него. И размышляя об этом, он вдруг ощутил, почти подсознательно, не вполне отдавая себе в этом отчета, что влюбляется в Аджелу.

— Я ведь говорил вам, что скоро улетаю. — Хэл нарушил затянувшееся молчание. — Поэтому не имеет значения, слышал я что-нибудь или нет.

Аджела долго сидела не говоря ни слова, пристально глядя ему в лицо.

— Ну что ж, по крайней мере, у тебя, наверное, найдется время поговорить с Тамом Олином, — наконец произнесла она. — У вас с ним есть одна общая, очень редкая особенность.

Этот ее ход получился не только очень сильным, но и лестным для него. Он понимал, что в ее намерения входило добиться именно такого эффекта, но все равно не мог не откликнуться на это предложение. Имя Тама Олина было овеяно легендами. Одно лишь упоминание рядом с этим именем имени Хэла Мэйна можно было считать началом становления его личности. В этот момент он забыл о своей душевной боли и пережитой утрате, осознавая лишь одно: его пригласили на личную встречу с Тамом Олином.

— Ну конечно. Большая честь для меня — возможность побеседовать с ним, — сказал он.

— Отлично. — Аджела встала с кресла. Хэл изучающе посмотрел на нее.

— Вы имеете в виду — прямо сейчас?

— Ты возражаешь?

— Нет, разумеется, не возражаю. Для этого нет никаких причин. — Он тут же поспешно вскочил со своего кресла.

— Он очень хочет поговорить с тобой, — добавила Аджела. Она повернулась, но направилась не к двери, а к столику рядом с кроватью, на котором находился пульт управления. Ее пальцы пробежались по клавишам.

— Мы идем прямо сейчас, — сообщила она. Он не почувствовал какого-либо перемещения комнаты, но когда Аджела, немного подождав, направилась к двери и открыла ее, то вместо коридора, который он ожидал увидеть, перед ним оказалась другая комната, гораздо более просторная. Скорее даже, другая территория, поскольку она походила на лесную поляну. Ручей, начинавшийся от небольшого водопада в дальнем ее конце, с тихим журчанием скрывался между стволами сосен, растущих у самых дверей. А то, что раскинулось над головой, совершенно не отличалось от летнего полуденного неба, Единственный человек, находившийся здесь, сидел за письменным столом неподалеку от водопада. Когда Хэл и Аджела приблизились, он отодвинул в сторону разложенные на столе пожелтевшие от времени, хрупкие на вид бумаги, которые он

до этого внимательно просматривал, и поднял на них глаза. Вопреки ожиданию и к большому удивлению Хэла, внешне Там Олин совершенно не напоминал одряхлевшего столетнего человека. Несомненно, ему было много лет, но выглядел он скорее как находящийся в прекрасной форме мужчина лет восьмидесяти, а не старец, проживший на свете больше века. И только когда они подошли к нему ближе, Хэл впервые увидел глаза руководителя Абсолютной Энциклопедии и почувствовал все величие его возраста. Эти утонувшие в глубоких морщинках темно-серые глаза светились такой мудростью, которая простиралась дальше любого жизненного срока, доступного воображению Хэла.

— Садитесь, — велел Там по-старчески глуховатым, но сильным голосом.

Хэл шагнул вперед и занял кресло напротив Тама Олина. Аджела прошла дальше вперед и, повернувшись, встала так, что оказалась сзади и несколько сбоку от кресла, на мягкой подушке которого сидел Там. Одной рукой она оперлась на спинку кресла, другую опустила вниз, так чтобы кончики ее пальцев легко, почти невесомо, касались плеча Тама. Глядя на Хэла поверх головы своего шефа, она сообщила:

— Там, это Хэл Мэйн.

В тоне ее голоса Хэл уловил незнакомый оттенок, и на мгновение его вдруг охватило странное чувство, в котором соединились ревность и сильное влечение.

— Хорошо, — сказал Там, продолжая смотреть прямо в глаза Хэлу.

— Когда я впервые встретился с Марком Торре, после того как услышал голоса, он захотел прикоснуться к моей руке, — медленно произнес Там. — Дай мне твою руку, Хэл Мэйн.

Хэл поднялся и протянул руку через стол. Он почувствовал прикосновение легких сухих пальцев, которые обхватили его ладонь, подержали секунду и отпустили.

— Садись, — сказал Там, откидываясь на спинку кресла. Хэл снова сел.

— Прикоснувшись ко мне, Марк Торре не почувствовал ничего, — заговорил словно про себя Там. — Ничего не ощутил и я. Это не передается... Только теперь я знаю, почему Марк надеялся почувствовать что-нибудь, прикоснувшись ко мне. Со временем и у меня появилась такая надежда.

Он тяжело вздохнул.

— Ну что же, — продолжал он рассуждать вслух, — значит, так. Ощутить это нельзя. Но ты

слышал голоса?

— Да, — ответил Хэл.

Его охватил какой-то благоговейный трепет. И причиной тому послужило не только удивительное долголетие Тама Олина. Длительность и величие пройденного жизненного пути, неизменная приверженность своей цели возвышали его в глазах Хэла настолько, что он вдруг почувствовал себя маленьким человечком, стоящим у подножия высоченной горы.

— Ты слышал, я не сомневаюсь, — сказал Там. — Просто мне было приятно узнать об этом от тебя самого. Говорила тебе Аджела, насколько редким качеством ты обладаешь?

— Она сообщила мне, что вы и Марк Торре — единственные, кто до сих пор слышал голоса, — ответил Хэл.

— Это так, — подтвердил Там Олин. — Ты один из трех. Марк, я... и вот теперь ты.

— Я... — Хэл запнулся, растерявшись, как в свое время при разговоре с Аджелой. — Для меня это большая честь.

— Честь? — В его глазах, глубоко сидящих под нависшими над ними тяжелыми бровями, мелькнула темная вспышка раздражения. — Слово «честь» в данном случае совершенно неуместно.

Я знаю, о чем говорю, поверь мне. В свое время я зарабатывал на жизнь тем, что умел правильно употреблять слова.

Пальцы Аджелы, едва касавшиеся плеча Тама, слегка сжались. Темная вспышка погасла и пропала.

— Но ты, конечно, не понимаешь, — продолжал Там уже не так резко. — Ты уверен, что понимаешь, но это не так. Подумай о моей жизни и о жизни Марка Торре. Подумай о том, что понадобилось больше столетия, чтобы построить вот это, все, что нас сейчас окружает. Направь свою мысль глубже. Подумай о жизненном пути человека, пройденном им с того момента, когда он стал передвигаться на двух ногах и научился мечтать о том, что ему хотелось бы иметь. И вот тогда ты, возможно, начнешь понимать, какое значение для человеческой расы имеет то, что в Точке Перехода ты слышал голоса.

В то время как Хэл выслушивал адресованную ему достаточно резкую тираду, в его сознании возник неожиданный отзвук, подействовавший на него удивительно успокаивающе. Ему вдруг показалось, что в голосе Тама Олина он уловил нотки другого, грубоватого и резкого, но любимого им голоса, который принадлежал Авдию. Хэл

пристально посмотрел на Тама. Насколько он знал, тот был коренным землянином. Однако сказанное им полностью соответствовало основным принципам мировоззрения квакеров: чистая вера, самопожертвование и бескомпромиссность. Как мог руководитель Абсолютной Энциклопедии перенять образ мыслей Хранителя Веры?

— Наверное, я просто не могу оценить это в полной мере, — сказал Хэл. — И понимаю, что мне недоступна вся грандиозность такого великого свершения.

— Да. Хорошо. — Там кивнул, — Хорошо.

Он подался вперед, наклонившись над своим столом.

— По словам Аджелы, ты запрашивал разрешение посетить Энциклопедию транзитом. Мы бы хотели, чтобы ты здесь остался.

— Я не могу, — не задумываясь ответил Хэл. — Я должен лететь дальше, как только найду подходящий корабль.

— И куда же? — Властный тон, проницательный взгляд мудрых глаз требовали прямого ответа. Хэл заколебался. Но в конце концов, с кем еще он мог быть откровенным, если не с Тамом Олином?

— На Коби.

— На Коби? А что же ты собираешься делать там, на Коби?

— Работать, — пояснил Хэл. — В шахте. Некоторое время.

— Некоторое время?

— Несколько лет.

Там продолжал внимательно смотреть на него.

— Ты понимаешь, что вместо этого мог бы находиться здесь? Услышанные тобой голоса — это выдающееся событие, которое, возможно, приведет тебя к величайшим открытиям. Ты осознаешь это?

— Ла.

— Но тем не менее ты отправляешься на Коби, чтобы стать шахтером?

— Да, — повторил Хэл дрогнувшим голосом.

— Ты можешь объяснить мне почему?

— Нет. — Хэл почувствовал, как им вновь овладевает вырабатывавшийся годами инстинкт самосохранения. — Я... не могу.

Снова воцарилось длительное молчание. Там все так же внимательно смотрел в глаза Хэлу.

— Я надеюсь, — прервал молчание Там, — ты понял все, что я тебе сказал. Ты слышал голоса, и теперь ты знаешь, насколько это важно. Аджеле и мне, благодаря хранящимся здесь данным,

наверное, известно о тебе больше, чем любому другому живому человеку, кроме, пожалуй, трех твоих учителей. Я полагаю, они одобряют твое намерение отправиться на Коби?

— Да. Они... — Хэл запнулся. — Это была их идея, их решение.

— Понимаю. — Снова долгая пауза. — Я также полагаю, что существуют причины, побуждающие тебя, во имя собственного блага, стремиться туда. И именно об этих причинах ты не имеешь возможности мне сообщить.

— Мне очень жаль, — сказал Хэл, — но это так. Я действительно не могу.

Снова в его памяти возникли образы учителей. Какая-то сила сдавила ему грудь, так что он едва не задохнулся. Это был гнев, гнев против тех, кто убил дорогих ему людей. Теперь ему нигде не будет покоя до тех пор, пока он не отыщет того высокорослого человека и его приспешников, ставших причиной смерти Уолтера, Малахии и Авдия. Что-то очень древнее, жестокое и холодное пробудила в нем их гибель. Он отправлялся на Коби лишь для того, чтобы стать сильным, чтобы в конце концов покарать того высокорослого и всех остальных.

До его сознания не сразу дошло, что Там заго-

ворил снова.

— ...Ну что ж, ладно. Я с уважением отношусь к твоему намерению. Но, в свою очередь, попрошу тебя об одном: помни. Помни о том, как ты нужен нам здесь. Это, — он обвел рукой все вокруг, — самое дорогое из того, что когда-либо создавало человечество. Но этим нужно управлять. Сначала это делал Марк Торре. Теперь я. Но я стал старым, слишком старым. Разумеется, сейчас я не предлагаю тебе руководства. Его ты сможешь принять позже, после того как поработаешь достаточно долго, приобретешь необходимый опыт и, разумеется, если проявишь к этому способности. Но на это место, кроме тебя, нет другой кандидатуры и, по всем признакам, за то время, что мне осталось прожить, не будет.

Там умолк. Хэл, не зная, что сказать, тоже молчал.

— У тебя есть какое-нибудь представление о том, что значит иметь под рукой такой рабочий инструмент, как Энциклопедия? — вдруг спросил Там. — Ты наверняка знаешь, ученые используют ее в качестве справочного пособия, и большинство людей считает, что ничего другого она из себя и не представляет. Просто большая библиотека. Но использовать так Энциклопедию — это

все равно что сделать из человека вьючное животное, тогда как он мог бы стать врачом, ученым или художником! Энциклопедия существует не для того, чтобы сделать доступным уже известное. Она была построена ценой такого огромного количества средств и труда для решения других, гораздо более важных и грандиозных задач.

Там помолчал, его пристальный взгляд не отпускал Хэла, резкие черты лица стали еще резче от охватившего его волнения, причиной которого могли стать как гнев, так и душевная боль.

— Подлинное предназначение Энциклопедии, единственная цель, — продолжал он, — состоит в исследовании непознанного. Достижение этой цели возможно лишь при одном условии: руководить здесь должен человек, понимающий ее сущность и постоянно помнящий о ней. Ты в состоянии справиться с этим. А без тебя вся потенциальная ценность Энциклопедии для человечества может быть утрачена.

У Хэла не было намерений возражать, однако сработали врожденные и сформированные воспитанием инстинкты, и его вопрос прозвучал как бы сам собой.

— Если это настолько важно, то что мешает ждать и дальше, сколько бы времени для этого

ни потребовалось? Внутри силовых панелей Энциклопедия неуязвима. Так почему же просто не дождаться, пока появится еще кто-то, способный услышать эти голоса и свободный в своих действиях?

— Точных значений понятий в действительности не существует, мы оперируем лишь их приблизительным смыслом, — резко ответил Там. Повелительный взгляд его потемневших глаз почти физически вдавил Хэла в кресло. — С незапамятных времен люди стали давать словам произвольное толкование. На основе такого толкования они выстраивали логические конструкции, полагая, что подобным образом им удается что-то доказывать применительно к условиям реально существующего мира. Так вот, физическая защищенность не тождественна защищенности абсолютной. Существуют нематериальные способы разрушительного воздействия на Энциклопедию, противостоять которым она бессильна, и один из них — это атака на сознание тех, кто управляет ею. Каким бы чудом она ни была, это всего лишь инструмент, который способен функционировать только под управлением человеческого интеллекта. Убери его — и инструмент станет бесполезным.

— Но это невозможно, — возразил Хэл.

— Не может? — Тон Тама стал еще более резким. — Оглянись вокруг. Что происходит на всех четырнадцати мирах? Ты знаком со старинными преданиями скандинавов, тебе известно значение слова «Рагнарек»[4]? Оно означает конец света. Гибель богов и людей.

— Да, я знаю, — ответил Хэл. — Сначала пришли Инеистые Великаны и настал Фимбульвинтер, а затем Рагнарек — последняя великая битва между богами и великанами.

— Верно, — кивнул Там, — Но ты ведь не знаешь, что Рагнарек, или Армагеддон[5] — подлинный Армагеддон, если тебе больше по душе это слово — грядет уже сейчас?

— Нет, — сказал Хэл. Слова, произнесенные хрипловатым старческим голосом, поразили его; он почувствовал, как в груди сильнее забилось

---

[4] Примечания: 4

Рагнарек — в скандинавской мифологии гибель богов всего мира, следующая за последней битвой богов и вышедших из-под земли чудовищ. Инеистые Великаны (хримтурсы) — вырвавшиеся из преисподней чудовища, одни из участников последней битвы с богами. Фимбульвинтер (Фимбульветер) — трехгодичная «великанская зима», предшествующая Рагнареку.

[5] Примечания: 5

Армагеддон — согласно Библии, место сбора сил сатаны для решающего сражения с Богом, в более широком теологическом смысле — символ последней битвы добра и зла.

сердце.

— Тогда поверь мне на слово. Это так. Сотни тысяч, миллионы лет понадобились нам, чтобы пройти путь от животного уровня развития до состояния, которое позволяло нам осваивать межзвездное пространство. Безграничное пространство. Пространство, где нашлось бы место каждому. Пространство, дающее любому индивидууму возможность осесть там, где ему захочется, обзавестись домом, растить и воспитывать себе подобных. И мы совершили это. Так возникло несколько Осколочных Культур, таких как экзоты, дорсайцы, квакеры. Но до сих пор нас ни разу не подвергали испытанию как расу в целом, расу, населяющую многие миры. Единственными врагами, с которыми мы сталкивались, были природные силы и мы сами, поэтому нам удалось обустроить наши миры и создать вот эту Энциклопедию.

Там вдруг замолчал и откашлялся. А когда заговорил снова, его голос окреп, обрел чистоту и звонкость, словно помолодел. Но ненадолго. Вскоре он опять стал глухим и хриплым, и Тама одолел новый приступ кашля. Аджела массировала ему шею кончиками пальцев обеих рук, пока приступ не прекратился. Обессилевший,

Там полулежал, откинувшись на спинку кресла, и тяжело дышал.

— И вот теперь, — после длительной паузы медленно заговорил он снова каким-то гортанным голосом, — проделанная в течение всех этих веков работа принесла свои плоды — как раз перед самым наступлением мороза. Мы установили, что Осколочные Культуры не смогут выжить сами по себе. Выжить сможет лишь целиком вся человеческая раса. Наиболее обособленные из Осколочных Культур уже погибают. Начался общий социальный распад, который закончится полным крахом. Там, где нас не смогли одолеть физические законы Вселенной, мы сами пришли им на помощь. Образ жизни стал неэффективным и порочным, среди нас начал распространяться новый вирус. Бичом для всей нашей расы являются Иные, они пытаются превратить механизм смешанных браков в инструмент собственного выживания.

Закончив свой монолог, Там со свирепым лицом несколько секунд молча сверлил взглядом Хэла.

— Ну что? Теперь ты веришь мне? — требовательно спросил он.

— Думаю, что верю, — ответил Хэл. Выражение

лица Тама несколько смягчилось.

— Ты один из всех людей, — продолжал он, пристально глядя на Хэла, — обязан осознать это. Мы умираем. Умирает раса. Всмотрись, и ты должен увидеть! Но люди еще не понимают происходящего, поскольку процесс протекает исключительно медленно и ощутить происходящее им мешает ограниченное восприятие течения времени и хода истории. Они смотрят вперед не дальше продолжительности человеческой жизни. Нет, даже еще ближе. Они следят лишь за тем, как развиваются события в пределах их собственного поколения. Но мы, находящиеся здесь, охватывая взором колыбель жизни — Землю — и длинную вереницу прошедших столетий, ясно видим начало разложения и умирания. Иные намерены победить. Ты осознаешь это? Они кончат тем, что подчинят себе всю остальную часть расы, словно это домашний скот, и с этого момента не останется никого, кто мог бы бороться с ними. Раса в целом начнет вымирать, ибо она перестанет развиваться, ее движение вперед прекратится.

Там снова помолчал.

— Есть лишь одна надежда. Слабая надежда. Потому что, если бы мы даже могли уничтожить всех Иных, сразу и сейчас, это не остановило бы

того, что нас ждет. У расы нашлась бы другая болезнь, которая привела бы ее к гибели. Исцеление должно быть исцелением духа — необходимо проникнуть в некую новую, более обширную сферу бытия всех нас, исследовать ее и внедриться в нее. Только Энциклопедия способна предоставить такую возможность. И может быть, только ты в силах привести Энциклопедию к осуществлению этой возможности, разогнать те тучи, которые сейчас нависли над нами, над всеми нами.

По мере того как он говорил, голос его слабел; последние слова Хэл едва мог расслышать. Там замолчал. Он сидел неподвижно за своим столом, опустив глаза. Аджела стояла сзади, легкими движениями массируя ему шею. Хэл сидел не шевелясь и не говоря ни слова. Рядом с ними все так же весело журчал ручей, по-прежнему голубело искусственное небо над головой, сосновый лес, раскинувшийся вокруг, продолжал радовать глаз зеленью хвои. Но Хэлу показалось, что все краски поблекли и огрубели, словно внезапно состарились.

— Во всяком случае, — нарушила затянувшееся молчание Аджела, — за то время, которое остается у Хэла до его отлета, я могу показать ему

Энциклопедию.

— Да. — Там поднял глаза и посмотрел на них обоих. — Покажи ему все. Пусть он увидит столько, сколько успеет, пока у него есть такая возможность.

Глава 4

Когда они возвратились в комнату Хэла, Аджела нажала на панели управления несколько кнопок, и на экране возникло изображение узколицего, седоволосого мужчины.

— Привет, Аджела! — сказал он.

— Джерри, это Хэл Мэйн, — сообщила Аджела. — Он прилетел только вчера и хочет как можно скорее отправиться на Коби. У тебя найдется что-нибудь подходящее для него?

— Сейчас взгляну. — Экран погас.

— Это ваш приятель? — спросил Хэл. Аджела улыбнулась.

— В основном штате нас здесь не больше полутора тысяч, — пояснила она. — Поэтому все всех знают.

Экран снова засветился, и на нем опять появился Джерри.

— Есть лайнер, следующий на Новую Землю, он должен выйти на нашу орбиту через тридцать два часа восемнадцать минут, — сообщил Джерри. — Хэл Мэйн!

— Да? — Хэл подошел к экрану, чтобы Джерри

мог его видеть.

— На Новой Земле через два дня вы сможете пересесть на грузовой корабль, следующий прямо на Коби. Таким образом вы окажетесь там примерно через девять дней, считая по субъективному времени. Это вам подойдет?

— Вполне, спасибо, — ответил Хэл.

— Вы зарегистрировали у нас свои кредитные документы?

— Да.

— Хорошо, — сказал Джерри, — Тогда, если хотите, я могу прямо сейчас зарезервировать для вас билет. Хэл почувствовал некоторое замешательство.

— Мне бы не хотелось, чтобы вы оказывали мне особые любезности... — начал он.

— Какие любезности? — Джерри улыбнулся. — Это моя работа — обеспечивать транспортом временно находящихся у нас научных работников.

— Ах, так? Понимаю. Большое спасибо.

— Не за что, — ответил Джерри и выключил связь. Хэл повернулся к Аджеле.

— Спасибо, что сделали этот вызов. А то я совсем не знаю вашей системы кодирования команд.

— Ее знает только постоянный персонал. Ты мог

бы узнать коды у оператора справочной службы, но так мы сэкономили время. Ты хочешь, чтобы я показала тебе Энциклопедию?

— Да, безусловно... — Хэл замялся. — Скажите, а мог бы я поработать с Энциклопедией?

— Ну, разумеется. Но это лучше оставить напоследок. Когда ты с ней немного познакомишься, твоя работа станет более осмысленной. Хочешь, вернемся к Точке Перехода и начнем оттуда?..

— Нет. — Он не хотел снова слышать голоса. По крайней мере сейчас. — И не могли бы мы сперва немного перекусить?

— Ну тогда давай начнем с Центра управления научными исследованиями. Конечно, после того как побываем в столовой.

Встав из-за стола, они вышли из столовой, пересекли небольшое, напоминающее коридор помещение и, пройдя через возникший перед ними проем в стене, оказались в комнате, которая была меньше столовой раза в два. Вдоль ее стен располагались панели управления, а посредине в воздухе висел некий параллелепипед внушительных размеров, состоящий из массы перепутанных, ярко светящихся шнуров красного цвета, размерами примерно три на два на один метр. Аджела подвела к нему Хэла. Присмотрев-

шись, он понял, что шнуры эти нематериальны и представляют собой лишь оптические проекции.

— Что это? — спросил он.

— Нервные каналы Энциклопедии. — Она сочувственно улыбнулась ему. — Звучит не очень вразумительно, правда?

Хэл согласно кивнул.

— Чтобы уметь по внешнему виду понимать, какие процессы в них протекают, нужно долго учиться, — пояснила Аджела. — Технический персонал справляется этим очень хорошо. Но только один Там способен, мельком взглянув на их состояние, уяснить все, что в них происходит.

— А вы? — поинтересовался Хэл.

— Пока я могу распознать лишь общую схему развития событий. Это, пожалуй, и все. Пройдет, наверное, еще лет десять, прежде чем я овладею квалификацией младшего техника.

Хэл посмотрел на нее несколько недоверчиво.

— Вы преувеличиваете. У вас это получится быстрее.

Аджела рассмеялась, и он почувствовал себя вознагражденным.

— Возможно, ты прав, — согласилась она.

— Я уверен, ваши навыки уже сейчас практически соответствуют уровню младшего тех-

ника, — сказал он. — А то, что вы тут сказали о себе, — это известная экзотская манера умалять свои достоинства. Если бы вы не обладали исключительными способностями, то вряд ли смогли бы за шесть лет пройти путь до помощника Тама.

Она бросила на него взгляд, ставший вдруг очень серьезным:

— По правде говоря, ты и сам в известном смысле человек исключительный, — сказала она. — Но разумеется, ты и должен быть таким.

— Должен? Почему?

— Чтобы услышать голоса в Точке Перехода.

— Ах, да.

Она подвела его ближе к сверкающему скоплению красных линий, парящему в воздухе, и принялась объяснять: вот та, например, совершенно очевидно является перемычкой, переброшенной из области памяти Энциклопедии, относящейся к истории, в область памяти, содержащую информацию по искусству, а это в свою очередь означает, что некий ученый из Индонезии обнаружил новый источник дополнительной информации для своей работы; глядя на вот эту линию, нетрудно понять, что сама Энциклопедия рассчитывает координаты точек

для исследования, которое проводит другой ученый, и таким образом помогает ему наметить дальнейшее направление деятельности.

— Именно это имел в виду Там, говоря об использовании Энциклопедии в качестве библиотеки? — уточнил Хэл.

— Да. — Аджела кивнула.

— А как выглядит другой способ использования Энциклопедии? — задал он новый вопрос. Она покачала головой:

— Нет. Энциклопедия все еще ждет того, кто сделает это.

— А на чем основана уверенность Тама, что подобное возможно?

Аджела сурово посмотрела на него:

— Он Там Олин. И он уверен.

От дальнейших высказываний на эту тему Хэл воздержался. В следующей комнате, машинном Отделении Энциклопедии, находились различные приборы и пульт управления системой накопления и распределения солнечной энергии — чтобы обеспечить нормальное функционирование станции и питание защищающих ее силовых панелей. Правда, сами панели потребляли мало энергии. Как и фазовый сдвиг, положенный в основу их создания, они были почти немате-

риальными. Космический корабль, используя принцип фазового сдвига, фактически остается неподвижным, изменяются только координаты его местонахождения в пространстве. Созданные на этом принципе защитные панели ограждают защищаемый объект невообразимо тонким слоем нуль-пространства. Непосредственно в момент фазового сдвига корабль теоретически равномерно рассредоточивается по всей Вселенной и затем мгновенно материализуется в ином, заранее заданном и отличном от первоначального месте. Любой же материальный объект, соприкоснувшись с завесой из нуль-пространства; создаваемой панелями, распыляется в космосе, но без каких-либо перспектив на последующее восстановление в первоначальном виде.

— Ты знаешь об этом? — поинтересовалась Аджела, когда они осматривали машинное отделение.

— Немного, — ответил Хэл. — Мне известно то же, что и каждому: механизм сдвига разработан на основе принципа неопределенности Гейзенберга.

— Не каждому, — сказала она. Хэл удивленно поднял брови:

— Как это?

Она улыбнулась:

— Ты бы удивился, узнав, сколько людей вообще не имеют понятия о том, как передвигаются космические корабли.

— Наверное, — произнес он задумчиво. — Но ведь все это не так уж сложно. В сущности, воздействие силовых панелей приводит к такому же результату, как и тот самый сбой, вероятность которого оценивается в одну миллионную, то есть когда корабль после дезинтеграции не материализуется вновь.

— Именно так. — Аджела чуть помедлила. — Люди говорят об ошибках фазового сдвига как о чем-то романтическом, об этаком мире пропавших кораблей. Но никакой романтики в этом нет.

Он пристально посмотрел на нее.

— Почему это вас так опечалило? — спросил он, обеспокоенный тем, что ее жизнерадостность вдруг исчезла. Секунду Аджела молчала, глядя ему в глаза.

— А у тебя тонко чувствующая натура, — сказала она и, прежде чем Хэл успел отреагировать на эту реплику, продолжала:

— Потому, что такое происшествие всегда печально. Люди погибнут. И для них в этом нет

никакой романтики. Общество теряет индивидуумов, которые, возможно, изменили бы путь эволюции расы, если бы остались в живых. Вот, например, Донал Грим. Около ста лет тому назад сумел приблизить все четырнадцать миров к такому политическому единству, какого им прежде никогда не удавалось достичь. Ему было всего тридцать с небольшим, когда он отправился с Дорсая на Мару и бесследно исчез.

Хэл пожал плечами. Несмотря на чувствительность, замеченную Аджелой, он не испытывал большого сострадания к судьбе Донала Грима, который, как бы то ни было, успел до своего исчезновения прожить около трети средней продолжительности жизни. Он вдруг почувствовал на себе пристальный взгляд Аджелы.

— Ох, я совсем забыла! — воскликнула она. — Ведь ты тоже чуть не пропал подобным же образом. То, что тебя нашли, — счастливая случайность. Прости меня. Я упустила это из виду, когда начала этот разговор.

Хэл подумал: Аджела умеет предложить наиболее корректное объяснение его безразличия к тому, что глубоко затронуло ее. С момента их знакомства прошло всего лишь несколько часов, но он уже составил представление об основных

чертах ее характера.

— Я ничего об этом не помню, — пожал он плечами. — Когда меня нашли, мне было меньше двух лет. Насколько я понимаю, такое могло случиться с любым человеком.

— А у тебя никогда не возникало желания попытаться узнать что-нибудь о твоих родителях?

Внутренне Хэл вздрогнул, словно от удара. Конечно же, он придумывал тысячи разнообразных ситуаций, как случайно находит их, живых и невредимых.

Он снова пожал плечами.

— Как ты смотришь на то, чтобы спуститься вниз, в Архивы? — предложила Аджела. — Я могу показать тебе факсимильные копии всех произведений искусства, начиная от палеолитических рисунков из пещер Дордони[6] и кончая современными работами, а также любых предметов культуры, оружия, машин, — словом, всего, что было когда-либо изготовлено.

— Хорошо. — С трудом переключившись с раздумий о своих неизвестных родителях на восприятие реальной действительности, Хэл добавил:

---

[6] Примечания: 6

Дордонь (Dordogne) — река на юго-западе Франции, приток Гаронны

— Спасибо.

Они прошли в Архивы, находящиеся непосредственно за металлическим корпусом станции. Все стационарные помещения Энциклопедии примыкали непосредственно к внутренней стороне корпуса. При наличии снаружи силовых панелей такое расположение было вполне безопасным. Благодаря подобной планировке в середине гигантской сферы имелось обширное свободное пространство для перемещения внутри него подвижных комнат.

Поскольку в центре станции сохраняется невесомость, пояснила Аджела, а в каждой комнате создается свое внутреннее поле гравитации, эти перемещения совершенно неощутимы.

Аджела продолжала рассказывать об устройстве Энциклопедии, и Хэл не останавливал ее, хотя то, о чем она говорила сейчас, он узнал еще несколько лет тому назад от Уолтера. Он понимал, что она, помимо всего прочего, еще и пыталась отвлечь его от мрачных мыслей.

Архивы представляли собой громадный зал, где находились выполненные в натуральную величину объемные изображения таких объектов, как находящийся на Земле римский Колизей или созданная на Ньютоне Симфония Факелов.

Хэл предполагал, что на него произведет сильное впечатление что-либо из представленного здесь, поскольку изображения большинства экспонатов наверняка уже встречались ему раньше.

— Что бы ты хотел увидеть прежде всего? — спросила Аджела.

Все еще захваченный идеей проверить степень полезности Энциклопедии, Хэл машинально назвал первый пришедший ему в голову объект, который, рассуждая формально, должен находиться в таком собрании, но которого почти наверняка здесь не было.

— Как насчет надгробия на могиле Роберта Льюиса Стивенсона? — спросил он.

Аджела коснулась нескольких кнопок на пульте, и прямо перед ними на расстоянии вытянутой руки возник стоящий вертикально блок серого гранита с высеченной на нем надписью.

У Хэла перехватило дыхание. Он протянул руку и коснулся фантома. Пальцы ощутили холодную гладкую поверхность полированного гранита. Поэзия всегда находила живой отклик в душе Хэла, а эту эпитафию, написанную Стивенсоном самому себе, он воспринимал как одно из самых волнующих поэтических произведений.

Он попытался прочесть вырезанные на камне строчки, но они расплывались у него перед глазами. Правда, он помнил их наизусть.

К широкому небу лицом ввечеру
Положите меня, и я умру,
Я радостно жил и легко умру
И вам завещаю одно —
Написать на моей плите гробовой:
«Моряк из морей вернулся домой,
Охотник с гор вернулся домой,
Он там, куда шел давно».

Эти слова, простые и величественные, опять воскресили в памяти образы дорогих ему людей, и снова его сердце пронзила такая острая боль, что несколько мгновений он был не в силах ее унять. Отвернувшись от надгробия и от Аджелы, он стоял, устремив в пространство невидящий взгляд, до тех пор пока не почувствовал на своем плече ее руку.

— Мне очень жаль, — проговорила она. — Но ведь ты попросил...

Мягкий и ласковый голос Аджелы, едва ощутимое прикосновение вернули ему душевное равновесие, помогли в очередной раз заглушить

горечь невосполнимой утраты.

— Посмотри-ка, — сказала Аджела, — у меня есть для тебя кое-что еще. Вот, взгляни!

Хэл нехотя повернулся и увидел прямо перед собой бронзовую статуэтку высотой не больше семи дюймов. Это было скульптурное изображение единорога. Он стоял на небольшом клочке земли среди растущих у его ног полураспустившихся роз, гордо выгнув шею, откинув в сторону хвост, распустив гриву и игриво вскинув голову. Выражение глаз и форма изогнутых губ были такими, будто он потешался над всем миром.

«Смеющийся единорог» Дарлин Колтреин. Неукротимый, озорной, изящный — он был прекрасен. Казалось, жизнерадостное веселье так и кипит в нем.

Боль и такая радость не могли находиться рядом. И постепенно боль отступила. Глядя на единорога, Хэл невольно улыбнулся, и ему почудилось, что тот также улыбнулся в ответ.

— А у вас есть оригиналы каких-нибудь из этих изображений? — спросил он Аджелу.

— Не всех, — ответила она. — Для их хранения нужно много места, и, кроме того, подобные вещи не продаются. То, что у нас есть, мы получали в дар.

— А вот этого? — Он показал на «Смеющегося единорога».

— Да, по-моему, эта скульптура у нас есть, — кивнула Аджела.

— Могу я ее увидеть? Мне бы хотелось подержать ее в руках.

Она помолчала, потом медленно, но решительно покачала головой.

— Мне очень жаль, но никто не имеет права трогать руками подлинники, кроме работников Архивов... и Тама. — Аджела улыбнулась. — Если ты когда-нибудь займешь пост руководителя Энциклопедии, то сможешь поставить «Смеющегося единорога» на свой стол.

У него вдруг возникло странное, необъяснимое желание иметь эту маленькую статуэтку, взять ее с собой, чтобы она скрасила ему одиночество во время полета на Коби среди звезд, а потом в шахте под землей. Но он понимал, что это невозможно. Даже если бы статуэтка и была его собственностью — большой риск перевозить ее просто в багаже обычного пассажира. Утрата такого сокровища стала бы трагедией не только для него, но и для многих других людей.

Потом он потерял счет огромному числу увиденных им факсимильных изображений

всевозможных произведений искусства, книг, предметов культуры и быта, возникавших перед их глазами после команд Аджелы, которые она набирала на пульте управления. Когда, вконец уставшие, они вышли из Архивов, то почувствовали, что основательно проголодались. На этот раз они ели в другой столовой, интерьер которой был стилизован под пивной зал. Звучала музыка, посетители, в основном молодые обитатели Энциклопедии, вели между собой оживленные разговоры. Однако ровесников Аджелы среди них Хэл заметил всего несколько человек, а таких, как он, не увидел вовсе. Но он уже знал, что если не забывать вести себя сдержанно и намеренно демонстрировать свой высокий рост, то можно выглядеть на два-три года взрослее. Во всяком случае, как ему показалось, никто из проходивших мимо кабинки, где находился стол, за которым они сидели, не обращал внимания на то, что он был на пару лет моложе Аджелы.

После всех испытаний, выпавших на его долю за последние два дня, вкусная еда и напитки подействовали на него как сильнейшее снотворное. Когда примерно через час они поднялись из-за стола, у него уже слипались глаза. Аджела показала, как набрать код его комнаты на панели

управления, расположенной в кабинке, и, пройдя вдоль короткого коридора, они оказались перед возникшим и увеличивающимся прямо на глазах проемом, ведущим в апартаменты Хэла.

— Как вы думаете, смогу я завтра поработать с Энциклопедией? — спросил он, когда Аджела уже выходила из комнаты.

— Разумеется, — кивнула она.

Он спал глубоким сном, проснулся с радостным чувством, но затем вспомнил о тех, кто остался лежать на террасе, и скорбь обрушилась на него снова. Рана все еще была слишком свежей. Он осознавал, что необходимо срочно спасаться, подобно тому как тонущий человек изо всех сил стремится вынырнуть из-под воды к воздуху и свету. Он стал судорожно искать предмет, на который можно было бы переключить свои мысли, и ухватился за воспоминание о том, что сегодня ему представится случай самому поработать с Энциклопедией. Он сосредоточился на этом грядущем событии, заполнив свое сознание размышлениями о нем, а также воспоминаниями о тех впечатлениях, которые получил накануне, когда Аджела водила его по станции.

Он поднялся с постели, заказал себе завтрак, а час спустя ему позвонила Аджела. Убедившись,

что он уже проснулся, она через некоторое время зашла к нему.

— Большинство людей работают с Энциклопедией, не выходя из своих комнат, — сообщила она. — Но если хочешь, эту комнату можно дополнить специальной кабиной или установить такую кабину для тебя где-нибудь в другом месте.

— Специальная кабина... — произнес он задумчиво. Уже несколько лет ему казалось, что он знает все нужные ему слова и понимает их смысл, но это словосочетание было ему непонятно.

— Маленькая комнатка для научных занятий.

Ее пальцы пробежались по клавиатуре на столе, и на свободном пространстве посредине комнаты сформировалось трехмерное изображение. Оно представляло собой крохотное помещение, каморку, где находились кресло и жестко закрепленная доска рабочего стола с клавиатурой. Бесцветные стены выглядели уныло, но Аджела снова нажала несколько клавиш, и стены исчезли, открыв взору звездное небо; теперь стало казаться, будто кресло и доска парят в космическом пространстве среди звезд. У Хэла перехватило дыхание.

— И эту кабину можно оставить здесь? — уточ-

нил он.

— Можно, — кивнула Аджела.

— Тогда это как раз то, чего я хотел.

— Очень хорошо. — Она притронулась к клавиатуре. Светящаяся стена напротив двери в его комнату отодвинулась назад, освободив место для еще одной двери. Эта новая дверь открылась, и Хэл увидел за ней то самое крохотное помещение, которое Аджела называла кабиной. Он подошел к двери и вошел внутрь. Следом за ним в кабину вошла Аджела и минут двадцать объясняла, что нужно делать, чтобы запросить любую информацию, какая только может ему понадобиться.

Как только он остался один, радостное волнение стало покидать его, уступая место скорби и вновь поднимающейся волне холодной ярости против Блейза Аренса. Усилием воли он подавил эту волну и нажал несколько кнопок в подлокотнике кресла. Дверь в кабине закрылась, стены ее сделались прозрачными, и у Хэла создалась полная иллюзия того, что он находится в открытом космосе. Он отчаянно искал, чем бы занять свое сознание, понимая, что иначе мысли снова приведут его к озеру и на террасу.

Перед ним возник образ Малахии, и в памяти

всплыли слова: «...живые должны думать о живых, даже если эти живые — они сами...»

Он предпринял огромное усилие, чтобы заставить себя думать только о том, что происходит здесь и сейчас. Чего бы он пожелал, если бы в данный момент просто находился на Энциклопедии и дома у него ничего не случилось? Обратившись к прошлому, его сознание воскресило мечты, возникавшие у него под влиянием прочитанных книг. Вчера он попросил показать ему надгробие Роберта Льюиса Стивенсона. Может, надо спросить Энциклопедию, что она знает о Стивенсоне такого, чего не знает он? Но он отверг эту мысль. Сейчас образ Стивенсона был связан в его сознании с образом надгробия, а он не хотел думать о надгробиях.

Он задумался. Три мушкетера? Д'Артаньян? А может, Найджел Лоринг, вымышленный герой двух исторических романов Конан Дойла «Сэр Найджел» и «Белый Отряд»?

Эта мысль о скромном, но отважном герое той далекой эпохи, когда мужчины носили латы, показалась ему весьма заманчивой. Найджел Лоринг относился к числу тех персонажей, которых Хэл считал исключительно светлыми и яркими личностями. Может быть, Конан Доил даже начал

писать о нем третий роман, но так и не закончил его? Нет, вряд ли. Если бы это было так, он почти наверняка уже наткнулся бы на какую-нибудь информацию об этом. Он нажал клавишу запроса на клавиатуре, вмонтированной в ручку его кресла, и заговорил, обращаясь к Энциклопедии:

— Сообщите мне полный перечень всего, что написано Конан Дойлом о персонаже по имени Найджел Лоринг, фигурирующем в романах «Белый Отряд» и «Сэр Найджел».

В воздухе словно из ничего возник завиток ленты с распечаткой и упал ему на колени. Одновременно раздался мелодичный звон, и он услышал приятный женский голос:

— Сведения из источников направлены вам в виде распечатки. Хотите ли вы также получить подробные биографические данные о жившей прежде исторической личности?

Хэл недоуменно нахмурился.

— Я не запрашиваю данных о Конан Дойле, — сказал он.

— Это понятно. Под исторической личностью имеется в виду реальный Найджел Лоринг, рыцарь, живший в четырнадцатом веке нашей эры.

Хэл уставился на звезды неподвижным взгля-

дом. Услышанные им слова, казалось, продолжали звучать в ушах, радостное волнение охватило его. Почти со страхом, опасаясь, что все это может обернуться просто ошибкой, он заговорил снова:

— Вы хотите сказать, что в Англии в четырнадцатом веке действительно существовал некто по имени Найджел Лоринг?

— Да. Вам сообщить подробности биографии этой личности?

— Да, пожалуйста. По возможности, все детали. И еще, — добавил он торопливо, — составьте, пожалуйста, перечень всех упоминаний этого реального Найджела Лоринга в документах того времени и последующих времен. Если можно, я хотел бы получить копии этих документов.

На столе появилась новая распечатка вместе с копиями фрагментов документов и рисунков. Не обращая внимания на распечатку, Хэл схватил копии и стал их быстро просматривать. Здесь были удивительные вещи. Выдержки из «Хроник» Жана Фруассара[7], перечень подарков, роздан-

[7] Примечания: 7

Фруассар (Froissart) Жан (ок. 1337-после 1404 гг.), французский хронист, поэт. В «Хрониках» отразил события 1327-1400 г., главным образом Столетней войны между Англией и Францией. Прославлял подвиги как французских, так и английских рыцарей.

ных Эдуардом, Черным Принцем[8], придворным из своей свиты, и изображение сиденья в церковном алтаре. К изображению церковного сиденья прилагалось его печатное описание, которое, по мнению Хэла, оказалось самым интересным документом из всех представленных ему материалов.

Это сиденье, гласил документ, существует до сих пор. Найджел Лоринг являлся одним из рыцарей — учредителей Ордена Подвязки. Церковь — это Капелла Сент-Джордж в Виндзорском дворце[9], в Англии. Однако существующая ныне капелла[10], было написано далее, это не та, что построили первоначально. Первую капеллу возвели по приказу Эдуарда III, а ее реконструкцию, которую начал Эдуард IV[11], закончили, вероят-

---

[8] Примечания: 8

«Черный Принц» Эдуард, принц уэльский (1337-1376 гг.). Один из английских военачальников на первом этапе Столетней войны, старший сын короля Эдуарда III (1312-1377 гг.), начавшего Столетнюю войну. Прозвище получил за цвет лат.

[9] Примечания: 9

Виндзор (Windsor), город к западу от Лондона, на правом берегу Темзы, летняя королевская резиденция. Королевский замок (XIII-XIX вв.)

[10] Примечания: 10

Капелла Сент-Джордж (St. George's Chapel) (1474-1528 гг.) — шедевр поздней готики.

[11] Примечания: 11

Эдуард IV (1474-1528 гг.), английский король (с 1461 г.).

но, в период правления Генриха VIII[12]. Работы велись круглые сутки, ночью — при свете многих сотен свечей, чтобы, согласно велению короля, успеть к его очередному бракосочетанию.

На какое-то время и терраса, и все случившееся там было забыто. Реально существовавший Найджел Лоринг и литературный герой Конан Дойла слились воедино в сознании Хэла. Ему казалось, что он протянул руку в глубь времен и может прикоснуться к живому человеку по имени Найджел Лоринг. И он подумал, что, возможно, все персонажи в книгах, которые он читал, тоже когда-то были реальными, живыми людьми и сведения о них тоже сохранились, только надо знать, где и как их отыскать. Захваченный этой мыслью, он почти наугад извлек из своей памяти имя еще одного литературного героя и обратился к Энциклопедии.

— Скажите мне, — попросил он, — не послужила ли прообразом для Белларион, героя романа Рафаэля Сабатини «Белларион», также какая-нибудь реально существовавшая историческая личность, носившая то же имя?

— Нет, — ответила Абсолютная Энциклопедия.

---

[12] Примечания: 12
Генрих VIII (1491-1547 гг.), английский король (с 1509 г.).

Хэл вздохнул. Отрезвленный ответом, он оставил свои фантазии и начал возвращаться к реальной действительности.

— Но вместе с тем, — продолжала Энциклопедия, — у Белларионa Сабатини очень много общего с жившим в четырнадцатом веке талантливым военачальником, кондотьером сэром Джоном Хоквудом[13]. Конан Дойл, создавая образ своего героя, сэра Найджела, также воспользовался некоторыми фактами из жизни этого прославленного кондотьера. Существует общепринятое мнение, что Джон Хоквуд стал в какой-то степени прототипом обоих названных литературных героев. Вы хотите получить выдержки из критических работ, содержащих упомянутый вывод?

---

[13] Примечания: 13

Сэр Джон Хоквуд (Sir John Hawkwood) (?-1394 г.). Английский авантюрист и кондотьер на службе итальянских правителей. Родился в местечке Хедингем Сибил (Hedingham Sibil), графство Эссекс. Вступив в английскую армию, во время Столетней войны сражался под знаменами короля Эдуарда III, удостоившего его рыцарского звания. В 1360 г. во главе собранного им «Белого отряда» отправился в Северную Италию, на службу к маркизу Монферрато. В 1363 г. стал главнокомандующим войсками Пизы. Затем в качестве командира наемных войск в течение 30 лет участвовал почти во всех основных войнах на территории Италии. Умело использовал опыт, полученный английской армией в сражениях Столетней войны, прославился стремительными маршами, четким управлением войсками, поддержанием жесткой дисциплины. Служил главнокомандующим войсками Флоренции. В 1385 г. английский король Ричард II вручил ему грамоту члена английской миссии во Флоренции и Неаполе. Хоквуд получал от итальянских правителей

огромное жалованье, он владел землей в Романии и вблизи Флоренции. Решив в возрасте около 70 лет вернуться в Англию, продал все имущество, но в марте 1394 г. умер во Флоренции, где и был похоронен. В 1395 г. его прах перевезли в Англию.

— Да... Не-ет! — крикнул Хэл. Он откинулся назад, едва не дрожа от волнения.

Хэл знал, кто такой Джон Хоквуд. Эта историческая фигура давно привлекала его внимание, и не только тем, что было написано о ней в книгах, но еще и тем, что говорил об этом человеке Малахия Насуно, называвший его первым генералом современного типа. Проведенные Хоквудом кампании не раз упоминал в своем многотомном труде по военной стратегии и тактике и Клетус Грим, доводившийся прадедом тому самому Доналу Гриму, о котором говорила Аджела. Жизнь Донала Грима оборвалась в тот момент, когда он пытался добиться спокойствия и согласия во всех четырнадцати мирах. Внезапно в сознании Хэла возникла четкая линия, протянувшаяся от Донала Грима к Клетусу и дальше, через историю западно-европейских войн, к Хоквуду.

Хоквуд родился в местечке Хедингем Сибил в сельской местности Англии в начале четырнадцатого века, начал свою карьеру, принимая участие в сражениях Столетней войны во Франции, а закончил в Италии главнокомандующим войсками Флоренции. Хотя на протяжении своей жизни Хоквуд не раз участвовал в рукопашных схватках, умер он в собственной постели, когда

ему было, вероятно, больше восьмидесяти лет. А первым генералом современного типа его называли и другие, еще до Малахии. Это он привел из Англии на поля сражений Италии воинов, вооруженных тяжелыми длинными луками, с неизменным успехом применявшимися во всех боях.

Хоквуд очаровал Хэла сразу же, как только тот впервые узнал о нем. И причиной был не только его славный жизненный путь, наполненный звоном оружия и яркими событиями, который сквозь призму почти десяти веков казался еще более героическим и романтичным. Дело заключалось еще и в том, что этот выдающийся англичанин, начавший жизнь в Хедингем Сибил, а закончивший во Флоренции, как бы совершил путешествие во времени из глубин средневековья к истокам современной эпохи, флаг, который развевался над террасой дома, где жил Хэл, и который Уолтер опустил, предупреждая его об опасности, флаг с изображением вылетающего из леса сокола, Хэл сделал своими собственными руками. Изображение на флаге он тоже придумал сам, после того как тщетно пытался отыскать в заполнявших библиотеку книгах хоть какое-нибудь упоминание о гербе Хоквуда. Повинуясь

внезапному импульсу, он снова обратился к Энциклопедии:

— Что представлял собой герб сэра Джона Хоквуда?

Возникла короткая пауза, и на экране возник щит, через серебряное поле которого шла широкая V-образная черная лента, направленная острым концом вверх и заканчивающаяся посредине щита. На поверхности ленты поодаль друг от друга лежали три серебряные раковины.

При чем здесь раковины моллюсков, Хэл не понял. Единственное, что пришло ему на ум в связи с этими раковинами, — испанский город Сантьяго-де-Компостела. Мог Хоквуд в те времена побывать в нем? Или раковины на гербе означают нечто иное? Он спросил об этом Абсолютную Энциклопедию.

— Раковины моллюсков — характерная деталь многих гербов, — ответила Энциклопедия. — Если хотите, могу сообщить более подробные сведения. Скажем, тот факт, что их можно увидеть на самых старинных гербах, таких как гербы Гримов, а также на многих семейных гербах этого рода, например на хорошо известных гербах Данди и Данбаров. Вам нужна более развернутая информация, сообщение об использовании ра-

ковин как геральдического символа в последние века?

— Нет, — ответил Хэл.

Он снова откинулся в кресле, размышляя. Известие о том, что образы вымышленных персонажей Дойла и Сабатини — Найджел Лоринг и Белларион — определенным образом связаны с реальной исторической личностью — Хоквудом, привело в действие в самых глубинах его сознания неизвестный механизм, который принялся за установление связи между этими раковинами и Хоквудом. Раковины и Хоквуд странным образом соответствовали друг другу, они объединялись, и что-то будоражило его подсознание. Подобное ощущение было ему знакомо, оно возникало перед тем, как в голове начинали рождаться стихи. Логическую цепочку, протянувшуюся от этой реакции к тому, что создавалось в данный момент его творческим подсознанием, разум был не в состоянии ни проследить, ни увидеть, а собственный опыт говорил ему, что попытки сделать это всегда оказывались тщетными. Сейчас он ощущал на себе воздействие этой реакции, так же как человек может ночью, в полной темноте, ощущать дуновение меняющего свое направление ветерка. Это было побуждение, вдохновение,

веление. Каким-то образом его поиск и открытие соприкоснулись с сущностью бесконечно более захватывающей, гораздо более обширной, чем та, которую он подразумевал, определяя предмет своих изысканий, подобно тому как океан неизмеримо более грандиозен, чем песчинка на одном из его берегов. Эта сущность простерлась к нему как призыв, как вырвавшийся наружу звук трубы, захватила его целиком, призывая к свершению более значительному, чем любое из тех, что он считал важнейшими в своей жизни за прошедшие шестнадцать лет.

Хэл испытывал огромное напряжение. Он почти с облегчением осознал, что в его голове, как будто рождаемые туманными образами, потревоженными его поисками, начали слагаться стихи. Это были диковинные, архаично звучащие строчки... Его пальцы сами потянулись к клавиатуре в подлокотнике кресла, не для того чтобы направить Энциклопедии очередной вопрос или команду, — он испытывал неодолимую потребность воплотить в слова поэтические образы, возникавшие в его воображении. И когда он стал нажимать на клавиши, эти образы начали воплощаться в видимые формы, они засверкали перед ним огненно-золотистыми буквами на

фоне звездного неба.

ПОСЛЕДНИЙ ОПЛОТ

В церкви разрушенной в латы закованный рыцарь,

Из гроба восстав, с последней постели поднявшись,

С лязгом железным по плитам разбитым ступая...

Его пальцы замерли на клавишах. Ему почудилось, что он всем телом ощутил порыв сырого, холодного ветра. Стряхнув с себя мимолетное оцепенение, он продолжал:

К провалу окна подошел, чтобы вокруг оглядеться.

Видит он — землю, плотным окутав покровом,

Серый туман от взоров надежно упрятал,

Слышит он — павших хозяев покинув,

Их голоса безутешно стонут, в тумане блуждая.

Он подумал, что само Время неожиданно налетело на него порывом ветра и продувает насквозь

все его тело, и плоть, и кости. И сейчас он слышит звуки этого ветра, из них рождаются его стихи. Пальцы Хэла снова пришли в движение.

Верный конь, у ограды часовни траву отыскавший,

Поднял голову в шрамах, травинки на землю роняя,

Стукнул о камень копытом, забряцавши сбруей.

«Мир, — рыцарь молвил, — сегодня с врагами

Сражаться не будем.

Поле битвы туман непроглядный окутал,

Ветер яростный волны на берег бросает,

И врагам ненавистным, и нам для сраженья помеха.

Отдыхай. Воевать мы сегодня не станем».

Снова друг боевой о камни копытом ударил,

Камни гулким набатом в ответ на удар отозвались,

«Ну, скачи же скорее!» — они прогудели.
И рыцарь,

Сев в седло, тихим шагом пустил скакуна. На войну.

Мелодичный звонок видеотелефона вернул его к реальности. Хэл рефлекторно протянул руку к клавиатуре.

— Кто это?

— Это я, Аджела. — Ее голос, как бы проникавший сквозь космический вакуум и светящиеся строчки его стихов, звучал ясно, был наполнен теплотой, и это окончательно вернуло его к окружающей действительности, из которой его увели недавние воображаемые странствия. — Пора обедать, если тебя это интересует.

— Ах, да. Конечно, — сказал он, одновременно нажимая клавиши. Стихотворные строчки пропали, вместо них появилось лицо Аджелы, заслонив собой изображения звезд.

— Ну а как твое общение с Энциклопедией? — спросила она, улыбаясь. — Оно оказалось полезным?

— Весьма полезным, — ответил он. — Спасибо.

— А где бы ты хотел пообедать?

— Где угодно, — отозвался Хэл. И поспешно

добавил:

— Только чтобы там было тихо.

Она засмеялась:

— Самое тихое место — это, наверное, как раз то, где ты сейчас находишься.

— Тогда — любое тихое место, кроме моей комнаты.

— Хорошо. Мы пойдем в ту столовую, куда я тебя водила в первый раз. Я попрошу, чтобы нам выделили отдельный столик где-нибудь в стороне и никого поблизости от нас не сажали. Давай встретимся там через пять минут, у входа.

К тому моменту когда Хэл разобрался с клавишами, чтобы переместить свою комнату ближе к столовой, и подошел к условленному месту, Аджела уже ждала его там. Пока он шел коротким коридором, отделявшим теперь его комнату от столовой, ему вдруг пришло в голову, что сейчас он, наверное, увидит Аджелу в последний раз перед своим отлетом. За прошедшие два дня ее место в сознании Хэла существенно изменилось: из некоей абстрактной сотрудницы Энциклопедии, пребывающей вне круга его интересов, она превратилась в знакомого и далеко не безразличного ему человека.

Результатом этого стало обостренное воспри-

ятие всего, что было связано с ней. Сколько он себя помнил, воспитатели всегда приучали его быть наблюдательным, и вот сейчас, когда они с Аджелой встретились, стали разговаривать и она повела его к столику в дальнем, свободном от посетителей конце комнаты, он впервые увидел ее такой, какой, наверное, должен был бы видеть с самого начала.

Впервые она оказалась как бы в фокусе его зрения. Только теперь он заметил, как прямо она держалась, направляясь к отведенным им местам, как во всем ее облике присутствовал едва уловимый оттенок властности и каким твердым и решительным было выражение ее лица, что, вообще говоря, экзотам несвойственно. Сегодня она оделась во все зеленое. Плотно облегающая фигуру светло-зеленая блузка доходила ей до середины бедер, частично закрывая длинную, до щиколоток, юбку с разрезами по бокам сверху донизу, распахивающимися при каждом ее шаге и открывающими взору темно-зеленые, в обтяжку брюки.

Цвет ее блузки напомнил ему цвет молодой весенней травы. На фоне дальней серовато-жемчужной световой стены было хорошо видно, насколько прямые у нее плечи. Пучок блестящих

белокурых волос, перехваченных сзади деревянной заколкой, отполированной так, что был хорошо виден рисунок дерева, прыгал по плечам в такт ходьбе, повторяя волнообразные движения юбки. Подойдя к столику, она села в кресло, он сел напротив нее.

Когда они выбрали себе еду, Аджела снова принялась расспрашивать его об утреннем общении с Энциклопедией; Хэл отвечал коротко, не желая рассказывать, насколько сильно подействовало на него то, что он узнал. Глядя на нее, он заметил, как слегка прищурились ее глаза, и понял, что она почувствовала его скованность.

— Я не собираюсь выспрашивать у тебя подробности. Если у тебя нет желания разговаривать на эту тему...

— Нет-нет, — поспешно перебил он ее, — дело не в этом. Просто мои мысли сейчас находятся в полном беспорядке.

Она вдруг улыбнулась ему своей ослепительной улыбкой.

— Не нужно оправдываться, — сказала она. — А что касается твоего душевного состояния, то Энциклопедия на многих ученых действует подобным образом.

Хэл медленно покачал головой.

— Я не ученый, — возразил он.

— Не надо быть столь категоричным, — мягко отозвалась Аджела. — Скажи, а ты по-прежнему намерен через несколько часов улететь отсюда и начать жить так, как собирался Ты хорошо это обдумал?

Хэл замялся, не зная, что сказать. Он не хотел признаваться в своем желании остаться, если бы мог, поскольку такой ответ она наверняка приняла бы за приглашение к уговорам.

— Я знаю, что у тебя есть причины, по которым ты не можешь остаться. — Аджела прервала молчание. Пристально глядя на него, она продолжала:

— Ты можешь рассказать мне о них? Есть у тебя вообще желание разговаривать на эту тему?

Хэл покачал головой.

— Понимаю, — сказала она мягко. — Но ты не откажешься выслушать, что думает по этому поводу Там?

— Конечно, нет, — ответил он.

В этот момент на поверхность стола поднялись тарелки с едой, которую они заказали. Аджела некоторое время рассматривала свою, затем перевела спокойный взгляд на Хэла.

— Ты видел Тама, — начала она, когда оба они

принялись за еду. Мягкость в голосе исчезла, в нем зазвучала та уверенность, которая угадывалась в ее походке. — Ты знаешь, сколько ему лет. Для тебя, возможно, два-три года мало что значат, а он стар. Очень стар. Он обязан думать о том, что произойдет с Энциклопедией, если не окажется никого, кто смог бы взять на себя руководство ею после того, как он... оставит пост руководителя.

Пока она говорила, Хэл, как завороженный, не отрываясь смотрел ей в глаза. Они ярко блестели, их глубина казалась бездонной, а зеленоватый оттенок повторял цвет ее одежды.

Несколько мгновений они сидели молча, затем Хэл догадался, что она ждет его ответа.

— Ну, в этом случае пост руководителя займет кто-нибудь другой, ведь так?

Она покачала головой:

— Это будет уже не один человек. Существует Совет Директоров, который возьмет на себя руководство станцией. Совет должен был возглавить Энциклопедию после смерти Марка Торре. Но Марк нашел Тама и внес изменение в план действий. Но теперь, если Там умрет, не оставив преемника, управление перейдет к Совету, и с этих пор Энциклопедия будет иметь коллективное руководство.

— А как раз этого-то вы бы и не хотели?

— Конечно, нет! — Ее голос приобрел жесткие интонации. — Там всю свою жизнь стремился сориентировать Энциклопедию на то, чем она действительно должна быть, и не дал ей превратиться в коллективно управляемую библиотеку! И как ты полагаешь, я не права?

Теперь ее глаза стали совершенно зелеными, причем того редкого оттенка, который приобретает лесная листва, освещенная пламенем ночного костра. Прежде чем ответить, он подождал секунду-другую, чтобы отголосок ее слов отзвучал в ее собственных ушах.

— Вы считаете правильным то, что считаете, — наконец произнес он, руководствуясь принципом, который в нем воспитывали и в который он верил. Ее горящий взгляд еще какое-то мгновение не отпускал его глаз, затем она, потупив взор, уставилась в свою тарелку. Когда она заговорила вновь, тон ее голоса заметно сник.

— Я... Ты не понимаешь, — медленно проговорила она. — Мне очень нелегко...

— Нет, я как раз понимаю, — сказал он, не дав ей договорить. — Я ведь рассказывал, что одним из моих воспитателей был экзот.

Благодаря Уолтеру Хэл осознавал, какие чувства

одолевают Аджелу: ей как экзотке было трудно оказывать на него воздействие. Ее соотечественники считали, что любое участие в историческом процессе, даже в самой незначительной степени, искажает восприятие этого процесса изолированным и беспристрастным наблюдателем. А главным смыслом жизни человека, с точки зрения экзотов, является регистрация хода истории, выполняемая беспристрастно и без вмешательства в происходящее. Важно лишь то, куда этот ход истории приведет человечество.

— В сущности, — сказал Хэл, — когда вы ничего не говорите, вы гораздо красноречивее убеждаете меня в необходимости остаться здесь, чем могли бы сделать это словами.

Он улыбнулся, надеясь, что она сделает то же самое, и обрадовался, увидев ответную улыбку на ее лице. Конечно, свою мысль он выразил достаточно коряво, но тем не менее это была правда, чего Аджела, с ее проницательным умом, не могла не почувствовать. Если бы она его уговаривала, то свои возражения он должен был бы адресовывать ей, своему собеседнику. А так ему приходилось вступать в спор лишь с собственными желаниями и соблазнами, что, как она, наверное, догадывалась, ставило его перед лицом

оппонента гораздо более сильного.

Однако Хэла терзала совесть: своим поведением он оставлял ей надежду. В любом случае он не откажется от своих намерений и не останется здесь. Но он не видел возможности объяснить все это так, чтобы не причинить ей боли и не ввести ее в заблуждение. Он знал о ней, о ее жизни и характере слишком мало, чтобы вести с ней подобный разговор. Эта мысль буквально приводила его в отчаяние. А времени на то, чтобы узнать ее лучше, уже не оставалось.

— Вы — откуда? С Мары? С Культиса? — спросил он. — Как вы в конце концов очутились здесь?

Неожиданно она улыбнулась.

— О, я была уродцем, — ответила она.

— Уродцем? — Мысленно он сам иногда называл себя так. Но он не представлял себе, каким образом подобное определение могло быть связано с таким человеком, как она.

— Ну хорошо. Скажем, я была одной из уродцев, — пояснила она. — Мы сами так себя называли. Ты когда-нибудь слышал о маранском экзоте по имени Падма?

— Падма... — Он нахмурился.

Имя звучало как будто знакомо; похоже, он действительно слышал его из уст Уолтера или кого-то

другого из его учителей, но и только. Его память, так же как и все остальное в нем, была развита почти до совершенства. Если бы ему что-либо рассказывали о таком человеке, он обязательно бы припомнил это. Но сейчас, обшаривая» самые потаенные уголки своей памяти, он не нашел об экзоте по имени Падма никаких сведений.

— Сейчас Падма очень стар, — продолжала она. — Но прежде он регулярно посещал каждый из четырнадцати миров, отправляясь туда как представитель то Мары, то Культиса. Его деятельность восходит ко временам Донала Грима. В сущности, именно поэтому я и оказалась здесь.

— Он такой старый? — Хэл уставился на Анджелу. — Ему, должно быть, больше лет, чем Таму.

Она вдруг сразу стала серьезной. Улыбка исчезла с ее лица, из голоса пропали веселые нотки.

— Нет, он моложе. Но всего на несколько лет. — Аджела покачала головой. — Говорят, что даже в молодости он выглядел как человек, не имеющий возраста. И он уже в то время был выдающейся личностью. Достаточно долго Там считал, что Падма старше его. Но на сегодняшний день в Абсолютной Энциклопедии не зарегистрировано никого старше ста восемнадцати лет. Таму сейчас сто двадцать четыре. Жизнь в нем поддерживает

лишь его собственная воля.

Хэл слышал в ее голосе обращенный к нему призыв понять Тама. Ему хотелось сказать ей, что он постарается, но он снова не решился произнести слова, которые могли бы вселить в нее неоправданные надежды.

— Понятно. Но вы начали рассказывать, как попали сюда, — вместо этого произнес он. — Вы назвали себя одним из уродцев. Что это значит? И какое отношение имеет ко всему этому Падма?

— Все началось после его конфликта с Доналом Гримом. Позже, размышляя над случившимся, Падма пришел к заключению, что из-за излишней самонадеянности, которую отчасти можно было объяснить молодостью, не сумел заметить нечто важное, а именно: Донал обладал весьма ценными и, как он отмечал впоследствии, исключительно важными качествами в свете тех поисков, которые экзоты проводили на протяжении трех столетий. Это были собственные слова Падмы, произнесенные им на Ассамблее обоих Экзотских миров сорок лет тому назад. Донал, возможно, являлся тем выдающимся представителем человеческой расы, чье появление уже давно предсказывали.

Хэл нахмурился, пытаясь осмыслить услышан-

ное. О Донале он знал из курса общей истории и из рассказов Малахии. Но Донал, несмотря на его выдающиеся достижения, никогда не производил на Хэла достаточно сильного впечатления. Из всех Гримов, живших на Дорсае в Форали, его воображение больше всего занимали Ян и Кейси — Донал приходился им племянником, — а также суровый, израненный в сражениях Ичан Хан, его отец. Но ощущение потребности вспомнить что-то, связанное с именем Падмы, продолжало беспокоить его в самой глубине сознания.

— Падма, — продолжала тем временем Аджела, — чувствовал, что мы, экзоты, должны продолжить поиски того, чего, по всей видимости, не сумели разглядеть в Донале. А поскольку Падма пользовался исключительным уважением — если у тебя учителем был экзот, то ты понимаешь, какой смысл вкладывается в слово уважение на Маре и Культисе, — и поскольку он предложил путь, идти которым еще никто никогда не пробовал, то было решено позволить ему провести эксперимент. Он отобрал пятьдесят самых одаренных экзотских детей — среди них оказалась и я, — с тем чтобы мы росли и воспитывались в особых условиях.

В недоумении Хэл снова нахмурился:

— В особых условиях?

— Суть теории Падмы состояла в том, что в нашем собственном экзотском обществе действует какой-то фактор, тормозящий развитие именно тех сторон личности, которые делают возможным появление человека, подобного Доналу Гриму. Теорию Падмы можно было признавать или отвергать, но никто не мог отрицать того факта, что Донал обладал такими способностями, которые до сих пор не встречались ни у одного экзота.

Под впечатлением того, о чем она рассказывала, Аджела унеслась в мыслях очень далеко. Ее глаза снова стали зеленовато-голубыми и бездонными.

— Таким образом, — продолжала она, — он получил общее согласие на проведение эксперимента с нами — пятьюдесятью Детьми Падмы, как вскоре стали нас называть. Падма внимательно следил за тем, чтобы всех нас, как только мы обрели способность к пониманию, растили и воспитывали не только в традициях нашей собственной культуры, но знакомили также с культурой дорсайцев и квакеров, по экзотским канонам и та и другая автоматически отвергались. Тебе известно, насколько наши семейные

узы на Маре и на Культисе слабее, чем на Дорсае или на Гармонии и Ассоциации. В детстве мы относимся ко всем взрослым почти так же, как к родителям или ближайшим родственникам. Никто не пытался ориентировать развитие кого-либо из нас в каком-то определенном направлении, нам была предоставлена значительная свобода в проявлении эмоциональных привязанностей к полюбившимся нам личностям; не возбранялось рассуждать с романтических, а не строго логических позиций. Как раз общим в дорсайской и квакерской культурах является то, что там детям разрешается романтически относиться к действительности, в то время как у нас, у экзотов, детей всегда отучали от подобного мировосприятия.

Пока Аджела говорила, Хэл не спускал с нее глаз. Он еще не улавливал смысла ее рассказа, но у него возникло сильное ощущение — возможно, из-за малости разделявшего их расстояния, — что все это имеет для нее исключительно важное значение и что данный разговор дается ей нелегко. Он кивнул, призывая ее продолжать, и она стала рассказывать дальше:

— Короче говоря, нам не запрещали увлекаться такими вещами, какие в обычных условиях

были бы отнесены к категории бесполезных и не заслуживающих внимания. И вот я, когда подросла, буквально влюбилась в историю Тама Олина, этого блестящего, решительного журналиста, сделавшего попытку, почти удавшуюся, уничтожить в объявленной им личной вендетте культуру Квакерских миров, а затем вдруг решившего окончательно и бесповоротно вернуться на Землю и принять на себя всю ответственность за Абсолютную Энциклопедию, поскольку он оказался единственным человеком, кроме Марка Торре, слышавшим голоса в Точке Перехода.

Лицо Аджелы оживилось. Ее воодушевление передалось Хэлу и захватило его, подобно музыке.

— И этот человек до сих пор руководит Абсолютной Энциклопедией, — оживленно продолжала она, — он управляет ею от имени всего человечества, отказываясь допустить к управлению какое-либо иное лицо или структуру. Когда мне было девять лет, я уже знала, что должна прилететь сюда. А когда мне исполнилось одиннадцать, я получила на это разрешение — под личную ответственность Тама. — Она неожиданно улыбнулась. — Наверное, Тама заинтересовало, кто же это в столь юном возрасте так упорно стремится

попасть сюда. Позже я узнала — он немного надеялся, что, может быть, я тоже услышу голоса, как он... и как ты. Но я не услышала.

Она внезапно умолкла. Улыбка сошла с ее лица. Она едва притронулась к заказанной ею небольшой порции салата. Хэл же с удивлением обнаружил, что его тарелка совершенно пуста, хотя он не помнил, чтобы, слушая ее, что-нибудь ел.

— Значит, вы до сих пор остаетесь здесь из-за Тама? — нарушил молчание Хэл, убедившись, что она не собирается продолжать. Аджела, уже начавшая было ковырять вилкой свой салат, отложила ее в сторону с первыми словами Хэла и подняла на него глаза.

— Я появилась на станции из-за него, это верно, — ответила она. — Но я уже давно научилась видеть Энциклопедию его глазами, так, как должен был бы видеть ее и ты. И теперь, даже если бы здесь не стало никакого Тама Олина, я все равно бы осталась.

Она взглянула на свою прозрачную мисочку с салатом и отодвинула ее прочь от себя. Потом снова пристально посмотрела на Хэла.

— Энциклопедия — это надежда всего человечества, — проговорила она. — Ее единственная

надежда. Я больше не верю, что решение проблемы может быть найдено в нашей экзотской среде или где-либо еще. Оно здесь. Здесь! И больше нигде. И только Там мог поддерживать эту надежду живой. Ты нужен ему.

Тон, которым она произнесла эти последние слова, резанул его. Он взглянул на нее и окончательно понял, что не может сказать ей бездушное «нет», во всяком случае, здесь и сейчас. Он глубоко и тяжело вздохнул.

— Дайте мне подумать еще немного, — сказал Хэл. Ему необходимо было как можно скорее уйти отсюда, пока у него не сорвалось с языка какое-нибудь нелепое обещание, которое он все равно не сможет выполнить. Он оттолкнул свое кресло от стола, по-прежнему не отрывая взгляда от ее лица. Он сообщит ей позже, уговаривал он себя. Позвонит из своей комнаты по видеотелефону и скажет, что потом непременно вернется сюда. Ведь даже видя друг друга на экранах, они будут находиться на большом расстоянии друг от друга, а это уменьшит ту огромную эмоциональную силу убеждения, которая сейчас исходит от нее и противостоять которой он пытается из последних сил. И тогда он сможет успокоить ее, пообещав когда-нибудь вернуться на Энциклопедию.

— Сейчас я пойду в свою комнату и хорошенько все обдумаю еще раз.

— Хорошо, — сказала она, не двигаясь с места. — Но только помни — ты слышал голоса. Теперь ты тоже все понимаешь. Не забывай, что таких всего трое — ты, Там и я. Подумай, чем ты рискуешь, покидая сейчас Энциклопедию. Если ты улетишь надолго, то за время твоего отсутствия состояние Тама ухудшится и он уже не сможет больше оставаться на посту руководителя. А к моменту твоего возвращения управление станцией окажется в руках Совета, который не захочет передавать его кому бы то ни было. Если ты сейчас улетишь, то, по всей видимости, упустишь свой шанс здесь. Навсегда!

Хэл кивнул и поднялся. Аджела также встала из-за стола, только очень медленно, и они вместе молча направились к выходу. Выйдя из столовой, Аджела нажала несколько клавиш на расположенной в стене панели управления, и снова перед ними возник тот же самый коротенький коридор, в дальнем конце которого находилась дверь, ведущая в комнату Хэла.

— Спасибо. Я позвоню вам сразу же, как только у меня будет что сказать, — проговорил он, стараясь не смотреть на нее.

Через секунду их глаза все же встретились. Ее открытый, обезоруживающий взгляд, казалось, пронзил его насквозь без малейшего усилия.

— Я буду ждать твоего звонка, — сказала Аджела.

Хэл шел по коридору, чувствуя спиной сверхъестественную силу ее взгляда. И лишь после того, как дверь комнаты за ним закрылась, он ощутил, что освободился от его магического воздействия. Хэл опустился в кресло рядом с кроватью.

Он был совершенно опустошен. Крайне необходимо, говорил он себе, найти способ посмотреть со стороны на ту ситуацию, в которой он оказался, трезво оценить свое положение и те надежды, что возлагали на него Аджела и Там. Разумеется, она не видит никакого смысла в его стремлении улететь отсюда. С ее точки зрения, возможности, которые открывает перед ним Энциклопедия, столь грандиозны, что сравнивать пребывание здесь и на Коби было бы просто нелепо. На Коби он сумеет найти лишь одно — место, где можно спрятаться.

Энциклопедия же предлагает ему, помимо этого, еще и надежное укрытие под защитой силовых панелей, покровительство обитателей научной станции — единственного объекта, который

Иные, вероятно, никогда не смогут взять под свой контроль, а возможно, и вовсе не захотят брать. И потом, если Хэл останется и начнет работать на Энциклопедии, разве он будет представлять собой угрозу Иным? Он сможет стать для них угрозой, только находясь на их территории, на Молодых Мирах. Поэтому вполне вероятно, что, обнаружив его на станции. Иные просто оставят его в покое.

Между тем все возможности Энциклопедии были в его распоряжении. Уолтер любил повторять: погоня за знаниями — величайшее из всех приключений, когда-либо открытых человеческой расой. А воздействие на него Аджелы, особенно во время последней встречи, приобрело такую силу, что он уже почти потерял способность сделать самостоятельный выбор. Даже непродолжительный сеанс работы с Энциклопедией произвел на него огромное впечатление — словно ему дали поиграть со всей Вселенной...

Внезапно ему в голову пришло другое сравнение. Словно ему дали сыграть роль самого Господа Бога.

На Коби он будет чужим среди чужих — среди отбросов общества всех четырнадцати миров, ибо кто же отправится работать на шахты Коби, если

можно найти себе дело где-то в другом месте? А здесь — Аджела... и Там.

Последние слова Аджелы подействовали на него особенно сильно. Она, конечно, права: если он сейчас покинет Энциклопедию, а Там умрет или уйдет с поста руководителя, то все шансы когда-нибудь занять его место будут потеряны им навсегда. Об огромной ответственности, связанной с пребыванием на этом посту, Хэл пока не думал. Но сам этот факт — оказаться в роли человека, кандидатура которого рассматривается на роль преемника руководителя Энциклопедии! Там Олин, похоже, был крепкий орешек — то ли от природы, то ли годы сделали его таким. Тем не менее Аджела, вне всякого сомнения, считала его достойным уважения и любви, да и сам Хэл, несмотря на непродолжительность их встречи, начал испытывать к старику теплые чувства.

Может, отчасти потому, что он напомнил ему Авдия. Наверное, Хэл сознательно искал черты своего учителя в облике руководителя Энциклопедии, и это вызвало в нем ощущение большей близости к Таму, чем предполагала сложившаяся ситуация. Но не это имело значение. Гораздо более важным представлялась сама Энциклопедия, а также то обстоятельство, что на ней существо-

вала последовательность смены руководителей. И если у Хэла действительно имелись серьезные шансы с течением времени принять бразды правления из рук Тама, тогда...

Сознание Хэла погрузилось в туманные, но очень сладкие грезы, в которых фигурировала Энциклопедия, преображенная за несколько лет его пребывания на ней с последующим занятием поста ее руководителя. Аджела могла бы стать для него такой же помощницей, какой была для Тама. Наверняка она бы согласилась на это, хотя бы из чувства преданности Энциклопедии. Ну а если бы они поладили друг с другом...

Он взглянул на свой ручной хронометр. Кольцевая шкала, установленная на местное время, показывала, что остается меньше полутора часов до старта корабля. Сознание Хэла было по-прежнему окутано радужными мечтами, однако он поднялся, прошел через комнату и взял свою дорожную сумку, с которой прилетел на Энциклопедию.

Вдруг Хэл засмеялся.

Он отправлялся на Коби.

Возвращение к реальности подействовало на него, как тупой удар, однако оно не было неожиданностью. Внезапно он осознал, что это не

мертвые руки Уолтера, Малахии и Авдия управляли его действиями, подчиняя их своей воле. И даже не расчет, автоматически выполненный хорошо натренированным мозгом и заставляющий его поступать вопреки собственным устремлениям. Все обстояло гораздо проще: он сам, по причинам, еще до конца не осознанным, уверился в необходимости продолжать свой путь. А то, что он услышал от Аджелы и узнал, работая с Энциклопедией в это утро, не только не поколебало его уверенности, но, напротив, укрепило ее.

С тяжелым сердцем он начал нехитрые сборы, укладывая в сумку свои бумаги и личные вещи. Делая вид, что вопрос о его отлете с Энциклопедии все еще остается открытым, он обманывал не только Аджелу, но и самого себя.

У него не хватило духу сказать ей правду в столовой во время обеда. Исходя из своих экзотских принципов, Аджела не стала бы допытываться у него о причинах; но она имела — и имеет — право получить какие-то объяснения. Только он не может дать их ей. Поэтому ему придется покинуть Энциклопедию тайком — так же, как он тайком пробирался на нее. А когда корабль, прокладывая себе путь среди звезд, уже будет неотвратимо нести его к намеченной цели, он от-

правит Аджеле и Таму сообщение о своем отлете. Уложив вещи, Хэл набрал на панели управления код порта отправления и через образовавшийся в стене проход вышел в небольшой коридор, приведший его к новому проходу, за которым пожилая женщина, глядя с экрана, пробежала глазами его документы, и направился дальше, в стартовый отсек. До начала посадки на корабль оставалось еще сорок минут. И уже через пять минут после того, как они истекли, Хэл занял свое место в каюте, а еще через сорок минут корабль покинул стартовую площадку.

— Первый фазовый сдвиг через два часа, — услышал он голос над своей головой. Это ожила корабельная информационная система. — Повторяю: первый фазовый сдвиг через два часа. Сразу же после этого будет подан ужин. Каюты левого борта — первая смена, правого — вторая.

Его каюта располагалась по левому борту. И хотя сейчас он не был голоден, через два часа у него наверняка, как обычно, появится зверский аппетит. Хэл занял одно из двух имевшихся в каюте жестко закрепленных сидений — оно находилось под сложенной и прикрепленной к переборке койкой.

После фазового сдвига прямая связь корабля с

Энциклопедией станет невозможной. Одно мгновение, и их будут разделять несколько световых лет; тогда самым быстрым способом передачи информации станет отправка сообщения с попутным кораблем, направляющимся к Земле. Он не смог заставить себя вести разговор с Аджелой лицом к лицу, но что-то в его душе восставало против того, чтобы дожидаться, пока корабль окажется достаточно далеко от станции. Аджела наверняка думает, что он решил не улетать и сейчас работает с Энциклопедией. Позже, когда подойдет время ужина, он позвонит ей.

Хэл встал с сиденья, подошел к крошечному столику, находящемуся у противоположной переборки, напротив койки, сел на сиденье и набрал код вызова центра связи. Экран засветился, на нем появилось изображение грузного человека в форменном белом костюме.

— Я хотел бы отправить сообщение на Энциклопедию, — обратился к нему Хэл.

— Пожалуйста. Сообщение будет письменным или речевым? Вы хотите закодировать его кодом для личных посланий?

— Речевым. Никакого кода не нужно. Оно адресовано Аджеле, специальному помощнику руководителя. «Аджела, мне очень жаль, но я

должен улететь».

Он услышал с экрана собственный голос, повторивший:

— Аджела, мне очень жаль, но я должен улететь.

— Это все? — уточнил работник центра связи.

— Да. Подпишите его моим именем, меня зовут Хэл Мэйн. — Он на мгновение задумался. — Подождите... Добавьте еще: «Я постараюсь увидеться с вами обоими сразу же, как только смогу».

— Аджела, мне очень жаль, но я должен улететь. Я постараюсь увидеться с вами обоими сразу же, как только смогу. Хэл Мэйн. — Экран повторил его слова еще раз.

— Все в порядке? Может, вы хотели приписать последнюю фразу в виде постскриптума? — спросил связист.

— Нет, пусть все останется так. Спасибо.

Хэл выключил связь и встал с сиденья. Он разложил койку и растянулся на ней. Лежа на спине, обвел взглядом потолок и стены своей каюты; всюду глаз встречал один и тот же унылый коричневый цвет. Единственный ощутимый признак движения корабля — легкая вибрация его корпуса — будет сопровождать их на протяжении всего полета, до тех пор пока они, достигнув Новой

Земли, не выйдут на стационарную причальную орбиту вокруг нее. А в моменты фазового сдвига не будет чувствоваться даже и она.

Для Хэла не существовало никакого иного приемлемого выхода, кроме как отправиться на Коби. Но для того чтобы он понял неизбежность этого шага, ему понадобилось побывать на Энциклопедии, хотя и там это понимание пришло к нему сложным путем. Решение подсказали ему стихи, их образы говорили с ним через его подсознание, подобно его общению с образами Уолтера, Малахии и Авдия в первую ночь на этой гигантской станции. Он и есть тот самый рыцарь, и у него имеется одно-единственное предназначение.

Стихи же выражали тот огромный душевный подъем, который он почувствовал, вступив в контакт с Энциклопедией. Еще не отдавая себе отчета в происходящем, он испытал нечто до сих пор неведомое, ощутил воздействие какой-то огромной силы, взбудоражившей его, словно звук боевой трубы, проникшей в самые глубины души. На короткое время, сам того не зная, он прикоснулся к своему возможному будущему, и оно открыло ему такие грандиозные перспективы, что все остальное бесконечно мельчало перед ними. Но путь к этому будущему проле-

гал не через келью ученого-затворника и даже не через рабочий кабинет Тама на Энциклопедии. По крайней мере, не теперь. Еще многое в нем должно развиться до такой степени, чтобы соответствовать масштабам возможностей Энциклопедии. Какой-то глубинный инстинкт отчетливо подсказывал Хэлу, что это развитие не может происходить в стерильной, защищенной от внешних воздействий обстановке. Только живя среди людей, он сможет обрести силу, столь необходимую для использования могучего рычага, имя которому Энциклопедия. А когда он осознает в себе эту силу, то вернется независимо от того, окажется он желанным или нет.

Лежа на койке и воспринимая всем телом легкую вибрацию корабля, Хэл чувствовал себя целиком захваченным своим только что осознанным предназначением. И в то же время он ощущал свою нынешнюю отстраненность от всего происходящего вокруг него.

Глава 5

Когда направлявшийся к Новой Земле космический корабль покинул земную орбиту и началась подготовка к первому фазовому сдвигу, Хэла охватило острое чувство полного одиночества. Находясь на Абсолютной Энциклопедии, он не ощущал себя таким одиноким благодаря Таму и Аджеле, а до этого состояние шока в сочетании с воспитанной в нем способностью к самоконтролю не давало ему в полной мере осознать свое новое положение — положение круглого сироты. И вот теперь внезапно пришло понимание всей непоправимости утраты.

В эту первую ночь на борту корабля Хэл увидел яркий, красочный сон, из которого выходило, что события на террасе и смерть Малахии, Авдия и Уолтера были не более чем привидевшимся ему ночным кошмаром. Несмотря на глупое положение, он очень обрадовался: выходит, что они живы и вообще все обстоит благополучно.

А затем он на самом деле проснулся. Лежа в темноте, Хэл вслушивался в негромкое сопение корабельной системы вентиляции, доносившее-

ся из забранного решеткой отверстия в переборке каюты. Пустота и безысходное отчаяние — вот что владело его душой. Он натянул одеяло на голову, как это делают совсем маленькие дети, и лежал так, пока через некоторое время снова не заснул. Теперь его посетили уже другие сны, и потом он не смог их вспомнить.

С этого момента чувство обособленности и уязвимости уже не покидало его. Он был способен оттеснить его в самые глубины своего сознания, но оно оставалось там, где, словно в темном углу, прятались также Блейз и прочие Иные, сжавшиеся в комок, затаившиеся и выжидающие. Теперь он понимал, что допустил серьезную ошибку, не позаботившись о том, чтобы оформить билет на вымышленное имя.

Но ситуация, разумеется, была поправимой. По прибытии на Новую Землю он мог отказаться от предварительного заказа, сделанного на имя Хэла Мэйна, а затем снова заказать себе билет на Коби, назвавшись чужим именем. Тогда, просматривая пассажирские списки, можно будет узнать только то, что Хэл Мэйн прилетел на Новую Землю.

Однако более трезвая часть его рассудка говорила, что, даже зарегистрировавшись под своим собственным именем, как сейчас, он не

подвергает себя почти никакой опасности, потому что Блейзу не так-то просто разыскать в пассажирских списках его имя. И причиной тому явилось бы вовсе не плохое ведение записей или невозможность получения Иными доступа к ним. Просто дело заключалось в том, что высокая интенсивность межзвездных перелетов и отсутствие единообразия в системах регистрации превращала просмотр этих записей с целью выхода на след какой-либо конкретной личности в настоящий статистический кошмар.

Тем не менее Хэл решил, что должен оставаться как можно менее заметным до тех пор, пока не окажется на Коби, а там и вовсе затеряться под вымышленным именем. Следовало, таким образом, прежде всего ограничить в максимально возможной степени контакты с пассажирами корабля, что, разумеется, не являлось для него тяжким бременем. В данный момент он не испытывал большого желания знакомиться ни со своими попутчиками, ни с экипажем.

Однако, принимая столь благоразумное решение, Хэл не предполагал, что в результате такой добровольной самоизоляции он окажется целиком во власти собственных мыслей и чувств в продолжение всех оставшихся дней полета. Вре-

менами он вдруг неожиданно впадал в глубокую, невыносимую тоску, постепенно переходившую в холодную, неистовую ярость, которая каким-то странным образом казалась ему знакомой, хотя он не мог вспомнить, чтобы прежде испытывал что-либо подобное. Его охватывала дрожь при одной мысли о Блейзе с его Иными. Страстное желание уничтожить не только их самих, но и все связанное с, ними охватывало его с такой силой, что он не мог думать больше ни о чем другом.

Как ты поступил со мной и с моими...

Казалось, эти слова появлялись в сознании из какой-то очень древней части его существа, будто полустертая надпись, вырезанная на камне, лежащем у него на сердце. Он последует совету призраков Малахии, Авдия и Уолтера и затаится до тех пор, пока не станет достаточно сильным, чтобы вступить в схватку с Иными. А тогда он уничтожит их, как они уничтожили самых дорогих ему людей. Аджела упоминала о том, что Там Олин однажды решил покончить со всей квакерской культурой. Но потом Там передумал. Он, Хэл Мэйн, никогда не поступит подобным образом.

Уолтер воспитал в нем способность подавлять разрушительные устремления, которые могли бы руководить его поступками. Но теперь Хэл об-

наружил, что в минуты самой острой и глубокой скорби, когда обрушившееся на него горе кажется уже невыносимым, противостоять ему способно лишь чувство беспредельного гнева.

Перелет на Новую Землю оказался в общем-то не таким уж длительным, если считать по фактическому субъективному, то есть корабельному, времени. Большинство пассажиров направлялось отсюда дальше, на вторую планету Сириуса — Фрайлянд, более богатую, где деловая активность была выше. Но все корабли обязательно делали остановку на Новой Земле, поскольку эта планета служила главным перевалочным пунктом. Поэтому те, кто, так же как и Хэл, следовали дальше, пересаживались на другие корабли здесь, а не на Фрайлянде.

Хэл надеялся встретить среди пассажиров хотя бы одного человека, направляющегося, как и он, на Коби или знающего эту планету не понаслышке, — чтобы расспросить его, каково там живется шахтерам. Однако попутчиков ему не нашлось.

Это подтвердил и стюард, которого он попросил поискать их по корабельному списку. В конечном итоге, когда Хэл пересел в челнок, чтобы спуститься с орбиты вниз, в город Новая Земля, где ему предстояло трое суток ждать корабля, направ-

ляющегося на Коби, он знал о пункте назначения своего путешествия не более, чем в тот момент, когда покидал Абсолютную Энциклопедию.

Неожиданно для Хэла город — один из центров межпланетных перевозок — оказался настолько привлекательным, что на некоторое время впечатления от увиденного даже оттеснили в глубины его сознания воспоминания о событиях на террасе и на Энциклопедии. Небо над Новой Землей буквально кишело грузовыми и пассажирскими челноками, а вдоль улиц располагались многочисленные транспортные агентства. Поэтому у Хэла не возникло никаких проблем с аннулированием своего первоначального заказа на билет до Коби и приобретением нового билета, теперь уже на чужое имя.

Сам город раскинулся на возвышенной равнине в умеренной климатической зоне северного полушария планеты, в глубине континента, при слиянии двух больших рек. Из пройденного им курса географии Хэл помнил, что зимой здесь должно быть очень холодно. Но теперь стояла середина лета, в пыльном воздухе ветер разносил аромат растений, характерных для этой широты планеты. Время от времени Хэл заходил в попадавшийся на его пути ресторан и, потягивая из

стакана местный фруктовый или овощной сок, рассматривал проходящих мимо людей.

Вопреки полученному им воспитанию, в душе Хэла сохранялось романтическое начало, которое всегда будило в нем мысль о том, что люди на сравнительно недавно заселенных планетах должны обладать весьма заметными отличительными особенностями. Но люди на Новой Земле в своем большинстве не отличались от представителей весьма разноликого населения Старой Земли. Они говорили точно так же и, если не считать незначительных отличий в покрое и стиле, носили такую же одежду. Лишь изредка он замечал мужчин и жен-шин, одежда и манера поведения которых явно выдавали их принадлежность к одной из Осколочных Культур — квакерской, экзотской или дорсайской.

Солнечный свет, запахи, жизнь — все вокруг было другим, привлекающим внимание и захватывающим воображение. И Хэл не замечал здесь признаков того упадка и разложения, о котором говорил Там Олин, не ощущал приближения Армагеддона, конца нынешней цивилизации, и тем более — гибели всей человеческой расы. В конце концов он перестал размышлять на эту тему и сосредоточил свое внимание на более насущных

вопросах. Людям, с которыми ему доводилось вступать в контакт, он представлялся студентом университета с Земли. Здесь он собирает материалы для экзаменационной работы. Так он проверял, похож ли на юношу, которому уже исполнилось или скоро исполнится двадцать лет, и остался очень доволен результатами своей проверки, поскольку его легенда как будто ни у кого не вызывала сомнения. Правда, он уже довольно давно обнаружил в себе дар перевоплощения, присущий прирожденному актеру.

Хэл провел в городе три дня по местному времени, прежде чем корабль, отправлявшийся на Коби, покинул орбиту планеты, но даже этих трех дней хватило, чтобы у него возникло почти непреодолимое искушение остаться здесь на месяц-другой, попробовать приноровиться к условиям жизни на Новой Земле. Но мысль о том, что Блейз уже мог приступить к поискам, а также та внутренняя сила, которая направляла теперь всю его жизнь на достижение единственной, главной, пока еще нечетко обозначенной цели, заставила его и здесь вовремя сесть на джитни, курсирующий между поверхностью планеты и орбитой, и там перейти с него на корабль, следующий на Коби. И сейчас, по прошествии

нескольких часов, он снова летел среди звезд, и снова приближался момент первого из фазовых сдвигов на пути к этой лишенной атмосферы планете, где его ждет работа в подземных шахтах.

Корабль, уносящий теперь Хэла в межзвездное пространство, разительно отличался от пассажирского лайнера, доставившего его с орбиты Земли. Это был грузовой транспорт, рассчитанный на небольшое количество пассажиров. Кроме Хэла на борту находились еще трое; это были торговые агенты, которые все свободное время проводили в комнате отдыха, азартно развлекаясь метанием в цель невесомых шаров. Хэл встречался с ними, так же как и с членами экипажа, лишь за едой. Так прошло пять дней, и наконец они достигли Коби.

Когда корабль, медленно снижаясь, приблизился к поверхности планеты, напоминающей лунный пейзаж, перед ним вдруг возникла широкая расселина, из которой вверх ударил яркий свет. Зависнув над ней, корабль, поддерживаемый лишь маневровыми двигателями, плавно скользнул вниз, поскольку все построенное на Коби руками человека скрывалось под землей.

Как только они оказались под поверхностью планеты, края расселины сомкнулись над ними.

Наличие воздушных шлюзов сводило утечки воздуха к минимуму, но Хэл знал, что его, так же как и воду, здесь получают из химических соединений, входящих в состав минералов, поэтому стремятся избегать даже самых незначительных потерь. Однако в следующий момент он уже не думал о проблемах, связанных с переработкой минералов и химических соединений, потому что место, куда они попали, было совершенно не похоже на Энциклопедию.

То, что Хэл увидел, больше всего напоминало обычный, сооружаемый на поверхности планет полномасштабный военный или торговый космический порт. Только этот — со стартовой площадкой внушительных размеров, с многочисленными зонами предстартовой подготовки и загрузки кораблей, расположенными по ее периметру, — вырубили в скальном массиве внутри планеты. На экране в своей каюте Хэл, внимательно наблюдавший за посадкой корабля, видел, как в покоящиеся на платформах технического обслуживания корабли загружались металлические детали и изделия. Коби поставляла их по более дешевым ценам, чем любой другой мир.

Как-то однажды Авдий в своей обычной резкой манере назвал нелепостью тот факт, что

человечество слишком долго не могло осознать, насколько благоприятны условия на планете, которой оно обязано своим происхождением. Земля — это не только воздух, вода, приемлемый климат, богатая флора и фауна, но еще и обширные запасы металлов. Первые же поселенцы, обосновавшиеся на молодых мирах, очень скоро обнаружили, что необходимые им металлы либо имелись здесь в весьма ограниченных количествах, либо доставались слишком дорогой ценой, поскольку их добыча из скальных пород мантии, залегающих под корой планет, требовала огромных затрат. На двенадцати планетах из четырнадцати общество испытывало весьма заметный недостаток металлов, а на некоторых из них, например, на обеих планетах квакеров и на Дорсае, их нехватка ощущалась настолько остро, что эти миры не могли бы существовать в рамках современного межзвездного сообщества, если бы не имели возможности закупать металлы, необходимые для поддержания и развития должного технического уровня, за пределами своих планет. Все четырнадцать миров могли составлять единое сообщество лишь до тех пор, пока они торговали друг с другом, а общей для них валютой служило профессиональное мастер-

ство их обитателей. Так, специалистов в области медицины и гуманитарных наук готовили экзоты, статистиков — квакеры. Профессиональные военные были выходцами с Дорсая.

Между тем грузовой корабль, доставивший Хэла, уже совершил посадку, и он вместе с остальными пассажирами сошел по трапу на посадочную площадку. Внизу их уже поджидали работники иммиграционной службы. Впрочем, проверка оказалась весьма непродолжительной и простой.

— Виза? — спросила грузная седоволосая женщина. Хэл протянул ей визу, купленную на Новой Земле на имя Тэда Торнхила.

— Будете проживать временно или постоянно?

— Постоянно, — ответил Хэл. — Я хочу подыскать здесь работу.

Чиновница пропустила бумаги Хэла сквозь поперечную щель в своем столе и возвратила их ему.

— Запросите справочную установку на терминале о местонахождении ближайшей конторы по найму на работу, — сказала она. От бесконечного повторения одних и тех же слов ее голос стал монотонным и безжизненным. — Если ваши намерения изменятся или по каким-либо причинам

вы задержитесь на территории порта, вы обязаны зарегистрироваться и покинуть Коби в течение семи дней, в противном случае вас депортируют. Если вы покинете территорию порта, то сможете вернуться сюда только по пропуску, полученному у начальства по месту работы. Следующий!

Хэл отошел, его место заняли стоявшие позади него торговые агенты.

Когда Хэл набрал на клавиатуре справочной установки, находящейся в здании терминала, свой запрос, на ее экране высветилось такое сообщение: «Контора по найму Станции Хола. Станция Хола: транспортный туннель С. По прибытии явитесь для собеседования». Одновременно установка выдала небольшую карточку с напечатанным на ней тем же самым текстом.

Хэл взял карточку и сунул ее в сумку. Его очень заинтересовало все, что находилось в порту, особенно зоны подготовки и загрузки кораблей. Он даже подумал было о том, что неплохо бы попытаться найти работу здесь, а не на шахте, но затем рассудил, что находится на Коби для того, чтобы скрыться от Иных, а территория порта, со всеми ее строгими проверками удостоверений личности и требованиями безопасности, является мало подходящим для этой цели местом.

Хэл отправился на поиски и вскоре обнаружил сооружение, похожее на станцию метро, которое и оказалось конечным пунктом туннеля С. Он занял место в одном из серебристых вагонов, скользивших вдоль туннеля на магнитных подушках, и через полтора часа оказался на другом конечном пункте линии — «Станция Хола», за двести километров от космического порта.

Контора по найму рабочей силы располагалась в дальнем углу станции и представляла собой четыре ничем не огороженных стола, три из которых пустовали. За четвертым сидел человек, беседовавший с посетителем; последний, судя по его внешнему виду и стоящей на полу возле стула дорожной сумке, явился сюда, так же как и Хэл, предлагать свои услуги. Когда разговор с предыдущим соискателем закончился и тот, поднявшись со стула и взяв свою сумку, вышел со станции через заднюю дверь, Хэл подошел к столу, протянул свои документы и, не ожидая приглашения, сел на стул.

Чиновника, похоже, нисколько не обидела некоторая бесцеремонность Хэла. Он быстро пробежал глазами его бумаги, оформленные на имя Тэда Торнхила, пропустил их через щель в столе и поднял голову. На Хэла смотрел мужчина лет

тридцати с небольшим, невысокий, худощавый, узколицый, с очень бледной кожей и копной рыжих волос на голове. Его лицо можно было бы назвать дружелюбным, если бы не выражение безразличия, которое, казалось, навсегда пристало к нему.

— Вы уверены, что хотите работать в шахте? — спросил он.

— Я не сидел бы сейчас перед вами, если бы не был в этом уверен, — ответил Хэл.

Чиновник быстро нажал несколько клавиш на своем пульте, и на столе появился печатный документ.

— Подпишите вот здесь и здесь. Если в течение недели ваши намерения изменятся, придется оплатить стоимость питания и проживания, а также все прочие расходы, связанные с вашим пребыванием у нас. Вы меня поняли?

— Да. — Хэл протянул руку, чтобы поставить отпечаток большого пальца на месте для подписи. Чиновник перехватил его руку.

— Вам известно, что общество здесь, на Коби, отличается от любого из остальных миров? Что законы здесь действуют по-иному?

— Да, я читал об этом, — отозвался — Хэл.

— На Коби вы обладаете иммунитетом против

депортации за пределы планеты, — продолжал чиновник, словно бы не услышав ответа Хэла, — какие бы юридические документы других миров на ней ни настаивали. Вместе с тем все юридические права здесь переданы руководящим органам компаний и Всепланетному Консорциуму Компаний: в его состав, разумеется, входит и компания, где вы станете трудиться. Представителем правовых органов, перед которым вы будете непосредственно отвечать за свои поступки, является прокурор компании, выполняющий одновременно функции следователя, обвинителя, судьи и присяжных заседателей. Если он привлечет вас к ответственности, то вы будете считаться виновным до тех пор, пока не сумеете доказать свою невиновность. Вы останетесь в полном его распоряжении столько времени, сколько ему потребуется, и вас могут допрашивать любыми методами, какие он сочтет необходимыми для получения от вас интересующей его информации. Его решение по вашему делу станет окончательным, не подлежащим пересмотру, и может выразиться в любой мере наказания вплоть до смертной казни, способ которой он также выберет сам, и компания не будет обязана сообщать кому бы то ни было о вашей

смерти. Вам понятно все это?

Хэл смотрел на говорившего широко открытыми глазами. Он уже читал об этом раньше, проходя свой курс обучения, в том числе и обо всех упомянутых чиновником подробностях. Но когда ты сидишь, слушаешь и осознаешь, что эти сведения отныне касаются тебя лично и становятся твоей повседневной реальностью, — это совсем другое дело.

Ему показалось, что затылком он ощутил легкое дуновение леденящего ветерка.

— Понятно, — кивнул он.

— Очень хорошо, — сказал чиновник. — Тогда вы будете помнить, что такая категория, как права личности, перестает существовать для вас с того момента, как вы оставите на контракте отпечаток своего большого пальца. Контракт закрепляет ваше обязательство отработать на компанию в течение одного стандартного для Коби года за оплату по ставке ученика. Контракта на меньший срок мы не заключаем. Может, вы хотите наняться на более длительный срок?

— Нет, — ответил Хэл. — Но ведь я смогу возобновить контракт по истечении года без каких-либо потерь для себя, верно?

— Да. — Теперь чиновник убрал свою руку,

закрывавшую место подписи на контракте. — Поставьте, пожалуйста, вот тут отпечаток вашего пальца.

Хэл пристально взглянул на него. Уолтер любил повторять, что каждый нормальный представитель человеческой расы является неповторимой личностью, только надо уметь найти к ней подход. Хэл подумал, не попытаться ли поискать этот подход сейчас, но не обнаружил в облике сидящего перед ним человека ничего, что позволяло бы надеяться на успех такой попытки.

Он протянул руку, поставил отпечаток пальца и подписал контракт.

— Это ваш экземпляр. — Чиновник взял со стола и протянул ему листок. — Выйдите через заднюю дверь и по указателям в коридоре отыщите офис зоны ожидания.

Хэл вышел за дверь и направился вперед, ориентируясь по указателям. Пройдя вдоль хорошо освещенного туннеля шириной около четырех метров, он очутился перед значительно более широким проходом, открывшимся в правой стене туннеля. Свернув в этот проход, он увидел с правой стороны отгороженное помещение, которое могло быть офисом, а слева — обширное изолированное пространство со входом, не имев-

шим дверей, откуда доносились голоса и музыка. Чуть дальше впереди находились два ряда больших клеток, образованных тянущимися от пола до потолка металлическими прутьями, при этом большая часть их дверей была открыта.

Хэл предположил, что находящаяся справа комната и есть тот самый офис зоны ожидания, о котором говорил чиновник, но чувство любопытства влекло его в противоположную сторону, ко входу в обширное, похожее на зал помещение, откуда доносился манящий шум. Повинуясь безотчетному, выработанному годами тренировок инстинкту самосохранения, он подошел ко входу не прямо, а сбоку и, остановившись метрах в трех от него, заглянул внутрь. Но в данном случае все эти меры предосторожности оказались излишними, никто из находившихся внутри не обращал никакого внимания на то, что происходит снаружи.

Очевидно, это помещение предназначалось для отдыха. В нем находилось довольно много мужчин и всего одна женщина. В зале был бар, и почти все посетители что-то пили из больших, емкостью не меньше чем пол-литра, металлических кружек серебристого цвета. На любой другой планете такие кружки несомненно ценились бы

весьма высоко, здесь же, видимо, просто давали возможность сэкономить за счет использования дешевой небьющейся посуды.

Хэл повернулся назад, к предполагаемому офису, и подошел к двери. Не обнаружив кнопки оповестителя, он постучал; однако на стук никто не ответил. Тогда он открыл дверь и вошел внутрь.

За стойкой, перегораживающей всю комнату от стены до стены и возвышающейся над полом примерно на метр, стояли два стола. За одним из них сидел тучный, лысоватый мужчина средних лет. Весь его облик наводил на мысль, что главным делом в его жизни является бесконечное сидение.

— У нас тут не стучат, — сообщил он, мельком взглянув на Хэла, и протянул руку. — Документы.

Хэл перегнулся через стойку и передал их. Чиновник взял бумаги и пропустил их сквозь щель в столе.

— В порядке, — сказал он, возвращая бумаги Хэлу, которому пришлось снова распластаться над стойкой, чтобы дотянуться до них. — Найди себе свободную койку там, сзади. Перекличка и назначение на работы в восемь тридцать утра.

Мое имя — Дженнисон, но ты будешь называть меня — Управляющий.

— Благодарю вас, — инстинктивно вырвалось у Хэла, и тут Дженнисон в первый раз внимательно посмотрел на него.

— Сколько тебе лет? — поинтересовался он.

— Двадцать, — сказал Хэл.

— Ну, разумеется. — Дженнисон кивнул.

— Здесь есть такое место, где я мог бы получить что-нибудь поесть? — спросил Хэл.

— Я могу продать тебе пакет с готовым завтраком, — предложил Дженнисон. — У тебя есть кредит?

— Вы же видели мои документы.

Дженнисон ткнул пальцем в несколько клавиш пульта и взглянул на экран.

— Хорошо, — произнес он. — Я записал на твой счет стоимость пакета. — Он развернулся вместе со своим креслом, что-то нажал на стене позади стола, стена раскрылась, и в ней обнаружился шкаф для хранения съестных припасов. Он вынул оттуда запечатанный белый пакет и перебросил его Хэлу.

— Спасибо, — поблагодарил Хэл.

— Скоро ты забудешь эту привычку, — буркнул Дженнисон.

— Какую привычку — не понял Хэл.

Дженнисон коротко рассмеялся, причем звуки очень напоминали хрюканье, ничего не ответил и снова склонился над своим столом.

Хэл взял пакет, поднял с пола сумку, вышел из офиса и направился в глубь помещения, туда, где находились клетки. Приблизившись, он увидел, что в каждой из них с обеих сторон стояли по две двухъярусные койки, так что здесь могли спать одновременно восемь человек. Койки в клетках располагались вдоль боковых стенок; небольшие промежутки отделяли их спереди от решетки из металлических прутьев, а сзади — от глухой стены, образованной, видимо, скальной породой, в которой была вырублена пещера, вместившая все эти помещения. Ближайшие к нему клетки уже занимали по два-три обитателя. Лежа на койках, они крепко спали. Он направился дальше, но оказалось, что ни одна из клеток не пустовала, в каждой уже находились люди, правда, в некоторых всего по одному человеку.

В конце концов Хэл выбрал именно такую клетку. Дверь в нее была открыта, и он несколько нерешительно вошел внутрь. Сидящий на одной из нижних коек в глубине клетки мужчина лет сорока с грубыми чертами лица что-то вырезал

из куска материала серого цвета, похожего на металл, но, видимо, очень мягкого. Когда Хэл вошел, тот прервал свое занятие и взглянул на Хэла с выражением полного безразличия на лице.

— Привет, — поздоровался Хэл. — Я Тэд Торнхил. Я только что подписал контракт и буду здесь работать.

Не дождавшись никакого ответа, Хэл показал на нижнюю койку напротив той, которую занимал мужчина.

— Здесь занято? — спросил он.

Молчаливый старожил клетки на этот раз смерил его более долгим взглядом, но все с тем же отсутствующим выражением лица, и наконец заговорил. Его голос оказался грубым, скрипучим, словно бы заржавевшим от долгого бездействия.

— Вот здесь? Нет, это место свободно.

— Ну, тогда я займу его. — Хэл бросил сумку в изголовье койки, к задней стене клетки, сел на койку и принялся открывать пакет с едой. — Я ничего не ел с тех пор, как сошел с корабля, — сообщил он.

Сосед ничего не ответил и продолжил вырезать. Хэл вскрыл внешнюю оболочку пакета и сквозь прозрачную внутреннюю увидел некое подобие жаркого с тушеными овощами и неочищенным

картофелем, пару ломтиков хлеба и небольшую плитку шоколада, наверняка синтетического. Почувствовав, что после вскрытия внешней оболочки пакет стал автоматически нагреваться у него в руках, он выждал положенные шестьдесят секунд, разорвал прозрачную внутреннюю оболочку и приступил к трапезе. Еда оказалась безвкусной, но все же была горячей и насыщала пустой желудок, что вызывало приятное ощущение. Правда, Хэл забыл попросить у Дженнисона какого-нибудь питья.

Он перевел взгляд на сидящего напротив соседа, продолжавшего трудиться над куском металла, уже начинающего приобретать очертания фигурки человека.

— Где тут можно чего-нибудь попить? — поинтересовался он.

— Пиво и спиртное в баре, там, впереди, если есть кредит, — не поднимая головы, ответил тот.

— Нет, я имею в виду что-нибудь вроде фруктового сока, кофе или просто воды, — пояснил Хэл.

Самодеятельный скульптор поднял голову, посмотрел на Хэла и, подняв нож на уровень груди, махнул им вверх и вправо, указывая на стену как раз позади них. Поднявшись с койки, Хэл увидел в стене отверстие, а рядом с ним кнопку.

Оглянувшись вокруг и не найдя ничего похожего на чашку или стакан, он свернул нечто вроде пиалы из фольги, служившей наружной оболочкой пакета с едой. Нажав кнопку и поймав в свой импровизированный сосуд брызнувшую из стены небольшой дугой струйку воды, он напился. Вода имела ощутимый привкус железа. Он снова сел, покончил с трапезой, потом скомкал упаковку вместе с самодельной чашкой и оглянулся по сторонам.

— Брось под койку, — посоветовал старожил клетки. Хэл удивленно уставился на него, но тот продолжал заниматься своей резьбой, не поворачивая головы и не обращая на Хэла никакого внимания. В конце концов, так и не поверив в серьезность услышанного совета, он все же последовал ему. После этого Хэл лег на койку, предусмотрительно положив сумку между головой и решеткой, отгораживающей его от соседних клеток, и остановил взгляд на темной поверхности нижней части находящейся над ним койки.

Он уже начал было засыпать, когда звук приближающихся шагов заставил его открыть глаза и посмотреть в сторону двери. В нее как раз входил невысокий, коренастый человек. На пороге он остановился и удивленно посмотрел на Хэла.

— Он спросил меня, занята ли эта койка, — сказал резчик-любитель. — Я ответил, что не занята.

Вошедший рассмеялся и взобрался на верхнюю койку рядом с той, на которой сидел резчик. Повозившись там немного, он улегся на бок и лежал так с открытыми глазами, глядя вниз, внутрь клетки.

Хэл снова закрыл глаза, пытаясь уснуть, однако с появлением в клетке второго человека его мозг принялся за работу. Он заставил себя лежать неподвижно, а руки, ноги и все тело — расслабиться и отдыхать, но тем не менее он не спал. Им снова овладевало тяжелое чувство печали и одиночества. Оставшись без единого близкого человека, он ощущал себя голым среди людей. К тому же здесь все оказалось совсем иным, чем на Абсолютной Энциклопедии. Там, по крайней мере, он общался с умными, отзывчивыми людьми, похожими на тех, с кем вырос; и еще он встретил там Аджелу и Тама, которые могли бы стать его друзьями. А здесь у него начало создаваться почти такое же ощущение, как если бы его заперли в настоящую клетку с дикими зверями, опасными и непредсказуемыми.

Он лежал, наблюдая за тем, как в клетку время от времени входят новые люди и занимают

пустовавшие до тех пор койки. По привычке, выработанной в ходе обучения, он автоматически вел им учет, и, несмотря на то что его глаза оставались полузакрытыми, он отметил момент, когда все койки оказались занятыми. К этому времени между обитателями клетки завязались оживленные разговоры, которые велись вполголоса. То же самое происходило и в соседних клетках. Хэл пытался не обращать на них внимания, он предпринял попытку заблокировать доступ всех этих голосов к своему сознанию. Ему уже показалось, что сон наконец стал овладевать им, когда его вдруг довольно сильно стукнули по ноге.

— Эй, послушай! — Он узнал скрипучий голос угрюмого любителя резьбы по металлу и открыл глаза. — Сядь-ка, давай поговорим немного. Откуда ты?

— С Земли, — ответил Хэл. Делая над собой усилие, он приподнялся и сел на краю койки, свесив вниз ноги.

— Со Старой Земли, да? И на Коби ты попал в первый раз?

— Да, — кивнул Хэл. Что-то в этом разговоре было не так. В тоне собеседника явно ощущалась какая-то фальшь, и это ощущение мгновенно привело в действие заложенный и развитый в

нем Малахией инстинкт настороженности. Хэл почувствовал, что сердце его забилось сильнее, но он напустил на себя сонный вид и демонстративно зевнул.

— Ну и как тебе нравится здесь?

Резчик пересел в изголовье своей постели и теперь сидел, опершись спиной об одну из вертикальных стоек в торце койки; за ним, на расстоянии около метра, уходила вверх темная стена скалы. Он продолжал обрабатывать заготовку будущей статуэтки.

— Пока не знаю. Я еще мало что успел увидеть. — Хэл повернулся и сел лицом к собеседнику. Он решил, что не должен наживать врагов в этом новом для него окружении, но внутреннее чувство тревоги росло, и ему хотелось, чтобы сосед, так внезапно начавший этот разговор, поскорее приблизился к его сути.

— Ну что ж, тебе многое предстоит увидеть, — медленно проговорил тот. — Многое. Раз ты никогда раньше здесь не бывал и мало что видел, то, я так понимаю, ты и в шахту еще никогда не спускался.

— Нет, не спускался, — подтвердил Хэл.

Он заметил, что разговоры на других койках смолкли. Все остальные обитатели клетки, ви-

димо, либо спали, либо слушали их беседу. Хэл почувствовал, что все внимание, теперь сосредоточилось на нем. Сейчас для него, как для дикого животного или маленького ребенка, было важно не то, что говорил собеседник, а то, как он это говорил: интонация его голоса, поза и другие исходившие от него сопутствующие словам сигналы несли в себе самую главную информацию.

— ...и когда ты в первый раз спустишься в шахту, то увидишь такое, чего потом не сможешь забыть никогда в жизни, — продолжал резчик. — Все думают, что в наше время мы там, внизу, только нажимаем кнопки. Черта с два! Здесь, на Коби, мы не кнопки нажимаем. Сам увидишь.

— Что вы имеете в виду? — спросил Хэл.

— Увидишь... — многозначительно произнес резчик. Один из обитателей клетки, расположившийся на верхней койке поблизости от двери, неожиданно стал насвистывать, и резчик заговорил громче:

— Добывая руду, ты большую часть времени работаешь в забое, таком тесном, что не можешь стоять в нем во весь рост, а раскаленный газ, выделяющийся из породы, когда ее режут, постепенно накапливается и жжет тебя все сильнее.

— Но ведь такую работу легко выполняют

машины, — заметил Хэл, припомнив то, что проходил в годы учебы. — Для этого нужно лишь...

— Только не на Коби, — перебил его резчик. — На Коби мы с тобой стоим дешевле машин. Ты все увидишь сам. Здесь могут повесить человека только за то, что он слишком часто опаздывает на работу.

При этих словах у Хэла от удивления широко открылись глаза. Он не мог поверить тому, что сейчас услышал.

— Это правда, и ты как следует подумай о том, что я тебе сказал, — продолжал резчик, ковыряя ножом свое изделие. — Ты, наверное, решил, что все эти рассказы о правах прокурора — чистой воды выдумка? Так вот знай, он может вырвать у тебя ногти или что-нибудь еще, чтобы заставить тебя заговорить. Здесь это законно, и они нередко так поступают, если человек арестован и знает что-то такое, чего не знают они, но очень хотят узнать. Я видел человека — он за три дня ареста постарел лет на двадцать и...

Все произошло очень быстро. Уже позже Хэл осознал: тот дикий зверек или маленький ребенок, неотъемлемая часть его натуры, очевидно, уловил какой-то звук, послуживший сигналом об опасности. Что-то внезапно заставило его

оглянуться на дверь. В мгновение ока перед ним промелькнули лица всех обитателей клетки, которые, вытянув шеи и свесив головы с коек, жадно следили за происходящим. В дверь ворвался и бросился прямо к нему высокий тощий человек лет сорока с искаженным яростью узким, вытянутым лицом. В руке, поднятой высоко вверх, он сжимал тяжелую металлическую кружку, явно намереваясь ударить ею Хэла по голове.

Движение Хэла было таким же инстинктивным и мгновенным, как если бы он, пошатнувшись, вытянул руку, чтобы удержаться от падения. В течение многих лет он подолгу тренировался под руководством Малахии, но все выполняемые им упражнения уже давно утратили в его сознании всякую связь с той реальной целью, ради которой они изначально разрабатывались, и стали просто разновидностью физической нагрузки ради хорошего самочувствия, так же как бег или плаванье. Но теперь, когда на раздумья не оставалось времени, его тело среагировало автоматически.

Реакция была внезапной и стремительной. Никакой растерянности. Действия совершались молниеносно и очень четко. Он поднялся на ноги, повернулся и, перехватив бросившегося на него человека, приподнял и развернул его так, что тот,

продолжая по инерции свое движение вперед, но уже в том направлении, которое придал ему Хэл, со всей силы врезался головой в каменную стену. Послышался тяжелый, глухой звук удара, что-то хлюпнуло, нападавший мешком осел на пол у стены и застыл без движения.

И тут же Хэл мгновенно повернулся лицом к двери и застыл неподвижно, сжавшись как пружина, готовый к любой неожиданности, внимательно следя за каждым, кто находился в клетке. Он ждал. Но ничего не происходило. Обитатели клетки, по-прежнему неподвижно лежа на своих койках, смотрели на него; в глазах у некоторых все еще сохранялось выражение хищного любопытства. Но под его взглядом оно исчезало, и вскоре на всех обращенных к нему лицах застыла печать тупого недоумения.

Хэл продолжал стоять, не двигаясь с места. Он не испытывал никаких чувств, но малейшее движение любого из них вызвало бы его молниеносную реакцию. И похоже, каждый понимал это. Время шло, секунда проходила за секундой, и уровень напряжения в клетке стал понемногу уменьшаться, как уменьшается уровень жидкости в треснувшем сосуде.

Наконец человек, лежащий на нижней койке

справа, в дальнем от Хэла углу, медленно передвинул к краю постели одну ногу и осторожно поставил ступню на пол, затем не менее медленно и осторожно проделал то же самое со второй ногой и робко поднялся с койки. Потихоньку, пятясь задом, он дошел до двери, а оказавшись за ней, быстро развернулся и поспешил удалиться. Хэл все так же неподвижно стоял на своем месте, а тем временем все окружающие боязливо, по одному покидали клетку. В конце концов он оказался в полном одиночестве, если не считать тела, лежащего на полу без признаков жизни.

Ближайшие к Хэлу обитатели соседних клеток также хранили полное молчание. Он взглянул налево и направо, но каждый, с кем он встречался глазами, отворачивался в сторону. Повернувшись, он снова посмотрел вниз, на лежащее возле стены тело. Только сейчас у него впервые возникла мысль, что этот человек, возможно, уже мертв. Врезавшись головой я каменную стену с такой силой, он мог сломать себе шею.

До сих пор все эмоции Хэла были подавлены состоянием крайнего напряжения и настороженности, но теперь способность чувствовать и мыслить постепенно возвращалась к нему. Если этот человек умер... Но ведь Хэл только за-

щищался. А если те, кто оказались очевидцами происшествия, в один голос станут утверждать, что именно он напал первым...

Только теперь Хэл понял: все они знали о том, что он, введенный в заблуждение, занял чужую койку, и о том, что хозяин койки скоро вернется и наверняка набросится на того, кто посягнул на его место. Скорее всего, он крепко выпил или наглотался наркотиков, а может, вообще страдал паранойей. И все они ждали, когда он появится и нападет на Хэла. Возможно, подумал охваченный унынием Хэл, его даже известили о том, что какой-то чужак пришел и занял его место. Все было подстроено с того самого момента, когда этот подлый любитель искусства намеренно обманул Хэла, а потом постарался устроить так, чтобы его обезумевший от ярости и потерявший самообладание сосед смог нанести сидящему спиной к двери и ничего не подозревающему Хэлу коварный удар сзади.

И если теперь все они дадут показания, что именно Хэл затеял драку и намеренно убил этого человека... Нет, это невозможно. Правосудие, даже в таком месте, не может быть настолько недобросовестным.

Но он снова вспомнил о праве местного про-

курора применять по своему выбору любые способы, чтобы заставить арестованного сообщить необходимые следствию сведения, и мороз пробежал у него по коже.

Мог бы он попасть обратно в порт и покинуть планету? Да, но только по визе на имя Тэда Торнхила. А как только он предъявит эту визу, его тут же арестуют.

Внезапно, словно порыв прохладного ветра, охладивший его разгоряченное воображение, к нему вернулся здравый смысл. Он присел на корточки и, прижав пальцы к шее лежащего на полу человека, нащупал с левой стороны сонную артерию. Пальцы ощутили сильную пульсацию, а когда Хэл приложил ладонь к его рту, то отчетливо почувствовал, что тот дышит. Из груди Хэла вырвался глубокий вздох облегчения, и вдруг появилась слабость в коленях. Значит, этот человек не умер, а просто потерял сознание.

Однако вслед за облегчением пришло непреодолимое желание как можно скорее вырваться отсюда, из этого давящего замкнутого пространства. Он вскочил на ноги, повернулся, вышел из дверей и зашагал между двумя рядами клеток. Разговоры обитателей, прерванные в момент схватки, теперь опять возобновились. Но когда

Хэл проходил мимо, люди замолкали и молча провожали его пристальными взглядами. Проходя мимо зала с баром, он увидел, что тот по-прежнему заполнен шумной публикой, зато в офисе темно; видимо, его уже закрыли на ночь. Постояв несколько секунд в раздумье, Хэл двинулся дальше, вышел в коридор, повернулся и пошел по нему в сторону, противоположную той, откуда он впервые пришел сюда.

В этом направлении прямой как стрела коридор, казалось, уходил в бесконечность, и насколько Хэл мог видеть, в нем не было ни одной живой души. Он шел, ускоряя шаг, и вскоре длинные сильные ноги несли его вперед со скоростью около семи километров в час.

Он совершенно не представлял себе, куда идет и зачем. Сейчас его поступками руководил исключительно инстинкт самозащиты, предписывающий ему скрыться с места схватки. Ярость в его сердце уже угасла, осталось лишь острое ощущение горькой досады, и единственный способ преодолеть его — продолжать идти, не останавливаясь, километр за километром, избавляя тело от того состояния, в которое его ввергла реакция на недавнее нападение.

Постепенно чувство досады ослабевало. Лишь

ощущение слабости и тупой внутренней пустоты, какое бывает, когда человек приходит в себя после сильного удара в солнечное сплетение. Его сознание пока что было не в состоянии найти выход из положения, в котором он, по его мнению, теперь оказался. Независимо от того, напал на него человек в здравом уме или нет, Хэл должен исходить из предположения, что все остальные обитатели клетки состоят с ним в дружеских отношениях и, рассказывая о случившемся, будут готовы солгать хотя бы для того, чтобы выгородить себя. Более того, возможно, они преисполнены желания отомстить Хэлу и лишь ждут момента его возвращения. А там их шестеро, не считая обитателей других клеток! Вдруг они захотят прийти им на помощь? И уж наверное, ему совсем не следует рассчитывать на Дженнисона: тот дал ясно понять, что его не интересуют проблемы Хэла, так же, впрочем, как и проблемы любого другого обитателя зоны ожидания.

Получалось, что оказаться в безопасности он мог, лишь покинув пределы Коби. Но его предупредили, что вернуться на территорию порта он имеет право только с разрешения своего начальства. Возможно, в порту еще не знали, что с

ним уже подписан контракт, и тогда он сумеет купить билет на какой-нибудь отправляющийся с Коби корабль.

Наверное, самое лучшее — это продолжать идти. Коридор должен куда-то его привести. А оказавшись там, он обратится к местному руководству, которое — почему бы нет — отнесется по меньшей мере беспристрастно к событиям, происшедшим в зоне ожидания Станции Хола, выслушает его и вынесет справедливое решение по поводу случившегося...

Он резко остановился, весь напрягся, целиком обратившись в слух. Какой-то едва уловимый шум доносился с той стороны, куда он направлялся. Пристально глядя вперед, он как будто бы увидел вдалеке крошечную пляшущую точку. Продолжая стоять неподвижно, он закрыл глаза, отсчитал три секунды, затем медленно открыл их снова. Сравнив то, что он увидел в первое мгновение, с тем, что находилось перед глазами, когда он их закрывал, Хэл понял: точка действительно существовала.

Что-то двигалось ему навстречу, издавая при этом звук, похожий на гудение. Несмотря на критическое положение, в котором находился Хэл, где-то в уголке его сознания нашлось место раз-

мышлениям о природе этого звука, не похожего ни на что слышанное им прежде и в тоже время отдаленно знакомое.

Во всяком случае, ему не оставалось ничего другого, как ждать. Точка превратилась в пятно, увеличивающееся в размерах с каждой секундой, и Хэлу стало ясно, что оно приближается быстрее, чем он смог бы бежать от него. Хэл продолжал оставаться на месте, и скоро загадка со звуком разрешилась.

Это был всего-навсего автомобиль на воздушной подушке. Из-за особенностей акустики в этом длинном прямом туннеле звук, создаваемый воздухом, выходящим из сопел машины, менялся, а благодаря резонансу еще и усиливался, так что на большом расстоянии он воспринимался почти как музыкальный. Туннель играл роль канала флейты или басовой трубки волынки: Теперь же, когда автомобиль приблизился, гудение почти исчезло, а общий шум стал именно таким, каким и должен быть.

Однако и с видимостью, так же как со звуком, этот туннель проделывал свои фокусы. Простирающиеся в нем на большое расстояние горизонтальные слои неподвижного воздуха, по-видимому, создавали эффект, похожий на тот,

который производит сильно нагретый воздух днем в пустыне. Поэтому, хотя автомобиль находился уже достаточно близко и был хорошо различим — простой открытый четырехместный грузовик с сидящим за рулем водителем, — его очертания дрожали и изменялись, как будто Хэл видел перед собой мираж. Повинуясь некоему внутреннему импульсу, он снова пошел вперед, и контуры машины с сидящим в ней водителем сделались более четкими.

Наконец Хэл и грузовик сблизились. Эффект миража совершенно пропал, и Хэл увидел, что за рулем сидел мужчина лет шестидесяти в сером рабочем комбинезоне и в такой же шапке. Лицо у него было весьма своеобразное. На первый взгляд оно казалось старым, но, если вглядеться, в его чертах сквозь морщины вдруг проступало что-то почти мальчишеское.

Грузовик поравнялся с Хэлом, и водитель остановил машину. Хэл, тоже стоя на месте, настороженно смотрел на водителя.

— Что ты здесь делаешь? — почти крикнул тот голосом, в котором угадывались следы былого тенора.

— Иду, — ответил Хэл.

— Идешь! — Водитель пристально взглянул на

него. — И как долго?

— Я не знаю, — пожал плечами Хэл. — Наверное, час; может, два.

— Час! Два часа! — Водитель все еще говорил очень громко, продолжая внимательно разглядывать Хэла. — А ты знаешь, что находишься почти в двадцати километрах от Станции Хола? Ты ведь оттуда, с той станции?

Хэл кивнул.

— И куда же ты идешь?

— На соседнюю станцию, — ответил Хэл.

— До соседней станции сто двадцать километров!

Хэл молчал. Водитель тоже помолчал несколько секунд.

— Залезай-ка лучше сюда. Я отвезу тебя обратно на Станцию Хола. Ну давай, живее!

Хэл задумался. Сто двадцать километров без пищи, а главное, без воды он вряд ли одолеет. Медленно обойдя автомобиль сзади, он подошел к переднему сиденью, расположенному рядом с водителем, который в этот момент пытался переложить на заднее сиденье пакет внушительных размеров. Хэл подхватил пакет, уложил его на новое место и взобрался на сиденье.

Водитель снова двинул грузовик вперед.

— Я Ганс Сосиэтр, — сообщил он. — А кто ты?

— Тэд Торнхил, — представился Хэл.

— Только что появился здесь, верно? Новенький, да?

— Да, — ответил Хэл.

Они помолчали. Автомобиль мчался вперед.

— Сколько же тебе лет? — поинтересовался водитель.

— Двадцать, — сказал Хэл и, вспомнив, что он теперь не на Земле, добавил:

— Стандартных лет.

— Тебе не двадцать, — покачал головой водитель. Хэл промолчал.

— И не девятнадцать. И не восемнадцать. Так сколько же, черт возьми, тебе лет на самом деле?

— Двадцать, — снова повторил Хэл. Ганс Сосиэтр фыркнул. Они опять некоторое время ехали молча. Грузовик под ними монотонно шипел.

— Что произошло? — спросил Сосиэтр. — Случилось что-то плохое, я знаю, не пытайся говорить мне, что это не так. Ты находился в зоне ожидания, и что-то там случилось. Так что же это было?

— Я чуть не убил человека, — признался Хэл. Перед его мысленным взором снова промелькнули недавние события, и на мгновение он снова

почувствовал слабость и сосущую пустоту в желудке.

— Ты убил его?

— Нет. Он только потерял сознание.

— Как это произошло?

— Я оглянулся и увидел, что он собирается ударить меня металлической кружкой, такие есть в баре, — начал рассказывать Хэл. Он удивился, что легко отвечает на вопросы Ганса Сосиэтра; возможно, к этому моменту его душевные силы почти полностью истощились, а кроме того, ему было трудно уходить от ответов на такие прямолинейные вопросы, к тому же задаваемые человеком, старшим по возрасту.

— Ну а дальше?

— Я отбросил его к стене. Он ударился об нее и потерял сознание.

— И ты отправился пешком на Лунную Переправу?

— Лунную Переправу? — Хэл вопросительно посмотрел на Сосиэтра. — Это что, название соседней станции?

— А что же еще? Значит, ты решил идти туда. Почему? За тобой кто-нибудь гнался?

— Нет. После того как это случилось, они все встали и вышли из клетки. Они выходили, пятясь

задом.

— Пятясь задом? — Сосиэтр пристально взглянул на него. — Кто этот тип, которого ты швырнул на стену?

— Я не знаю, — сказал Хэл.

— Как он выглядел?

— Ростом приблизительно с меня, — медленно проговорил Хэл. — Нет, пожалуй, чуть выше. Ну и конечно, тяжелее, чем я. Ему около тридцати, а может, около сорока стандартных лет. Лицо смуглое, широкое вверху и узкое внизу.

— И ты швырнул его на стену? — удивился Сосиэтр. — Он старше тебя, здоровее тебя. Как же тебе удалось сотворить такое?

Хэл вдруг инстинктивно напрягся, по спине у него пробежал холодок.

— Да вот как-то получилось, — ответил Хэл почти виновато. — Просто мне повезло.

— Самый везучий двадцатилетний парень из всех, какие мне попадались. А почему бы тебе не рассказать мне все, с самого начала и до конца?

Хэл заколебался. Но стена предосторожности в его сознании вдруг почему-то рухнула. Внезапно его охватило горячее желание объяснить кому-нибудь, что же произошло на самом деле, и в следующее мгновение он осознал, что подроб-

но рассказывает Сосиэтру обо всем, начиная с того, как он вошел в клетку и спросил человека, вырезавшего фигурку из металла, свободна ли приглянувшаяся ему, Хэлу, койка.

— Так почему же ты сбежал? — спросил Сосиэтр, когда Хэл закончил свое повествование. — Почему ты решил уйти со станции?

— Все остальные в клетке, несомненно, друзья того человека, который по моей вине врезался в стену, — сказал Хэл.

— Друзья? В зоне ожидания? А я понял с твоих слов, что все они разбежались, как кролики.

— Я не говорил, что все они разбежались, как кролики... Дело в том, что если они его друзья, то они могут дать показания против меня.

— Дать показания? Кому?

— Прокурору.

— А какое ему до всего этого дело?

Хэл повернулся и с недоумением посмотрел на Сосиэтра.

— Я нанес человеку тяжелую травму. Я мог убить его.

— Где? В зоне ожидания? Да они выволакивают оттуда покойников каждое утро!

Хэл был совершенно сбит с толку. Он смог заговорить снова лишь через секунду-другую.

— Значит... Вы хотите сказать... До этого никому нет дела?

Сосиэтр рассмеялся неожиданно звонким смехом.

— Никому из начальства. Что вытворяют эти типы или что с ними происходит — это их личное дело. Вот если кто-то из них после зачисления в штат причинит какой-нибудь ущерб компании, прокурор может им заинтересоваться. — Он взглянул на Хэла. — Прокурор — слишком важная фигура. Единственный представитель власти, с которым тебе, возможно, придется когда-либо иметь дело, это менеджер шахты по кадрам или, в крайнем случае, кто-нибудь из полиции компании.

Некоторое время Хэл сидел молча, обдумывая услышанное. Инстинктивно возникшее у него после событий в клетке состояние настороженности получало теперь реальную основу.

— Если в зоне ожидания фактически не действуют никакие законы, — словно размышляя вслух, начал Хэл, — то я правильно сделал, уйдя оттуда. Его друзья могли совершенно безнаказанно сделать со мной все, что угодно.

Сосиэтр снова рассмеялся.

— Не очень-то похоже, чтобы они были его

друзьями, да и вряд ли у них возникло большое желание что-нибудь сделать с тобой. Я думаю, тебе не о чем будет беспокоиться, когда ты вернешься.

— Нет, — упрямо возразил Хэл. — Я не вернусь. Во всяком случае, сегодня вечером.

Сосиэтр с шумом выдохнул воздух через нос.

— Ладно, — сказал он. — Ты подождешь, пока я разгружусь на станции Хола, пожалуй, даже поможешь мне, а потом я сниму для тебя в Гостевом Приюте комнату до утра. Можешь дать мне долговое обязательство до своей первой получки. Однако утром в восемь тридцать тебе придется явиться в зону ожидания — получить наряд на работу.

Хэл уставился на Сосиэтра со смешанным чувством удивления и благодарности, но тот не замечал его взгляда; с хмурым лицом, подавшись вперед и склонив голову набок, он как будто бы вслушивался в какой-то посторонний звук, появившийся в соплах. Хэл откинулся на спинку сиденья. Состояние настороженности, в котором он пребывал последнее время, сведения, полученные от Сосиэтра, попытка нападения на него человека с металлической кружкой, поведение остальных шестерых обитателей клетки — все

это послужило толчком к изменению его восприятия событий окружающей действительности.

В первый момент оно выразилось в некоем общем расплывчатом ощущении. Но постепенно, по мере того как это ощущение крепло и приобретало четкость, образы Малахии, Уолтера и Авдия стали понемногу отодвигаться на задний план. Время и новые события уже начинали заполнять пространство между его бытием и памятью о них, еще недавно настолько яркой, что он был не в силах в полной мере осознать их уход из жизни. И он почувствовал невыразимо глубокую печаль, такую глубокую, что она не оставляла его на всем оставшемся отрезке пути до Станции Хола, который оба они, и Сосиэтр и Хэл, проехали молча.

Глава 6

Гостевой Приют на Станции Хола оказался просто специальным бараком для тех, кто не работает в местных компаниях или офисах. С некоторой досадой Хэл узнал, что мог поселиться здесь с самого начала, поскольку, имея кредит, был в состоянии платить за свое проживание. Зона ожидания предназначалась только для ищущих работу новичков или для повторно нанимающихся бывших шахтеров, не имеющих кредита у компании. Все в зоне, включая пиво в столовой, было бесплатным. Это относилось и к пакету с едой, стоимость которого Дженнисон записал ему в кредит. Короче говоря, зона ожидания служила пристанищем для местной разновидности неимущих или для тех, у кого не было иного выбора. Как, например, у него.

— Послушай, черт побери, а тебе не пришло в голову узнать у того чиновника на Станции Хола, что ты можешь здесь купить? — спросил Сосиэтр, когда они сидели за поздним ужином в чистой, уютной столовой Гостевого Приюта.

— Нет, — ответил Хэл. — Я думал, он сам сооб-

щит мне все необходимые сведения. Наверное, это было глупо.

— Конечно, — кивнул головой Сосиэтр. — Ты действительно вел себя как глупец. Как самый глупый двадцатилетний глупец из тех, кого мне доводилось встречать.

Хэл, занятый разрезанием куска жареного мяса, бросил на Сосиэтра быстрый взгляд. Но если у того на лице и мелькнула усмешка, заметить ее Хэл не успел.

Покончив с едой, Хэл отодвинул тарелку в сторону. Сосиэтр, завершивший свой более скромный ужин гораздо раньше и сидевший теперь с чашкой кофе местного производства, внимательно наблюдал за ним.

— Сост, а что будет после того, как я явлюсь на перекличку за получением наряда на работу?

Хэл обратился к Сосиэтру так, как тот попросил называть его впредь, пояснив, что при обращении к нему предпочитает слышать такую урезанную версию своей фамилии, правильно произнести которую полностью мало кому удается, а свое имя — Ганс — он не очень любит.

На этот раз усмешка Соста не ускользнула от его взгляда.

— Так ты теперь понял, что иногда стоит зада-

вать вопросы?

— Теперь понял, — ответил Хэл.

Сост кивнул.

— Хорошо. — Он отхлебнул глоток из чашки и снова поставил ее на стол. — Ты придешь туда завтра утром, перед офисом соберутся все, кто будет в состоянии держаться на ногах. Агент начнет выкликать вас по списку. Тех, чьих фамилий в нем не окажется, отправит обратно, а между оставшимися распределит наряды на основе заявок, поступивших к нему после вчерашней утренней переклички. Вот и все.

— А что дальше? Что будет, если я получу наряд на работу?

— Тогда тебе выдадут проездные документы с инструкциями, а также билеты в счет твоего будущего заработка, и ты отправишься в ту компанию, которая нуждается в пополнении рабочей силы.

— А после того как я окажусь там?

— Тебя зачислят в бригаду одной из смен при условии, что бригадир не откажется взять тебя. Если же это случится, начнется твое скитание из одной бригады в другую, пока не найдется такая, которой ты покажешься подходящим.

— Что, если никто не захочет взять меня?

— Тебя? — Сост пристально взглянул на него. — Это маловероятно. Однако в этом случае компания выплатит тебе недельный заработок и отправит тебя в ближайшую зону ожидания. И для тебя все начнется сначала.

Он поднялся, чтобы налить себе еще чашку кофе из настенного автомата, и снова сел за столик напротив Хэла.

— Сост, а что наводит тебя на мысль, что мне нет двадцати лет? — поинтересовался Хэл.

Сост задержал на нем пристальный взгляд.

— Ты хочешь знать, на что тебе следует обратить внимание? — спросил он после паузы. — Я скажу. Прежде всего старайся больше молчать. Конечно, голос у тебя установился лет пять тому назад, я знаю, но каждый раз, когда ты хочешь что-нибудь сказать, ты говоришь как ребенок. Черт возьми, да ты и мыслишь как ребенок! Поэтому, если можешь, лучше молчи.

Хэл кивнул:

— Хорошо, я буду молчать.

— И не торопись, — продолжал Сост. — Не заводи разговор с первым встречным, словно это твой старый приятель. Я не имею в виду, что нужно ко всем относиться с подозрением. Просто держись несколько сдержаннее. Чуточку выжидай. И еще:

не суетись, не делай столько ненужных движений. Потом, когда ты станешь немного постарше, у тебя уже не будет такого избытка энергии. Когда ты сидишь, то сиди спокойно. Но самое главное — следи за своим языком. Возьми за правило пользоваться им как можно меньше.

— Сам-то ты говоришь довольно много, — заметил Хэл.

— Ну вот, оно самое! — оживился Сост. — Сейчас ты сказал именно то, что должен был бы сказать на твоем месте любой малыш. И сказал совершенно не к месту. Разве имеет для тебя значение, что делаю я? А что касается моих разговоров, то я всегда знаю, что говорю. Я могу болтать языком целый день и не сказать ни слова о том, о чем, на мой взгляд, говорить не следует. А ты, стоит тебе только открыть рот, тут же выкладываешь все, что можешь.

— Верно, — согласился Хэл.

— Так-то лучше, — примирительно произнес Сост. — Ну а какие у тебя планы на завтра?

— Смотреть и ждать, — ответил Хэл.

— Правильное намерение, — одобрил Сост. — Ты понемногу учишься. Но я имел в виду тех типов, там, в зоне ожидания. Как ты будешь вести себя с ними?

Хэл пожал плечами.

— А это еще лучше. У тебя получится. — Сост встал из-за стола. — Ты растешь, взрослеешь. И ты знаешь, что следующий день непременно наступит. А я старею. Это еще одно различие между нами. Не забывай об этом.

После того как Сост ушел, Хэл посидел за столом еще некоторое время, наслаждаясь чистотой, аппетитными запахами и своим уединением в столовой, где он остался теперь в полном одиночестве. Затем он отправился в предоставленную ему уютную комнату, в которой мог позволить себе остановиться благодаря имеющемуся у него кредиту, запер за собой дверь и лег в постель.

Ему показалось, что стук в дверь разбудил его сразу же, как только он закрыл глаза. Он встал, отпер дверь и открыл ее. За ней стоял Сост, полностью одетый и явно ожидавший его.

— Который час? — спросил Хэл сиплым со сна голосом.

— Половина восьмого, — ответил Сост. — Разве ты не хочешь позавтракать?

Они позавтракали в той же столовой, и Сост отвез его в зону ожидания.

— Я подожду, — сказал Сост, останавливая грузовик, когда они ровно в половине девятого

подъехали к офису. — Ты, конечно, должен получить сегодня наряд на работу. Но если вдруг ты его не получишь, я смогу подвезти тебя обратно к Гостевому Приюту, прежде чем отправлюсь по своим делам.

Хэл хотел было выйти из машины, чтобы присоединиться к людям, толпящимся у входа в офис.

— Сиди спокойно, — негромко прошипел Сост. — Какого черта, тебе что, не будет слышно отсюда? Что я говорил тебе вчера вечером насчет твоей суетливости?

Хэл снова устроился на своем сиденье в грузовике. Он молча сидел рядом с Состом и ждал появления Дженнисона, так же как и те, кто стоял у двери офиса. У него было время присмотреться к этим людям, и он понял, что ищет глазами человека, напавшего на него вчера в клетке. Но долговязого субъекта с узким, заостренным книзу лицом не было видно. Хэл подумал, что, наверное, его травмы оказались достаточно серьезными. От этой мысли у него по спине пробежал холодок, но, помня, о чем говорил ему Сост накануне вечером, Хэл не стал делиться с ним своими опасениями.

Он опять сделал движение, чтобы сойти вниз.

— Я же сказал: сиди спокойно, — вполголоса проворчал Сост.

— Мне надо забрать свою сумку, — пояснил Хэл. — Если она еще там.

— После.

Хэл опустился на сиденье и снова стал искать в толпе знакомые лица. Он увидел любителя резьбы по металлу, но не был уверен, что узнал кого-либо из остальных обитателей клетки. Постепенно он понял, что все в толпе избегают его взгляда. А резчик даже отвернулся, когда заметил, что Хэл рассматривает его.

Для проверки своего наблюдения Хэл выбрал из толпы человека, которого он наверняка прежде никогда не видел, и стал смотреть только на него. Человек сперва, видимо случайно, отвернулся от Хэла, продолжающего следить за ним; затем, словно чувствуя на себе пристальный взгляд, протиснулся между людьми и скрылся за спинами тех, кто был выше него. Прячась за ними как за укрытием, он стал пробираться в самую гущу толпы.

Было уже почти без четверти девять, когда наконец открылась дверь и появился Дженнисон с листком распечатки в руке. Ни на кого не глядя, он начал зачитывать фамилии. Хэл оказался в списке третьим. Закончив читать, Дженнисон поднял голову, увидел грузовик и сидящих в нем

Соста и Хэла.

— Сост! — крикнул он и помахал рукой. Сост помахал в ответ. Дженнисон повернулся и ушел обратно в офис.

— Ты его знаешь? — спросил Хэл.

— Нет, — ответил Сост. — Но похоже, он знает меня. Впрочем, меня знают многие.

Толпа перед офисом стала редеть и распадаться на две части. Те, кому в этот раз не повезло, потянулись в свои клетки или в бар, а те, чьи фамилии Дженнисон выкликнул, собирались кучкой у входа в офис.

— Торопиться не надо, — заметил Сост, когда Хэл снова начал выбираться из грузовика. — Пусть, другие войдут туда первыми. А для тебя сейчас самое время пойти и забрать свою сумку.

— Если она все еще там, — мрачно отозвался Хэл.

Сост рассмеялся в ответ.

Хэл вышел из машины и, невольно напрягшись, подошел к людям, все еще толпящимся перед офисом. Они предупредительно расступились, давая ему пройти, при этом никто из них не смотрел на него прямо. Коридор между рядами клеток позади них пустовал, так же как и сами клетки, если не считать видневшихся в неко-

торых из них неподвижно лежащих на койках тел. Он подошел к облюбованной им накануне клетке, вошел внутрь и глянул на койку, которую собирался занять.

Сумка была на месте, она находилась именно там, где он ее оставил. Он забрал ее и отправился обратно к грузовику. У дверей офиса все еще стояло несколько претендентов на получение нарядов, и, когда он проходил мимо, из дверей вышел очередной из них и вошел следующий. Хэл забрался обратно в грузовик.

— Все в порядке, сумка оказалась на месте, — сообщил он. — Даже не верится.

Сост негромко усмехнулся:

— Да кто бы ее взял?

Хэл вопросительно посмотрел на Соста. Однако, следуя принятому им новому правилу — говорить как можно меньше, он, вместо того чтобы спрашивать, что тот имеет в виду, молча ждал, полагая, что либо Сост сам ему пояснит, прежде чем они расстанутся, либо ответ выплывет как-нибудь сам собой.

Хэл снова уютно устроился на сиденье рядом с Состом и подождал, пока из офиса вышел последний человек, затем сошел с грузовика и направился к офису. Не постучав, он открыл

дверь и вошел внутрь. Дженнисон все в той же позе сидел на прежнем месте за своим столом. Но на этот раз он поднялся на ноги и, улыбаясь, подошел к барьеру, отгораживающему его стол от входа.

— Вот твой наряд на работу и все остальные документы, — сказал Дженнисон, протягивая их Хэлу. — Тебя нанимает шахта Яу Ди горнорудной компании Темплар. Туда два часа езды по транспортному туннелю. Я выписал тебе хороший наряд.

Секунду-другую Хэл стоял молча. При первой встрече Дженнисон ему не понравился. Сейчас он не нравился ему еще больше, и Хэл не сомневался, что нарочитое великодушие и дружелюбие Дженнисона объясняется тем, что тот ждет какой-то встречной услуги с его стороны. Надо лишь попытаться выяснить, какого рода должна быть услуга. «Подобные ситуации, — поведал ему однажды Уолтер, — всегда приводят к переговорам о какой-либо сделке. И первое условие успешности такой сделки — вынудить партнера сделать свое предложение первым».

— Вчера вечером вы записали на мой счет стоимость пакета с едой, — произнес Хэл, забирая свои бумаги.

— Да, верно, записал. — Дженнисон перегнулся через барьер, продолжая улыбаться. — Конечно, я не должен был этого делать. Знай я тебя немного лучше, так бы не поступил. Но на подобной работе, как эта, ухватываешь то, что можешь. Больше этого не повторится. Но запись уже попала в центральную бухгалтерию, и теперь было бы довольно затруднительно аннулировать ее, не доставляя хлопот бухгалтерам в управлении. Я же держусь на плаву благодаря тому, что умею ладить с людьми. Послушай, я сделал тебе доброе дело, оформив наряд на эту шахту. Если сомневаешься — спроси своего приятеля Соста. Почему бы и тебе не отплатить мне тем же? Забудь про этот небольшой вычет из твоего кредита. Возможно, когда-нибудь мы с тобой немного займемся торговлей, и я сброшу эту сумму со стоимости товара.

— Но возможно, мы не станем заниматься никакой торговлей, — сказал Хэл.

Дженнисон рассмеялся:

— На Коби все торгуют со всеми. Я говорю тебе, спроси Соста.

— Возможно, я не такой, как все, — парировал Хэл. Он говорил первые пришедшие в голову слова, но его сознание, находящееся в состоянии

наивысшей бдительности, вдруг зафиксировало, что последний ответ вызвал у Дженнисона тревожную реакцию. Конечно, этот ответ Дженнисон мог воспринять и как угрозу... Хэл вдруг вспомнил, что находится здесь, на Коби, так как вынужден скрываться, и понял, что, излишне подчеркивая свое отличие от других, может навлечь на себя опасность. Поэтому он быстро добавил:

— Во всяком случае, я не думаю, что снова попаду сюда.

— Такая возможность всегда остается, — ответил Дженнисон. — Правда, сейчас я и сам не знаю, что может послужить поводом для нашего следующего разговора, но считаю, полезно придерживаться правила: со всеми расставаться по-дружески. Согласен?

— Я не завожу друзей так легко.

На лице Дженнисона мелькнула тень раздражения.

— Я только хочу сказать, что, возможно, когда-нибудь я смогу сделать тебе какое-то доброе дело, — пояснил он. — Например, если у тебя все же появится желание заняться коммерцией вместе со мной. И тогда дела у нас пойдут гораздо лучше, если мы уже теперь станем относиться

друг к другу если не по-дружески, то по крайней мере доброжелательно.

Хэл внимательно наблюдал за Дженнисоном. Тот казался искренним. Так ли это, Хэл мог проверить с помощью Соста, но у него начало возникать сильное подозрение, что у Дженнисона имеется запас некоего товара особого рода, а происшедшие здесь события навели его на мысль, что он сможет когда-нибудь продать этот товар Хэлу. И сейчас он заблаговременно готовит пути к этой будущей сделке.

Хэл аккуратно спрятал полученные бумаги во внутренний карман куртки.

— Что с тем человеком, который бросился на меня вчера вечером? — поинтересовался Хэл.

— А кто он? — Дженнисон поднял брови, повернулся и пробежал глазами распечатку списка, содержащего, как показалось Хэлу, перечень фамилий. — Кеф? Да, это Кеф. С ним все в порядке. Он в лазарете. Легкое сотрясение мозга; вероятно, снова появится здесь через день-два. Правда, говорят, что его могут задержать из-за психиатрии.

Хэл повернулся к двери и вышел. Ему пришлось приложить большое усилие, чтобы преодолеть привычку всех предыдущих лет и уходя не попрощаться. Но он сумел побороть себя.

Снаружи, перед офисом, уже не было ни души, зато в зале с баром, судя по всему, жизнь снова кипела ключом. Хэл не задерживаясь прошел мимо него и направился к грузовику, где его ждал Сост.

— Что здесь означает слово «психиатрия»? — спросил Хэл, усаживаясь на сиденье.

— Проверка умственных способностей. Для ненормальных. — Сост повернулся к нему. — Ну, куда тебя направляют?

— На шахту Яу Ди, — ответил Хэл. — Похоже, Дженнисон считает, что оказал мне этим большую услугу.

Сост коротко присвистнул.

— Может, и так, — сказал он. — Это хорошая шахта. Там честное руководство. Хорошие бригадиры. Или, по крайней мере, были хорошие в то время, когда я получил последнюю информацию оттуда.

Включив подачу воздуха в сопла, Сост оторвал грузовик от земли и развернул его назад, в сторону Станции Хола.

— Кто такие бригадиры? — спросил Хэл.

— В бригаде от шести до десяти человек. Один из них руководит всеми остальными. Тебе нужен транспортный туннель. Я тебя подброшу.

— Ты хочешь сказать, что люди в шахте работают бригадами?

Сост кивнул.

— Что произойдет со мной, когда я попаду туда? Меня включат в бригаду, и я сразу же спущусь в шахту и начну работать? Или сначала необходимо пройти какой-то курс обучения?

— Тому, что нужно, тебя научит бригадир. Это и будет вся твоя учеба, — ответил Сост. — Но в бригаде ты можешь оказаться не сразу. Как я уже говорил, бригадир имеет право не взять тебя, если не захочет. Хотя обычно так поступают не часто. Капризный бригадир рискует очень быстро вывести из терпения начальство. Скорее всего, ты отправишься вниз, в шахту, на следующий день после прибытия, но может случиться и так, что тебе предложат переодеться, дадут в руки резак и прямо из конторы по найму проводят в клеть.

— Клеть? Это что-нибудь вроде тех загородок в зоне ожидания?

— Нет. Это такое устройство, на котором спускаются в шахту и поднимаются из нее. Разновидность подъемника. Кстати, тебе, как новичку в бригаде, возможно, придется на первых порах быть на подхвате, помогать остальным членам бригады и выполнять их поручения.

— Понятно, — сказал Хэл. Он продолжал задавать все новые и новые вопросы, до тех пор пока Сост не высадил его на платформе транспортного туннеля.

— Теперь ты должен действовать так, как сказано в твоих проездных документах, — напомнил он на прощание. — А мне пора на работу. Пока!

Он круто развернул грузовик и повел его прочь от платформы.

— Подожди! — закричал Хэл ему вдогонку. — Когда мы снова увидимся? Как мне найти тебя?

— Просто спроси кого-нибудь! — не повернув головы, прокричал в ответ Сост. На мгновение он поднял вверх руку, посылая Хэлу прощальный привет, и, завернув за угол, скрылся из глаз.

Минут через двадцать подошел поезд, и Хэл сел в него. Шахта, на которую его направили, находилась южнее Станции Хола, примерно посредине между нею и космическим портом, так что Хэлу предстояло проехать расстояние, составляющее около половины проделанного им ранее пути, но только в обратном направлении. В вагоне, где он находился, было всего несколько пассажиров, никто из них не стремился к общению, и это освобождало его от необходимости пресекать попытки вступить с ним в разговор. Хэл получил

возможность спокойно посидеть и поразмышлять, и он воспользовался ею.

Он испытывал ощущение какой-то внутренней опустошенности и одиночества. Опять он встретил человека, который ему понравился, и опять их пути разошлись. Правда, на этот раз у него остались советы Соста. Хотя следовать им было нелегко. Хэл никогда не думал о себе как о человеке излишне подвижном и чрезмерно разговорчивом. Наоборот, он считал себя скорее слишком спокойным и чересчур молчаливым. Но если Сост обратил внимание на его суетливость и болтливость, значит, он действительно совершает много лишних движений и говорит больше, чем нужно. Иначе это не бросилось бы в глаза такому умудренному жизненным опытом человеку.

Но сам по себе совет — это не живой собеседник. Хэл вдруг подумал, что, может, такова его судьба — окончить свои дни во Вселенной в полном одиночестве. Вполне вероятно, теперь, когда его жизнь так круто изменилась и пошла по совершенно иному руслу, все, что произошло с ним в последнее время, было абсолютно нормально. Если же он хочет стать недосягаемым для Иных, которые, возможно, уже ведут его поиски, ему,

по-видимому, не следует подвергать себя риску и заводить друзей. Его воспитатели, и в частности Уолтер, учили его сразу же устанавливать контакты со всеми находящимися вокруг людьми. А теперь он должен взять за правило не только не стремиться искать себе друзей, но и уклоняться от предложений чтобы с чьей-либо стороны.

Чтобы оградить себя от попыток окружающих сблизиться с ним, ему следовало превратиться в нелюдимого, замкнутого человека. Призраки Уолтера, Малахии и Авдия правы. Его главная задача теперь должна состоять в том, чтобы любыми способами сохранить свою жизнь до тех пор, пока он не станет достаточно взрослым и достаточно сильным, чтобы защитить себя от Блейза Аренса и Данно.

Во всяком случае, какой бы способ для своего выживания Хэл ни избрал, одно было совершенно ясно: впредь он не может позволить, чтобы касающиеся его события происходили сами собой. Следует направлять течение собственной жизни так, как он считает нужным. Полагаться на волю случая и других людей больше нельзя, иначе все грозит закончиться катастрофой. Правда, он совершенно не представлял себе, каким образом станет осуществлять такое управление,

но понимал, что должен найти нужные для этого способы.

И на гребне нахлынувшей на него волны печали и чувства одиночества к нему пришло понимание, что взрослым он сможет считать себя только тогда, когда усвоит необходимость делать то, чего прежде никогда не делал, даже если он не имеет ни малейшего представления об этом, и к тому же нести всю ответственность за последствия, потому что больше нет ни одного человека, которому можно было бы раскрыть смысл этих действий. Он подумал, что должен уподобиться боевому кораблю, никому не принадлежащему и объявляющему боевую тревогу всякий раз, когда к нему осмелится приблизиться другой корабль.

Но он должен сделать это. Сидя в мягком кресле, ощущая легкую, убаюкивающую вибрацию вагона, мчащегося по бесконечным туннелям каменной оболочки Коби, он постепенно погружался в дремоту, продолжая мысленно повторять, что должен найти способ осуществить все задуманное, должен...

Он проснулся незадолго до прибытия на нужную ему станцию и, когда поезд, плавно притормозив, остановился, уже чувствовал се-

бя достаточно бодро. Поднявшись с кресла, он вышел из вагона на платформу и направился на станцию, в ту ее часть, где, как и на Станции Хола, за одним из нескольких поставленных рядом столов сидел представитель конторы по найму.

— Документы, — сказал чиновник подошедшему Хэлу, привычно вытянув вперед руку.

Однако Хэл не торопился доставать документы. Вместо этого он спросил:

— Где находится Гостевой Приют?

Рука чиновника медленно опустилась на стол. Он несколько секунд в недоумении смотрел на Хэла.

— Гостевой Приют? — заговорил он наконец. — За задней дверью, через две улицы направо. Там будет вывеска.

Хэл повернулся и пошел к двери, чувствуя, как озадаченный чиновник смотрит ему вслед. Он не мог знать, кем был Хэл — вновь принятым на работу по контракту или кем-то еще. А выяснить это у него не хватило решимости. Совет Соста действовал неплохо.

Разыскав Гостевой Приют, Хэл вошел в холл, как две капли воды похожий на холл Приюта-Станции Хола. Только здесь за конторкой администратора он увидел не пожилого мужчи-

ну, как там, а невысокую молодую женщину. У нее было приветливое овальное лицо и каштановые волосы. Хэл поставил на пол сумку и передал ей для регистрации выданные ему документы о приеме на работу вместе со своими кредитными картами.

— Меня наняли на шахту Яу Ди, — сообщил он. — Если это не очень близко, как я мог бы добраться туда?

— Вы, наверное, не захотите ждать, пока на терминале соберутся все новые работники, чтобы затем отправиться на шахту транспортом компании вместе с ними? — спросила она. — Думаю, что не захотите. Вас будут распределять по бригадам дневной смены, значит, начнут они эту процедуру не раньше чем вечером, после обеда. Так что до тех пор вы можете уютно отдохнуть здесь, у нас, а потом вас за весьма умеренную плату отвезет туда наш дежурный механик.

— Спасибо, — от души поблагодарил Хэл администратора и тут же разозлился на себя за то, что не сдержался и предстал перед ней слишком разговорчивым и общительным. Вхождение в непривычный образ давалось нелегко.

Позже дежурный механик — им оказалась совсем молоденькая девушка — отвезла его на шах-

ту, основная территория которой представляла собой весьма обширное помещение. В сущности, это была огромная пещера, где размещались надшахтное здание и ряд других сооружений, в том числе офисы и жилой барак, построенные из материала, напоминающего бетон.

Вес эти строения, название и назначение которых ему сообщила девушка-механик, располагались по трем сторонам открытой площадки, выполнявшей функции то ли зоны отдыха, то ли сортировочного двора; здесь собралось уже довольно много народу.

— Похоже, сейчас начнут распределять, — сказала девушка, когда Хэл выходил из маленького служебного грузовичка, в котором они приехали сюда. — Видите, вон там сбоку, слева, стоят шестеро? Это такие же вновь принятые, как и вы.

Хэл взял сумку и пошел к толпе стоящих в ожидании шахтеров, среди которых он не заметил ни одной женщины. Подойдя ближе, он увидел, как некоторые из них оборачивались, чтобы посмотреть на него, но не придал этому значения и направился прямиком к стоящим в стороне шестерым новобранцам, на которых указала ему юная работница Гостевого Приюта. В этой компании находилась и женщина — молодая, на вид

чуть больше двадцати лет, худощавая шатенка со вздернутым носом, одетая, как и большинство собравшихся здесь мужчин, в свободную куртку из грубой ткани и такие же брюки. Взглянув на Хэла, она слегка нахмурилась.

Едва Хэл поравнялся с ними, как от основной массы шахтеров отделился высокий худой человек лет пятидесяти, подошел к Хэлу и, грубо схватив его за локоть, повернул к себе лицом.

— Ты со Станции Хола?

Что-то в интонации его голоса позволяло предположить, что он — выходец с одной из планет Квакерских миров, хотя в его облике не было даже намека на принадлежность к Осколочной культуре одного из его наставников.

— Да, — ответил Хэл, глядя ему прямо в глаза и про себя отмечая, что оба они почти одного роста.

Не сказав больше ни слова, подошедший выпустил локоть Хэла, повернулся и возвратился на прежнее место.

Вдруг по толпе пронесся легкий ропот, и все лица повернулись к двери, которая, как Хэл уже знал, вела в офис администрации шахты. Оттуда вышел седоволосый человек с живым, подвижным лицом, держащийся очень прямо, несмотря

на свой большой живот. Он остановился на верхней из трех ступенек, ведущих вниз, под своды громадной пещеры.

— Ну, бригадиры, — начал он грубым, зычным баритоном, при первых звуках которого в толпе сразу же воцарилась тишина. — Где вы там? Кому из вас нужны люди?

Толпа подалась назад; впереди остались четыре человека, стоящие на некотором расстоянии друг от друга, в их числе и тот самый сухопарый пятидесятилетний субъект, который разговаривал с Хэлом. Остальными тремя, чей возраст лежал в пределах от тридцати до пятидесяти лет, были: худощавый смуглолицый мужчина лет сорока; человек, чем-то похожий на Соста, только более молодой — белокурый, крепкого сложения, лет тридцати; низенький широкоплечий силач с черными как смоль волосами на шарообразной голове, которому могло быть и тридцать, и шестьдесят лет.

— Так, хорошо. Кто имеет право выбирать первым? — продолжал спрашивать стоящий на ступеньках человек. — Ты, Бисон, верно?

— Да, я, — ответил худощавый.

— Ну что ж, отлично. — Представитель администрации заглянул в распечатку, которую держал

в руке. — Тонина Вэйл!

Единственная женщина среди новичков, по-прежнему не спускавшая глаз с Хэла, с довольным выражением лица направилась к Бисону. Несколько человек из толпы позади четырех бригадиров приветствовали ее как старую знакомую.

— Кто следующий Чарлей? — Белокурый крепыш, напоминающий Соста, кивнул головой. — Ты забираешь Моргана Амдура. Кто из вас Морган Амдур?

Стоявший рядом с Хэлом человек сделал шаг вперед.

— Ладно, — сухо сказал Чарлей. Морган Амдур подошел к нему.

— Эньо Юань, выйди вперед!

Еще один из новичков, стоявший поодаль от Хэла, шагнул ближе к бригадирам.

— Джон, он твой.

— Добро, — согласился круглоголовый черноволосый бригадир. Эньо Юань, видимо так же, как и Хэл, оказавшийся в своем нынешнем положении впервые, топтался на месте, нерешительно озираясь по сторонам.

— Ну, иди же к Джону Хейккиле, — поторопил его администратор. — Тэд Торнхил.

Хэл шагнул вперед.

— Уилл, этот — твой. Торнхил, Уилл Нэнни будет твоим...

— Я не беру его! — Слова, которые выкрикнул подходивший ранее к Хэлу тощий долговязый бригадир, громким эхом отразились от стен окружающих площадку зданий.. В животе у Хэла вдруг возникла противная сосущая пустота, какая бывает при стремительном спуске в скоростном лифте.

Глава 7

— Причины? — требовательно поинтересовался администратор.

— Я слышал, он смутьян. — И снова голос Уилла Нэнни мучительно громко разнесся по всей площадке.

— Ладно. Торнхил, вернись на место. Уоллес Картер?

Хэлл отправился назад, а вперед шагнул самый низенький из новичков.

— Твой, Чарлей.

— Хорошо.

— Иоганнес Хевелиус.

— Твой, Бисон.

— Подходит.

Еще двое ушли к своим бригадирам. Хэл остался один.

— Так, хорошо. Последний опрос по Торнхилу. У каждого из вас все еще не хватает по меньшей мере одного работника, Уилл Нэнни, так ты не берешь его?

— Нет.

— Бисон?

— Нет, это не для меня.

— Чарлей?

— Мне он не нужен.

— Джон? Последний шанс.

Низкорослый силач повернулся и вразвалку направился к Уиллу Нэнни.

— Скажи, что ты слышал о нем? — спросил он. Нэнни наклонился и стал что-то тихо говорить Хейккиле на ухо. Тот выслушал, кивнул и повернулся к администратору.

— Я возьму его.

Хэл медленно пересек пустое пространство, отделявшее его от Джона Хейккилы, и остановился рядом; тот в это время уже что-то говорил Эньо Юаню. Хэл стоял и молча ждал. Закончив разговор, Хейккила обернулся и увидел Хэла.

— Пошли со мной, — велел он.

Он повел Хэла не к бараку, куда теперь поспешили все остальные, а в противоположном направлении, через всю площадку, в дальний ее угол. Здесь он остановился, повернулся лицом к шедшему следом за ним Хэлу и некоторое время молча рассматривал его.

— Так ты любишь драться? — заговорил наконец Хейккила. У него был тенор, но довольно грубый.

— Нет, — ответил Хэл. Он разрывался между желанием убедить Хейккилу в своей искренности и попыткой сохранить образ неразговорчивого, замкнутого человека, который, как он считал, наиболее соответствовал рекомендациям Соста.

— Но я слышал другое, Уилл говорит, что вчера в зоне ожидания Станции Хола человек из-за тебя угодил в лазарет.

— Он пытался ударить меня металлической кружкой сзади, когда я об этом не подозревал, — объяснил Хэл. — То, что он попал в госпиталь, — чистая случайность.

Хейккила снова несколько секунд вглядывался в Хэла.

— А меня ты мог бы отправить в лазарет?

Хэл удивленно посмотрел на него. Внезапно на него навалилась усталость, которая как будто явилась из далекого прошлого и была гораздо старше его самого. Лицо стоящего перед ним Хейккилы находилось в каких-нибудь восьми дюймах. Шапка черных волос на его круглой голове едва достигала уровня глаз Хэла, но широченная грудь и могучие плечи бригадира закрывали собой почти половину простирающегося за ним пространства. Весил он, наверное, почти вдвое больше Хэла, и этот вес составляли

крепкие кости и тренированные мышцы зрелого мужчины, а скрытая угроза, ощущавшаяся в его позе и во взгляде, говорили о том, что в нем таится нечто большее, чем просто опытный боец. И снова откуда-то из глубины лет, гораздо более далеких, чем годы усвоения уроков Малахии и чем год рождения Хэла, пришла подсказка: единственный шанс, на который мог бы рассчитывать юный Хэл в схватке с таким могучим здоровяком, как стоящий перед ним бригадир, состоял в том, чтобы убить его, и при этом как можно быстрее. Хейккила явно ждал от Хэла заверений в том, что тот не настолько глуп и не станет драться с ним. Хэл сознавал обоснованность его ожиданий, но не мог позволить себе солгать. Тем более если отныне ему предстояло жить и работать вместе с этим человеком.

— Если бы вы набросились на меня так же, как тот человек в зоне ожидания, мне пришлось бы, — медленно произнес Хэл. — Но у меня вообще нет желания схватиться с кем-либо.

Хейккила продолжал не отрываясь смотреть на Хэла. Взгляд его был жестким. Но затем жесткость постепенно пропала, и в выражении круглого лица появилось что-то похожее на замешательство.

— Ну что ж, хорошо, если так, — наконец сказал он. — Потому что в моей бригаде не бывает столкновений. У нас нет времени на драки. У нас нет времени ни на что, кроме добычи руды. Ты меня понял?

Хэл кивнул. Неожиданно для себя он вдруг ощутил, что хочет работать именно у этого человека.

— Если вы дадите мне возможность, то увидите, что я говорю правду, — сказал он Хейккиле. — Я не смутьян.

Изучающий взгляд Хейккилы задержался на нем еще несколько мгновений.

— Значит, по-твоему, Уилл Нэнни лжет?

— Я не знаю, что ему говорили, — ответил Хэл. — Но в любом случае он не мог услышать правды.

— Вот как? — Хейккила по-прежнему пристально смотрел на него, но теперь уже все остатки угрозы, которую Хэл еще недавно ощущал, исчезли. — Будь я проклят, если что-нибудь понимаю. Каков был тот тип, которого ты уложил?

— Примерно моего роста, — ответил Хэл. — Но старше.

— А-а. Совсем старый?

— Нет, не совсем... — сказал Хэл. Он вдруг понял, что, возможно, дает Хейккиле повод истолковать

происшедшее в ложном свете. — Но он бросился на меня без всякого предупреждения, сзади. Я всего лишь пытался защититься. Он ударился об стену.

— То есть ты хочешь сказать, что он попал в лазарет по собственной вине?

— Да... В некотором роде так.

Хейккила кивнул.

— Будь я проклят, — повторил он и снова окинул Хэла изучающим взглядом. — Сколько тебе лет?

— Двадцать.

— Двадцать! — Хейккила фыркнул.

— Исполнится на будущий год, — в отчаянии добавил Хэл.

— Ну конечно, — сказал Хейккила. — Конечно, тебе двадцать.

Он глубоко вздохнул всей своей могучей грудью.

— Ну что ж, тогда пошли со мной, — велел он. — Но работа в шахте тяжелая. Имей это в виду.

Он повернулся и зашагал через площадку по направлению к бараку.

— А та женщина, которую взяли в бригаду первой. Она и раньше работала на шахте, да? — поинтересовался Хэл, поравнявшись с Хейккилой.

— Конечно, — ответил тот. — На этой самой, на Яу Ди.

— Если она может делать это, то и я смогу, — сказал Хэл, вспоминая ее хрупкую на вид фигурку.

Хейккила снова фыркнул. Теперь это уже напоминало смех.

— Ты так думаешь? Ты лучше подумай о том, как убедить меня в своем желании работать. Иначе тебя не будет в моей бригаде после первой же смены. Моя бригада имеет самые высокие ставки на этой шахте. Если ты выдержишь первую смену, я дам тебе две недели, чтобы ты мог втянуться в работу. Если за это время ты не освоишься — тогда до свиданья!

Когда они подходили к бараку, Хэл наконец понял, что же не давало ему покоя с тех пор, как он покинул борт корабля, доставившего его на Коби. Несмотря на то что все освоенное людьми пространство этой планеты находилось под землей и понятие «на улице» теряло свой смысл, отсутствие солнечного света, иной спектр запахов и десятки других, менее заметных нюансов действовали на него не так уж сильно, чтобы служить постоянным напоминанием о пребывании не на Земле, а в совершенно иной среде обитания. Тем не менее с первых часов пребывания здесь

его преследовало ощущение чуждой ему среды. И вот теперь он вдруг осознал причину этого.

Вокруг практически не было теней. Тысячи неподвижных источников света под сводами пещеры высоко над головой обеспечивали почти равномерную освещенность всех предметов, благодаря тому что на каждый из них свет падал с разных сторон. А там, где тени все же возникали, они также оставались неподвижными и неизменными. Не существовало ни дня, ни ночи. Хэл подумал: спустившись в шахту и работая там, он, наверное, даже почувствует облегчение оттого, что покинет это огромное пустое пространство, где, кажется, само время навсегда остановилось.

Подойдя к бараку, они вошли внутрь, пересекли зону отдыха и оказались в узком коридоре с рядами дверей по обеим сторонам, большей частью закрытых; по-видимому, они вели в жилые комнаты, рассчитанные на одного человека. В конце коридора Джон остановился, и они вошли в комнату раза в полтора более просторную, чем те, в которые Хэл заглядывал по пути. Здесь, помимо кровати, пары удобных кресел и небольшого столика, как в остальных комнатах, стоял еще и большой письменный стол. Именно за этот стол и уселся бригадир и, протянув вперед свою толстую

руку с квадратной ладонью, произнес то слово, которое Хэл не слышал теперь разве что во сне.

— Документы.

Хэл вынул свои бумаги и отдал Хейккиле. Тот пропустил их сквозь поперечный паз в крышке стола, нажал несколько клавиш на клавиатуре рядом с пазом и возвратил бумаги Хэлу. Ил паза появился листок с распечаткой, который бригадир также передал ему.

— Ты принят в качестве подручного, — объявил Джон. — Одна пятидесятая часть общего заработка бригады и открытая запись на твой счет стоимости всех необходимых тебе инструментов, принадлежностей, припасов, а также личных расходов. — Он протянул руку Хэлу, тот автоматически пожал ее. — Я Джон, ты Тэд. Добро пожаловать в нашу бригаду.

— Послушай, Джон, — начал Хэл, глядя в распечатку, которую держал в руке. — Я что-то не пойму... Разве меня нанимает не администрация шахты?

— Мы торгуемся и заключаем субконтракты здесь, бригада за бригадой, так же как это делается на большинстве шахт, где работа организована честно, — пояснил Джон. — Ты работаешь на бригаду. Я работаю на бригаду. Единственная

разница между тобой и мной состоит в том, что я — бригадир, я выполняю всю работу с документами и принимаю все решения. И я получаю самую большую долю общего заработка. — Он поднялся на ноги. — До конца этих двух недель мы выходим в дневную смену, — продолжал Джон. — Это еще пара трехдневок. Советую тебе установить свой оповеститель на четыре тридцать, если хочешь закончить завтрак к пяти ноль-ноль и быть готовым со всем своим снаряжением к пяти тридцати. Идем, я покажу тебе твое место.

Выйдя из-за стола, он направился в коридор, подошел к одной из дверей и открыл ее. Хэл увидел комнату, в которой все было аккуратно приготовлено для будущего постояльца.

— Обычную уборку выполняет обслуживающий персонал, — сообщил Джон. — Если устроишь большой кавардак, то вопрос будешь улаживать с ними: или все приведешь в порядок своими руками, или заплатишь им за дополнительную уборку. Но в любом случае лучше разбирайся с ними сам, потому что, если они придут с этим ко мне, эта история обойдется тебе гораздо дороже.

Хэл кивнул и положил свою сумку на кровать. Он обратил внимание, что постельное белье из-

готовлено из синтетического полотна.

Джон внимательно наблюдал за ним. Темно-карие глаза бригадира казались такими же непроницаемыми и холодными, как полярная ночь. Невозможно было сказать, отражались ли в них хоть когда-нибудь какие-либо эмоции.

— А сейчас попробуй уснуть, — посоветовал Джон. С этими словами он вышел, закрыв за собой дверь.

Хэл убрал сумку в небольшой шкаф и растянулся на кровати поверх одеяла.

Он ощущал острую необходимость спокойно и не торопясь проанализировать все последние события, происшедшие с ним. Ясно, что бригадиру по имени Уилл Нэнни стало каким-то образом известно об инциденте в зоне ожидания Станции Хола. А если это так, то весь здешний мир шахт должен быть подобен некоему гигантскому акустическому своду. Как могла информация распространиться с такой быстротой? И для чего?

Он принялся размышлять об этом, но почувствовал, что его клонит ко сну, несмотря на вопросы, целиком овладевшие его сознанием. Он уже почти заснул, как вдруг ему в голову пришла мысль, что, возможно, одним из источников дохода Дженнисона и служит продажа брига-

дирам подобной информации о людях, которых он направлял на их шахты. Но похоже, Дженнисон стремился заручиться расположением Хэла во время последнего разговора, ведь он прямо сказал, что надеется на их деловые контакты в будущем. А тогда с какой стати он стал бы распространять сведения, чуть не ставшие причиной отказа в приеме Хэла на ту работу, которую именно он, Дженнисон, выбрал для него?

Сост говорил, что если Хэла не наймут, то отправят обратно, в ближайшую зону ожидания, и вся процедура повторится с самого начала. Попал бы он в этом случае опять в зону ожидания Станции Хола? А если так, то, возможно, Дженнисон все это подстроил, чтобы продемонстрировать Хэлу свою силу и власть.

Хэл снова начал погружаться в сон, когда стук в дверь мгновенно привел его в состояние бодрствования и настороженности.

— Торнхил? — послышался из-за двери женский голос. — Ты здесь? Можно я войду?

Он вскочил на ноги и открыл дверь. За ней стояла Тонина Вэйл. Посчитав, что открытая дверь служит приглашением, она вошла в комнату и, плотно закрыв дверь за собой, уселась в ближайшее к кровати кресло.

— Я решила, что должна сказать тебе пару слов, — произнесла она.

Секунду-другую Тонина молча смотрела на него почти так же пристально, как недавно смотрел Джон, Потом заговорила:

— Ты ведь со Старой Земли, верно?

— Ты ясновидящая? — спросил Хэл вместо ответа. Она засмеялась, и смех этот не был злым.

— Я могу догадываться. Сейчас, — добавила она. — Может, многие не смогли бы. А после того как ты пробудешь здесь пару недель, догадаться уже не сможет никто.

Она вдруг стала серьезной.

— Раньше ты никогда не бывал в шахте, так?

— Не бывал.

— Ну что ж, начинаешь ты неплохо. Джон Хейккила — это один из лучших. Теперь я в бригаде Бисона Максуини, поэтому не стану сравнивать их друг с другом. Но ты можешь гордиться, что попал в бригаду Джона.

— Эта история... — начал Хэл. — О том, как я поступил с человеком, набросившимся на меня. Травму он получил действительно случайно. Я сказал об этом Хейккиле... Джону, но не знаю, поверил ли он мне.

— Если это правда, то в конце концов пове-

рит. — Тонина окинула его взглядом. — Честно говоря, мне и самой трудно в это поверить. Как ты...

— Мне уже двадцать, — перебил ее Хэл. — Я просто выгляжу моложе своих лет.

Тонина пожала плечами.

— Ну ладно. Я хочу сказать, ты получишь от Джона хорошую встряску. Он требует выработки; впрочем, другие бригадиры тоже ее требуют, — заметила она. — Говорил он тебе, что ты будешь делать?

— Нет.

— Я так и думала, — сказала Тонина. — Никто не умеет организовать дело лучше, чем Джон, но он уже так давно на шахте, что забыл о существовании людей, незнакомых с работой горняков. Но ты не беспокойся; завтра, в эту первую в твоей жизни смену, он не будет ждать от тебя высоких результатов.

— Что же я должен делать?

— Ты будешь убирать породу за людьми с резаками, — ответила она. — Они будут срезать руду с поверхности скалы, а ты должен сортировать то, что они нарежут, и грузить в вагонетки. — Тонина пристально посмотрела на него. — Ты не очень понимаешь, о чем я говорю, да? Значит,

так. Когда ты вместе со своей бригадой отправишься вниз, в шахту, то сначала вы спуститесь в клети на тот горизонт, где ведутся работы. Выйдя из клети, все пересядут в вагонетки. Состав напоминает поезд, только он движется без всяких путей, а его вагоны больше похожи на открытые металлические бункеры.

Каждый из них перевозит одновременно двух человек. Вы поедете в этих вагонетках через штреки, или, по-твоему, туннели, пока не доедете до конца того из них, который достался вашей бригаде для разработки рудной жилы. Жила — это трещина в скальной породе, заполненная металлической рудой. Она никогда не залегает горизонтально, поэтому работать почти всегда приходится в так называемом уступе. Это своего рода ступенька вверх или вниз, позволяющая добраться до руды и вырезать ее из породы. После того как вся руда на этом уровне вырезана, нужно делать новый уступ.

— Но что значит «убирать породу»? — спросил Хэл.

— Основные работники бригады будут резать скалу, находясь впереди в уступе со своими лазерными резаками...

Заметив выражение его лица, Тонина рассме-

ялась.

— Да, да, самые настоящие лазерные резаки, из прошлого трехсотлетней давности. Коби — это единственная из всех четырнадцати планет, где шахтеры стоят дешевле оборудования, а лазерный резак — это наиболее безопасный инструмент для ручной резки породы. Ты будешь находиться позади тех, кто работает этими резаками, и собирать руду, вырезанную ими из скалы. Но ты должен вбить себе в голову две вещи. Не снимай перчаток, как бы жарко тебе ни показалось. Как только начнешь хватать руду голыми руками, обязательно получишь ожоги. И ради Бога, не снимай с головы шлема. Никогда не снимай!

Горячность, с какой она произнесла последнюю фразу, удивила Хэла.

— Ладно, — кивнул он. — Не буду.

— Ты увидишь, как некоторые из тех, кто работает впереди, да и не только они, время от времени отбрасывают свои шлемы назад. Но ты не делай этого. Они понимают, когда это безопасно, потому что знают, какую породу только что резали. Ты этого не знаешь. И как бы отвратительно ни было в нем твоей голове — не снимай его. Иначе произойдет вот что. Ты увидишь, как

другие снимают шлемы, и снимешь свой, но затем вдруг шлемы у всех, кроме тебя, окажутся надетыми, а тебе надевать свой тогда будет слишком поздно. Ты успеешь вдохнуть те газы, которые образуются при разрезании породы.

— Понимаю, — медленно произнес Хэл.

— Хорошо, если так. — Она поднялась с кресла. — Ну, мне самой пора ложиться спать. У нас здесь двадцатичасовой рабочий день, три дня подряд работаем, три — отдыхаем. Постарайся научиться использовать для сна во время этих рабочих дней каждый подходящий момент. Остальное наверстаешь во время трехдневного отдыха. Я надеюсь, что Джон присмотрит за тобой, по крайней мере в первый день, чтобы ты не вздумал снимать шлем. Но никто не сможет караулить тебя постоянно, поэтому лучше возьми сразу за правило самому заботиться о себе.

Тонина направилась к двери. Хэл поспешил подняться.

— Подожди, — остановил он ее. Вся его решимость быть сдержанным и неразговорчивым куда-то улетучилась. На этой шахте она оказалась первым человеком, проявившим к нему доброту, и он почувствовал, что не может отпустить ее, не узнав о ней немного побольше. — Джон Хейккила

сказал, что ты и раньше работала на этой шахте.

— Да, — подтвердила она, задержавшись у полуоткрытой двери.

— Значит, тебе понравилось здесь, иначе ты бы не вернулась.

— Неверно. — Тонина едва заметно усмехнулась. — Все обстоит как раз наоборот. Я им здесь понравилась. А это означает и лучшую оплату, и возможность положиться на тех людей, вместе с которыми работаешь внизу, в забое.

— Тогда почему ты тогда ушла?

Ее лицо вдруг помрачнело.

— Потому что мне пришлось отправиться с одним человеком в центральный лазарет.

— Это был твой муж?

— Муж? — Казалось, она на мгновение растерялась. — Нет, это был мой брат.

— О-а-а, — издал неопределенный звук Хэл. Внутреннее чутье подсказывало ему поостеречься от дальнейших расспросов, но он к нему не прислушался. — Твой брат начал работать здесь раньше тебя?

— Нет. Я устроила его на работу здесь. — Она помолчала. — Это был мой младший брат. Он надумал поработать в шахте после того, как узнал, что такую работу выбрала для себя я. Он

был одного возраста с тобой, когда я в первый раз привезла его сюда. — Она снова окинула его мрачным взглядом. — Я имею в виду твой настоящий возраст, — добавила она.

— А теперь он работает на другой шахте?

Ее лицо застыло.

— Он умер.

— Ох. — У Хэла перехватило дыхание, ему показалось, что пол под ним зашатался, он был готов провалиться сквозь землю. — Прости меня, — пробормотал он заикаясь.

— Он снял этот проклятый шлем. Я миллион раз говорила ему, чтобы он этого не делал!

Она круто повернулась и вышла, резко закрыв за собой дверь.

Хэл долго стоял, глядя на закрытую дверь, потом медленно повернулся, подошел к кровати и стал раздеваться.

Утром его разбудил сигнал оповестителя. Он встал, оделся, вышел в коридор и направился туда же, куда шли все остальные люди. Вскоре он оказался в просторной столовой, где на длинных столах посетителей ждали вареные яйца, тушеные овощи, хлеб, а также бифштексы и сосиски. Войдя внутрь, каждый занимал любое свободное место. Разговоров слышно не было, все энергично

наполняли свои желудки. Довольный тем, что вокруг стояла тишина, Хэл устроил себе великолепный и весьма обильный завтрак, однако, покончив с ним и отодвигая пустую тарелку, он с грустью и не без основания подумал, что даже после такой трапезы, достойной самого Гаргантюа, он наверняка проголодается гораздо раньше, чем наступит время обеда.

Видимо, накануне вечером что-то произошло. В это утро кругом царила деловая атмосфера, и вчерашнее опасение, что теперь никто не захочет с ним общаться, постепенно исчезло.

Люди вокруг не обращали на него особого внимания, но и не сторонились его. Когда Хэл выходил из столовой, к нему подошел Джон Хейккила.

— Пошли со мной, — велел Джон.

В дальнем конце барака они вошли в комнату, заставленную вешалками, на которых висели комбинезоны, представляющие собой одно целое вместе с сапогами, перчатками и шлемами; в каждом шлеме имелось широкое прямоугольное окно; сделаны они были из материала, похожего на толстую, грубую ткань. Джон подвел Хэла к вешалке, окинул его взглядом, выбрал один из комбинезонов и перебросил ему.

— Теперь он твой, — сообщил Джон. — Подойдешь ко мне после конца смены, я покажу, как проверять его на герметичность. Ты должен делать это после каждой смены. А сейчас надевай его и присоединяйся к остальным ребятам из нашей бригады.

Хэл так и сделал. В комбинезонах все казались одинаковыми. Лишь невысокий широкий силуэт Джона явно выделялся среди остальных, и, держась за ним, Хэл вскоре уже шагал вместе с остальными шахтерами к туннелю, начинающемуся в дальнем конце площадки. Когда они вошли в него, эхо многократно усилило топот их ног, обутых в тяжелые сапоги на толстой подошве, превратив звук шагов в оглушительный гром. Туннель вывел их на открытое пространство, окруженное стенами из голых скал. В центре зияло широкое отверстие; это было устье уходящего наклонно вниз шахтного ствола, вокруг которого располагались различные устройства и механизмы. Пока Хэл рассматривал все это, из отверстия вырвалось облачко какой-то белесой пыли, а через секунду из устья появилась и поползла вверх большая подъемная клеть. Как только ее пол оказался на одном уровне с поверхностью, она остановилась.

— Всем в клеть, — скомандовал Джон, голос которого, усиленный установленным в шлеме переговорным устройством, приобрел металлическое звучание. Шахтеры начали заполнять клеть. Места в ней хватило всем, но стояли они, плотно прижавшись один к другому. Упакованный в замкнутое пространство комбинезона, Хэл вслушивался в звук собственного дыхания; обычно так дышит задыхающийся человек, но только у него не было никаких причин для этого.

— Эй, Торнхил, не прислоняйся к решетке клети.

Это снова прогудел голос Джона. Хэл, напирая на стиснувшие его со всех сторон тела, послушно подался внутрь клети, подальше от металлических прутьев, отделяющих его от каменных стен наклонного колодца, грубо вырубленных в толще скалы.

— Так, порядок, — прогудел Джон. — Вниз!

Клеть вдруг провалилась и продолжала падать. Почувствовав себя почти парящим в воздухе, Хэл сильнее прижался к находящимся перед ним телам. Он уже начал покрываться потом в своем защитном комбинезоне, но странное дело, неожиданно у него появилось ощущение какого-то внутреннего удовлетворения.

Клеть стремительно уносила его в глубь скального массива Коби. У него больше не оставалось выбора для дальнейших действий. Он был связан обязательствами. Теперь Хэл — шахтер, такой же, как и те люди, что стояли вокруг него. Ему предстоит выполнять одинаковую с ними работу. Когда-нибудь, со временем, она станет его второй натурой, а то, что происходит сейчас, уже можно воспринимать как начало привыкания к своему новому положению.

По крайней мере, он наконец достиг того, к чему стремился, убегая от Аренса и Данно, а также от последствий кровавой драмы, разыгравшейся на террасе. Он укрылся от Иных и сам теперь отвечает за свою жизнь. Он будет во всем полагаться исключительно на самого себя, отстранится от всех окружающих, хотя такая перспектива и представлялась ему далеко не радостной. Но в то же время впервые его жизнь и его будущее окажутся только в его собственных руках. В дальнейшем, начиная с этого момента, у него не будет пути назад. Так или иначе, но он должен выжить, повзрослеть и в конце концов возвратиться, чтобы воздать должное Блейзу и Иным.

Это холодное заключение показалось ему весьма привлекательным. Оно вызвало у него даже

ощущение некоего торжества. Сокровенная великая цель, мысль о которой временами всплывала из глубин его сознания, казалось, начала осуществляться.

Глава 8

Клеть стремительно летела вниз. Свет, падавший на стены, позволял видеть неровную коричневатую поверхность основной горной породы с мелькавшими изредка белыми пятнами; это были жилы золотоносного кварца. В бумагах, полученных Хэлом при приеме на работу, говорилось, что именно золото, а иногда серебро и были теми полезными ископаемыми, которые добывали на шахте Яу Ди. Он вглядывался в проносящуюся мимо скальную стену, пытаясь заметить в кварце вкрапления золота, но клеть опускалась слишком быстро. Он вдруг сообразил, что стоит вплотную к прутьям решетки, и, вспомнив приказание Джона Хейккилы держаться от них подальше, с чувством вины отступил назад.

Он получил сильный толчок в спину.

— Черт тебя дери, подручный! На чем ты, потвоему, стоишь?

Хэл неловко повернулся в защитном комбинезоне и сквозь смотровой щиток своего шлема увидел другой такой же щиток, а за ним — окаймленное прямыми черными волосами сердитое

худое лицо с длинным носом, принадлежащее человеку лет двадцати с небольшим, чуть пониже его ростом.

— Прошу прощения, — сказал Хэл. — Я только...

— Прощение тут ни при чем. Нечего топтаться на моих ногах.

Но на ногу Хэл никому не наступал. За годы тренировок он привык постоянно контролировать равновесие своего тела и ощущать поддерживающую его опору. Если бы он почувствовал под своей ступней чужую ногу, то сразу же инстинктивно сместился бы так, чтобы не переносить на нее тяжесть своего веса. Он в недоумении смотрел в лицо своему визави и лишь в последний момент удержался от возражения.

— Хорошо, не буду, — произнес он.

Тот что-то проворчал в ответ, но смысл сказанного потерялся по пути между микрофоном в его шлеме и телефоном в шлеме Хэла. Хэл отступил на несколько дюймов к решетке, и рассерженный коллега отвернулся от него.

Спуск клети замедлился, ее пол стал ощутимо давить на подошвы ног. Наконец она остановилась, ворота широко распахнулись. Хэл стоял дальше всех от них, поэтому покинул клеть по-

следним. Из сумрака уходящего вверх шахтного ствола он попал в обширное, ярко освещенное помещение, которое выглядело как конечная станция для нескольких поездов, составленных из маленьких вагонеток. Шахтеры небольшими группами, оживленно переговариваясь, направлялись к ожидавшим их вагонеткам. Хэл, твердо решивший не принимать участия в общих разговорах, молча шел сзади. Часть вагонеток уже была занята: видимо, сидящих в них шахтеров клеть доставила сюда раньше. С некоторым облегчением Хэл увидел, что черноволосый субъект, которому он якобы наступил на ногу, направляется к частично заполненному составу, около которого поджидал своих людей Уилл Нэнни.

Неожиданно Хэл обнаружил, что все, с кем он вместе спускался сюда, разошлись, оставив его в одиночестве. Он стал искать глазами Джона Хейккилу и, наконец увидев, что тот в окружении нескольких шахтеров направляется к одному из составов, поспешил вдогонку.

Он нагнал свою бригаду, когда шахтеры уже рассаживалась по вагонеткам, — открытым металлическим контейнерам, поставленным на колеса с упругими шинами. Борта, колеса и все остальные части вагонеток были выкрашены в

зеленый цвет. Хэл сел в вагонетку последним из двенадцати шахтеров, составлявших, очевидно, бригаду Хейккилы. Тот стоял у передней вагонетки, мрачно наблюдая за посадкой в состав своих подопечных.

— Поживее, Тэд! — крикнул он, увидев Хэла. — Пошло рабочее время.

Хэл взобрался в предпоследнюю вагонетку, в которой он оказался единственным пассажиром — все остальные шахтеры уже сидели в первых четырех вагонетках. Увидев, что Хэл уже в вагонетке, Джон занял свое место, и под аккомпанемент металлических стуков, скрипа и лязганья состав тронулся в путь, причем, как показалось Хэлу, без какой-либо команды Джона.

Они въехали в один из проемов, оказавшийся началом туннеля. Здесь звуки, порождаемые движением состава, усилились благодаря отражению от стенок, — близко расположенных с обеих сторон, и превратились в оглушительный грохот. Днище вагонетки, в которой сидел Хэл, стало раскачиваться и подскакивать под ним. Пол туннеля был горизонтальным и ровным, но далеко не таким гладким, как на покинутом ими терминале, а у вагонеток не было пружинной подвески. Хэл, вначале бездумно усевшийся на

днище, поспешно вскочил на ноги и, копируя поведение своих коллег в передних вагонетках, присел, как и они, на корточки, при этом его подбородок едва не уперся в колени. Тем не менее такая поза при нынешней поездке оказалась наиболее удобной, хотя и несколько затрудняла сохранение равновесия, — но Хэл обнаружил, что если скрестить перед собой руки и упереться ладонями в противоположные борта, то и с этим затруднением можно справиться.

Однако, несмотря на все неудобства, поездка была захватывающей. Сейчас, когда они углубились в туннель, состав начал набирать скорость. Подскакивая и раскачиваясь, он несся вперед между отстоящими друг от друга не более чем на два метра стенами прорубленного в скале коридора, их путь освещали висящие под потолком приблизительно через каждые десять метров на высоте около двух метров светильники времен прошлого тысячелетия. Хэл снова попытался отыскивать взглядом кварцевые жилы с включениями золота. Он напряженно вглядывался в уносящиеся назад стены сквозь смотровой щиток своего шлема и вдруг обратил внимание, что в передних вагонетках у всех шахтеров шлемы отброшены назад. Он не сразу решился последовать

их примеру, вспомнив предупреждение Тонины, но затем рассудил, что она говорила об опасности отравления смертельно ядовитыми газами, которые образуются, когда шахтеры работают лазерными резаками. Но здесь, в туннеле, такой опасности существовать не должно, и кроме того, все же сидят с непокрытыми головами! Он сдвинул назад свой шлем и стал пристально следить за мелькавшими по сторонам скальными обнажениями. Однако они выглядели так же, как и при рассматривании сквозь смотровой щиток: сплошной гранит без каких-либо следов кварца.

Но сидеть без шлема оказалось гораздо приятнее. Встречный поток воздуха, обдувающий лицо, был влажным и прохладным, с легким запахом кислоты и затхлости. Каково ему будет работать в этом одеянии, если он уже сейчас, без всякой физической нагрузки, испытывает в нем такой дискомфорт.

И вместе с тем Хэл ощутил какое-то жутковатое очарование от пребывания под землей, от этого стремительного движения вдоль туннеля, пронизывающего скалу, со скоростью, при которой, казалось, борт вагонетки вот-вот чиркнет о стену при очередном повороте. Ему пришла на ум история Пера Гюнта, посетившего пещеру Горного

Короля, а музыка Грига вдруг зазвучала у него в голове в такт скрипу и лязгу сцепных устройств на фоне шелеста шин мчащихся вагонеток.

Неожиданно состав свернул в более узкий боковой туннель. Немного проехав по нему уже не с такой высокой скоростью, они очутились на небольшой площадке с наклонным въездом с того горизонта, где они находились, на другой горизонт, расположенный метра на полтора выше, словно это была следующая ступенька какой-то гигантской лестницы. Вагонетки поднялись по этому въезду, проехали вперед несколько футов по горизонтальному участку, затем снова преодолели наклонный подъем, а дальше последовала серия таких же подъемов и спусков, пока состав вдруг не затормозил так резко, что Хэла швырнуло к переднему борту вагонетки. Ему показалось, что они остановились перед сплошной стеной гранита, однако поскольку все, шахтеры начали высаживаться, Хэл подумал, что, наверное, ошибся. Он тоже выбрался наружу и, пройдя вперед, увидел, что колеса передней вагонетки почти уперлись в скалу. Она оказалась очередной огромной ступенькой, но на этот раз никакого наклонного подъема Хэл не заметил. Ширина самой ступеньки была настолько мала,

что на ней едва хватало места, чтобы стоять, а дальше снова вверх поднималась каменная стена, иссеченная глубокими вертикальными и горизонтальными бороздами, так что она напоминала грубо сработанную шахматную доску, поставленную на ребро.

У подножия этой полутораметровой ступеньки беспорядочной грудой лежал различный инструмент, и члены бригады уже начали его разбирать. Хэл обратил внимание на устройства небольшой длины с массивным корпусом, что-то вроде пистолетов с короткими толстыми стволами — очевидно, те самые резаки, о которых говорила Тонина Вэйл. Примерно в таком же количестве здесь лежали странного вида приспособления, похожие на протезы; их пальцы оканчивались четырьмя длинными металлическими шипами, загибавшимися внутрь, так что концы почти соприкасались.

Хэл увидел, как шестеро шахтеров, надевшие их на свои левые перчатки, начали ими манипулировать, видимо, с целью проверки. Шипы то расходились в стороны, раскрываясь, то сдвигались друг к другу и сжимались, и казалось, все это происходило без какой-либо связи с движениями пальцев внутри перчатки. В некоторых случаях

острые концы шипов начинали светиться темно-красным цветом, через секунду он менялся на белый, а затем они вновь приобретали матово-черный металлический оттенок. Каждый надевший такие приспособления проверил их несколько раз, напоминая при этом получеловека-полунасекомое, отыскивающее что-то ощупью в разреженном воздухе. Затем эти шахтеры взобрались на узкий уступ скалы и повернулись лицом к изрезанной бороздами стене.

Остальные члены бригады, кроме Джона Хейккилы, повернули назад, прошли мимо Хэла метров на десять в глубь туннеля и уселись на землю с отброшенными на спину шлемами. Джон, оставшийся стоять под уступом у передней вагонетки, огляделся вокруг и увидел Хэла.

— Ну-ка, подручный, иди сюда!

Хэл с живейшим интересом направился к своему бригадиру.

— Надень шлем. И не снимай его.

Хэл невольно оглянулся на тех шестерых шахтеров, которые сидели в глубине туннеля, опираясь спинами о скалу, и беседовали между собой. Он надел шлем и услышал в наушниках несколько искаженный голос Джона.

— Ты знаешь что-нибудь о своей предстоящей

работе, Торнхил?

— Нет, — ответил Хэл.

— Ну, хорошо. Твоя задача состоит в том, чтобы убирать породу во время работы резаков.

Джон потянулся к своему шлему и наглухо присоединил его к комбинезону; шестеро шахтеров с резаками в руках проделали то же самое несколько раньше. Теперь они стояли, повернувшись лицом к Джону с Хэлом, и явно чего-то ждали.

— Обычно я нахожусь там, наверху, вместе с первой группой резальщиков, — пояснил Джон. — Но сейчас я останусь здесь, чтобы помочь тебе побыстрее освоиться с твоими обязанностями. Так вот, сейчас они начнут вырезать из скалы куски породы, и эти куски будут падать с уступа вниз до тех пор, пока уступ не станет таким широким, что они уже не смогут сбрасывать всю породу назад через его край. Когда этот момент наступит, мы прорежем в уступе плавный спуск, и тебе придется уже работать прямо позади резаков. А пока порода станет переваливаться через край уступа прямо тебе под ноги, а если зазеваешься, то и на ноги. Понятно?

Хэл кивнул.

— Вот и хорошо. А еще не забывай о том, что куски породы будут горячими. Поэтому прика-

саться к ним можно только захватами. Вот эти захваты.

Он поднял пару похожих на протезы приспособлений с торчащими наружу изогнутыми шипами.

— Ну-ка, протяни руки.

Хэл протянул, и на каждую перчатку его комбинезона Джон надел по такому протезу. Внутри приспособления имелось углубление, соответствующее форме перчатки и состоящее из четырех отделений: для большого пальца, для указательного, среднего и общее для безымянного с мизинцем. Он попробовал пошевелить пальцами правой руки, и четыре когтеобразных шипа послушно повторили их движения.

— Манипуляторы, — сказал он.

— Нет, это захваты, — поправил его Джон. — Ты будешь подбирать ими куски породы. Следи за мной. Давайте, резчики, начинайте!

Разговаривая, Джон одновременно натягивал захваты на перчатки своего комбинезона. Он едва успел это сделать, как на уступе, с треском и шипением вгрызаясь в скалу, начали работать шесть лазерных резаков, а через секунду-другую один из них отделил от скального монолита кусок гранита размером с крупный грейпфрут, кото-

рый, перекатившись через уступ, свалился прямо к ногам Хэла. Джон легко поднял его четырьмя шипами своего захвата и протянул к Хэлу.

— Не прикасайся к нему, — сказал он. — Только смотри. Видишь в нем жилу?

Хэл всматривался в кусок породы. Он разглядел ниточку кварца, прорезающую гранит.

— И в ней есть золото? — поинтересовался он, продолжая восхищенно рассматривать обломок камня.

— Ты чертовски прав, — ответил Джон. — Наверное, там есть и серебро, но его невозможно увидеть. Ну-ка, взгляни. Видишь, какого цвета кварц вот в этом месте?

Хэл даже сощурил глаза, глядя на кварцевую прожилку, хотя и не знал в точности, что он должен был заметить.

— Думаю, что вижу, — произнес он не очень уверенно. Джон ловко забросил подручное наглядное пособие в первую вагонетку.

— Ничего, научишься, — подбодрил он Хэла. Пока они разговаривали, к их ногам упало еще несколько кусков породы, вырезанных из гранитной стены. Каждый из них Джон подбирал, на мгновение показывал Хэлу и забрасывал в вагонетку. Однако на один из последующих он

снова обратил внимание Хэла.

— Посмотри, — велел он. — Здесь нет прожилок. Такие куски нужно выбрасывать.

Подцепив кусок пустой породы шипами захвата, Джон отбросил его к стене туннеля.

— Это сортировка, — пояснил он, продолжая теперь уже без остановок подбирать куски породы, непрерывным потоком сыпавшиеся с уступа. — Пройдет некоторое время, прежде чем ты научишься этому, но у тебя должно получиться. Бригаде платят только за полноценную руду. Если в вагонетки попадает пустая порода, то она лишь занимает в них место, уменьшая полезный объем дневной добычи. Но на первых порах ты не пытайся успевать делать все. Подбирай и сортируй столько, сколько сможешь. Но в общем-то, чем скорее ты научишься, тем скорее избавишь нас от дополнительной нагрузки и тем скорее приобретешь расположение всех членов бригады. Ну а теперь попробуй рассортировать и погрузить часть этой породы.

Хэл попробовал. Управление захватами он освоил достаточно легко, хотя при первых попытках крепко обхватить падавшие к его ногам обломки, не ощущая их пальцами, у него и возникали некоторые затруднения. Кроме того, устройства

обладали такой высокой чувствительностью, что усилие, которое он поначалу прикладывал к ним, оказывалось чрезмерно большим. Однако минут через десять он уже довольно ловко подхватывал куски породы и забрасывал их в вагонетки. А вот с сортировкой дело обстояло несколько хуже. Стоило ему начать внимательно рассматривать какой-нибудь обломок, Джон тут же резко требовал продолжить загрузку вагонеток.

Пока Хэл осваивался, Джон продолжал ему помогать. Но скорость, с которой Хэл управлялся с сыпавшейся сверху породой, быстро возрастала, хотя он и замечал с огорчением, что отбраковывает примерно один кусок породы из десяти, в то время как у Джона в отвал идет почти каждый пятый. И все же бригадир был, кажется, доволен проявленными Хэлом способностями; теперь он сам перебрасывал в вагонетки все меньше и меньше руды и в конце концов вовсе перестал помогать Хэлу, а только стоял и наблюдал за ним.

— Все нормально, — сказал он через некоторое время. — Так действуй и дальше. А сейчас отдохни, мы поменяем группы.

Он обернулся и крикнул резчикам на уступе:

— Смена!

Резаки зашипели, затрещали и смолкли. Стало

тихо. Те, кто был на уступе, спрыгнули вниз, а сидевшие в глубине туннеля подошли к Джону, надевая на ходу шлемы, взяли из рук спустившихся вниз шахтеров резаки и стали подниматься на уступ, чтобы занять их места. Теперь к ним присоединился и Джон, также надевший свой шлем на голову. На секунду он обернулся, глянул через плечо вниз, на Хэла.

— Не снимай шлема до тех пор, пока я не разрешу, тебе, — строго предупредил он. — Ты понял меня?

— Да, — ответил Хэл.

— Хорошо! — Джон повернулся лицом к стене, и вместе с ним повернулась вся группа. — Начали!

Работа возобновилась. Сперва Хэл опасался, что без помощи Джона не сумеет справиться с обрушившимся на него потоком породы. Но если он и успел приобрести в чем-либо жизненный опыт, так это в умении постигать все новое. Куски руды больше не выскальзывали и не откатывались в сторону, когда он намеревался поднять и погрузить их в вагонетки, а по прошествии некоторого времени и он уже довольно успешно отличал рудоносную породу от пустой.

Темп работы резчиков все возрастал, и теперь Хэлу пришлось поднатужиться, чтобы успевать

подбирать сыпавшиеся сверху куски породы. И он стал действовать еще быстрее. Но такая интенсивная работа, связанная с непрерывными наклонами тела и поднятием увесистых обломков скалы, привела к непривычно большой нагрузке на мускулы, и в них начала накапливаться усталость.

К счастью, ему представлялась возможность остановиться и перевести дух примерно через каждые пятнадцать минут, когда работающие и отдыхающие шахтеры менялись местами. Однако, даже несмотря на эти перерывы, к концу первой половины смены он заметно утомился и стал работать медленнее. Обеденный перерыв наступил как раз вовремя, иначе он оказался бы буквально заваленным неубранной породой. Еда и отдых восстановили его силы, и в начале второй половины смены он легко успевал за резчиками, но этот прилив сил оказался достаточно кратковременным. Теперь он устал гораздо быстрее, чем утром, и к своему большому огорчению вскоре уже настолько не успевал за резчиками, что даже продолжал работать во время перерывов при смене групп.

Взмокший, тяжело дышащий в своем герметичном комбинезоне, он с вожделением и завистью

посматривал на работающих у стены шахтеров, время от времени сбрасывавших на несколько секунд свои шлемы, чтобы сделать глоток свежего воздуха. Десятки раз у него возникало искушение приподнять на секунду и свой шлем, но привычка к дисциплине помогала устоять. А когда он наконец почувствовал на своем плече чью-то руку и, обернувшись, увидел перед собой Джона, то уже в прямом смысле слова еле держался на ногах.

Глава 9

— Иди-ка отдохни. — Джон слегка оттолкнул Хэла от груды еще не убранных кусков породы и принялся бросать их в вагонетки.

На подгибающихся ногах Хэл прошел в глубь туннеля, прислонился к стене, затем, опустившись вниз, сел на землю, отсоединил и откинул назад шлем. Он не мог припомнить, чтобы когда-либо прежде ему случалось так глубоко дышать.

Сначала Хэл подумал, что Джон просто решил снова немного помочь ему, но потом увидел, что и резчики очередной рабочей группы, откинув шлемы, спускаются с уступа, который стал теперь таким широким, что называть его просто уступом было бы уже не правильно. Тем временем к спустившимся вниз резчикам присоединилась группа отдыхавших шахтеров, и вся бригада начала сообща прорезать наклонный въезд на уступ.

Они уже почти закончили его сооружение, когда из туннеля выкатился и остановился рядом с ними состав из пяти пустых вагонеток. Из передней вагонетки вышел единственный на-

ходившийся в ней пассажир — могучий, чем-то напоминавший паука старик. Отброшенный назад шлем позволял разглядеть в его лице восточные черты; широкие плечи были сгорблены, длинные, висящие как плети руки оканчивались захватами. Джон подошел к нему, и они стали негромко беседовать. Хэл находился слишком далеко, чтобы услышать, о чем шел разговор. Говорил в основном Джон, причем почти в самое ухо старику, который слушал его, повернув голову в сторону, время от времени кивал, а крючковатые шипы захватов, как бы служивших окончаниями его рук, то и дело подергивались, словно он не мог дождаться, когда закончится этот разговор. Наконец Джон перестал говорить, повернулся и отошел от собеседника. Старик шагнул в сторону разбросанных у подножия каменной стены кусков пустой породы, отбракованных Хэлом, и набросился на них, орудуя обоими своими захватами.

Именно набросился, по-другому и не скажешь. Хэл считал, что Джон работал захватами быстро и очень ловко, однако то, что делал этот человек, казалось невероятным. Повернувшись лицом к стене и действуя одновременно обеими руками, он не глядя швырял куски пустой породы назад,

и все они падали в стоящую позади него пустую вагонетку. А когда вагонетка заполнилась доверху, он, продолжая стоять спиной к составу и по-прежнему не поворачивая головы, начал заполнять следующую. Хэл как зачарованный наблюдал за его работой.

— Ну все, Тэд. Пошли.

Хэл поднял глаза на стоящего перед ним Джона и торопливо поднялся на ноги, готовый снова приняться за работу. Потом увидел, что наклонный подъем уже готов, но шахтеры не поднимаются на новый горизонт, чтобы продолжать врезаться в скалу. Вместо этого все они забираются в заполненные рудой вагонетки и усаживаются поверх нее.

— Мы что, уже закончили? — удивился Хэл, не веря, что желанный момент наконец наступил.

— Да, мы закончили, — ответил Джон. — Залезай на вагонетку.

В сознании Хэла, сосредоточившего все свои силы и мысли на выполнении работы, не отложился тот факт, что весь их состав уже загружен рудой. Он снова взглянул в ту сторону, где работал старик; тот всего за несколько минут убрал почти всю пустую породу, которую Хэл отбрасывал в течение целой смены.

— Что он делает? — спросил пораженный увиденным Хэл, направляясь в сторону своего состава.

— Собирает отходы, — пояснил Джон. — Это уборка. Он увезет то, что мы отбраковали, для окончательной сортировки; ее производят на тот случай, если мы не заметили чего-нибудь стоящего. После этого всю пустую породу свалят в штреке шахты, потом поднимут на-гора и выбросят на поверхность. Ну иди, садись.

— Я все еще не могу поверить, что смена закончилась, — сказал Хэл, забираясь на груду руды.

— Да, Тэд, она закончилась, — подтвердил Джон. Он прошел вперед к передней вагонетке. Хэл не видел, каким образом Джон управлял движением состава, но как только он сел на свое место, состав сразу же тронулся. Для того чтобы отправиться к терминалу, следовало выполнить разворот в обратном направлении, что в условиях весьма ограниченного пространства оказалось делом далеко не простым. Пришлось несколько раз двигаться попеременно то вперед, то назад.

С гулом и лязганьем они катили по туннелям. Хэл, примостившийся на кусках породы, наполовину заполнявших вагонетку, блаженствовал от сознания того, что работа на сегодня окончена.

Он выбился из сил, но это состояние совершенно не угнетало его. Наоборот, усталость, ощущавшаяся во всем теле, была почти приятной, и он вспоминал и о проделанной тяжелой работе, и о коротких минутах отдыха даже с некоторым удовольствием. В прошлом году Малахия Насуно объяснил ему, что мышцы его юного, растущего тела еще не обладают такой силой, какая появится, когда он перестанет расти. Но зато, говорил Малахия, восстановление сил после большого напряжения у него сейчас должно происходить быстрее, чем у более взрослого человека такой же силы и одинакового с ним веса. И сейчас, сидя в раскачивающейся из стороны в сторону вагонетке, Хэл чувствовал, как силы вновь возвращаются к нему.

Ему подумалось, что отныне одно общее дело связывает его с остальными шахтерами. И впервые с тех пор, как он покинул Землю, у него появилось ощущение, что кто-то признал его своим и что он принят в одно из сообществ Вселенной.

Хэл все еще пребывал под влиянием охватившего его теплого чувства, когда они въехали на терминал, к шахтному стволу с подъемной клетью. Здесь уже стояло несколько составов, также

груженных рудой, другие въезжали на терминал, опережая их состав. Они остановились, и Хэл, увидев, что все шахтеры его бригады выходят из вагонеток, последовал их примеру. Только Джон остался на своем месте и, когда все остальные вышли, тронул состав и увел его в туннель, начинающийся позади шахтной клети.

— Что мы будем делать дальше? — обратился Хэл к одному из членов своей бригады, видя, что, никто не идет к клети, стоящей на дне шахтного ствола с открытыми воротами в ожидании пассажиров.

— Ждать Джона, — ответил ему невысокий худощавый шахтер лет двадцати пяти с черными пиратскими усами, свисающими по краям рта, огибая уголки губ.

Хэл кивнул. Прошло минуты три-четыре, прежде чем Джон появился из туннеля и присоединился к ним.

— Полтонны сверх нормы, — сообщил он, махнув зажатым в руке листком распечатки, прежде чем убрать его в нагрудный карман комбинезона. Бригада одобрительно загудела.

— Ого! И это с новым подручным. Вот здорово! — Шахтер, с которым Хэл разговаривал, дружески хлопнул его по плечу. Вернее, попы-

тался сделать это, поскольку Хэл инстинктивно отшатнулся в сторону от его руки, так что упрятанная в перчатку ладонь лишь едва задела плечо. Но тот, похоже, даже не заметил, что его дружеский жест практически не состоялся.

— Давайте подниматься! — крикнул Джон и первым направился к шахтному стволу. Когда они подошли к клети, она оказалась уже почти наполовину заполненной шахтерами из других бригад.

— Берегитесь! — услышал Хэл, войдя в клеть, возглас над самым своим ухом. — Берегите ваши ноги. У нас появился новый подручный в больших сапогах, который не умеет себя вести.

Хэл обернулся и оказался лицом к лицу с тощим длинноносым парнем, который утверждал, что Хэл наступил ему на ногу, когда они спускались в шахту.

— Что с тобой, Найф? — спросил черноусый шахтер из бригады Хэла. — Ведь это его первый день.

— Я не с тобой разговариваю, Дэйвис, — взглянув на черноусого, резко бросил в ответ шахтер, которого звали Найф. — Пусть отвечает за себя сам, если считает, что теперь он стал одним из нас.

Ворота клети закрылись, она дернулась и стала подниматься вверх.

— Я не прикасался к твоей ноге, — сказал Хэл Найфу.

— Значит, по-твоему, я вру?

— Эй, что там у вас происходит? — донесся сквозь массу плотно сбившихся тел голос Джона Хейккилы. Хэл, ничего не ответив, отвернулся от Найфа.

Клеть продолжала подниматься. Когда она остановилась наверху и ворота открылись, Хэл поспешил выйти и отойти подальше от остальных шахтеров. Несмотря на то что они поднимались к надшахтному зданию, плотно прижавшись друг к другу, какая-то часть прежнего теплого чувства к своим коллегам и сознания единения с ними теперь пропала.

— Идем-ка со мной, — позвал его подошедший сзади Джон. — Мы сейчас снимем комбинезоны, и я покажу тебе, как надо проверять их на герметичность.

Вместе с бригадиром Хэл вошел в ту комнату, где получал из его рук свой комбинезон. Следуя указаниям Джона, он снял его и внимательно следил за тем, как тот прицепил к комбинезону свешивающийся со стены короткий шланг,

над которым находилась прямоугольная шкала. Джон загерметизировал комбинезон, присоединил шланг к клапану, расположенному на поясе комбинезона, и нажал на рычажок. Комбинезон вздулся.

— Отлично, — сказал он через секунду и выпустил воздух из комбинезона. — Никогда не забывай выполнять такую проверку после каждой смены. Иначе первый же вдох, который ты сделаешь в негерметичном комбинезоне, окажется для тебя и последним. Я имею в виду горячие газы там, внизу.

— Я буду помнить об этом, — пообещал Хэл. — А теперь скажи...

— Обед через сорок минут, — ответил Джон, не дожидаясь окончания вопроса. — А пока ты мог бы пойти... Эй, смотри-ка, тебя тут кое-кто ищет.

Кое-кто была Тонина. Джон вышел из комнаты, а Тонина подошла ближе, остановилась и внимательно осмотрела Хэла сверху донизу.

— Как тебе удалось оказаться здесь раньше нас? — удивился Хэл. — Я даже не видел тебя сегодня утром в шахтной клети.

— Смены сдвигаются, чтобы подборщики пустой породы могли объезжать забои и выполнять их очистку поочередно, — пояснила она. — Бисон

и все мы вместе с ним сегодня спустились вниз раньше вас, поэтому и наверху мы оказались скорее, чем вы.

— Понятно, — кивнул Хэл. Она пошла к выходу, и Хэл рефлекторно двинулся за ней. — Куда мы идем?

— Прочь отсюда. Я хочу посмотреть на тебя при хорошем освещении.

Они вышли через дверь на просторную центральную площадку, служившую накануне местом общего сбора шахтеров. Ее плоскую, покрытую пылью поверхность заливал свет мощных ламп, расположенных высоко под потолком этой огромной выемки в недрах планеты. Большинство шахтеров, свободных от работы, собравшись небольшими группами, прогуливались по площадке явно в ожидании наступления обеденного времени.

— А сейчас стой, — велела Тонина, когда они прошли по площадке некоторое расстояние; теперь прямо на них из-под потолка струился яркий свет, будивший воспоминания о полуденном солнце на Земле. Она, прищурившись, снова внимательно оглядела его. — Ты выглядишь хорошо. Все в порядке! Я слышала, ты неплохо поработал там, внизу.

— Неплохо? — недоверчиво спросил Хэл. — Да я все время отставал. Хорошо, что смена закончилась вовремя, а то Джону пришлось бы мне помогать.

— Все равно это здорово. Ты выдержал свою первую в жизни рабочую смену от начала и до конца. Мало кто из новичков в шахте способен на такое. Дело в том, что, когда человек появляется здесь впервые, его физическая форма не имеет значения. При пользовании захватами работают совершенно особые группы мышц, поэтому на первых порах любой новичок быстро выдыхается.

— Эй ты, большеногий подручный!

Хэл узнал этот голос и, обернувшись, увидел идущего к ним Найфа. Теперь, без комбинезона, тот выглядел менее впечатляюще. Он был на добрых полголовы ниже Хэла и казался щуплым, но полученные в годы учебы знания говорили Хэлу, что Найф, наверное, процентов на двадцать тяжелее, чем он, и что эта разница в весе приходится на полностью сформировавшиеся, окрепшие и набравшие силу кости и мышцы. Распахнутый ворот его широкой рубахи открывал шею и грудь, покрытые темным загаром, который в здешних условиях можно было получить только пользу-

ясь специальными облучателями. У него были прямые широкие плечи, тонкая талия и очень темные глаза.

— Я хочу перебросить с тобой еще парой слов, — заявил он.

— Отстань от него, Найф, — сказала Тонина. — Он же новенький. Не обращай на него внимания, Тэд.

— Не вмешивайся в это дело, Тонина, — остановил ее Найф. — Я разговариваю с тобой, подручный. Я не люблю, когда топчутся на моих ногах, и не люблю, когда меня называют лжецом.

У Хэла засосало под ложечкой. Шахтеры, привлеченные громкими голосами, стали собираться вокруг них в кружок.

— Я сама знаю, что мне делать, Найф! — Тонина встала между ними, повернувшись лицом к Найфу. — Ты бы придумал что-нибудь поумнее, чем задирать новичков. Где Джон? Джон! Джон Хейккила, этот забияка хочет показать себя крутым парнем, приставая к твоему подручному.

Джон услышал ее.

— Что случилось? — спросил он секунду спустя, пробравшись сквозь толпу, уже успевшую образоваться перед ними. — В чем дело, Найф?

— Тебя это не касается, — ответил Найф. — Твой

подручный спускался сегодня утром вниз, всю дорогу стоя на моей ноге, а когда я сообщил ему об этом и предложил впредь так не поступать, он обозвал меня лжецом.

Джон перевел взгляд на Хэла. Тот отрицательно покачал головой.

У Хэла росло отвратительное ощущение где-то внутри. К горлу подступала тошнота. Он отправился сюда, чтобы стать незаметным, не выделяться из общей массы, а эта история с Найфом с каждой секундой привлекала к нему все больше внимания. Ему казалось, что теперь уже вся шахта собралась поглазеть на происходящее.

— Я не наступал ему на ногу, — сказал Хэл, — но это не важно, все в порядке...

— Ты говоришь, что не наступал ему на ногу. Хорошо. Значит, никакой проблемы нет, — резюмировал Джон. Он стоял перед Найфом, не отрывая от него взгляда, словно танк в человеческом обличье. Но на лице Найфа появилась злобная гримаса. — Ты не мой бригадир. Если этот подручный не может постоять за себя, то ему здесь нечего делать.

— Убирайся в свое логово! — гневно воскликнула Тонина. — До тебя дошел слух, что он смутьян, и ты хочешь показать, что не уступаешь ему в

этом, вот и все.

Найф не обращал на нее внимания. Он сверлил взглядом Джона.

— Я сказал, не ты мой бригадир.

— Это верно, — согласился Джон. Он оглядел толпу. — Уилл?

Уилл стоял впереди, слева от Джона.

— А что тебя беспокоит? — произнес Уилл, не двигаясь с места. — Мы слышали, что он смутьян. Ты знал об этом, когда брал его к себе. Даже если слух неверен, пусть он сам справляется с этим делом. Вполне возможно, он сам спровоцировал эту ссору, чтобы покрасоваться перед нами.

— Все в порядке, — торопливо повторил Хэл. — Правда, Джон. Я не наступал ему на ногу, но если ему показалось, что я сделал это, я готов извиниться перед ним.

— Ну да, извиниться... Черта с два! — с яростью крикнул Найф. — Ты думаешь, что можешь обозвать меня лжецом, а потом спокойно удалиться? Или защищайся, или убирайся вон с шахты!

— Джон! — умоляюще воскликнула Тонина.

Джон пожал плечами и отошел в сторону. Окружившая их толпа стала отступать, и вскоре Найф и Хэл остались вдвоем в центре обширного свободного пространства. Тонина, задержавшаяся

было рядом с ними на несколько секунд, тоже присоединилась к остальным.

Хэл стоял и с чувством глубокого отчаяния смотрел на Найфа. Свет над площадкой вдруг стал очень ярким, воздух вокруг — сухим и горячим. Казалось, остальные шахтеры находятся где-то далеко и явно не испытывают к нему ни малейшей симпатии. Он был предоставлен исключительно самому себе, словно человек, попавший в середину волчьей стаи. Он вглядывался в лицо Найфа и не находил в нем ни следа благоразумия.

«Ну и пусть, — внезапно решил он. — Я позволю ему делать со мной все, что он захочет. Только так я смогу выйти из этой передряги. Если он побьет меня, то, может быть, они забудут эту историю с моей дурной репутацией...»

Он увидел, что Найф начал наступать на него с опущенным правым плечом и стиснутым кулаком. Все тело Хэла напряглось, оно изготовилось принять одну из десятка заученных оборонительных стоек, но своим сознанием он заблокировал подобные действия. Он лишь нелепо поднял кулаки, надеясь, что выглядит со стороны как человек, совершенно не умеющий драться.

Найф приближался. «Я буду стоять неподвиж-

но», — внушал себе Хэл. И он заставил себя оставаться неподвижным, когда Найф вплотную подошел к нему.

...Хэл растерялся. Произошло какое-то недоразумение, но он не мог сразу вспомнить, какое именно. Он лежал на земле и помнил только о том, что его сбили с ног ударом кулака. Он увидел над собой силуэт человека, подступавшего к нему и одновременно принимавшего такую позу, которая говорила лишь об одном: его намереваются пнуть ногой.

Его тело среагировало инстинктивно и моментально. Он сгруппировался, перекувырнулся назад, вскочил на ноги и стал лицом к лицу с нападавшим. Теперь он вспомнил, что этого человека зовут Найф и что он решил позволить ему делать с собой все, что тот захочет. Но его сознание все еще оставалось затуманенным и каким-то чужим, оно никак не давало ему вспомнить, почему он решил вести себя таким образом.

А тем временем Найф после короткой паузы начал снова подступать к Хэлу, преодолев мгновенную растерянность, охватившую его, когда Хэл, еще секунду назад беспомощно лежавший на земле, стремительно поднялся на ноги и теперь, похоже, готовился отразить его выпад. Найф

быстро подскочил к Хэлу и нанес удар правой, целясь прямо в кадык.

Несмотря на охватившую его слабость и дрожь, Хэл рефлекторно среагировал. Он развернул корпус так, чтобы кулак Найфа прошел мимо, не задев его, а затем, сделав быстрый скользящий шаг вперед, повернулся и оказался за спиной у своего противника, который шатался, пытаясь удержать равновесие после неудавшегося удара. Какое-то мгновение Хэл смотрел на качающуюся перед ним спину, а затем, не осознавая своих действий и повинуясь исключительно инстинкту самосохранения, нанес по этой спине два коротких боковых удара левой и правой в область почек. Найф повалился на землю.

Хэл отступил на шаг и остановился, молча глядя на поверженного врага. В голове у него быстро прояснялось, но одновременно с прояснением к нему возвращалось то отвратительное ощущение, которое возникло у него перед началом стычки.

Его попытка была бессмысленной. Он не мог стоять и безропотно принимать то, что Найф захочет с ним сделать. Он просто не мог заставить себя так поступить. Тот первый удар, на мгновение лишивший его сознания, пробудил

в нем элементарное чувство страха, а вместе с ним и инстинкт самосохранения. Но сейчас его противник неподвижно лежит на земле. Может быть, все уже и закончилось.

Хэл повернулся и пошел прочь, но Найф вдруг зашевелился. Он напряг раскинутые руки, подтянул их к телу и, уперев ладони в землю, встал на одно колено, глядя в противоположную от Хэла сторону. Затем неуверенно поднялся на ноги, повернулся и, пошатываясь, подошел к Хэлу.

«Если бы я смог послать его в нокаут...» — подумал Хэл.

Но его сознание работало еще не совсем четко, а Найф уже снова замахивался для удара. Хэл поднял обе руки, перехватил руку Найфа и повернулся, одновременно опускаясь на колени, при этом Найф, перевалившись через правое плечо Хэла, тяжело рухнул на спину. Снова несколько секунд он лежал неподвижно, словно падение вышибло из него дух. А затем шевельнулся и начал подниматься на ноги.

К этому моменту сознание Хэла почти окончательно прояснилось, и он понял невозможность осуществления задуманной им тактики. Способа привести Найфа в бессознательное состояние, не нанеся ему при этом серьезных повреждений, не

существовало. Подобными трюками изобиловали романтические приключения, описанные в роскошно переплетенных фолиантах из библиотеки Уолтера, но не события реальной действительности, к встрече с которыми его готовил Малахия. Только в выдуманных ситуациях герой умеет нанести настолько точно рассчитанный удар кулаком или палицей, что противник на короткое время теряет сознание, но не получает при этом никаких травм и вообще не подвергается никакой опасности. Однако в жизни все происходит по-другому. Один и тот же удар может одного человека только лишить сознания на короткое время, а другого — того же возраста, веса и роста, обладающего таким же здоровьем — убить наповал.

Нет, все известные ему удары, которые наверняка и надолго уложили бы Найфа, могли стать смертельными ударами. Конечно, если бы он обладал опытом Малахии Насуно, то рискнул бы использовать один из них, вложив в него строго определенную силу, достаточную лишь для того, чтобы оглушить противника, но такого опыта у него не было.

Хэл впал в отчаяние. Найф с безумным взглядом снова пошел на него. И в очередной раз Хэл

уклонился от удара, перехватил руку Найфа, сбил его с ног и бросил на землю. И опять, пролежав неподвижно несколько секунд, Найф поднялся на ноги, бросился на Хэла и опять оказался на земле, но снова поднялся и ринулся в атаку. Хэл отшвырнул его.

Было очевидно, что этот человек, закаленный тяжелой работой в шахте, находится в превосходной физической форме и намерен продолжать стычку до тех пор, пока его не остановят. Хэл снова почувствовал, что его стало мутить. Окружавший его мир состоял из камня и света; он был сухим, пыльным и пустым, если не считать существовавшей в нем нескончаемой необходимости отражать яростные наскоки этого неуемного задиры, который не соглашался быть поверженным, не желал оставить его в покое и вынуждал противодействовать своим настойчивым попыткам проучить его.

«Господи, пусть он останется лежать!..» Эта мольба звучала в душе Хэла всякий раз, когда Найф снова поднимался с земли и наступал на него. В своем сознании Хэл уже давно перестал сопротивляться; он пытался отдаться во власть Найфа, предоставить ему возможность поступить с ним так, как тому заблагорассудится. Но в нем

был все еще силен страх, он побеждал рассудок и не позволял подпустить Найфа вплотную.

Воображение Хэла рисовало ему образ противника, лежащего на земле неподвижно — слишком неподвижно, — и эта мысленная картина заставила его внутренне содрогнуться. Дальше так продолжаться не могло. Отчаянным усилием воли Хэл преодолел страх и при очередном наскоке Найфа заставил себя неподвижно стоять с опущенными руками. Тому наконец удалось приблизиться к Хэлу вплотную, вцепиться в него и, увлекая за собой, повалить на каменный пол, где они и стали бороться.

Однако силы Найфа почти иссякли, фактически в нем не осталось ничего, кроме слепой ярости и решимости драться до последнего дыхания. Пальцы Найфа зашарили по щекам Хэла, нащупывая глаза, но Хэл увернулся, и тут его осенило.

Придавленный к земле распластавшимся на нем Найфом, Хэл сумел высвободить руки и схватить его за плечи. Делая вид, что пытается оттолкнуть от себя Найфа, Хэл сдавил большими пальцами сонные артерии по обеим сторонам его шеи. И в этот самый момент пальцы Найфа дотянулись наконец до глазниц Хэла.

В отчаянии Хэл опустил, насколько смог, под-

бородок вниз, чтобы давление пальцев Найфа воспринималось в основном скулами, а не глазными яблоками. И в то время как Найф продолжал свои попытки воткнуть пальцы в глазницы Хэла, тот вел в уме неторопливый отсчет: «... тысяча... тысяча один... тысяча два...» Он как можно сильнее прижался лицом к пыльным волосам и вел отсчет дальше, не снижая усилия своих больших пальцев.

Когда он досчитал до тысячи сорока трех, давление на его глаза стало ослабевать, а при счете «тысяча шестьдесят» вовсе прекратилось, и Хэл почувствовал, что Найф перестал шевелиться. Хэл выбрался из-под лежавшего на нем тела, поднялся на ноги и взглянул вниз. Найф по-прежнему не шевелился.

Хэл повернулся и нетвердой походкой пошел прочь от уткнувшегося лицом в землю неподвижного человека, направляясь в сторону стены из человеческих тел, образовавшейся между ним и жилым бараком. Лишь лицо Тонины он почему-то видел очень отчетливо, а у остальных людей на месте лиц виднелись какие-то расплывчатые пятна. Ему казалось, что пол, по которому он шел, был устлан подушками, а не представлял собой каменистую поверхность, покрытую слоем

спрессованной пыли.

Вдруг в толпе возник сперва тихий, затем усилившийся ропот. Люди смотрели мимо него. Он остановился и устало обернулся назад.

Найф, приподнявшись на локте, озирался вокруг. Было ясно, что сознание вернулось к нему, но, видимо, он не вполне понимал, где находится и почему лежит на земле.

Хэл отвернулся и снова побрел вперед, к скоплению расплывающихся в его глазах лиц и к Тонине. Внезапно стена из людских тел распалась, шахтеры бросились мимо него к Найфу, чтобы помочь ему подняться на ноги и дойти до своей комнаты. Перед Хэлом вдруг возникла Тонина, она крепко обхватила его рукой за талию, когда он споткнулся и чуть не упал.

— Все в порядке, — сказала она. — Теперь все хорошо. Все закончилось. Я провожу тебя. Где болит?

Он пристально посмотрел на нее. Только сейчас Хэл почувствовал боль в глазах и в челюсти, ощутил ушибы и царапины, полученные во время борьбы с Найфом. Он хотел ответить ей, что не получил никаких серьезных травм, а просто обессилел, и, если не считать того единственного удара, Найф не причинил ему никакого вреда. Но

у него снова начала подступать к горлу тошнота, и оно сжалось так, словно его сдавили в тисках. Он мог лишь смотреть на нее.

— Обопрись на меня, — велела Тонина.

Она повернулась и повела его к бараку, поддерживая за талию. Хэл чувствовал, что обнимавшая его рука была очень сильной — гораздо сильнее, чем сейчас его собственная, — мелькнула грустная мысль где-то в уголке его сознания. Он молчал и не сопротивлялся, когда она подвела его к бараку, почти донесла до комнаты, положила на кровать и раздела. Лежа в постели, он вдруг начал сильно дрожать и никак не мог унять эту дрожь.

Тонина укутала его одеялом, включила систему обогрева, но он продолжал дрожать. Тогда она быстро сбросила с себя верхнюю одежду и легла к нему под одеяло. Она крепко обняла его своими сильными руками и притянула к себе дрожащее тело, чтобы согреть его своим теплом.

Постепенно дрожь утихла. Тепло вернуло его к жизни, разлилось по всему телу. Напряжение спало. Еще некоторое время он дышал глубоко и судорожно, но затем и дыхание сделалось спокойным и ровным. Он бессознательно обнял Тонину, стараясь привлечь ее ближе к себе, его

руки стали гладить ее тело.

На какое-то мгновение она напряглась, сопротивляясь ему. Потом напряжение ушло, и она перестала сопротивляться.

Глава 10

Спустя полтора месяца на шахте неожиданно появился Сост. Он въехал на центральную площадку как раз в тот момент, когда бригада Джона Хейккилы и все, кто работал с ней в одной смене, заканчивали обедать. Хэл в прекрасном расположении духа вышел из дверей столовой и увидел перед зданием офиса знакомые очертания грузовика и еще более знакомую фигуру, спускающуюся из кабины на землю.

Хэл поспешил к грузовику. Однако Сост, державший в руках большой пакет, который он доставил для руководства шахты, уже скрылся в дверях офиса. Хэлу пришлось стоять у дверей и ждать, пока тот выйдет.

— Привет! — бросил Сост, увидев Хэла, словно они расстались только вчера. Спустившись по ступенькам, он подошел к Хэлу и протянул ему крепкую, широкую ладонь. — Ну, как тебе живется на Яу Ди?

— Мне здесь нравится, — ответил Хэл, пожимая протянутую руку. — Может, пойдем посидим в баре?

— Не откажусь, — принял предложение Сост. В полупустом баре за столиками сидели отработавшие смену шахтеры. Хэл поискал глазами Тонину или кого-нибудь из своей бригады, но никого из них не увидел.

— Давай сядем здесь, — предложил Хэл, отыскав свободный столик на шесть человек. — Что будешь пить? Правда, здесь подают только соки и кофе, таковы правила на шахте.

— Кофе — это то, что надо, — ответил Сост, усаживаясь в кресло.

Хэл заказал кофе для них обоих — вернее то, что называлось так здесь, на Коби, — и принес его в медных кружках с керамическими ободками на кромке, позволявшими пить горячий напиток, не обжигая губы о нагревшийся металл.

— Я не знал, что ты бываешь у нас, — сказал Хэл.

— Меня могут отправить куда угодно, — пожал плечами Сост. — Так тебе нравится здесь?

В этот момент в дверь вошла Тонина.

— Тонина! — окликнул ее Хэл. Она оглянулась по сторонам, увидела его и направилась к их столику. — Да, мне хорошо на шахте... Садись, Тонина. Я хочу познакомить тебя с Состом. Ты выпьешь чего-нибудь?

— Попозже, — ответила она, подсаживаясь к ним.

Они с Состом присматривались друг к другу.

— Мне знакомо твое имя, — сказала Тонина.

— Я бываю в этих местах, — пояснил Сост. — Вот и Тэда встретил недалеко от зоны ожидания той станции, куда его направили. Он показался мне тогда самым глупым двадцатилетним мальчишкой, какого мне приходилось видеть. Я так ему и сказал. Но в конце концов мы поладили.

— Вот как? — медленно произнесла Тонина. Было заметно, что ее настороженность проходит. Хэл еще раньше заметил, как легко поддается она тревоге в любой незнакомой обстановке. И обычно тревожное состояние не оставляет ее так скоро. — А здесь он с каждым днем становится все сообразительнее.

— В самом деле? — нарочито удивился Сост, прихлебывая кофе.

— В самом деле, — решительно подтвердила Тонина. — Сейчас он уже считается одним из лучших подручных, а ведь работает на шахте чуть больше месяца.

— Шесть недель, — уточнил Хэл.

— Теперь я вспомнила тебя. — Тонина пристально взглянула на Соста. — Ты заезжал на

старую шахту Трид Майн. Это было почти два года тому назад. Я там начинала. Ты помнишь Альфа Сьюмеджари, шеф-повара?..

Они стали вспоминать людей, чьи имена ничего не говорили Хэлу, но то, что он перестал принимать участие в разговоре, его ничуть не смутило. Он с удовольствием сидел и слушал их оживленную беседу, а когда через несколько минут в зал вошел Джон Хейккила, Хэл окликнул своего бригадира и пригласил присоединиться к ним.

— У него все идет нормально, — сказал Джон Состу, с которым, видимо, был уже знаком.

— Так, может, уже пора? — спросил Сост.

— Я решу это сам, — ответил Джон. — Ты что, будешь теперь часто наведываться к нам?

— Строгого графика у меня нет, — сказал Сост. — Но сейчас мне поручено некоторое время обслуживать этот район, а кое-какие дела потребуют, чтобы я появлялся и на Яу Ди.

Он отставил в сторону пустую кружку и встал. Джон и Тонина также поднялись из-за стола, и Хэл последовал их примеру. У него внезапно возникло острое ощущение, что какое-то важное для него обстоятельство обсуждалось сейчас за этим столиком, но в чем оно заключалось, он

не понял.

— Ты едешь прямо сейчас? — спросил он Соста. — А я думал, мы часок-другой побудем вместе...

— Не могу задерживаться, меня ждут, — пояснил Сост. Он кивнул Джону и Тонине. — Надеюсь, когда-нибудь встретимся в порту.

Он повернулся и направился к выходу. Джон и Тонина уже шли по залу, каждый в свою сторону. Какое-то мгновение Хэл смотрел им вслед, затем поспешил вдогонку за Состом.

— Ну когда же мы снова увидимся? — спросил он Соста, который уже поднимался в кабину.

— Это может случиться в любое время. Думаю, скоро.

Он запустил вентиляторы, оторвавшие грузовик от земли, развернулся на месте и укатил с центральной площадки. Несколько секунд Хэл смотрел вслед удаляющемуся грузовику, потом вернулся в бар. Ему хотелось узнать, что Джон и Тонина думают о Состе. Но войдя туда, он увидел, как Джон вышел на площадку и повернул к офису, а за ним — Тонина, направляясь к бараку.

Хэл отправился было следом за ней, но, глядя на ее спину и плечи, понял, что сейчас ей не хочется никого видеть, и замедлил шаги. Ему стало

немного досадно. С той ночи, после его стычки с Найфом, она фактически не подпускала его к себе ближе, чем на расстояние вытянутой руки, хотя во всем остальном оставалась такой же дружелюбной и сердечной, как и прежде.

Он смотрел, как она уходит. Под руководством Уолтера Хэл овладел экзотской системой интуитивного восприятия душевного состояния человека и сейчас понимал, что сердце Тонины вновь растревожено давним несчастьем, забыть о котором она не может. Теперь она просто сжилась с ним настолько, что почти не ощущала его. Сейчас она не хотела, чтобы ее утешали, даже если бы Хэл и знал, как это сделать. А он этого не знал. Он мог лишь чувствовать эту боль и соболезновать ей.

Однако на следующий день, когда он вместе со своей бригадой спускался в клети вниз, для его интуиции нашлась новая область применения. Он не мог не заметить, что отношение к нему всех его товарищей в этот день в чем-то изменилось. Но это изменение не имело враждебного оттенка. А поскольку такая перемена не таила в себе никакой угрозы для него, он не стал особенно ломать себе голову над тем, что бы это могло означать.

Когда они оказались у жилы, которую теперь

разрабатывали, Хэл взял, как обычно, пару захватов, надел их на перчатки и, повернувшись, чтобы направиться к уступу, нос к носу столкнулся с Уиллом Нэнни. С того памятного дня своего первого появления на шахте Хэл не обменялся с ним ни единым словом, и сейчас он удивился и насторожился, увидев чужого бригадира в рабочей зоне своей бригады.

— Значит, так, — начал Уилл, — ты работаешь здесь уже около двух месяцев, верно? — У него, так же как у Хэла и остальных шахтеров бригады, шлем сейчас болтался за спиной. Лицо Уилла было, как обычно, мрачным и непроницаемым.

— Точнее, около полутора месяцев, — ответил Хэл.

— Срок достаточный, — сказал Уилл. — Мне в моей бригаде нужен еще один резчик. Хочешь перейти к нам? Я обучу тебя.

— Резчик?

Хэл смотрел на него широко открытыми глазами. Втайне он давно мечтал о том, чтобы наступил такой день, когда Джон Хейккила разрешит ему взять в руки резак. При этом увеличение той доли общего заработка бригады, которую он получал бы, став резчиком, было вовсе не главным в этой мечте. Главным было то, что он стал бы в своих

собственных глазах, так же как и в глазах всех окружающих, полноценным шахтером.

Какое-то мгновение его одолевало сильное искушение согласиться; но затем он подумал о дружеских отношениях, сложившихся у него за это время с Джоном и со всеми остальными членами бригады, и понял, что не может принять этого заманчивого предложения, которое, впрочем, звучало не очень правдоподобно.

— И ты приглашаешь именно меня?

— Я не привык повторять дважды, — ответил Уилл. — Я предлагаю тебе работу. Принимай предложение или отказывайся.

— Но ты же недолюбливаешь меня! — удивился Хэл.

— Было. А теперь прошло, — пояснил Уилл. — Ну так что? Рабочее время идет. Я не могу торчать тут всю смену и ждать, пока ты примешь свое решение. Идешь со мной или нет?

Хэл глубоко вздохнул.

— Я не могу, — твердо сказал он. — Но все равно спасибо. Мне очень жаль.

— Значит, ты отказываешься?

— Да, отказываюсь. Но я благодарен тебе за то, что ты...

С Уиллом Нэнни произошла странная вещь.

Неожиданно он начал смеяться, но выражение его мрачного лица при этом осталось прежним. Хэл в замешательстве уставился на своего собеседника, потом оглянулся и понял, что все остальные вокруг тоже веселятся. Он снова посмотрел на Уилла и увидел те же сомкнутые губы и тот же неприветливый взгляд. Прерывистые звуки, означающие смех и больше похожие на фырканье или хрюканье, исходили из длинного носа Уилла. Хэл снова оглянулся. Около него собралась вся бригада, шлемы у шахтеров были отброшены назад, они смеялись и, похоже, вовсе не собирались приступать к работе.

Джон, развлекавшийся вместе со всеми, стоял рядом с Хэлом, справа от него. Увидев, что Хэл смотрит на него, он сразу посерьезнел, и лицо у него сделалось почти таким же суровым, как у Уилла.

— Эх, черт с ним! — воскликнул он. — Наверное, мне пора дать тебе попробовать поработать резаком, если уж начали тут всякие посторонние ходить и уговаривать тебя перейти к ним из нашей бригады. Ну-ка, ребята, давайте все за работу. Время бежит. А тебе, Уилл, желаю удачи в следующий раз.

— Думаю, теперь ты придешь к нам перемани-

вать, к себе кого-нибудь из моих, — проворчал Уилл. Он повернулся и пошел прочь, продолжая негромко посмеиваться.

Хэл взглянул на Джона и широко улыбнулся. Он начал понимать происходящее.

— Чему это ты так радуешься? — спросил Джон. — Ведь я могу сейчас выгнать тебя из бригады, и тебе не останется ничего другого, кроме как идти к Уиллу. Откуда я знаю, что ты не сговаривался с ним за моей спиной?

Хэл не ответил, только его улыбка стала еще шире.

— Ну ладно. Давай посмотрим, как ты будешь радоваться, когда проработаешь смену с резаком в руках, — сказал Джон. — Пошли-ка на уступ.

Следом за бригадиром Хэл подошел к остальным резчикам. Они стояли лицом к стене, на каждого приходился участок скалы шириной с его собственное тело. Джон встал на левом краю, около боковой стены уступа.

— Надень шлем, — велел он. — Нет. Сперва надень шлем и только после этого бери в руки резак. Всегда действуй именно в такой последовательности. А теперь... — Тембр его голоса в переговорном устройстве комбинезона заметно изменился. — Внимательно следи за мной. Вна-

чале не пробуй резать сам, только смотри, как это делаю я. Не сбрасывай шлема до тех пор, пока я не сниму своего. Когда увидишь, что я надеваю шлем, сразу же надевай свой. Постоянно следи за этим. Ты понял меня?

— Да, — ответил Хэл. От волнения его голос, который он слышал внутри собственного шлема, стал глуховатым.

Хэл в точности выполнил все указания Джона. Отвесная скала перед ним, так же как и перед каждым из них, была иссечена горизонтальными и вертикальными бороздами — следами предыдущей резки. Поверхность скалы покрывали рытвины различной глубины, остававшиеся на ней после того, как подрезанный со всех сторон кусок руды отделялся от гранитного монолита.

Джон поднял свой резак. Из ствола в стену, находящуюся примерно на расстоянии вытянутой руки от него, ударил тонкий золотистый луч видимого света, указывающий положение не видимого глазом режущего луча. Даже сквозь защитный комбинезон Хэл всем телом ощутил удар тепловой волны, возникшей в результате испарения крохотных участков скалы под воздействием режущего луча, движущегося по ее поверхности.

После того как Хэл полностью освоился с работой подборщика и сортировщика породы, он мог иногда позволить себе просто постоять несколько секунд, ничего не делая, наблюдая за резчиками. И пришел к выводу, что их работа значительно легче той, которую выполняет он. Он не понимал, из каких соображений резчиков разбили на две группы, работающие попеременно, когда, по его мнению, было бы гораздо рациональнее вести резку в течение всей смены единой бригадой из шести-семи человек. Теперь ему стало понятно по крайней мере одно из этих соображений. Несмотря на герметичный комбинезон, от внезапного теплового удара горячих газов, образовавшихся при испарении слагающих скалу минералов, у него перехватило дыхание. И этот первый опыт объяснил ему, почему резчики работали такими бросками: врезались в гранит в течение нескольких минут, затем делали короткий перерыв, после чего снова брались за резаки.

Через некоторое время он подметил еще две интересных особенности. Одной из них была странная траектория, по которой перемещался резак Джона, словно он вел его вдоль контура замысловатого шаблона или придерживался некоей хитроумной последовательности выпол-

нения резки на определенных участках. Другая состояла в том, что перед тем, как начинать вырезку из скалы нового фрагмента, он каждый раз выключал резак. Едва Хэл успел зафиксировать в своем сознании эти факты, как Джон внезапно снова прервал резку. Он стоял неподвижно, лицом к скале, похожий в своем комбинезоне на причудливое техническое сооружение. Секунду-другую Хэл в недоумении смотрел на него, прежде чем услышал, что шипение и потрескивание резаков справа от него также прекратилось. Повернув голову, он увидел, что все резчики, составляющие эту группу, прекратили работу, кроме одного; стоящего на противоположном краю уступа. Потом остановился и его резак.

Рука Хэла сама собой потянулась кверху отбросить шлем, чтобы он смог насладиться глотком свежего воздуха; так всегда поступали резчики, работающие на уступе. Но тут он увидел, что еще никто из них не прикоснулся к своему шлему. Он заставил себя опустить руку и, ловя ртом воздух в наглухо закрытом комбинезоне, не спускал глаз с Джона. Как только бригадир отсоединил и откинул назад шлем, Хэл тотчас проделал то же самое со своим. Глубоко дыша, он огляделся вокруг; все остальные шахтеры тоже освобождали головы

от шлемов.

Всего несколько секунд Хэл вдыхал теплый воздух, не спуская глаз с Джона, и, когда тот стал снова надевать шлем, он немедленно последовал его примеру. Снова зашипели и затрещали резаки, и снова Хэл, обливаясь потом, наблюдал за действиями Джона, пока не наступило время следующего короткого отдыха, когда можно было ненадолго снять ненавистный шлем. Казалось, прошло всего несколько секунд, а уже нужно снова надевать его и приступать к работе.

К тому моменту, когда настала пора сменить работающую на уступе группу, Хэл уже основательно взмок и так устал, словно полсмены проработал на подборке породы; а ведь он ничего не делал, только стоял рядом с резчиками и смотрел. Однако, когда он понемногу стал привыкать к сопровождавшим резку тепловым ударам и шуму, его внимание начали привлекать новые детали процесса добычи рудоносной породы.

Когда в момент первого соприкосновения режущего луча с поверхностью скалы происходит выброс газов, образующихся в результате испарения породы, видимость на мгновение ухудшается. В следующий момент после возникновения теплового удара и искажения видимых

форм предметов нормальное зрительное восприятие восстанавливается, но еще несколько секунд после этого поверхность скалы кажется окутанной серебристым туманом, который затем бесследно исчезает.

Когда группа резчиков, в которую вместе с Джоном теперь входил и Хэл, во второй раз повела атаку на скалу, он впервые обратил внимание на то, что ни один шахтер не начинал отсоединять свой шлем от комбинезона прежде, чем серебристый туман полностью исчезнет из его поля зрения.

Подметив такую закономерность, Хэл предположил, что этот туман представляет собой конденсат паров, которые, после их образования на поверхности скалы в зоне резки, сразу же охлаждаются сжиженным газом, поступающим из резервуара в корпусе резака и создающим кольцевую защитную завесу вокруг режущего луча. И до тех пор пока туман не рассеется, сохраняется опасность, что какая-нибудь испарившаяся фракция породы все еще остается в газообразной форме в рабочей зоне шахтера.

Продолжая внимательно следить за действиями Джона, Хэл начал понимать скрытый смысл сложной последовательности, с которой тот пе-

ремещал резак по скале в пределах своей рабочей зоны. Очевидно, эта последовательность намечалась таким образом, чтобы между его резаком и резаком шахтера, работающего в своей зоне справа от него, всегда выдерживалась максимально возможная дистанция. Понаблюдав за работой, остальных резчиков, Хэл убедился, что и порядок их действий преследует ту же цель.

Наконец настало время обеденного перерыва. Джон, присевший перекусить рядом с Хэлом, привалился спиной к стене туннеля и впился зубами в свой сандвич.

— Ну как ты? — заговорил он, не переставая жевать. — Готов попробовать?

Хэл кивнул:

— Если ты думаешь, что у меня получится.

— Хороший ответ, — сказал Джон. — По крайней мере, у тебя нет той дьявольской уверенности, что ты вот прямо сейчас можешь встать и начать резать. А теперь слушай меня внимательно. Не обращай внимания на то, насколько быстро работают другие резчики.

Ты будешь резать только тогда, когда я скажу, и только там, где я скажу. Ты понял это?

— Понял, — ответил Хэл.

— Ну что ж, ладно. — Джон покончил с сандви-

чем и поднялся на ноги. — Пошли, ребята!

Джон с Хэлом и все остальные вернулись на уступ. Дэйвис, взявший на себя обязанности подручного на то время, пока Хэл будет пытаться освоить резку, заговорщически подмигнул, когда тот проходил мимо. Хэл понял, что Дэйвис хотел приободрить его, и у него потеплело на душе.

На уступе, следуя указаниям Джона, Хэл начал медленно выбирать места резки и пробовать отделять от скалы куски породы. По его мнению, получалось это у него плохо. Ему приходилось делать до дюжины резов там, где Джон обошелся бы тремя. Но по мере того как он продолжал свои попытки, его обращение с резаком становились все более рациональным, хотя последовательность резки, которую ему указывал Джон, пока что оставалась за пределами его понимания.

Когда смена близилась к концу, жар как будто вытянул из него остатки сил. Ему уже стоило огромного труда просто поднимать резак и концентрировать свое внимание на тех направлениях резки, которые указывал Джон, а его разрезы становились все более корявыми. И тут он впервые подумал о том, каким опасным может стать включенный резак, если руки вдруг перестанут его слушаться. Стоит лишь случайно

отклонить ствол в сторону, и луч начнет кромсать материал комбинезонов и человеческую плоть, причем с гораздо большей легкостью, чем режет гранит. А ведь и с гранитом он справляется без всяких проблем.

Продолжая резать, Хэл через смотровой щиток видел, что бригадир внимательно наблюдает за ним. Джон, разумеется, знал, что усталость делает движения Хэла неуверенными, и сейчас мог в любую минуту отобрать у него резак. В душе у Хэла поднялась волна протеста. Когда наступил очередной короткий перерыв и можно было на несколько секунд отсоединить шлем, он, как учили его Малахия и Уолтер, намеренно сделал очень глубокий вдох и затем медленно выпустил воздух из легких. Теперь сознание заработало более четко.

Он позволил себе дать волю эмоциям только потому, что силы стали покидать его. Однако его учили вести себя в подобных случаях совершенно иначе. Существовали способы сохранять достаточную работоспособность, даже когда силы на исходе.

Суть состояла в том, чтобы сосредоточить всю оставшуюся энергию на самом важном и не уделять внимания второстепенным вещам.

Надышавшись свежего воздуха и восстановив самоконтроль, Хэл загерметизировал комбинезон, снова повернулся лицом к скале и сосредоточился, сконцентрировав свое сознание, зрение и слух на том, что ему предстояло делать. Теперь он видел только поверхность скалы перед своим резаком и руки Джона, указывающие место и направление резки, слышал только его голос.

Жар стал далеким и несущественным фактором. Усталость перестала восприниматься, трансформировавшись в чисто абстрактное понятие. Забой, сама шахта, тот факт, что он находится глубоко под поверхностью планеты, стали категориями малозначащими и отстраненными. Даже кратковременные передышки превратились просто в перерывы, после которых вновь возобновлялась работа. Весь реальный мир ограничился для него участком скалы, резаком и указаниями Джона.

Теперь он держал резак надежно. Его разрезы вновь стали уверенными и точными. В этом сжавшемся мире его сил и внимания было достаточно, чтобы продолжить работу и завершить ее. Он делал свое дело...

Внезапно все выключили резаки и сдвинули назад шлемы. И больше их не надевали. Джон

и остальные резчики отвернулись от скалы. Реальный мир вновь ворвался в сознание Хэла. Страшная усталость мгновенно охватила все тело.

Он сознавал, что Джон поддерживает его за плечо и помогает спуститься с уступа на нижний горизонт по прорезанному накануне наклонному спуску. У него подкашивались ноги, а резак, который он неизвестно зачем унес с уступа, вместо того чтобы оставить его там для тех, кто выйдет завтра в первую смену, весил, казалось, несколько тонн. Хэл положил его около стены, в которой был прорезан спуск, затем сполз вдоль этой стены вниз и сел на землю.

Шахтеры окружили его. Тонина и Уилл Нэнни тоже почему-то оказались среди членов бригады.

— Надо же, — произнес Уилл хриплым голосом. — Он сумел справиться. Я не поверил бы этому, если бы не увидел сам.

— Ну хорошо, — сказал Джон, глядя на сидящего в изнеможении Хэла. — Я думаю, у тебя получится. Но надеюсь, ты понимаешь, что нам придется всей бригадой помогать тебе и мы будем терять в выработке до тех пор, пока ты не научишься и не станешь полноценным работником?

— Послушай, оставь его в покое! — запротестовала Тонина. — Дай ему прийти в себя, ведь он уже доказал, что может быть резчиком.

— Это правда? — спросил Хэл, глядя на них затуманенными глазами.

— Теперь ты должен устроить для всей бригады вечеринку в порту, — сообщил радостно Дэйвис.

К подъемной клети все еще нетвердо держащийся на ногах Хэл шел в сопровождении всех остальных шахтеров; с одной стороны его поддерживала Тонина, с другой — Джон. Постепенно в душе у Хэла росло чувство гордости, и одновременно он ощутил глубокую симпатию ко всем, кто находился рядом с ним. Наконец он стал равным среди них.

— Сегодня вечеринка в порту, — услышал он незнакомый голос в заполненной до отказа клети. Очевидно, вся шахтерская братия заранее знала о его сегодняшнем испытании.

— Это еще что! — сказала ему в самое ухо Тонина. — Вот когда ты станешь бригадиром, если, конечно, ты им станешь, тогда тебе придется напоить всех, кто работает на этой шахте под землей, в забоях.

Когда они спускались с уступа, Хэлу казалось, что у него едва хватит сил, чтобы только добрать-

ся до койки и проспать целые сутки. Однако, оказавшись в бараке, приняв душ и переодевшись для вечеринки, он почувствовал, что снова возвращается к жизни. В поезд, идущий к космопорту, они сели все вместе — бригада Джона, Тонина и Уилл Нэнни; последний по праву принимал участие в торжестве, поскольку являлся одним из главных действующих лиц традиционно разыгрываемого спектакля, в котором Хэла искушали перспективой попробовать себя в качестве резчика в чужой бригаде. Теперь Хэл снова чувствовал себя так же хорошо, как всегда, если не считать ощущения, что он очень сильно потерял в весе и теперь мог бы без труда воспарить над землей, будь на то мало-мальски подходящий повод.

Глава 11

С тех пор как Хэл прилетел на планету, ему ни разу не пришлось побывать в космопорте Коби, но он уже знал, что почти все шахтеры проводят там свое свободное время. Как только участники предстоящей вечеринки приехали в порт, без вопросов и рассуждений дружно направились в нужном направлении.

— Куда мы идем? — спросил Хэл Джона.

— В «Грот», — ответил Джон. Они шли вместе одними из последних в основной группе; Джон взял его за локоть, замедлил шаг, и вскоре они несколько отстали. Даже Тонина, увидев, что Джон держит Хэла за руку, ушла от них вперед. — У тебя ведь есть кредит, чтобы расплатиться за это, верно?

Хэл утвердительно кивнул.

— Хорошо, — сказал Джон. — Но если ты почувствуешь, что дело заходит слишком далеко, имей в виду — я могу одолжить тебе, чтобы покрыть разницу. А ты рассчитаешься со мной при первой же возможности, или я стану каждую неделю удерживать часть из твоей доли прибыли, пока

долг не будет погашен.

— Нет, у меня правда есть столько, сколько нужно, — заверил его Хэл.

— Ну ладно.

Джон отпустил его локоть и стал догонять свою бригаду. Хэл, также ускоривший шаг, чувствовал себя виноватым. Хотя Джон и видел все его документы, он, конечно же, не знал, что имеющиеся у Хэла средства наверняка превышают заработок бригадира шахтеров за двадцать лет работы под землей, при этом значительную их часть составляют межзвездные кредиты.

Этот разговор неожиданно придал мыслям новое направление. Вероятность того, что Иным удастся выследить его, невелика. Но это вовсе не значит, что они не сумеют или, по крайней мере, не попытаются установить место его пребывания. И в один прекрасный день ему, возможно, снова придется спасаться бегством. Если же они обнаружат оформленные на его имя денежные документы и смогут наложить на них арест, тогда он не сможет воспользоваться ими. Ему необходимо хранить межзвездные кредитные карты в надежном месте, скрытом от глаз любого представителя администрации и в то же время легкодоступном для него самого в критической

ситуации. Он постановил себе заняться этим при первой же возможности.

Тем временем все остановились перед фасадом одного из строений на территории порта. Над входом, выполненным в виде арки, голубым пламенем светилась надпись «ГРОТ».

Войдя внутрь, они попали почти в полную темноту, и Хэл, ничего не видевший перед собой, даже обо что-то споткнулся; потом он понял, что ступил на какую-то мягкую поверхность. Когда глаза постепенно приспособились к полумраку, он увидел, что идет по толстому покрытию, которое очень напоминает траву, а над головой создана полная иллюзия ночного неба с луной среди облаков.

Следом за всеми он прошел вперед за легкий занавес и невольно прищурился от блеска луны, показавшегося особенно ярким после пребывания в темноте. Искусно созданный пейзаж представлял собой маленькую бухточку на побережье тропического моря; столики и кресла уютно располагались среди бутафорских скал и прочих элементов берегового пейзажа, но тем не менее оставалось достаточно места для размещения посетителей. Небольшие волны с мягким шелестом накатывались на песчаный берег. В

воздухе, напоенном пряными тропическими ароматами, ощущалось легкое дуновение ветерка, а над головой сияла полная луна в окружении бесчисленных звезд.

Здесь, очевидно, ждали их появления; хотя в этом уютном зале собралось уже немало завсегдатаев, часть морского берега со столиками, креслами и сервировочными автоматами оставалась полностью свободной. Сюда-то и направились вновь прибывшие и принялись располагаться на экзотическом морском берегу. Стройный белокурый мужчина лет сорока поднялся из-за столика, где он сидел рядом с одним из посетителей, и подошел к Хэлу, которого Джон, Тонина и Уилл Нэнни вели к предназначенному для него почетному месту.

— Насколько я понимаю, это вы принимаете гостей? — обратился он к Хэлу. Зубы у него были ровные и белые, но улыбка его отнюдь не красила.

— Да, это так, — подтвердил Хэл.

— Могу я узнать номер вашего счета?

Хэл протянул ему свою кредитную карту. Тот на секунду поднес ее к своему наручному монитору, затем, взглянув на дисплей, вернул карту Хэлу.

— Желаю приятно провести время, — сказал он,

снова оскалив в улыбке зубы, и удалился. На столиках, занятых гостями Хэла, начали появляться заказанные ими напитки и закуски.

Хэл обвел взглядом сидящих рядом с ним. Перед Тониной стоял высокий узкий бокал, наполненный какой-то золотистой жидкостью. Джон и Уилл Нэнни получили кружки, в которых, судя по внешнему виду и по запаху, находилось пиво. Хэл тоже заказал пиво того же сорта.

— Для меня это подойдет, — сказал Джон. — А следующий у тебя — Уилл.

Хэл ничего не понял и вопросительно уставился на Джона.

— Ты должен по очереди выпить с каждым из присутствующих и только после этого можешь пить, как тебе вздумается, — объяснил Джон с ноткой сочувствия в голосе. — Ничего не поделаешь, так заведено.

— А-а, понимаю, — кивнул Хэл. Для него не составило труда произвести несложный подсчет. Двенадцать членов бригады — это двенадцать порций, Уилл Нэнни увеличивал их число до тринадцати, а если они считают, что сюда следует включить и Тонину, то получается четырнадцать. На минутку ему стало не по себе.

Однако приемлемой альтернативы не суще-

ствовало. Он махнул рукой на свои тревоги, поднял кружку и осушил ее. Слегка газированное пиво показалось ему не слишком крепким, и организм принял его легче, чем он ожидал.

— Ты бы лучше сбавил темп, — посоветовала Тонина. — Так ты вряд ли продержишься до третьего стола.

Голова у него оставалась совершенно ясной, а его вечно голодный желудок после одной кружки пива вовсе не был переполнен. Но она, конечно, знала, о чем говорит. Поэтому вторую кружку, с Уиллом Нэнни, он пил уже не торопясь, В конце концов, никто не упоминал о каких-либо ограничениях по времени выполнения этого ритуала. И эта кружка «пошла хорошо». Хэл даже подумал, что, пожалуй, любит пиво. Прежде он пробовал его только однажды, шестилетним мальчишкой на пикнике, где Малахия дал ему глотнуть из своего стакана. Тогда он решил, что это горькое, отвратительное пойло. А сейчас он еще и вспомнил, что пиво обладает значительной пищевой ценностью. Может быть, поэтому теперь, когда он повзрослел, вкус пива показался ему несравненно более приятным.

Продолжая держать в руках пустую кружку, Хэл перевел взгляд на Тонину.

— А ты не хочешь оставить меня напоследок? — спросила она.

— Хорошо, — согласился Хэл. Его охватила легкая беспечность. — С какого столика я должен начать?

— Не имеет значения, — пожал плечами Уилл. — Начинай с любого, какой тебе нравится.

Хэл встал и после секундного раздумья направился туда, где в числе троих парней из его бригады находился и Дэйвис.

Хотя напитки, заказанные Дэйвисом и его приятелями, оказались гораздо крепче пива и обжигали горло, ему понравилось выпивать вместе с ними. Поэтому Хэл немного удивился, когда они напомнили ему, что, выпив с каждым из них, он должен переходить к следующему столику.

Он перешел.

Ему уже давно не было так весело. На этом столике выпивка снова оказалась другой. Она тоже обжигала горло, но была не такой крепкой, как за столиком Дэйвиса. Здесь Хэл снова забыл о правилах, и ему снова напомнили, что он должен уделить внимание и другим. Позже, в какой-то неопределенный момент времени, он обнаружил, что в сопровождении двух человек, поддерживающих его с обеих сторон, подходит

к своему собственному столику. Он плюхнулся в кресло и, широко улыбаясь, посмотрел на Джона, Уилла и Тонину.

Казалось, все участники вечеринки собрались теперь вокруг них, внимательно наблюдая за Хэлом. За все это время Тонина едва притронулась к своему бокалу. Напитка в нем стало совсем ненамного меньше, чем было в тот момент, когда он появился на поверхности столика из раздаточного устройства. Тонина подвинула бокал к Хэлу.

— Ты прекрасно мог бы выпить вот это.

Вокруг стола раздались возгласы протеста.

— Так не пойдет! Это нечестно! Он должен каждый раз выпивать по целой...

— Чего вы добиваетесь? — резко оборвала их Тонина. — После всего того, чем вы его накачали, он уже должен был потерять сознание! Вы что, хотите убить его?

— Так, ладно, — вмешался Джон. — Ладно... Бокал остался почти полным, так что спорить не о чем.

Протестующие голоса смолкли. Тонина поставила бокал перед Хэлом. Он осторожно протянул к нему руку, обхватил пальцами и поднес к губам. За все это время содержимое бокала успело согреться, оно оказалось слаще, чем ему бы хо-

телось, и имело сильный привкус лимона. И насколько могли уловить его полуатрофировавшиеся вкусовые рецепторы, в напитке почти отсутствовал алкоголь. Решив, что уж если что-то делаешь, то делать надо как следует, он выпил бокал до дна и бережно поставил его на стол.

Стоявшие вокруг одобрительно зашумели. Хэла дружески хлопали по спине и по плечам, поздравляли... И вдруг без всякого предупреждения его желудок, словно желая вырваться на свободу, стал подниматься вверх, и он почувствовал надвигающийся приступ тошноты.

Стараясь сохранять на лице улыбку, он попытался приказать желудку оставаться в покое. Но те способы контроля внутреннего состояния собственного организма, которым его обучали Уолтер и Малахия, на этот раз не сработали. Желудок бушевал...

— Простите... — Он вскочил и стал лихорадочно оглядываться по сторонам.

— Помогите же ему! — Голос Тонины резко прозвучал на фоне довольно громких разговоров, продолжавшихся вокруг стола. Все умолкли и повернулись к Хэлу.

— А между прочим, что у тебя там было, в бокале, — спросил кто-то Тонину. Но Хэл не мог

позволить себе остаться, чтобы услышать ответ. Дэйвис уже держал его за руку и уводил прочь от столика.

— Нам вот сюда, — сказал он, разворачивая Хэла в нужном направлении.

С помощью Дэйвиса он кое-как добрался до туалета. Там ему показалось, его организм исторг из себя не только то, что он выпил сегодня, но и все то, что он съел и выпил за прошедшие две недели. Некоторое время спустя он, побледневший и осунувшийся, пошатываясь, в одиночку добрался до своего столика.

— Ну как, теперь лучше? — поинтересовалась Тонина, когда Хэл садился в кресло.

— Да, немного. — Хэл пристально посмотрел на нее:

— Ты специально дала мне это выпить, чтобы меня вырвало?

— Я дала тебе то, что заказывала для себя, — ответила Тонина. — И это тебе крепко помогло. Иначе ты бы сейчас уже был в больнице. С чего это ты взял, что можешь вот так пить?

— Да я же чувствовал себя нормально, — неуверенно стал оправдываться Хэл.

— Нормально! Хорошо, что лишь небольшая часть алкоголя успела проникнуть в твою кровь.

Еще полчаса, и тебя пришлось бы откачивать кислородом так же интенсивно, как ты накачивался спиртным. Ты разве не знаешь, что единственный способ выдержать такое количество алкоголя — это принимать его постепенно, чтобы организм успевал переработать и нейтрализовать большую его часть?

Ее слова напомнили Хэлу уроки Малахии.

— Я знаю это, — произнес он. — Я думал, что пью не спеша.

— Как же!

— Все равно, так это не делается, — тяжело роняя слова, вмешался в разговор Уилл. — Он должен...

— Это почему же? — Тонина стремительно повернулась к нему. — Чего ты еще хочешь? Ведь он выпил все, что ему предлагала бригада. Мой бокал — это уже сверх программы. И я уже говорила. Я дала ему то, что заказывала для себя. Если бы он это не выпил, выпила бы я. Хочешь, я закажу еще бокал прямо сейчас и выпью, чтобы осчастливить тебя?

— В этом нет нужды, — сказал Джон, когда пальцы Тонины уже легли на клавиши, чтобы набрать код заказа. — Она права, Уилл. Он пил с каждым из бригады и еще с тобой.

— Ты забыл, в каком он состоянии, — с жаром продолжала Тонина. — Ради бога, взгляни на него! Двенадцать огромных порций — меньше чем за три часа, и после этого он не только находится в сознании, но даже кое-что соображает. Много ли ты знаешь взрослых мужчин, которые были бы способны на такое?

— Все это не важно... — слабым голосом отозвался Хэл. Но Тонина не обратила на него внимания, да и остальные его не слушали. Сидя в кресле, он чувствовал себя невыносимо уставшим. Его глаза сами собой закрывались, несмотря на все его усилия воспрепятствовать этому...

Некоторое время спустя он проснулся и обнаружил, что остался за столиком один. Ему казалось — стоит пошевелиться, и все его кости заскрипят; во рту была страшная сухость, мысли в голове ворочались с трудом. Оглянувшись по сторонам, он насчитал вокруг лишь пять-шесть человек из бригады. Джон, Тонина и Дэйвис вместе с двумя другими шахтерами устроились за столиком у самой кромки воды мнимого океана.

Хэл поднялся на ноги с намерением присоединиться к ним, но затем передумал и снова направился в туалет. Там он подошел к фонтанчику с питьевой водой и, припав к нему, выпил, как

ему показалось, сразу несколько галлонов. После этого он почувствовал себя лучше и, выйдя из туалета, подсел за столик к Джону с компанией.

— Вот это да! Воскрес из мертвых? — улыбнулась Тонина. — Ну, пошли, — предложила она вставая, — я провожу тебя домой.

— Эй, послушай! Он еще вовсе не собирается домой, — запротестовал Дэйвис.

— Да, я не хочу уходить сейчас, — согласился Хэл. Тонина бросила на него пристальный взгляд.

— Ладно, тогда я пошла, — секунду подумав, сказала она. — Мне пора. И так я уже пропустила полсмены. Сможет кто-нибудь из вас доставить его домой целым и невредимым и больше не пытаться убить его с помощью спиртного?

— Я его провожу, — вызвался Джон.

— Тогда все в порядке. — Она снова взглянула на Хэла. — Посмотрим, в каком виде ты выйдешь завтра в свою смену, если еще посидишь здесь.

Ее слова заронили в сознание Хэла некоторое беспокойство, но упрямство одержало верх, и он решил остаться.

Тонина повернулась и пошла к выходу, провожаемая взглядом Хэла.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Дэйвис.

— Выжатым досуха, — ответил Хэл.

— Пиво. Единственное, что тебе поможет, — это пиво, — решительно заявил Дэйвис.

— Послушай, ты бы лучше оставил его в покое, — сказал Джон.

— Но я же его не заставляю, — возразил Дэйвис. — Да ты и сам знаешь, что, если в него влить немного пива, он почувствует себя лучше.

Джон промолчал, а Дэйвис уже набирал на клавиатуре нужный код.

Хэл выпил пиво, хотя удовольствия, испытанного им от этого напитка в начале вечеринки, на этот раз не получил. Но все-таки оно было холодным, жидким и не очень противным на вкус. Как только он поставил пустую кружку на стол, Дэйвис уговорил его выпить еще одну.

Выпив вторую, Хэл заметил, что, с тех пор как он проснулся, их первоначальная компания заметно поредела. Кроме Дэйвиса, Джона и его самого, за соседним столиком сидели еще только двое из их бригады; к тому же Дэйвис становился все более молчаливым и начал впадать в сонное состояние. Когда те двое перешли к ним, чтобы немного посидеть вместе и поболтать, Дэйвис уже заснул в кресле. Вскоре, поставив на стол пустые кружки, вновь прибывшие поднялись и

вышли, чтобы вернуться на шахту, в свои комнаты в бараке.

Возможно, две только что выпитые кружки пива, а скорее всего, физическая выносливость организма, постепенно вновь возвратили Хэла к жизни. Но тем не менее даже он теперь понял, что пора возвращаться в барак и ложиться спать. Однако Джон, смотревший вслед уходящим парням, вновь повернулся к столу, мельком взглянул на погруженного в крепкий сон Дэйвиса и поднял глаза на Хэла.

— Так что там произошло, на станции ожидания, когда ты впервые попал туда?

— Я пришел туда, и сидевший в офисе человек — его фамилия Дженнисон — велел, чтобы я нашел себе койку. Я пошел ее искать... — Дальше Хэл шаг за шагом изложил все события, происшедшие на станции, в той последовательности, в которой они разворачивались. Джон слушал молча, откинувшись в кресле и полузакрыв глаза, сжимая в руке кружку с пивом.

— ...Вот и все, — закончил свой рассказ Хэл. Джон по-прежнему молчал, и Хэл заговорил снова. — Все произошло именно так. Все почему-то решили, что я совершил нечто необычное, остановив человека, пытавшегося размозжить

мне голову. Слух об этом происшествии, должно быть, дошел до вашей шахты и до Уилла Нэнни прежде, чем я там появился. Тогда я еще не знал, что слухи здесь распространяются так быстро.

— Значит, в этом нет ничего необычного? — спросил Джон, сидя все так же неподвижно с опущенными вниз веками. — Взрослый человек, такого же роста, как ты, или выше, тяжелее тебя; ты швыряешь его об стену, и он после этого уже не встает... Все вот так просто?

— Я... У меня был... дядя, обучивший меня нескольким приемам, еще в детстве. Тогда я считал, что это просто игра; я научился применять их не думая, автоматически. Когда тот бросился на меня, я так и действовал.

— Ну а когда случилась эта маленькая неприятность с Найфом? Ты тогда тоже не думал, а?

— Я вообще тогда плохо соображал, после того как он сильно меня ударил и сбил с ног. Просто приемы получались сами собой.

— Понятно, — кивнул Джон. — Смотри!

Джон вытянул руку и положил ее на стол ладонью вверх. Сжал пальцы. Он сделал это спокойно, не напрягаясь, но мощный кулак производил безошибочное впечатление огромной силы.

— Когда мне исполнилось четырнадцать лет, —

продолжал он тихим, ровным голосом, словно беседуя сам с собой, — я был такого же роста, как сейчас. С тех пор я не вырос ни на один сантиметр. Но уже тогда я мог одновременно подхватить двоих взрослых людей и нести их.

Хэл во все глаза смотрел на него через стол, не в силах отвести взгляда.

— Когда я попал сюда... — Джон вдруг замолчал, но после небольшой паузы заговорил снова. — Когда я попал сюда шесть стандартных лет тому назад, мне было чуть больше двадцати и у меня еще не угас молодой задор. А таких, молодых и горячих, некоторые люди способны учуять за километр и обязательно приходят, чтобы отыскать их. Прилетев сюда впервые, я оказался на станции ожидания. Кто-то обязательно должен был испытать меня, и тогда это случилось. Я сломал ему позвоночник. Затеял это он, но позвоночник ему сломал я. Когда я пришел на свою первую шахту и получил свою первую работу, обо мне уже шла слава как о закоренелом бандите и убийце.

Он снова замолчал, на этот раз надолго.

— Ты поэтому взял меня к себе? — не выдержав, прервал молчание Хэл.

Джон глубоко и шумно вздохнул.

— Нам пора возвращаться к себе, — сказал

Джон. — Разбуди-ка его.

Хэл встал с кресла, протянул руку и осторожно потряс Дэйвиса за плечо. Тот открыл глаза.

— Что? Уже пора идти? — пробормотал он. Выпрямившись в кресле, Дэйвис ухватился за край стола и поднялся на ноги.

— Похоже, я опоздал! — раздался знакомый голос. Хэл поднял глаза и увидел стоящего перед столом Соста. — Все уже закончилось, — да?

— Садись, — предложил Джон. — Мы можем остаться и пропустить еще по стаканчику.

— Но тогда без меня, — сказал Сост. — Послушайте, давайте лучше я отвезу всех вас домой. По дороге и поговорим.

— Очень дельное предложение, — отозвался Джон, вставая из-за стола. Следом за ним поднялся и Хэл. Повернувшись, он увидел перед собой лицо, расплывшееся в улыбке, похожей скорее на уродливую гримасу.

— Приходите к нам снова, — пригласил хозяин «Грота». — Нам было очень приятно видеть вас у себя.

— Ему понадобится счет, — остановил его излияния Джон. — Со всеми подробностями.

— Боюсь, для этого понадобится несколько минут...

— Если поторопиться — не понадобится.

Улыбчивый хозяин удалился и через несколько секунд вернулся обратно, держа в руке листок распечатки, который он протянул Хэлу. Джон взял листок и пробежал его глазами.

— В общем, похоже, — резюмировал он. — Но мы, конечно, еще проверим.

— Я уверен, вы убедитесь в его точности.

— Надеюсь. Еще увидимся, — бросил ему на прощание Джон, отдал счет Хэлу и, повернувшись, первым зашагал к выходу.

— Для нас было большим удовольствием обслужить вас, — проговорил вслед уходящим сладкоречивый владелец «Грота».

У выхода, на улице, их ждал грузовик Соста. Перед грузовиком стоял портовый полицейский, перетянутый в талии зеленым поясом.

— Вы управляете машиной? — обратился он к Состу, когда тот усаживался в водительское кресло. — Я должен пригласить вас пройти со мной. Вы оставили ее в неположенном месте.

— В таком случае, сынок, передай свои приглашения Амме Вонг, — сказал ему Сост и, оглядываясь назад, спросил:

— Все на месте?

Джон и Дэйвис устроились на пустой койке в

задней части кабины; с наслаждением вытянувшись на ней, они закрыли глаза. Хэл, который теперь чувствовал себя совершенно проснувшимся и сильно проголодавшимся, расположился на втором переднем сиденье, рядом с Состом.

— Амме Вонг? — переспросил полицейский, который по-прежнему, не шелохнувшись, стоял перед грузовиком. Узкое лицо этого человека средних лет не выражало абсолютно никаких эмоций. Сост сунул руку во внутренний карман куртки и вынул бумажник. Он раскрыл его и поднес к глазам полицейского, затем закрыл и снова спрятал в карман, прежде чем Хэл успел заметить, что же показывал тому Сост.

Полицейский отошел в сторону. Сост запустил двигатели, вентиляторы подняли грузовик, и они двинулись вперед.

— А кто такая Амма Вонг? — поинтересовался Хэл, когда, обогнув угол здания, они выезжали на одну из главных магистралей.

— Руководитель службы транспортной обработки грузов здесь, в порту.

— Ты с ней знаком?

— Я работаю у нее.

— А-а, — глубокомысленно протянул Хэл, хотя и не стал более осведомленным, чем до своего

первого вопроса. Желудок снова напомнил ему о себе. — Послушай, а мы не могли бы остановиться, чтобы перекусить?

— Так ты голоден? — Сост искоса посмотрел на него. — Когда я закачу грузовик на товарную платформу поезда, ты сможешь получить какую-нибудь еду из автомата в вагоне.

Хэл с недоумением посмотрел на него.

— Ты собираешься отвезти нас прямо на шахту? И ты погрузишь свою машину в поезд?

— Верно, — кивнул Сост. Несколько минут они ехали молча.

— Я думал, ты уйдешь вместе с Тониной, — сказал Сост.

— С чего ты взял, что я должен уходить в самый разгар вечеринки, которую сам же и устроил?

Сост усмехнулся.

— Самый пьющий двадцатилетний, какого я когда-либо встречал, — пробормотал он вполголоса, словно сам себе, и, взглянув на Хэла, продолжал:

— Думаю, она хотела о чем-то поговорить с тобой с глазу на глаз.

— Правда? — Хэл резко повернулся к Состу. — Но она ничего не сказала мне. Когда ты узнал, что она хотела поговорить со мной?

— Я встретил ее здесь, в порту, на прошлой

неделе.

— На прошлой неделе? — Хэл покачал головой. Он и не предполагал, что Тонина недавно побывала в порту. — А о чем она хотела со мной поговорить?

— Не знаю, — пожал плечами Сост.

Глава 12

На следующее утро сигнал хронометра разбудил Хэла, однако лишь титаническим усилием воли ему удалось заставить себя встать с постели. Но к тому моменту, когда он принял душ и оделся, его самочувствие значительно улучшилось.

Сидя в буфете и усердно поглощая завтрак, Хэл вдруг заметил, что за ним через стол внимательно наблюдает Дэйвис. Глаза у Дэйвиса были красные, лицо бледное.

Под его взглядом Хэл сперва сбавил темп, а затем и вовсе перестал есть.

— В чем дело? — спросил он.

— Я еще ни разу в своей жизни не встречал человека, который в состоянии похмелья ел бы с таким аппетитом.

Хэл почувствовал некоторую неловкость; это происходило с ним всякий раз, когда его аппетит становился предметом внимания окружающих.

— Сегодня утром я что-то очень голоден, — объяснил он. В подобных ситуациях эта фраза была у него дежурной на все случаи жизни — голоден сегодня утром, сегодня днем или сегодня вечером.

— А как ты себя чувствуешь? — поинтересовался Дэйвис. Хэл секунду-другую помолчал, оценивая свое состояние.

— Наверное, немного обессилевшим, — ответил он после паузы. На самом деле Хэл испытывал странное ощущение, нечто вроде приятного изнеможения, словно он только что изгнал из себя свору внутренних бесов.

— А как твоя голова?

— Голова у меня не болит, — пожал плечами Хэл. Дэйвис продолжал пристально вглядываться в него.

— И ты действительно голоден?

— По-моему, да, — подтвердил Хэл.

Он заметил, что к этому времени все шахтеры, сидящие от них на таком расстоянии, которое позволяло слышать разговор, прислушивались к нему. Это были в основном члены их бригады. Ему стало не по себе оттого, что своим поведением он в очередной раз обратил на себя внимание окружающих.

Правда, принявшись за работу, Хэл забыл об этом эпизоде. Ведь он еще только начал овладевать техникой обращения с резаком и должен был собрать все свои силы и сконцентрировать все внимание, чтобы суметь отработать целую

смену. В последующие дни и недели дела у него пошли лучше. Хотя его мастерство росло достаточно медленно, все же с течением времени он научился выполнять резку по такой схеме, которая хорошо сочеталась со схемами резки его соседей слева и справа, и при этом не отставать от остальных резчиков.

Как-то поздно вечером, после окончания смены, в дверь его комнаты постучала Тонина и предложила ему пойти прогуляться по главной площадке — в промежутке между сменами она была совершенно пустынной.

Некоторое время они молча ходили взад и вперед под ярким светом, льющимся с потолка этой огромной пещеры. Выражение лица Тонины показалось ему каким-то необычным.

— Я ухожу с Яу Ди, — нарушила она наконец молчание. — Переезжаю в порт. Я собиралась сказать тебе об этом еще в тот день, когда ты стал резчиком, но все как-то не представилось случая.

— Сост говорил, что ты как будто хотела что-то сообщить мне.

— Вот как! И что же он тебе еще сказал? — спросила она довольно резко.

— В общем-то, я не стал его расспрашивать,

решив, что если ты действительно захочешь, то расскажешь сама.

— Да, это рассуждение в твоем духе, — заметила она. Голос ее стал заметно мягче.

Снова на некоторое время наступило молчание.

— Я выхожу замуж, — сказала Тонина. — Я чуть было не сделала этого пару месяцев тому назад, но тогда передумала. Вот почему я оказалась здесь, на Яу Ди. Тогда у меня возникли сомнения, но теперь они исчезли. Я выхожу замуж за человека по имени Блю Эннерсон. Он работает в Главном Управлении, в порту.

— В Главном Управлении? — переспросил Хэл. Она едва заметно улыбнулась.

— Яу Ди и еще около трех дюжин других шахт, а также все предприятия порта — это составные части одной компании, — пояснила она. — Ее Главное Управление находится порту. Блю — начальник Службы Учета этого управления.

— Ах, так, — произнес Хэл. Он почувствовал, что далек от всего этого. И не только из-за своей молодости. Он уже знал, что, как правило, женщины-шахтеры, составляющие незначительное меньшинство среди рабочих на шахте, стремились выйти замуж за кого-нибудь из работников

администрации.

— Я уезжаю завтра, — добавила она.

— Завтра?

— У меня не было возможности сообщить тебе об этом раньше. С тех пор как ты стал резчиком, ты или работал, или ел, или спал.

— Да.

Ему стало грустно. Он чувствовал, что надо что-то сказать, но не имел понятия, что принято говорить в подобных случаях. В конце концов они возвратились в свои комнаты, а наутро, когда он проснулся, ее уже не было.

Он подумал, что без нее ему станет на шахте пусто и одиноко. Так оно и случилось — на первых порах. Но проходили месяцы, и шахта почти в буквальном смысле слова становилась ему родным домом, а его товарищи по бригаде, хотя их состав и не оставался неизменным — одни уходили из бригады, другие приходили, — превратились почти что в ту самую семью, которую он вообразил себе в тот день, когда впервые взял в руки резак. С течением времени росло и его мастерство. Через шесть месяцев ему предложили побороться за право занять во вновь создаваемой бригаде должность бригадира, которого шахтеры выбирали путем голосования. К его большому

удивлению, он победил. На этот раз ему не пришлось пить с каждым из присутствующих, зато пришлось оплачивать счет.

К счастью, у него еще не иссякли средства, которые он взял с собой на Коби. При следующей встрече с Состом, после вечеринки в порту, он попросил у него совета, как ему лучше всего решать свои финансовые проблемы. После обстоятельного обсуждения вопроса они пришли к выводу, что Хэл в течение месяца переведет по частям все оставшиеся у него сбережения Состу, а тот положит их на текущий счет на свое имя.

— Тебе придется довериться мне, — заявил ему Сост напрямик. — Но в твоем положении тебе все равно пришлось бы так поступить, если ты хочешь надежно спрятать свои денежки. Если ты найдешь кого-нибудь другого, кто, на твой взгляд, станет более надежным хранителем, дай мне знать, и мы все переведем на него. И не бойся, я не обижусь.

— Я думаю, что вряд ли смог бы найти кого-либо другого, — ответил Хэл.

Это было верное предположение. Ему, как бригадиру, следовало держаться на некоторой дистанции от остальных членов своей бригады. Теперь его компанию составляли главным обра-

зом другие бригадиры, в том числе Джон и Уилл. Новое положение увеличивало личную свободу и возможности уединения, а это, по мере того как он рос и взрослел, все больше приходилось ему по душе.

А Хэл и в самом деле продолжал расти и взрослеть. И то, что в момент появления на Коби ему было совсем не двадцать лет, как он утверждал, а значительно меньше, свидетельствовало о дальнейшем интенсивном и всестороннем развитии его организма. Он не только набирал вес и наращивал мускулы, за прошедшие два с половиной года значительно увеличился и его рост: к девятнадцати годам Хэл стал уже выше двух метров и продолжал тянуться вверх.

И тем не менее он казался очень молодым. Несмотря на внушительный рост, его тело сохранило мальчишескую стройность. А ширина его плеч и сила окрепших от работы в шахте длинных рук даже контрастировали с откровенно юным лицом и всем его невинным обликом, который, казалось, навсегда останется неизменным.

Со времени его схватки с Найфом никто больше не пытался помериться с ним силами. Похоже, все ладили с ним и относились к нему с симпатией: и шахтеры из его бригады, и администрация,

и бизнесмены, и персонал мест отдыха и развлечений в порту, где он теперь довольно часто бывал. За это время у него появилось несколько новых знакомых, но никто из них не стал его близким другом. В порт он ездил, как правило, в компании Джона, Соста или одного-двух членов своей бригады, но только если хорошо знал тех людей, которые были вместе с ними. Время от времени он узнавал что-нибудь о Тонине, но ни разу не видел ее с тех пор, как она покинула Яу Ди, чтобы выйти замуж.

С течением времени у него все больше входили в привычку прогулки в одиночестве, он мог часами бродить по улицам и коридорам порта, а когда появлялось желание отдохнуть и промочить горло, заходил в какой-нибудь бар или ресторанчик. По мере знакомства с этими заведениями он понял, что все они, в сущности, похожи друг на друга. Их интерьеры создавались с учетом того, что жители Коби, лишенные возможности видеть небо над головой, дышать воздухом естественной атмосферы, любоваться растениями и обитателями живой природы, ощущали во всем этом острую потребность. Поэтому в них всегда присутствовали такие элементы, как бутафорское небо, иллюзия берега какого-нибудь

водоема, а также настоящая или искусственная растительность.

Как-то раз, зайдя в один из баров, Хэл обратил внимание на сидевшего там посетителя, перебиравшего струны небольшого музыкального инструмента. Через некоторое время Хэл увидел, что столик, за которым тот сидел, опустел, а инструмент оставлен без присмотра. Тогда он решил подойти и приглядеться к нему повнимательней.

Уолтер обучил Хэла основам музыкальной грамоты и элементам игры на некоторых инструментах, включая классическую испанскую гитару. Поэтому он без особого труда перенастроил взятое в руки диковинное устройство на знакомый ему лад, а затем попробовал поиграть на нем. Он обнаружил, что присутствующие охотно слушают его.

Через некоторое время ему удалось с помощью Соста купить настоящую гитару. Теперь он, отправляясь в какой-нибудь бар, брал ее с собой. В известном смысле это приобретение позволяло ему восполнить нехватку личных друзей установлением дружеских контактов с аудиторией своих слушателей всюду, где бы он ни появлялся. А необходимость такой компенсации ощущалась

все острее.

Причина заключалась в том, что по мере взросления ему становилось все труднее участвовать в разговорах, ведущихся на обычном для шахтеров уровне, особенно в нерабочей обстановке. Он стал замечать, что стоило ему заговорить, как людям вокруг него делалось не по себе. Вопросы, которые он пытался с ними обсуждать, не вызывали у них никакого интереса. Проблемы, волновавшие его, оставляли их равнодушными. Поэтому игра на гитаре и пение стали для него той ширмой, за которой он мог укрываться, продолжая в то же время находиться в пределах своего окружения.

Это его занятие получило неожиданное развитие. Увлекшись всерьез своим музицированием, он стал почти машинально перекладывать на музыку произведения классической поэзии, многие из которых помнил наизусть. Почти все они были достаточно мелодичными или превращались в таковые после незначительной доработки. А вскоре он сделал и следующий шаг в этом направлении — снова начал сочинять стихи, становившиеся словами к его песням.

Хэл считал совершенно ошибочным мнение, что большое искусство невозможно выразить самыми простыми средствами. Ведь какими

бы сложными ни были мысли и чувства, это в конечном итоге мысли и чувства человека, и как таковые они могут быть выражены наиболее употребительными и хорошо знакомыми понятиями, с сохранением при этом всей сложности и всех нюансов их содержания.

— Твои песни всегда такие разные, — сказала ему как-то вечером в баре одна из тех девушек, в чьи обязанности входило развлекать гостей.

Он уловил смысл сигнала, посланного ею, скорее всего, бессознательно. Она, как и многие, находила его достаточно своеобразным, чтобы привлекать внимание издалека, и одновременно слишком своеобразным, чтобы создавать атмосферу комфорта при близком общении. Подобных девушек можно было встретить лишь в фешенебельных барах, и спрос на них среди посетителей всегда значительно превышал возможности его удовлетворения. Но вокруг Хэла они всегда собирались стайками. Собирались… и снова разлетались в разные стороны. Он задумчиво и грустно смотрел им вслед. Он дал бы гораздо больше, чем любая из них мечтает получить, если бы среди них нашлась та, с кем он смог бы снова испытать такую же близость, какая возникла у него с Тониной после схватки с Найфом. Но этого

никогда не происходило. Он не знал, чего для этого не хватало, и, насколько мог судить, этого не знали и девушки. А может, знали, но не умели ему объяснить.

Он видел, что все больше отдаляется от окружающих его людей, за исключением Джона и Соста, но не знал, как поступать в подобной ситуации. А потом в его жизнь снова вторгся Найф.

Найф покинул Яу Ди вскоре после того, как проиграл схватку с Хэлом. Очевидно, он поработал на нескольких шахтах, прежде чем снова вернулся сюда. Его взял к себе бригадир одной из бригад, который еще не был бригадиром в то время, когда Хэл появился на шахте. Эта бригада и бригада Хэла работали в разные смены, временной интервал между ними составлял восемь часов, поэтому Хэл и Найф практически не встречались. Но однажды внезапно, без каких-либо предварительных слухов или намеков, на Яу Ди появились полицейские из Главного Управления компании, которая владела шахтой, и арестовали Найфа по обвинению в краже золотого самородка.

К самородкам относили крупинки золота, превышающие размерами те его частицы, которые обычно содержатся в золотоносной руде. Практически самородками считали любые ма-

ло-мальски осязаемые кусочки, которые изредка попадались в шахтах. Найф обвинялся в том, что он ворует золото уже в течение длительного времени.

За прошедшие годы Хэл уже успел забыть, насколько своеобразны юридические нормы на Коби. Он был потрясен, когда на следующее утро после ареста Найфа несколько полицейских компании, вооруженных не только пистолетами, но и конусными ружьями, выгнали из барака всех его обитателей.

— Что происходит? — спросил он одного из шахтеров своей бригады, первого человека, с которым ему удалось заговорить.

— Его собираются расстрелять, — растерянно ответил шахтер, темноволосый крепыш, еще не окончательно проснувшийся и не пришедший в себя от полученного шока.

— Но это же невозможно... — Слова застряли у Хэла в горле. Теперь они стояли перед бараком и видели, как двое полицейских вывели Найфа из здания офиса.

Руки у Найфа не были связаны, но шел он спотыкаясь, словно в оцепенении. Полицейские подвели его к насыпи из пустой породы в дальнем конце площадки и поставили к ней спиной.

Трое других полицейских с ружьями повернулись к нему лицом и встали в шеренгу примерно в десяти метрах от него. Они словно по команде разом вскинули ружья к плечам.

Внезапно в душе Хэла поднялась буря эмоций. Он открыл рот, чтобы закричать, и одновременно попытался броситься вперед. Но ему не удалось сделать ни того ни другого.

Чьи-то руки обхватили его сзади, словно канаты; одна из них сжала ему горло так, что из него не смог вырваться ни единый звук. И в том, как все это было проделано, чувствовался высокий профессионализм. Он резко выбросил назад правую ногу с намерением раздробить каблуком лодыжку схватившему его человеку и таким образом избавиться от этих железных объятий. Но нога ударила в пустоту, и почти в ту же секунду пальцы, сжимавшие его горло, надавили на нерв. Он почувствовал, что теряет сознание.

Ему показалось, что оно вернулось к нему буквально через секунду. Его по-прежнему держали те же могучие руки, но теперь уже для того, чтобы он мог оставаться в вертикальном положении. Найф неподвижно лежал на земле вниз лицом. Полицейские подгоняли к месту казни закрытый грузовик, чтобы забрать тело. Толпа начала ре-

деть, люди возвращались в барак. Охваченный гневом, Хэл стремительно обернулся и увидел позади себя Джона. Рядом с ним стоял Сост.

— А сейчас ты будешь держать рот закрытым и пойдешь с нами, — велел Сост, прежде чем Хэл смог произнести хотя бы слово.

Благодаря многолетнему общению с Малахией Хэл научился понимать, в каких случаях не следует сопротивляться и задавать вопросов. В выражении лица и в голосе Соста было нечто такое, чего Хэл никогда прежде не видел и не слышал. Поэтому он беспрекословно подчинился и молча последовал за Состом, который, обогнув кухню, подошел к стоящему позади нее грузовику. Проводивший их до машины Джон молча смотрел, как Сост и Хэл садятся в нее.

— Увидимся в городе, — сказал Джон Состу, когда тот включил вентиляторы и грузовик начал отрываться от земли.

— Может быть, если повезет, — ответил Сост. Он развернул грузовик и повел его прочь от Яу Ди.

Они ехали вдоль туннеля, ведущего к ближайшей станции, но, не доезжая до нее, Сост свернул в боковой проезд, о существовании которого Хэл не знал. Он впервые оказался свидетелем того, как Сост выжимает из машины все, на что она

способна. Они с оглушительным гулом мчались вперед с такой скоростью, что стены туннеля превратились в стремительно проносящиеся мимо бурые пятна, и Хэл с восхищением подумал о том, какой замечательной реакцией обладает Сост, человек уже далеко не молодой. Несмотря на огромную скорость, с которой летел над землей грузовик, он ни разу не задел стену.

Однако это оказалось лишь началом их головокружительной поездки в порт. Когда Яу Ди осталась в сотне с лишним километров позади, Сост остановил грузовик, уложил Хэла в кузов и накрыл его куском старого брезента. На следующей станции он закатил машину на грузовую платформу подошедшего поезда. Полчаса спустя они уже оказались в небольшом баре в порту, который по его внутреннему оформлению можно было бы назвать винным погребком, устроенным на полянке в джунглях. За одним из столиков сидела Тонина, видимо, поджидавшая их.

Подойдя ближе, Хэл окинул ее изучающим взглядом. Ему показалось, что годы замужества почти не отразились на ее внешности. А он почему-то считал, что она должна была сильно измениться.

— Слава Богу! — сказала она, когда они уселись

за столик. — Я уж начала думать, что у вас ничего не вышло.

— Я не мог появиться на станции до тех пор, пока не убедился, что меня никто не преследует, — объяснил Сост. — Чтобы рискнуть погрузиться в поезд, мне сперва пришлось проехать своим ходом гораздо большее расстояние, чем, по их мнению, я мог бы проехать за это время.

Он усмехнулся.

— Всем известно, какой медлительный и осторожный человек Сост. Я всегда полагал, что когда-нибудь такая репутация сослужит мне добрую службу.

— Ну а теперь я могу наконец поинтересоваться, что все это значит? — спросил Хэл.

— Сперва надо что-нибудь заказать, — заметила Тонина. — Окружающие должны считать, что мы просто зашли сюда выпить.

Она уже набирала код заказа на клавиатуре. Через несколько секунд на поверхности стола появились три кружки пива. Каждый придвинул к себе свою.

— Тебе необходимо срочно покинуть Коби, — сказала Тонина, когда Хэл поднес к губам кружку и тут же снова поставил ее на стол. — Тебя разыскивают и хотят либо схватить, либо убить. Я не

знаю точно, какой вариант они выбрали, и не хочу знать, кто они такие, но ты должен очень торопиться.

Хэл смотрел на нее широко открытыми глазами. Затем перевел взгляд на Соста. Хэл не называл Состу своего настоящего имени, но тот, разумеется, видел его на кредитных картах, когда Хэл передавал ему на хранение свои сбережения.

— Так ты ей сказал? — спросил Хэл.

— И ей, и еще нескольким десяткам человек, — ответил Сост. — Ведь нужно же было разузнать, не грозит ли тебе опасность.

Он успокаивающе улыбнулся Хэлу.

— Пусть это тебя не тревожит, — продолжал он. — Никто из этих людей, в том числе и Тонина, не знали, что этот Хэл Мэйн имеет к тебе какое-либо отношение. Я сделал так, что людям стало известно это имя, и одновременно организовал некое подобие паучьих тенет, которые улавливали бы малейшее проявление интереса к человеку с этим именем здесь, на Коби.

— Только у Соста есть такие связи, — сообщила с гордостью Тонина. — Тебе крупно повезло.

— Но это означает, что существует несколько десятков-человек, которые на вопрос первого встречного, не слышали ли они такого имени,

тут же ответят утвердительно, — сказал Хэл.

— Нет, прежде всего они сообщат об этом первом встречном мне, — успокоил его Сост. — А это дает нам отправную точку. Я нахожусь здесь уже достаточно долго и успел обзавестись обширными связями. И, как правильно сказала Тонина, это хорошие связи. — Он пристально посмотрел Хэлу в глаза. — Как ты считаешь, станет Тонина рассказывать о Хэле Мэйне тому, кто ее спросит о нем, прежде чем даст знать об этом мне?

— Нет, — ответил устыдившийся Хэл.

Он сидел молча и размышлял. Воображение тысячи раз рисовало ему тот момент, когда он узнает, что Иные «вычислили» его на Коби. А сейчас получилось так, что все окружающие оказались более осведомленными о подстерегающей его опасности, чем он сам.

— Как это случилось? — спросил он наконец. — Как вы узнали, что кто-то ищет меня?

— В Службу учета Главного Управления компании поступил запрос о местонахождении некоего Хэла Мэйна, — начала Тонина. — А как тебе известно, Службу учета возглавляет мой муж. Это имя фигурировало в направленном ему на утверждение списке среди других имен, по которым также поступили запросы. Муж обратил

внимание на твое имя и сразу же сообщил об этом мне. Я попросила его уничтожить всю информацию о тебе, имеющуюся в базе данных, а также запись запроса. Он сделал это. Джон уничтожит все касающиеся тебя записи на Яу Ди. И вскоре никто там о тебе даже и не вспомнит. Каждый день кто-нибудь из шахтеров бросает работу без предупреждения.

— Что я должен твоему мужу? — спросил Хэл. Он провел на Коби без малого три года и хорошо усвоил, как здесь делаются дела.

— Ничего, — ответила Тонина. — Он сделал это для меня.

— Спасибо тебе, — сказал Хэл. — И передай ему мою благодарность. Мне очень жаль, что я мог подумать...

— Забудем об этом, — прервала его Тонина. — Потом я сообщила обо всем Состу, и он начал проводить свою операцию, — закончила она свой рассказ.

Хэл перевел взгляд на своего пожилого друга.

— Я провел небольшой опрос среди некоторых своих приятелей, — пояснил Сост. — Все портовые полицейские уже ждут тебя. А они свое дело знают. Кому-то в высшем руководстве или выкручивают руки, или щедро заплатили.

— Но если они не смогут найти никаких записей обо мне?..

— Они сумеют обойтись и без них, — пожал плечами Сост. — Похоже, им известно время твоего появления на Коби или, возможно, удалось приблизительно вычислить его. И они также знают, какие шахты набирали людей в это время. На всех этих шахтах теперь искусственно создаются разного рода критические ситуации, которые, как они надеются, помогут им выявить тебя. Я предполагаю, что руководитель находится за пределами Коби. Им неизвестно, как ты выглядишь. Но зато они, похоже, имеют представление, как ты поведешь себя или можешь повести себя в той или иной экстремальной обстановке. Эта история с арестом и расстрелом Найфа была организована, чтобы поймать тебя на приманку.

Хэл почувствовал озноб.

— Так поэтому вы с Джоном стояли позади меня?

Сост кивнул.

— Верно. Я оказался там буквально за секунду до этого. Объяснять тебе что-либо было уже некогда. К счастью, Джон находился поблизости. Я ведь уже не такой молодой, как прежде.

— Ну вот, — подытожила Тонина. — Теперь ты

все знаешь. А сейчас давайте перейдем к тому, как нам отправить тебя за пределы планеты. И чем скорее, тем лучше.

Сост кивнул. Он запустил руку во внутренний карман куртки, извлек три пакета с документами и разложил их на столе перед Хэлом.

— Выбирай, — велел он. — Мне пришлось потратить на них часть твоих сбережений. Дженнисон... Ты ведь помнишь Дженнисона?

Хэл кивнул. Он не забыл главного человека в зоне ожидания. Несомненно, Дженнисон знал, о чем говорил, утверждая, что когда-нибудь между ним и Хэлом состоится некая сделка.

— В этом заключается его главный бизнес. За годы управления зоной ожидания он научился извлекать для себя выгоду из многого, что проходит через его руки. Но наибольшую ценность для него представляют документы.

— Как же он их добывает? — поинтересовался Хэл.

— Иногда кто-нибудь из вновь прибывших имеет на руках не один комплект и нуждается в деньгах. Иногда кто-то умирает, а его документы не сдаются куда положено. Способов много.

— Да ты не думай об этом, — сказала Тонина. — Вот смотри, Дженнисон прислал три разных

комплекта. Выбирай тот, который тебе больше подходит.

— А остальные два я верну ему обратно, — добавил Сост. Хэл внимательно просмотрел содержимое пакетов. В каждом находились документы, удостоверяющие личность, а также другие персональные бумаги, принадлежавшие людям чуть старше двадцати лет. Один комплект был с Новой Земли, второй — с Ньютона, а третий — с Гармонии, одной из двух планет Квакерских миров. На несколько мгновений он погрузился в воспоминания. Сознание вернулось в прошлое, натренированная память отчетливо воспроизвела образы и голоса его учителей, которых он призвал на помощь тогда, в своей комнате на Абсолютной Энциклопедии. И он снова услышал слова Авдия о том, что на Гармонии у него есть верные люди, которые никогда не выдадут Хэла.

— Вот этот, — сказал Хэл.

Сост убрал два остальных пакета, а Хэл еще раз, более внимательно, просмотрел комплект документов с Гармонии. Их прежним владельцем являлся некий Ховард Билавд Иммануэльсон, двадцати трех лет, исправно платящий церковную десятину прихожанин Возрожденной Церкви Откровения, по специальности семантик-интер-

претатор, по роду занятий советник-консультант инопланетных кадровых служб крупных компаний. В определенном смысле эти конкретные документы оказались счастливой находкой. Лишь в последние тридцать лет на Квакерских мирах полностью изменилось складывавшееся на протяжении столетий отношение к своим согражданам, решившим работать за пределами родной планеты. Прежде их воспринимали как людей с недостаточным религиозным рвением и вообще не очень твердых приверженцев веры.

Единственно приемлемым занятием на других планетах для истинного поборника церкви считалась служба наемным солдатом, причем лишь в случае, если он отправлялся туда по приказу своей церкви или администрации района. Даже существовавшая на протяжении сотен лет острая нужда в межзвездном кредите, который можно было заполучить через сородичей, работающих в иных мирах, не могла поколебать этой позиции. Однако за прошедшие тридцать с лишним лет жители Гармонии и Ассоциации неожиданно стали в большом количестве появляться на всех остальных обитаемых планетах. Они, с одобрения своих руководителей, отправлялись даже на миры с другими культурами, где получали

знания, необходимые для работы в качестве семантика-интерпретатора. Хэл помнил слова Уолтера, что такой поворот событий озадачил экзотских онтогенетиков. Какой-либо достаточно достоверной социально-исторической причины столь внезапной перемены в поведении не удалось обнаружить до сих пор.

Из всего этого следовало, что братья-квакеры, скорее всего, воспримут Хэла в образе Иммануэльсона как представителя нового, более молодого поколения, подвергшегося воздействию обычаев и идей иных миров и подчас не осведомленного о последних событиях на Гармонии; под такой личиной значительно легче скрывать неизбежные промахи и ошибки в исполнении выбранной для себя незнакомой роли. Понятие «иной мир», широко используемое на обеих квакерских планетах, означало любой мир, кроме Гармонии и Ассоциации.

Хэл увидел, что документы уже в известной степени подготовлены для него. Все подвергнутые специальной обработке места, отведенные в них для отпечатков пальцев, были чистыми. Он по очереди прижимал большой палец к каждому из таких мест, а убрав его, следил, как завитки капиллярных линий постепенно проявляют-

ся и становятся отчетливо видимыми. Теперь, юридически превратившись в Ховарда Иммануэльсона, Хэл испытал странное чувство, похожее на легкую грусть. Он словно утратил какую-то часть своего «я». Не часть личности, связанную с именем Хэл Мэйн, а тот этап жизни, который начался и проходил здесь, на Коби, а теперь оказался официально изъятым из его биографии.

Он спрятал бумаги во внутренний карман.

— Вот кредитные документы, переоформленные на твое новое имя; — Сост протянул ему еще один конверт. — Средств у тебя осталось еще немало.

— Ты полностью доверяешь Дженнисону? — спросил Хэл, забирая конверт из рук Соста.

— Иначе я не стал бы иметь с ним дел, — ответил Сост. — Можешь не беспокоиться, Грузовая Компания держит его на крючке.

— А Грузовой Компании можно доверять? — задал Хэл новый вопрос; к его удивлению, вместо ответа Сост и Тонина дружно рассмеялись.

— Сост представлял собой Грузовую Компанию, когда компании как таковой еще не было и в помине, — перестав смеяться, сообщила Тонина. — У него нет ни громких титулов, ни офиса, но пока он там, ты можешь ни о чем не беспо-

коиться.

— Я просто участвую во всех делах компании, — пояснил Сост. — А когда ты занимаешься этим много лет, то хорошо узнаешь людей. Ну а теперь отдай мне свои собственные бумаги.

— Их лучше бы уничтожить, — сказал Хэл, протягивая ему документы Тэда Торнхила.

— Хорошая мысль, — кивнул Сост, убирая их в карман. — Теперь мы выйдем отсюда, ты и я. У тебя есть пропуск на корабль, отправляющийся на Гармонию, и билет до Цитадели. Вот они. Ты что-нибудь знаешь о Цитадели?

— Кое-что знаю. Это довольно большой город на континенте, называемом Южная Обетованная Земля, в нижних широтах умеренной зоны.

— Правильно. И это единственный крупный город на Гармонии, где, судя по документам Иммануэльсона, ему не приходилось бывать. Оказавшись там, ты должен будешь действовать по своему усмотрению. — Сост встал из-за стола, Хэл и Тонина последовали его примеру. — Мы доставим тебя на борт корабля вместе с грузом и таким образом избежим выпускного таможенного контроля. Ну, пошли.

Хэл повернулся к Тонине. Прежде она запрещала ему прикасаться к ней. Но теперь они

расставались навсегда. Он неловко обнял ее и поцеловал, а она на мгновение крепко прильнула к нему.

— Теперь иди. — Тонина слегка оттолкнула его от себя. Они с Состом пошли к выходу. Обернувшись, Хэл увидел, что Тонина по-прежнему неподвижно стоит у столика, провожая их взглядом.

Глава 13

Хэл сидел в челноке, спускавшемся с орбиты вокруг Гармонии к городу с названием Цитадель. Любопытно, что в этот момент вступления в совершенно новую для него среду в его сознании начали терять реальность не три года, проведенные им на Коби, а минувшие четверо суток межзвездного перелета, в течение которых он периодически испытывал физические стрессы от фазовых сдвигов. Вообще все это путешествие носило на себе отпечаток какой-то нереальности; и даже сейчас он с трудом воспринимал как реальный тот мир, к которому стремительно приближался, хотя и понимал, что очень скоро все здесь станет для него именно таким.

Было еще кое-что, заполнявшее его сознание и вытеснявшее из него все, кроме воспоминаний о годах, проведенных на Коби. Во время нынешнего перелета он впервые отчетливо понял, почему три его учителя настаивали, чтобы он отправился работать в шахте. Причина заключалась не только в стремлении укрыть его от глаз Иных до тех пор, пока он не станет достаточно взрослым

и сумеет сам защитить себя. Нет, главным мотивом этого решения послужило их единодушное мнение о том, что ему необходимо вырасти, возмужать, узнать людей, прежде чем он отправится навстречу своим врагам, чтобы встретиться с ними лицом к лицу.

Только теперь, после трех лет, проведенных в этом подземном мире шахт, Хэл смог осознать, что до момента гибели Авдии, Малахии и Уолтера он представлял собой самое настоящее тепличное растение, необыкновенного ребенка, воспитанного необыкновенными людьми. Он не имел опыта реального, повседневного общения с обычными представителями человеческой расы, составляющими ее основу, со средой, изредка порождающей подобных ему неординарных личностей, появление которых в тот или иной момент времени предопределяется исторической необходимостью. До Коби эти обычные люди оставались для него такими же незнакомцами, как какие-нибудь создания с самых дальних галактик. Их устремления никогда не были его устремлениями, их огорчения — его огорчениями, их сущность — его сущностью. И то, что прежде Хэл не понимал причин этих различий между ними и собой, теперь воспринималось

им как серьезнейший недостаток. Он вдруг со всей ясностью осознал, что в грядущие годы ему предназначено бороться именно за этих обыкновенных людей, а не за высоко одаренных, как он сам и как те, кто его вырастил и воспитал.

Наступил момент, когда он должен найти свое место среди простых людей, научиться понимать и чувствовать их бытие; только после этого он сможет принести какую-то пользу всему человечеству. Хэл понял это в шахте. Он встретил там заурядных людей, о которых сумел проявить заботу и которые заботились о нем, не придавая никакого значения его одаренности. Они в конечном итоге помогли ему своевременно скрыться, тогда как в одиночку, при всех своих исключительных способностях, он не смог бы это сделать.

Вспоминая события, связанные с организацией побега, Хэл горячо пожалел, что не сказал Состу хотя бы о том, как много тот стал значить для него. Они подъехали на грузовике к тому кораблю, в котором Хэл сейчас находился, якобы для того, чтобы погрузить на него большой опечатанный ящик. Сидевший рядом с Состом Хэл был одет в серую робу грузчика. Они вдвоем внесли ящик через грузовой люк в первый трюм корабля, где к ним подошел старший стюард, очевидно

ожидавший их появления.

По его указанию Хэл снял с себя робу и бросил ее в мусоросборник, после чего они и расстались с Состом. Следом за стюардом Хэл направился к одной из кают, расположенных по правому борту, вошел в нее и получил указание оставаться там и никуда не выходить до завершения первого фазового сдвига. Он повиновался и вообще не отходил далеко от каюты в течение первой трети своего путешествия. Часы одиночества он использовал как отличную возможность попрактиковаться, мысленно перевоплощаясь в аккуратного плательщика церковной десятины, принадлежащего к Возрожденной Церкви Откровения.

Прообразом для исполнения этой роли ему послужил Авдий. Хэл, выросший в окружении трех своих воспитателей, естественно, стал со временем им подражать. Для того чтобы вести себя как Авдий, ему было достаточно вообразить, что он и есть Авдий. Однако проблема состояла в том, что там, на Гармонии, ему придется постоянно пребывать в этом образе, не выходя из него даже в самых критических ситуациях.

Практиковался Хэл также и на одном из своих попутчиков, явно искавшем случая поговорить с ним, не ограничиваясь рамками обычного

обмена любезностями, и открывшем ему глаза на возможную опасность, о которой он даже не подозревал. Этим попутчиком был экзот по имени Амид — невысокий стройный пожилой человек. Лицо его покрывали многочисленные морщины, что, вообще говоря, для экзотов не характерно. Он возвращался с Сеты, где в качестве инопланетного преподавателя читал лекции по истории Осколочных Культур в университете, имеющем одинаковое название как с городом, где он находится, так и с самой планетой.

Как и большинство экзотов, Амид легко находил общий язык со всеми окружающими, в то время как другие пассажиры, главным образом квакеры, направляющиеся на Гармонию, держались весьма замкнуто и настороженно. Кроме того он, как и большинство преподавателей, был влюблен в свой предмет и оказался буквально напичкан удивительными и забавными историями из прошлого Гармонии и Ассоциации; невозможно было представить себе, что их может знать кто-нибудь, кроме уроженца одного из Квакерских миров, и причем лишь в том случае, если он являлся выходцем из той его области, о которой шла речь в каждой из историй.

— Вера, в широком смысле этого понятия, — за-

явил он Хэлу на третий день после их отлета с Коби, — есть нечто гораздо большее, чем способность верить. Суть ее состоит в отождествлении личности с особым, незыблемым воплощением реальности. Истинная вера неприкосновенна. По определению любая попытка покушения на нее является не только не правомерной, но и обречена на то, чтобы предстать таковой. Вот почему у нас есть мученики. Самой крайней мерой, предпринятой против подлинного поборника веры с целью заставить его отречься от своих взглядов, может стать угроза уничтожить его физически, разрушить и превратить в ничто его внутренний мир. Но против такого ревнителя веры бессильна даже эта мера, ибо он и то, во что он верит, представляют собой неразделимое целое. А по определению предмет его веры уничтожить невозможно.

— А почему простой верующий не может обладать такой же неуязвимостью в случае разрушения его личного мира? — спросил Хэл.

— Потому что простое верование, если вы хотите обособить это понятие, предполагает нечто, являющееся объектом верования, то есть нечто, существующее отдельно от верующего. Другими словами, мы имеем объединение двух отдель-

ных компонентов — верующего и его веры. Но объединение может распасться. Партнеры могут разойтись. Но, как я только что подчеркнул, настоящий поборник веры — это и есть его вера. Она и он представляют собой не два понятия, а одно. А поскольку они образуют единое целое, то отнять веру у такого верующего невозможно. Благодаря этому он становится исключительно могущественным оппонентом, ибо даже смерть не в силах поразить самую значимую часть его личности.

— Да, — согласился Хэл, вспомнив Авдия.

— Такое различие между простым верующим и истинным хранителем веры, — продолжал Амид, — и есть одна из тех особенностей, в которые необходимо вникнуть, чтобы понять людей, принадлежащих к квакерской культуре. Парадоксально, но это различие с трудом улавливают те, кто не относится к данной культуре, так же как людям, не принадлежащим к экзотской или дорсайской культуре, весьма трудно понять сходные внутренние обязательства, принимаемые на себя представителями этих культур и являющиеся непреложными для них. Независимо от характера культуры суть дела состоит в том, что обычные человеческие качества — религиоз-

ность, отвага, проницательность — развиваются у истинных хранителей веры почти до инстинктивного уровня их проявления.

Вспоминая этот разговор теперь, когда челнок приближался к посадочной площадке, Хэл попытался применить различие, о котором говорил Амид, к тому, что он знал об особенностях характера квакеров. Это оказалось непростым делом, поскольку в период его роста единственным источником накапливавшейся непосредственно в подсознании информации о том, что делало квакера квакером, служило для него общение с Авдием. Короче говоря, Хэл, не задумываясь, мог почти безошибочно сказать, как поступил бы Авдий, оказавшись в той или иной конкретной ситуации, но дать разумное объяснение, почему тот поступил бы именно так, а не иначе, он вряд ли смог бы. В этом отношении Хэл напоминал человека, умеющего управлять неким агрегатом, но совершенно не представляющим себе, как и почему тот работает.

Когда челнок коснулся поверхности планеты, Хэл отметил про себя, что не должен поддаваться самоуспокоению на том основании, что находящиеся вокруг люди могли на первый взгляд легко принять его за одного из своих сограждан.

Необходимо сконцентрировать свое сознание на наблюдении и изучении окружающих, не полагаясь на свои уже проявленные способности играть доставшуюся ему роль. В противном случае он рискует совершить неверный шаг, даже не подозревая об этом, а результатом этого неверного шага может стать разоблачение, которое застанет его врасплох.

Пассажиры корабля сначала попали в закрытый туннель, а пройдя по нему некоторое расстояние, очутились перед рядом комнат, куда их и направляли в зависимости от характера личных документов. Как человеку, чьи документы имели местное происхождение, Хэлу, вместе с двумя десятками других квакеров, предложили пройти в самую дальнюю комнату. Там находилось несколько столов с восседающими за ними чиновниками иммиграционной службы.

Хэлу не удалось первым подойти к ближайшему столу. Впереди оказался худощавый, стройный, смуглолицый молодой человек невысокого роста. Каждый стол огораживал звукопоглощающий барьер, а Хэл стоял в таком положении по отношению к своему попутчику и к задававшему ему вопросы чиновнику, что не мог читать их разговор по губам и поэтому не сумел заранее

узнать ни одного из тех вопросов, на которые, возможно, придется отвечать и ему. Наконец опередивший его человек отправился дальше, за двухметровую загородку из проволочной сетки, где были расставлены стулья с высокими прямыми спинками. Около загородки находился охранник, коренастый мужчина средних лет в черной милицейской форме. Смуглолицый молодой человек уселся на стул, а чиновник пригласил Хэла.

— Документы, — произнес чиновник, когда Хэл подошел и сел перед ним.

Хэл протянул ему свои бумаги, и тот стал их просматривать.

— Как долго вы не были на Гармонии?

Хэл счел добрым предзнаменованием тот факт, что чиновник не стал произносить перед ним ханжескую речь в духе крайнего фанатизма, бытующего в Квакерских мирах. Это могло означать, что чиновник принадлежал к числу умеренных хранителей веры. Во всяком случае, Хэлу, хорошо изучившему свои документы, не составило труда ответить на этот вопрос.

— Около четырех с половиной стандартных лет.

Чиновник сложил вместе бумаги и протянул

их Хэлу.

— Подождите там, — кивнул он в сторону загородки. Хэл медленно взял документы. Если не считать смуглолицего молодого человека, то пока никого из коренных жителей Квакерских миров не просили подождать за загородкой. Всех остальных, подходивших к другим столам, отправляли вперед, к выходу из комнаты.

— Могу я узнать почему? — спросил Хэл, поднимаясь.

— Каждый, кто не был на планете свыше трех лет, подлежит проверке.

Мрачные мысли одолевали Хэла, пока он шел к ограждению. Ему следовало подумать об этом. И Сост должен был предвидеть подобное. Нет, обвинять Соста несправедливо, он не мог знать, что следует снабдить Хэла такими документами, из которых бы явствовало, что их обладатель отсутствовал на родной планете не более трех лет. И кроме того, вполне естественно следующее: документы, поставляемые Дженнисоном, чаще всего оказывались достаточно устаревшими.

Под бдительным взором полицейского Хэл вошел внутрь ограждения, где на стуле у самой сетки сидел его смуглолицый попутчик, и уселся напротив него с противоположной стороны.

Кажется, на какую-то долю секунды он перехватил странный взгляд смуглолицего, который тут же отвел глаза и равнодушно уставился в пространство. Хэл мог бы предположить, что тот вовсе не смотрел в его сторону, но одним из первых навыков, которые старался привить ему Малахия, был навык наблюдения. Хэл мысленно вернулся к событиям последних нескольких минут, и память подтвердила: вне всякого сомнения, их взгляды на мгновение встретились.

Этот факт мог ровным счетом ничего не означать, но мог означать и очень многое. Хэл откинулся на жесткую прямую спинку стула и дал своему телу расслабиться. Медленно тянулось время. К тому моменту, когда прошло не менее стандартного часа, все прибывшие вместе с ним на корабле уже покинули комнату, кроме тех, кого направили за ограждение; таких набралось всего пять человек. Три присоединившихся к ним ничем не примечательных человека, каждый лет на двадцать старше Хэла и молодого смуглолицего пассажира, были, без сомнения, квакерами.

— Теперь все вы пойдете со мной, — вдруг объявил полицейский гнусавым голосом.

Он выпустил их из загородки, а затем и из комнаты, где она находилась, провел по короткому

коридору в подземный гараж и предложил сесть в стоявший там автобус. Зашипели вентиляторы, автобус поднялся на подушку, выскользнул из гаража и устремился вперед по ночным улицам Цитадели. Шел дождь; мелькавшие по обеим сторонам фасады домов, однообразно серые в желтом свете редких уличных фонарей, казались расплывчатыми за струйками воды, стекающими по окнам автобуса. Спустя примерно полчаса автобус въехал в другой внутренний гараж, находящийся ниже уровня улицы.

Из автобуса их провели наверх, в здание, показавшееся Хэлу на первый взгляд какой-то конторой. У них забрали документы и снова предложили подождать в холле, где были расставлены стулья с высокими спинками. Томительность длительного ожидания скрашивалась лишь прогулками к торчащему из стены водяному крану и в туалет, но все это происходило под неусыпным надзором полицейского. Затем их стали поодиночке вызывать в кабинеты, в каждом из которых находился только один стол с единственным сидящим за ним чиновником. И снова смуглолицего молодого человека вызвали перед Хэлом.

Когда настала очередь Хэла, он, войдя в каби-

нет, увидел перед собой тщедушного лысоватого человечка с яйцевидным черепом и почти лишенным губ ртом. Сидя на стуле, стоящем сбоку от стола, Хэл видел, как чиновник вынул из ящика и стал очень бегло просматривать его бумаги; было ясно, что их содержание ему уже известно. Просмотрев бумаги, он положил их на стол и поднял на Хэла немигающие глаза.

— Ваше имя?

— Ховард Билавд Иммануэльсон.

— Вы причастник Возрожденной Церкви Откровения, приобщенный к этой церкви двадцать три и четыре десятых стандартного года тому назад в селении Энтерпрайз?

— Да.

— Ваш отец и ваша мать также были причастниками этой церкви?

— Да.

— Вы по-прежнему остаетесь добрым причастником этой церкви?

— Да, остаюсь, — ответил Хэл. — По милости Господней.

— Сейчас вы возвратились после четырех лет работы в качестве семантика-интерпретатора за пределами планеты. Вы состояли на службе у разного рода людей, не принадлежащих к церкви...

Допрос продолжался, он коснулся всех фактов биографии Ховарда Иммануэльсона, отраженных в документах, которыми снабдили Хэла. Когда эта тема себя исчерпала, чиновник отодвинул в сторону бумаги и уставился на Хэла своими неподвижными глазами.

— Вы соблюдаете регулярные часы молитвы? — спросил он. Хэл был готов к вопросу подобного рода.

— Да, в той мере, в какой мне это удается. В выпавших на мою долю странствиях, нередко среди тех, кто глух к слову Божию, подчас бывает нелегко молиться регулярно.

— Легкий путь — это не путь Господа, — назидательно промолвил допрашивающий Хэла человечек.

— Да, я знаю, — ответил Хэл. — Я, так же как и вы, знаю, что трудность соблюдения регулярных часов молитвы не является оправданием для недостатка рвения. Поэтому я приучил себя к внутреннему общению со Всевышним в обычные для меня часы молитвы.

Верхняя губа невзрачного следователя как будто дрогнула и еле заметно скривилась, но она была такой тонкой, что Хэлу это могло и показаться.

— Сколько раз в день вы совершаете молитву? Я имею в виду те дни, когда у вас бывает такая возможность.

Хэл лихорадочно соображал. Он не знал установлений Возрожденной Церкви Откровения. Но если это была церковь в регионе Старого Северного Континента, где находилось селение Энтерпрайз, то, скорее всего, там господствовали так называемые «старые традиции», а не новые. В конце концов, как гласит пословица, порядок общения с Богом каждый квакер устанавливает себе сам.

— Семь.

— Семь? — Тон следователя оставался ровным, лицо непроницаемым, но Хэла внезапно озарила догадка, что он имеет дело с одним из тех, кто является приверженцем новых традиций и считает, что обращаться к Богу с ритуальной молитвой больше четырех раз в день — значит проявлять дерзость и высокомерие.

— Я молюсь, проснувшись утром, затем перед завтраком, после завтрака, перед обедом, после обеда, перед ужином и после ужина, отходя ко сну, — пояснил Хэл, называя соответствующие молитвы по-латыни.

При звуках латинских слов на лице тщедуш-

ного человечка появились признаки явного раздражения. Конечно, употребление латыни в разговоре с ним было определенным риском; однако Хэл вышел бы из образа, если бы в беседе практически с любым другим квакером не выдвинул свою концепцию понимания религиозных догматов и порядка их соблюдения. Но в то же время он не намеревался сильно распалять своего оппонента, чтобы не дать ему повода сделать атмосферу беседы и ее результаты более неблагоприятными для себя, чем они могли бы быть.

— Да, — резко произнес следователь. — Вы, давая своим молитвам все эти пышные названия, вместе с тем молитесь украдкой, как трус. Видимо, вы принадлежите к вероотступникам, исповедующим новый культ, получивший распространение среди нашей погрязшей в грехе молодежи и провозглашающий необязательность молитвы, если только вы почитаете Бога и его заповеди в своей душе. Но сейчас среди нас находится недавно прибывший к нам Великий Учитель, который мог бы продемонстрировать вам всю пагубность подобного заблуждения...

Тон его голоса с каждым словом повышался, но внезапно он умолк и утер губы сложенным вчетверо белым носовым платком.

— У вас часто бывали контакты с другими поборниками церкви в годы, проведенные вами среди безбожников? — спросил он уже более ровным голосом.

— По характеру своей работы я редко встречался с представителями обетованных миров, — ответил Хэл. — В силу обстоятельств мне приходилось поддерживать связи главным образом с жителями тех планет, на которых я работал.

— Но вы встречали там кого-нибудь с Гармонии или Ассоциации?

— Очень немногих. Я даже не уверен, что у меня остались в памяти их имена.

— В самом деле? А вы ведь, наверное, могли бы припомнить и еще кое-что, кроме их имен. Вам не вспоминаются встречи с кем-либо из тех, кто называет себя Детьми Гнева или Детьми Божьего Гнева?

— Иногда... — начал Хэл, но следователь перебил его:

— Я подразумеваю не тех, кто живет, будучи уверенным или допуская, что Бог поступил справедливо, отвернувшись от них. Я сейчас говорю о тех, кто состоит в организации, присвоившей себе это нечестивое имя и противопоставившей себя Божьей церкви и Божьим заповедям.

Хэл покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Нет, я даже никогда не слышал о них.

— Странно. — На этот раз верхняя губа скривилась весьма заметно. — Очень странно, что человек, так много путешествовавший, находится в полном неведении относительно бедствия, обрушившегося на его родную планету. Неужели за все эти четыре года ни один человек с Гармонии или Ассоциации, встреченный вами, никогда не упоминал о Носителях Гнева?

— Нет, — повторил Хэл.

— Я вижу, вашим языком говорит сам сатана. — Следователь нажал одну из нескольких кнопок на своем столе. — Возможно, после того как вы все хорошенько обдумаете, ваша память заработает лучше. А сейчас можете идти.

Хэл поднялся и протянул руку за своими документами, но невзрачный человечек открыл ящик стола и смахнул их туда. Хэл повернулся, чтобы уйти, но, дойдя до двери, понял, что свобода передвижения для него на этом закончилась. За дверью его встретил одетый в форму вооруженный полицейский охранник и повел куда-то внутрь здания.

Они спустились на несколько этажей вниз,

прошли ряд коридоров и оказались в другой части здания, мало похожей на учреждение и очень напоминающей тюрьму. Пройдя через две тяжелые, запирающиеся двери, они подошли к конторке, за которой сидел еще один полицейский охранник. И здесь сомнения в том, что это на самом деле тюрьма, закончились. У Хэла отобрали все личные вещи, его обыскали, чтобы проверить, не утаил ли он чего-нибудь, а затем охранник, сидевший до этого за конторкой, провел его еще по нескольким коридорам, пока они не остановились перед очередной массивной металлической дверью, явно отпиравшейся и запиравшейся только снаружи.

— Не мог бы я получить что-нибудь поесть? — спросил Хэл, когда охранник открыл дверь и жестом предложил ему войти внутрь. — Я ничего не ел с тех пор, как сошел с корабля, на котором...

— Завтрашняя еда будет завтра, — оборвал его охранник. — Входи!

Хэл вошел внутрь и услышал, как дверь за ним с лязгом закрылась и щелкнул замок.

Помещение, где он очутился, представляло собой просторную комнату, или камеру, с бетонным полом и голыми бетонными стенами,

вдоль которых располагались прикрепленные к ним наглухо узкие скамьи; в одном из углов находилось открытое отхожее место. Больше ничего примечательного в камере не было, если не считать окна с двойной рамой, прорезанного в стене напротив двери на высоте около двух метров от пола, да еще одного узника.

Глава 14

Второй обитатель камеры, человек, растянувшийся на скамье лицом к стене, видимо, пытался заснуть, однако осуществление этого намерения представлялось делом непростым, поскольку комнату ярко освещал ослепительно сияющий под потолком мощный светильник. По цвету волос и контурам фигуры лежащего Хэл понял, что это тот самый смуглолицый молодой человек, который в большинстве случаев оказывался впереди него на всех этапах сложной и нудной процедуры, совершавшейся над ними с той минуты, как они сошли с борта челнока.

После того как дверь закрылась, смуглолицый ожил, скатился со скамьи, встал на ноги и, подойдя к двери на цыпочках, взглянул в маленькое окошечко в ее верхней части. Кивнув самому себе и повернувшись лицом к Хэлу, он, осторожно ступая, направился к нему, сложил на ходу ладонь трубочкой, приставил ее к правому уху и предупреждающим жестом показал на потолок.

— Эти проклятые Богом существа, — проговорил он громко и отчетливо, одновременно

беря Хэла за руку и ведя его в тот угол, где было оборудовано отхожее место, — специально так устраивают свои камеры, чтобы лишить нас возможности соблюдать даже самые элементарные правила приличия. Могу я попросить вас оказать мне любезность постоять там, где вы сейчас находитесь, и на минутку повернуться ко мне спиной?.. Спасибо, брат. Как только вам понадобится такая же услуга с моей стороны, я окажу ее вам незамедлительно...

За время его монолога они успели дойти до места назначения. Он открыл краны умывальника, дернул ручку смывного бачка унитаза и притянул голову Хэла к самым кранам, из которых в раковину хлестала вода. Пошевелив пальцами обеих рук перед глазами Хэла, он зашептал ему в самое ухо, уверенный, что плеск льющейся воды надежно заглушает слова:

— Ты умеешь разговаривать на пальцах?

— Нет. Но я умею читать по губам и достаточно быстро обучаюсь. Если ты будешь беззвучно произносить самые необходимые слова, четко двигая губами, и одновременно показывать мне их значение на пальцах, то через некоторое время мы сможем общаться таким образом.

Выпрямившись, смуглолицый кивнул. И пока

они по-прежнему стояли около раковины, в которую из кранов с шумом лилась вода, он стал шевелить губами, обозначая слова.

— Меня зовут Джейсон Роу. А как твое имя, брат?

— Ховард Иммануэльсон, — пригнувшись, прошептал ему в самое ухо Хэл. Джейсон пристально взглянул на него. — И тебе вовсе не нужно артикулировать слова медленно и подчеркнуто отчетливо, — продолжал Хэл. — Двигай губами так, как если бы ты нормально разговаривал со мной, и я без труда пойму тебя. Только не забывай при этом смотреть на меня.

Джейсон снова кивнул. Он поднял правую руку с вытянутыми и слегка раздвинутыми большим и указательным пальцами, а остальные пальцы прижал к ладони.

— «Да», — произнес он, беззвучно шевеля губами. Хэл кивнул, повторив жест на своих пальцах. Когда несколько минут спустя Джейсон закрыл краны и узники, отойдя в противоположный конец камеры, сели на стоящие друг против друга скамьи, Хэл уже запомнил обозначения слов «да», «нет», «я», «ты», «идти», «стоять», «спать», «охрана» и добрую половину букв алфавита. Они сидели в том углу камеры, который располагался

справа от двери, поэтому любому, заглянувшему в дверной глазок, было бы трудно понять смысл их занятий.

Повернувшись лицом один к другому и сдвинувшись как можно ближе, они начали вести разговор, на первых порах медленно, поскольку Хэл был вынужден изображать большинство нужных ему слов по буквам. Но скорость их беседы возросла, когда Джейсон стал угадывать нужное Хэлу слово прежде, чем тот успевал обозначить его до конца, и сообщал ему знак этого слова. Количество усвоенных Хэлом знаков быстро возрастало, что, как он сумел понять, поразило Джейсона. Однако Хэл не делал попыток объяснить ему этот феномен. В сложившейся ситуации едва ли следовало сообщать, что его мнемонические и коммуникативные способности ведут свое происхождение от соответствующих способностей экзотов. Хэлу показалось, что поначалу их разговор принял несколько странный характер, и он был рад, что мог скрывать свою неосведомленность в том, о чем говорил его собеседник, под предлогом недостаточного запаса усвоенных им знаков слов.

— Скажи, брат, ты поборник веры? — спросил Джейсон, когда они уселись друг против друга.

Хэл лишь какую-то долго секунды помедлил с ответом. На первый взгляд, не существовало таких причин, по которым любой квакер не мог бы ответить на такой вопрос утвердительно. Однако то, что подразумевал Джейсон, задавая свой вопрос, могло требовать весьма обстоятельного уточнения.

— Да, — ответил он знаком, ожидая, что Джейсон пояснит смысл вопроса.

— И я тоже, — сказал Джейсон. — Но ты можешь радоваться, брат. Я не думаю, что те, кто держит нас здесь, имеют хоть малейшее подозрение, что мы относимся именно к тем людям, которых они ищут. Это всего лишь часть кампании, которую они проводят по всему городу, чтобы предстать в выгодном свете в глазах сатанинского отродья, появившегося здесь с визитом.

— С визитом? — изобразил Хэл по буквам. При последних словах Джейсона он весь напрягся. Впервые у него под ложечкой появилось ощущение холода и ноющей боли. Слова «сатанинское отродье» были теми самыми словами, которые употреблял Авдий, когда имел в виду Иных. Конечно, было бы слишком необоснованно предполагать, что Иным или кому-то из Иных, интересовавшихся им на Коби, удалось

установить маршрут побега и настичь его здесь, в Цитадели. Но если все же исходить из предположения, что они действительно выследили его, то вполне можно допустить, что нашелся пилот, согласившийся пойти на больший риск при прохождении фазовых сдвигов, чем получивший неплохую мзду за Хэла владелец грузового транспорта, и сумевший за счет этого оказаться в городе на день или два раньше него.

— Так они говорят, — молча ответил губами Джейсон.

— Когда он появился здесь?

Джейсон с любопытством взглянул на Хэла.

— Значит, ты слышал об этом и знаешь, что это мужчина, а не женщина?

— Я... — Хэл воспользовался недостаточным знанием языка знаков как предлогом, чтобы скрыть свой промах, — я подумал, что в город новых традиций, такой как этот, они скорее всего пошлют мужчину, а не женщину.

— Возможно, именно это и послужило причиной. Как бы там ни было, похоже, что он находится в городе не больше двадцати стандартных часов. — Джейсон неожиданно улыбнулся. — Я неплохо умею выуживать разного рода сведения у тех, кто меня допрашивает. И кое-что узнал.

Они, в свойственной им подхалимской манере, называют его Великим Учителем и, готовые пресмыкаться перед ним, намереваются передать ему нескольких поборников веры в качестве жертв по случаю его прибытия.

— В таком случае почему я должен радоваться? Обстановка мне кажется неподходящей для этого.

— Ну почему же? Сейчас они не уверены, что знают, кто мы такие. И поэтому не станут показывать нас ему, потому что все они перед ним — как побитые собаки. Их бросает в дрожь от одной только мысли о том презрении, которым они покроют себя в его глазах, если совершат ошибку. Таким образом, у нас будет время. А за это время мы совершим побег... — Он почти весело взглянул на Хэла. — Ты мне не веришь? — просигналил он губами. — Ты сомневаешься, что я могу настолько доверять тебе, чтобы сообщить о своем намерении бежать, да? А как ты думаешь, брат, почему я открыл тебе эту свою тайну?

— Я не знаю, — сказал Хэл.

— Потому что случилось так, что я знал Ховарда Иммануэльсона, чьими документами ты воспользовался. Правда, в близкой дружбе мы не состояли, просто оба входили в число наи-

более успевающих студентов нашей группы в Саммерсити. А потом он отправился на Культис, чтобы приобрести навыки работы за пределами своей планеты. Мне известно, когда и при каких обстоятельствах он появился на Коби, а также и то, что он там умер. Но он был поборником веры, и главная цель всех его странствий состояла в очищении и укреплении своего духа, чтобы по возвращении на родину суметь принести пользу всем нам. Ты улетел с Коби по его документам. Кроме того, ты слишком быстро освоил язык жестов, а это может означать только одно — что ты знал его и пользовался им прежде. Тебе нужно быть более осмотрительным, брат, пока ты находишься здесь. Старайся не показывать, что знаешь слишком многое и осваиваешь незнакомое слишком быстро. Даже у некоторых богоотступников хватит ума, чтобы сделать из этого правильные выводы. Ну а теперь скажи мне, как твое настоящее имя и почему ты оказался здесь?

Мозг Хэла напряженно работал.

— Я не могу, — показал он знаками. — Мне очень жаль.

Несколько секунд Джейсон с сожалением смотрел на него.

— Раз ты мне не доверяешь, то и я не могу доверять тебе, — сказал он. — И не смогу взять тебя с собой, когда убегу отсюда.

— Мне очень жаль, — повторил Хэл знаками. — Я не имею права сказать тебе об этом.

Джэйсон вздохнул.

— Ну что ж, пусть будет так, — подвел он итог разговору. Он встал, прошел к противоположной скамье и лег на нее лицом к стене, приняв ту самую позу, в какой его застал Хэл, когда вошел в камеру. Несколько минут Хэл сидел неподвижно, глядя на Джеисона, затем попробовал последовать его примеру и тоже растянулся на скамье. Однако в этом он потерпел неудачу. Его плечи оказались гораздо шире скамьи, и самое большее, чего ему удалось добиться, это найти положение весьма шаткого равновесия, при котором даже секундная расслабленность грозила обернуться падением на пол.

В конце концов он оставил свои попытки улечься на скамью, сел на нее, прислонившись спиной к стене, и, подтянув к себе ноги, сложил их так, что его тело приняло позу лотоса. Колени и значительная часть ног оказались при этом висящими в воздухе, но зато центр массы тела переместился ближе к тому краю скамьи, кото-

рый прилегал к стене позади него, и теперь он мог отдыхать, не опасаясь свалиться вниз. Он опустил расслабленные руки на бедра и слегка сгорбился, чтобы со стороны казалось, что принял он эту позу бессознательно и она является для него делом привычки, а не результатом тренировки. Затем он вывел свое сознание из режима упорядоченного мышления. Спустя несколько секунд очертания камеры начали расплываться в его глазах, и она исчезла из его поля зрения... Он спал.

* * *

Их разбудил громкий лязг внезапно распахнувшейся двери. Охранник еще только входил в нее, когда Хэл уже был на ногах. Краем глаза он заметил, что Джейсон также стоит у своей койки.

Вошедший охранник был худощавым и высоким, хотя и не таким высоким, как Хэл; на его лице с резкими, грубыми чертами застыло надменное выражение; черную милицейскую форму украшали капитанские ромбы.

— Так, хорошо, — проговорил он, глянув на арестантов. — На выход!

Они вышли. Тело Хэла еще не восстановило после сна своей обычной гибкости, но мозг,

немедленно среагировавший на происходящее, работал на полную мощность. Хэл старался не смотреть на Джеисона, создавая видимость того, что между ними не происходило никаких разговоров и что они вообще не познакомились друг с другом. Он заметил, что и Джейсон не смотрит в его сторону. Их вывели в коридор и приказали идти туда, откуда, как подсказывала Хэлу память, его препроводили в камеру.

— Куда мы идем? — спросил Джейсон.

— Молчать! — почти ласково приказал капитан, не глядя на него и не меняя выражения лица. — Иначе, когда все это закончится, я подвешу тебя за запястья на часок-другой, ренегатское отродье.

На этом попытка Джеисона поговорить с капитаном закончилась. Они прошли по нескольким коридорам, затем на грузовом лифте поднялись в ту часть здания, где, как помнил Хэл, располагались службы управления этого учреждения. Охранник подвел их к группе примерно из двадцати других таких же, как они, узников, сгрудившихся перед открытыми дверями комнаты, где у противоположной стены находился помост с установленным на нем столом, перед которым было оставлено свободное пространство. С

торчащего из помоста флагштока вяло свисало полотнище флага Объединенных Сект — белый крест на черном поле.

Оставив их среди других заключенных, капитан отошел к группе из пяти милиционеров, выполнявших роль охраны, и стал с ними беседовать. Некоторое время все они так и стояли — капитан, охранники и заключенные. Время шло, но ничего не происходило.

Наконец из отдаленного коридора, расположенного под прямым углом к тому, где находились все собравшиеся, донесся звук шагов по гладкому, отполированному полу. Из-за поворота показались три человека. У Хэла на мгновение перехватило дыхание. Двое, в обычных повседневных костюмах, несомненно представляли местную администрацию. А между ними, возвышаясь, шел Блейз Аренс.

Приблизившись к заключенным, Блейз быстро оглядел всех; дойдя до Хэла, его взгляд на мгновение остановился, очевидно потому, что Хэл заметно выделялся ростом среди всех окружающих. Почти не задерживаясь, Блейз прошел мимо и направился к двери, сокрушенно качая головой; этот жест явно относился к сопровождающим его представителям местного начальства.

— Глупцы, — говорил он им, проходя на расстоянии вытянутой руки от Хэла. — Ох, и еще раз глупцы! Неужели вы думали, что на меня может произвести впечатление тот жалкий сброд, который вы подобрали на улицах, и что меня, как какого-нибудь примитивного диктатора, могут позабавить государственные казни или публично проводимые пытки? Подобные затеи приводят лишь к потерям энергии. Сейчас я покажу вам, как делаются серьезные дела. Приведите их всех сюда. — Охранники, услышавшие его слова, уже бросились выполнять приказание, прежде чем один из сопровождающих Блейза обернулся и махнул рукой капитану. Всех заключенных привели в комнату и поставили в три ряда лицом к помосту, где двое спутников Блейза теперь стояли позади стола, а сам Блейз наполовину сидел, наполовину возлежал на нем. Но даже в такой нарочито картинной позе он выглядел властно и элегантно.

При появлении Блейза у Хэла засосало под ложечкой; теперь это ощущение усилилось. Он прожил большую часть жизни под крышей родного дома и имел надежную защиту; он вырос, даже не имея представления о том, что бывает такой страх, который стискивает грудь и делает

бессильным все тело. Потом внезапно он встретился со смертью, и одновременно — с такого рода страхом. И вот теперь состояние, вызванное тем ужасным моментом, опять овладело им при новой встрече с этим высокорослым, властным человеком, расположившимся перед ним на помосте.

Он не боялся квакерских властей, лишивших его свободы. Ведь, в конце концов, они были людьми. А он твердо усвоил правило, что для любой проблемы, возникшей во взаимоотношениях людей, можно найти приемлемое решение, если только хорошенько поискать. Но в лице Блейза он встретил существо, уничтожившее сами основы его внутреннего, личного мироздания. Страх все больше охватывал его, парализуя и тело и дух, а сознание, еще сохранившее способность трезво оценивать происходящее, предупреждало, что, как только страх полностью подчинит его себе, он покорится воле судьбы. Тогда Блейз узнает, кто он такой, и все будет кончено.

Он воззвал о помощи. И в ответ из его памяти возникли призраки трех старых учителей.

— Человек, с которым ты столкнулся, не более чем сорняк, пышно цветущий лишь один летний день, — прозвучал в его сознании резкий

голос Авдия. — Не более чем короткий ливень на горном склоне, обрушившийся на скалу. Скала — это Бог, она вечна. Дождь проходит, и как будто его и не было. Держись за скалу и не обращай внимания на дождь.

— Он не может ничего такого, чего бы я тебе когда-нибудь не показывал, — раздался мягкий голос Уолтера. — Он только копирует мастерство, достигнутое другими мужчинами и женщинами, многие из которых умеют использовать его гораздо лучше, чем он. Помни, что любой человек обладает не более чем человеческим разумом и телом. Забудь о том, что он старше и опытнее тебя. Сконцентрируй свое сознание только на его подлинной сущности, на его реальных, далеко не безграничных возможностях.

— Страх — это всего лишь один из видов оружия, — сказал Малахия. — Сам по себе он опасен не более, чем остро отточенное лезвие. Воспринимай его так же, как и любое другое оружие. Когда оно направлено на тебя, отклонись, чтобы оно тебя не коснулось, а потом перехвати и держи под контролем ту руку, что его направляет. Оружие, отделенное от руки, становится просто еще одной вещью в мире, заполненном самыми различными вещами.

Блейз окинул взглядом выстроившихся внизу перед помостом узников.

— Послушайте меня, друзья мои, — обратился он к ним вкрадчивым голосом. — Посмотрите на меня.

Все, включая Хэла, обратили на него свои взгляды. Он видел лицо Блейза, его тонкие аристократические черты, живые карие глаза. Затем, по мере того как Блейз продолжал смотреть на них, его глаза стали расширяться, пока не заполнили собой все видимое пространство.

Навыки, приобретенные в результате длительных тренировок под руководством Уолтера, сработали рефлекторно. Мысленно Хэл сделал шаг назад, отступив от всего, что он видел, на расстояние вытянутой руки. И сразу же все вокруг него стало располагаться и происходить как бы на двух уровнях. На одном уровне он стоял вместе с остальными заключенными, оцепеневшими под взглядом Аренса подобно животным, выхваченным из темноты лучом яркого света. Но одновременно существовал и другой уровень, где он сознавал, что над его свободной волей совершается попытка насилия, орудие которого прячется за этим ярким светом, и где он делал отчаянные попытки противостоять этому на-

силию.

Он думал о скале. В своем сознании он сформировал образ горного склона с вырубленным в нем алтарем, на котором горел вечный огонь. Скала и огонь... Неприкосновенные. Вечные.

— Я должен извиниться перед вами, мои друзья, мои братья. — Блейз говорил проникновенным тоном, обращаясь ко всем собравшимся. — Произошла ошибка, из-за которой вас заставили страдать, но так не должно быть. Однако эта ошибка произошла естественным образом, а мелкие ошибки с вашей стороны усугубили ее. Спросите вашу совесть. Найдется ли здесь среди вас хоть один, кто не знал бы за собой поступков, которых не должен был бы совершать...

...Первые капли дождя, словно туман, начали застилать алтарь и горящий в нем огонь. Но он по-прежнему горел, а скала стояла непоколебимо. Голос Блейза продолжал струиться. Дождь усилился, теперь он яростно набрасывался на скалу и на светильник в алтаре. На горных склонах день померк, но свет, пробивающийся сквозь тьму, позволял видеть, что скала, как и прежде, стоит на месте.

Блейз доверительно указывал всем им путь к более полноценной и счастливой жизни, путь,

на котором они обретут веру в то, о чем он им рассказывал. А для этого им следует признать свои прошлые ошибки и позволить повести себя по верному пути к своему светлому будущему. Эти слова сулили теплое и уютное убежище от всех бурь и невзгод, его дверь была приветливо распахнута им навстречу. Но к сожалению, Хэл должен остаться снаружи, один на горном склоне, под яростным ледяным ливнем. Ему придется изо всех сил прижаться к скале, чтобы ветер не смог сбросить его вниз, и единственной его отрадой станет чистый свет горящего в темноте, но не дающего тепла светильника.

Постепенно он стал замечать, что ветер больше не крепчает, что дождь, который с каждой минутой лил все яростнее, перестал усиливаться и темнота теперь уже не сгущается. И в глубине его существа стала подниматься какая-то новая, незнакомая прежде теплая волна. Она росла, ширилась и вот уже с радостным триумфом захватила его целиком. Он ощутил в себе такую внутреннюю силу, какой не чувствовал никогда прежде, и, движимый этой силой, он шагнул обратно, слил воедино существовавшие до этой минуты два уровня своего бытия и теперь, уже без всякой защиты, снова смотрел прямо в глаза

Блейзу Аренсу.

Блейз закончил говорить и сошел с возвышения, направляясь к выходу из комнаты, узники, все как один, повернулись и смотрели ему вслед, словно он, уходя, тянул за собой невидимую нить, которой все они были связаны.

— Пройдите, пожалуйста, сюда, братья, — сказал один из охранников.

Они шли, сопровождаемые единственным охранником, по многочисленным коридорам, пока снова не оказались в комнате, заставленной столами, где им всем возвратили документы.

Глава 15

Они явно получили свободу. На улице, взглянув на своего спутника, Хэл увидел, что тот весьма оживлен и радостно улыбается.

— Ховард! — воскликнул Джейсон. — Ведь это так здорово! Нам нужно разыскать остальных и рассказать им об этом замечательном человеке. Они должны увидеть его собственными глазами.

Хэл пристально посмотрел на Джейсона.

— Что такое, брат? — спросил тот. — Что-нибудь не так?

— Нет, все так, — ответил Хэл. — Но нам неплохо бы зайти куда-нибудь, чтобы посидеть и наметить дальнейший план действий. Найдется поблизости такое место, где можно спокойно поговорить без свидетелей?

Джейсон огляделся вокруг. Они находились в той части города, где, как понял Хэл, преобладали промышленные предприятия. Было позднее утро; дождь, встретивший их накануне, когда корабль совершил посадку, почти перестал, хотя небо по-прежнему хмурилось и не сулило ясной погоды.

— Сейчас так рано... — Джейсон нерешительно

умолк. — Тут неподалеку есть одно маленькое кафе с отдельными кабинками. Думаю, в это время там нет ни души.

— Ну так идем туда, — предложил Хэл.

Кафе оказалось действительно очень небольшим. Если бы Хэлу просто захотелось поесть, он вряд ли зашел бы сюда. За квадратными столиками сидели шестеро посетителей. Молодые люди заняли кабинку в дальнем углу и заказали кофе.

— Какие планы ты собирался обсудить, Ховард? — спросил Джейсон, после того как кофе появился на столе.

Хэл сделал глоток из своей чашки и поставил ее на стол. Кофе, или, точнее, некий его суррогат, пользовался популярностью во всех обитаемых мирах. Но в каждом из таких миров и даже в разных частях одного и того же мира он обладал своим специфическим вкусом. К кофе, употребляемому на Коби, Хэл привыкал три года. Похоже, на Гармонии придется начинать все сначала.

— Скажи, ты видел такое? — спросил он вместо ответа и вынул из кармана прозрачный пластиковый кубик, внутри которого сверкал маленький золотой самородок — первый найденный им на шахте Яу Ди.

Хэл, согласно существовавшей на Коби тради-

ции, выкупил его у владельцев шахты и носил с собой как талисман, приносящий удачу. Шахтеры его бригады сочли бы странным, если бы он не поступил таким образом. И вот сейчас этот талисман должен впервые принести ему конкретную пользу.

Джейсон наклонился над кубиком.

— Это что, настоящее золото? — спросил он с восхищением, свойственным каждому, кто не жил на Земле или на Коби.

— Да, — ответил Хэл. — Вот, взгляни на цвет...

Он протянул руку через стол и осторожно коснулся сзади шеи Джейсона кончиками большого и среднего пальцев, точно расположив их в нужных местах. Кожа под пальцами дрогнула, а затем успокоилась, когда Хэл мягко надавил ими на скрытые под ней нервные окончания.

— Спокойно, — проговорил Хэл. — Сиди и рассматривай этот кусочек золота... Джейсон, я хочу, чтобы ты немного расслабился и отдохнул. Закрой глаза, откинься назад, прислонись спиной к стенке кабинки и засни на две-три минуты. А потом ты можешь открыть глаза и слушать. Мне надо кое-что рассказать тебе.

Джейсон послушно закрыл глаза, отклонился назад и коснулся затылком деревянной, окрашен-

ной в темный цвет задней стенки кабинки. Когда Хэл убрал руку, Джейсон остался в прежнем положении; его дыхание было глубоким и свободным, частота пульса — около ста пятидесяти ударов в минуту. Через некоторое время он открыл глаза, секунду-другую с удивлением смотрел на Хэла, потом улыбнулся.

— Ты хотел мне что-то рассказать, — вспомнил он.

— Да, — кивнул Хэл. — А ты будешь слушать меня и молчать до тех пор, пока я не закончу и пока ты не обдумаешь все, что услышишь. Ты понял меня?

— Да, Ховард, — ответил Джейсон.

— Ну хорошо. Теперь слушай внимательно. — Хэл помолчал. Прежде он никогда не делал ничего подобного, и существовала опасность, что на Джейсона, в его нынешнем состоянии повышенной восприимчивости, некоторые слова, сказанные Хэлом, могут подействовать сильнее, чем ему бы хотелось. — Потому что я хочу, чтобы ты понял некоторые вещи. В данный момент ты думаешь, что ведешь себя абсолютно нормально и совершаешь именно те поступки, которые намеревался бы совершить в обычной обстановке. Но в действительности все обстоит иначе. Дело

в том, что исключительно сильная личность предложила тебе заманчивый выбор на таком уровне, на котором тебе очень трудно отказать ему, выбор, который позволит тебе усыпить свою совесть, переложить решение всех моральных проблем на кого-то другого. А поскольку ваш контакт произошел на этом специфическом уровне, то ты не можешь судить, насколько разумным оказался сделанный тобой выбор. Тебе понятно, о чем я говорил до сих пор? Если да, кивни головой.

Джейсон кивнул. Он весь сосредоточился, тоненькая складка пролегла у него между бровей. Но в целом лицо его оставалось безмятежным и счастливым.

— Суть сказанного мной состоит в том, — продолжал Хэл, — что человек, разговаривавший с тобой, или другие люди, которых он назначит, станут решать не только то, что для тебя правильно, а что нет, но также и то, что ты должен будешь делать в каждом конкретном случае. И ты с этим согласился, решил, что это хорошо. Поэтому теперь ты присоединился к тем, кто уже заключил с ним такое соглашение, к тем, кого еще час тому назад ты называл своими врагами, к тем, кто стремится уничтожить твою веру, ко-

торой ты был предан всю свою жизнь...

Тонкая складка между бровями Джейсона сделалась глубже, лицо перестало излучать счастье и приобрело какое-то странное выражение. Хэл продолжал говорить, а когда он умолк, Джейсон, ссутулившись и отвернувшись от Хэла, насколько позволяла теснота кабинки, сидел, спрятав лицо в ладони.

Хэл, чувствовавший себя подавленным, изредка подносил к губам кружку с кофе. Оба долго молчали. Наконец Джейсон, тяжело вздохнув, опустил вниз руки и повернулся к Хэлу. Лицо его было таким, словно он не спал несколько суток подряд.

— Боже мой! — простонал он.

Хэл смотрел на него, не пытаясь что-либо сказать.

— Я стал нечистым, — сказал Джейсон. — Нечистым!

— Глупости, — возразил Хэл. Джейсон впился в него глазами, и Хэл заставил себя улыбнуться. — Припоминаю, что в молодости мне приходилось что-то слышать — да и ты, наверное, слышал — о грехе гордыни. С чего это ты взял, что совершил нечто особенное, подчинившись внушению подобного человека?

— Я проявил слабость в вере! — воскликнул Джейсон. — Я отвернулся от Бога и возлюбил этого приспешника сатаны, который говорил с нами.

— Нам всем до некоторой степени не хватает веры, — произнес Хэл. — Наверное, есть люди — и мужчины и женщины, — настолько твердые в своей вере, что он не смог бы совратить их. Когда-то у меня был учитель... Но ведь и все остальные, кто был с нами в комнате, поддались ему точно так же, как и ты.

— Но ведь ты же не поддался!

— Меня специально обучали. Вспомни, о чем я тебе только что говорил. Этот человек успешно воздействовал на вас тоже благодаря специальному обучению. Поверь мне, противостоять ему, не имея специальной подготовки, смог бы только исключительно выдающийся человек. А для имеющего такую подготовку это... достаточно несложно.

Джейсон снова тяжело, судорожно вздохнул.

— Мне очень стыдно еще и по другой причине, — мрачно сообщил он.

— По какой же? — удивился Хэл.

— Я решил, что ты шпион, подосланный ко мне презренными псами сатанинского отродья после

того, как они решили посадить меня под арест. Когда мы узнали о смерти Ховарда Иммануэльсона в зоне ожидания на одной из станций Коби от легочной болезни, то решили, что его документы затерялись. Предположение о том, что какой-нибудь другой поборник веры сможет найти и использовать их, сумев искусно скрыть это, и ни я и никакой другой человек не узнает об этом, выходило за рамки разумного. И кроме того, ты так быстро научился разговаривать с помощью пальцев. Поэтому я решил притвориться, что поверил тебе, и привести тебя в такое место, где другие братья и сестры из Детей Справедливого Гнева Божьего смогли бы допросить тебя. И выяснить, зачем тебя послали и что тебе известно про нас. — Он взглянул на Хэла горящими глазами. — А потом ты вытаскиваешь меня из ада, откуда я никогда бы не выкарабкался без твоей помощи. Тебе было бы незачем делать это, если бы ты был нашим врагом, одним из проклятых Богом. Как же я мог сомневаться в тебе, в том, что ты поборник веры?

— Очень даже легко, — возразил Хэл. — Если говорить о том, что я вытащил тебя из ада... Я лишь немного ускорил естественный процесс. Та форма внушения, которую испытал на себе

ты, воздействует только на тех людей, которые в, основном согласны с тем, что им внушается. У тех, кто не согласен, изменения в сознании, происшедшие под влиянием внушения, сохраняются недолго и постепенно пропадают под действием естественных чувств. Поскольку ты относишься к числу его непримиримых противников и ведешь с ним активную борьбу, то у него есть только один способ раз и навсегда положить конец этой борьбе — убить тебя.

— Так почему же он не сделал этого? — спросил Джейсон. — Почему он не убил всех нас?

— Потому что для него более выгодно делать вид, что он всего лишь открывает людям глаза на правильный жизненный путь, — ответил Хэл, сознавая, что произносит те слова, которые сказал бы сейчас на его месте Уолтер. Вообще-то Хэл не задумывался над этой стороной нынешней ситуации, но вопрос Джейсона вызвал совершенно очевидный ответ. — Даже его убежденные последователи чувствуют себя в большей безопасности, если их предводитель всегда выглядит правым и милосердным. То, что он проделал с нами там, вовсе не говорит о какой-то нашей особой важности. Это показывает важность — для него — тех двоих, что были вместе с ним. На

самом деле тех, кого вы называете сатанинскими отродьями, существует лишь небольшая кучка по сравнению с триллионами людей, живущих в четырнадцати мирах. У личностей, подобных ему, просто не хватило бы времени, чтобы заняться каждым человеком индивидуально, даже если бы им пришло в голову сделать это. Поэтому, как только представляется возможность, они используют тот же самый механизм коллективного воздействия, который применялся много веков тому назад, когда небольшое количество людей стремилось повелевать многими.

Некоторое время Джейсон сидел молча, пристально глядя на Хэла.

— Кто ты такой, Ховард? — наконец спросил он.

— Прости меня, этого я не могу сказать. — Помолчав секунду-другую, Хэл продолжал:

— Но я хочу сказать тебе, что, ты не обязан называть меня братом. Боюсь, я ввел тебя в заблуждение. Я не являюсь поборником веры в том смысле, в котором вы это понимаете. К какой бы организации ты и твои единомышленники ни принадлежали, у меня нет никаких связей ни с одной из них. Но я действительно скрываюсь от таких людей, как тот, о ком мы сейчас говорим.

— Тогда ты наш брат, — простодушно заключил Джейсон. Он взял со стола свою кружку и залпом осушил ее. — Мы, те, кого проклятые Богом называют Детьми, принимаем в свои ряды приверженцев любой секты. Ты отличаешься от нас ничуть не больше, чем мы друг от друга. Но я рад, что ты сказал мне это, потому что я должен буду рассказать о тебе остальным, когда мы их разыщем.

— А мы сможем их разыскать?

— Это не составит труда, — сказал Джейсон. — Я сейчас же встречусь здесь, в городе, с кем-нибудь, кому известно местонахождение ближайшего отряда Воинов Господа, и мы присоединимся к ним. Мы, поборники веры, по-прежнему контролируем сельские районы. Конечно, нас преследуют, но все, чего им удается добиться, — это заставить нас все время менять местоположение. Эти сатанинские отродья и их прихвостни верховодят только здесь, в городах.

Джейсон встал из-за столика.

— Ну что, пойдем? — предложил он.

Воздух на улице был сырым и холодным. Они отыскали будку связи и набрали на пульте код вызова такси-автомата. Поочередно, каждый раз меняя такси, они побывали в магазине готовой

одежды, в библиотеке и в спортивном зале, но ни в одном из этих мест Джейсон не встретил никого, кому мог бы довериться и попросить о помощи. Четвертая попытка привела их в небольшой гараж — мастерскую на северной окраине Цитадели.

Сам гараж представлял собой куполообразное временное сооружение, раскинувшееся в поле у границ города. Здесь городские дома уступали место небольшим земельным участкам для индивидуального фермерского хозяйства, которые городские жители могли получать в аренду сроком на год. Гараж как раз и занимал один из таких участков, но почва здесь была очень каменистой, и с первого взгляда становилось ясно, что ни о каком ее возделывании не может быть и речи. Внутри гаража, который едва отапливался, чувствовался сильный запах, слегка напоминающий запах банана. Его издавало масло, которое получали из местного дерева и использовали в качестве смазочного. Среди полуразобранных двигателей нескольких транспортных машин на воздушной подушке они увидели невысокого, коренастого и жилистого мужчину лет шестидесяти с лишним на вид, который разбирал задний опорный вентилятор четырехместного прогулоч-

ного вездехода.

— Хилари! — окликнул его Джейсон, когда они подошли ближе.

— А-а, Джейс, — отозвался тот, едва взглянув на них. — Ты когда вернулся?

— Вчера, — ответил Джейсон. — Проклятые Богом продержали нас целую ночь в своем специальном отеле. Это Ховард Иммануэльсон. Не поборник веры, но один из наших соратников. Он с Коби.

— С Коби? — Хилари еще раз посмотрел на Хэла. — А что ты там делал, на Коби?

— Был шахтером, — ответил Хэл. Хилари взял кусок чистой ветоши, обтер руки, повернулся к Хэлу и протянул ему свою крепкую ладонь.

— Долго?

— Три года.

Хилари кивнул.

— Люблю людей, умеющих работать, — одобрительно произнес он. — А вы оба сбежали?

— Нет, — сказал Джейсон. — Они выпустили нас. Но нам надо выбраться из города и попасть к своим. Кто из них сейчас поблизости?

Хилари посмотрел на свои руки, снова вытер их ветошью, затем выбросил ее в мусорный ящик.

— Рух Тамани, — ответил он. — Она идет со

своими людьми через горы выполнять какое-то задание. Ты знаешь Рух?

— Я встречался с ней, — сказал Джейсон. — Она — карающий меч Господа.

— Вы могли бы присоединиться к ним. Дать тебе карту?

— Да, спасибо, — поблагодарил Джейсон. — И если бы мог еще дать нам...

— Только одежду и снаряжение, это все, — прервал Хилари его вопрос. — Иметь дело с оружием становится слишком опасно.

— А не сможешь ли ты хоть подбросить нас поближе к ней?

— Ну конечно, я могу доставить вас прямо на место. — Хилари задумчиво оглядел Хэла. — С Джейсом-то у меня проблем не возникнет, а вот то, что я смогу предложить из одежды тебе, боюсь, будет слегка маловато.

— Давай примерим то, что у тебя есть, — предложил Джейсон.

Хилари повел их в отгороженную часть помещения. Пройдя через дверь, они попали в кладовую, где до самого потолка громоздились разнообразные контейнеры со всевозможными припасами. Хилари пробрался между штабелями ящиков и коробок к огромной куче, состоящей

из одежды и туристского снаряжения, и стал вытаскивать из нее отдельные предметы.

Минут двадцать спустя для обоих нашлось по комплекту прочной, добротной одежды и обуви, пригодной для прогулок по горам и лесам. Как и предполагал Хилари, доставшиеся Хэлу сорочка, куртка и нижняя рубашка оказались узкими в плечах и с короткими рукавами. Вся остальная одежда оказалась впору. Для Хэла подобрали и армейские горные сапоги подходящего размера.

— Ну а когда вы ели в последний раз? — спросил Хилари, после того как процесс экипировки завершился.

Ощущение голода стремительно ворвалось в сознание Хэла. Когда в камере он понял, что на получение еды в ближайшее время надеяться нечего, то рефлекторно заблокировал свою потребность в ней, причем весьма надежно: утром, сидя с Джейсоном в кафе, где ее можно было заказать, он даже и не вспомнил о ней.

— А мы вообще не ели ничего, с тех пор как сошли с корабля, — сообщил Джейсон.

— Ну, в таком случае мне, наверное, стоит вас покормить, а? — предположил, усмехаясь, Хилари. Они вышли из кладовой, и Хилари повел их в другой угол строения, где находились койка, ра-

ковина, оборудование для хранения продуктов и различные устройства для приготовления пищи.

Он приготовил им огромное количество еды: обжаренные овощи, местная баранина и хлеб. Запивали они ее предложенным в неограниченном количестве некрепким сладковатым пивом, которому по вкусу и аромату было очень далеко до одноименного напитка, вырабатываемого на Земле. Переполнившая желудок пища подействовала на Хэла не хуже снотворного, и как только он вместе с остальными оказался в потрепанном шестиместном фургоне военного образца, сразу же устроился поудобнее и заснул.

Разбудили его непрерывно повторяющиеся монотонные звуки. Взглянув в боковые окна, он понял, что это ветки хлещут по кузову машины, фургон двигался по очень узкой лесной дороге и едва проходил между кустами, растущими по обеим ее сторонам. Джейсон и Хилари, расположившиеся на переднем сиденье, вели, видимо, уже давно начатый разговор.

— ...Конечно, это их не остановит! — горячо доказывал Хилари. — Но если и существует на свете что-нибудь, на что эти сатанинские отродья хоть как-то реагируют, так это общественное мнение. Если Рух и, ее сподвижники сумеют позаботиться

о геостанции, то Иные окажутся перед выбором: либо посадить на голодный паек Хоуп, Вэливэйл и другие близлежащие города, либо перенести оснащение кораблей в центр на Южный Промис. Тогда им не придется создавать нового центра. Конечно, это всего лишь временная палка в их колесо, но чего еще мы можем сейчас требовать?

— Мы можем требовать победы, — ответил Джейсон.

— Господь позволил дьявольским отродьям добиться контроля над нашими городами, — сказал Хилари. — Всевышний освободит нас от них в свой урочный час. А до тех пор мы должны доказывать свою верность Ему.

Джейсон вздохнул.

— Послушай, Хилари. Иногда я забываю, что ты такой же пожилой человек, как и другие, когда речь заходит о чем-нибудь таком, что выглядит как проявление Божьей воли.

— Ты еще мало пожил на свете, — сказал Хилари. — Тебе кажется, что все вокруг зависит от тех событий, которые произошли в течение немногих лет твоей жизни. Когда ты станешь постарше и приглядишься ко всем четырнадцати мирам, то поймешь — час Страшного Суда уже близок. Наша раса состарилась и погрязла в грехе. В каждом из

миров все рушится и приходит в упадок. И появление здесь Иных, стремящихся сделать каждого из нас скотиной в своем личном стаде, — это еще один знак приближения Судного Дня.

Джейсон покачал головой.

— Я не могу принять такую позицию, — возразил он. — Мы должны были бы оставить все надежды, если в них нет смысла.

— В них есть смысл, — сказал Хилари, — в практическом понимании. Вынуждая эти отродья перенести осуществление своих планов в другой центр, мы способствуем задержке их выполнения. И кто знает, может быть, именно эта задержка является частью плана Господа в его подготовке к великому и последнему сражению.

Внезапно ветки перестали задевать за кузов и окна фургона. Он вынырнул на открытое пространство, поросшее только высокими, раскидистыми хвойными деревьями, разновидностями каких-то земных пород. Они стояли на значительном расстоянии друг от друга на неровной скалистой поверхности, не покрытой ничем, кроме редких пятен зеленого мха да опавших и уже порыжевших хвойных иголок. Здешнее солнце, которое Хэл впервые увидел с момента своего появления на Гармонии, пробивалось сквозь густую

массу светлых и темных облаков; в некоторых местах их сплошную пелену разрывали порывы ветра, и в этих разрывах сиял удивительно яркий голубой свет. Ветер покачивал фургон, и тут Хэл впервые сообразил, что значительную часть пути они проделали, поднимаясь в гору. Окружающий ландшафт и характер растительности подтверждали, что сейчас они находятся значительно выше Цитадели. Хэл выпрямился на своем сиденье.

— Ну как ты там, жив? — спросил Хилари.

— Жив, — коротко ответил Хэл.

— Через несколько минут мы будем на месте, — сообщил Джейсон. — Знаешь, Ховард, давай сначала я поговорю с Рух насчет тебя. В конце концов, это она будет решать, принимать тебя в отряд или нет. Если она не захочет, мы вернемся обратно и вместе подождем, пока Хилари найдет такую группу, которая согласится взять к себе нас обоих.

— Учтите, в городе вам придется позаботиться о себе самим, — предупредил Хилари. — Я не смогу оставить вас в гараже. Ваше пребывание там было бы наверняка замечено, а это небезопасно.

— Да, мы знаем, — сказал Джейсон.

Фургон еще некоторое время поднимался вверх,

а затем, перевалив через вершину, стал довольно круто спускаться вдоль напоминающей гигантский овраг расселины, словно прорезанной в склоне ножом. Метрах в двадцати внизу лежала долина, которую пересекал ручей, едва заметный среди разросшихся по его берегам невысоких деревьев, покрытых густой зеленое хвоей. Фургон скользнул по склону на дно долины, лавируя между деревьями, и остановился невдалеке от ручья. Сверху Хэл не замечал признаков присутствия здесь людей или наличия каких-либо укрытий, а теперь они очутились в самой середине раскинувшегося вокруг маленького лагеря.

Солнечный свет, прорвавшийся на минуту сквозь разрыв в облаках, осветил несколько палаток, похожих на пчелиные ульи высотой в рост человека. На их окрашенных в оливковый цвет стенках и крышах были укреплены ветки деревьев для дополнительной маскировки. Посредине открытого пространства Хэл увидел сидящего на камне седого мужчину с наполовину разобранным — видимо, для чистки — конусным ружьем в руках. На чистой тряпке, разостланной на коленях, лежали детали ружья. Стоящая перед ним высокая, стройная молодая женщина повернулась лицом к фургону. На ней была тем-

но-зеленая армейская куртка, многочисленные прямоугольные карманы которой, видимо основательно заполненные, сильно оттопыривались. Плотные темно-коричневые брюки были заправлены в короткие сапоги. Тонкую талию туго перехватывал ремень портупеи; висящая на нем большая кобура с опущенным и наглухо застегнутым клапаном заметно оттягивала его вниз.

Коротко стриженные черные волосы, узкое смуглое лицо с широкими бровями и темными блестящими глазами — все делало ее облик гармоничным, близким к совершенному.

Поэтическое воображение Хэла снова пробудилось, и ему в голову пришла мысль, что эта женщина подобна темному клинку меча, освещенному солнцем. Но в следующий момент ему пришлось резко переключить свое внимание. Несколькими молниеносными движениями седоволосый поставил на место лежавшие у него на коленях детали ружья и резким толчком вставил в паз расположенного под стволом магазина новый рожок с конусами. Он проделал все почти так же быстро, как делал Малахия, когда обучал Хэла этому искусству. Конечно, движениям этого человека не хватало плавности и непрерывности действий Малахии, но в скорости он почти не

уступал ему.

— Все в порядке, — сказала женщина в армейской куртке. — Это Хилари.

Напряжение рук седого, сжимавших готовое к бою ружье, ослабло. Но оно по-прежнему лежало у него на коленях, поверх тряпки, и ствол был направлен в сторону неожиданно появившихся посторонних.

— Я привез вам парочку новобранцев, — сообщил Хилари таким спокойным тоном, будто сидящий на камне человек держал в руках сливочное полено. Он двинулся вперед, следом да ним Джейсон, последним — Хэл.

— Это Джейсон Роу, — начал говорить на ходу Хилари. — Возможно, вы его знаете. Второй — не поборник веры, но наш друг. Это Ховард Иммануэльсон, шахтер с Коби.

К тому моменту, когда Хилари закончил представлять прибывших, он оказался метрах в двух от женщины и седого человека с ружьем. Хилари остановился. Женщина взглянула на Джейсона, коротко кивнула, затем перевела свой пристальный взгляд на Хэла.

— Иммануэльсон? — переспросила она. — Я Рух Тамани. Это мой заместитель, Иаков Дитя Господа.

Хэл взглянул на седого заместителя. Угловатое, худое лицо, обтянутое иссеченной ветрами и дождями, опаленной солнцем сухой, огрубевшей кожей. Морщины, лучами расходящиеся от уголков его глаз, глубокие складки вокруг рта, идущие от носа к подбородку, и поблекшие голубые глаза, впившиеся в Хэла, — все это было как стволы наведенных на него заряженных ружей.

— Тот, кто не является поборником веры, — произнес он глуховатым тенором, — не имеет права быть среди нас.

Глава 16

Несколько мгновений все молчали.

— Он не такой поборник веры, как мы, — пояснил Джейсон, — но он враг сатанинских отродий, и они преследуют его; значит, он наш союзник.

Рух посмотрела на него:

— А ты?

— Все последние восемь лет я трудился во имя веры, — ответил Джейсон. — Я был одним из Воинов в Чарити-Сити даже тогда, когда учился в колледже. Потом, в разное время, я сражался в отрядах Колэмбайна и Оливера Маккоичена.

Он повернулся и кивнул в сторону Хилари.

— Об этом известно Хилари. Он знает меня.

— Это верно, — подтвердил Хилари. — Все, что он говорит, — правда. Я знаю его уже больше пяти лет.

— Но ты не знаешь того, другого, — сказал Иаков Дитя Господа.

— Он сообщил, что был шахтером на Коби, — продолжал Хилари. — Я пожал ему руку и почувствовал на ладони мозоли от резака. А шахты Коби — единственное место во всех четырнадца-

ти мирах, где до сих пор работают лазерными резаками.

— Он может быть шпионом. — Голос Иакова Дитя Господа оставался спокойным и ровным.

— Он не шпион. — Иаков повернулся к Рух Тамани. — Могу я поговорить о нем с тобой наедине?

Она внимательно посмотрела на него.

— Ты можешь поговорить наедине с нами обоими, — ответила она. — Идем, Иаков.

Она повернулась и пошла. Иаков Дитя Господа поднялся, по-прежнему не выпуская из рук конусного ружья, и вместе с Джейсоном двинулся за ней на край поляны. Там они остановились и начали разговаривать.

Хэл ждал. Он встретился взглядом с Хилари, и тот едва заметно улыбнулся, возможно, стараясь приободрить его. Хэл тоже улыбнулся в ответ.

К нему вернулось прежнее, хорошо знакомое чувство незащищенности и одиночества. Он ощутил его так же резко, как легко одетый человек, вдруг оказавшийся на улице в ненастную погоду, начинает дрожать от холода и пронизывающего ветра.

Внезапно его вернул к действительности тот факт, что разговор в дальнем конце поляны за-

кончился. Джейсон и Иаков Дитя Господа шли обратно, в его сторону. Рух Тамани осталась там, где стояла во время разговора с ними. Она позвала его, ее звонкий голос был хорошо слышен через всю поляну.

— Подойди ко мне, пожалуйста.

Он подошел и остановился в метре от нее.

— Джейсон Роу сообщил нам все, что знает о тебе, — сказала она. Ее взгляд был пронзительным, но не жестким, глубина темно-карих глаз казалась бездонной. — Он верит тебе, но он может ошибаться. Нет никаких доказательств того, что ты не шпион. А Иаков очень этого опасается.

Хэл кивнул.

— Ты можешь как-нибудь доказать нам, что ты не шпион, подосланный Иными либо милицией?

— Нет, — ответил он.

— Я не имею права рисковать своими людьми, если это может обернуться опасностью для нас. Ты — один, а нас много, и то, что мы делаем, — важно.

— Это я тоже знаю, — сказал Хэл.

Рух смотрела на него изучающим взглядом. Ее лицо было подобно ее глазам — не настороженное, но в то же время непроницаемое, не дающее

ни малейшего намека на то, о чем она думает. Он поймал себя на мысли о том, как хороша она, стоящая вот так, в лучах солнечного света.

— Те из нас, кто взял в руки оружие, чтобы сражаться против Иных и их рабов, — сказала она, — считают доказательствами не только документы. Если бы это было не так, мы бы не находились здесь, воюя с ними. Джейсон говорит, что ты даже не открыл ему свое подлинное имя. Это правда?

— Да, — ответил он. — Это правда.

Она снова молча смотрела на него секунду-другую.

— А мне ты не хочешь рассказать о себе и о том, как получилось, что ты оказался здесь? — спросила она после паузы. — Если ты расскажешь и я поверю тебе, то мы, возможно, позволим тебе остаться с нами.

Он колебался. Первое и самое главное правило из всех, какие ему внушали на тот случай, если ему придется скрываться — а именно это он и делал в последние годы, — держать в тайне свое подлинное имя. И в то же время что-то в его душе — возможно, вновь пробудившееся поэтическое начало — настойчиво призывало его любой ценой остаться здесь, с Рух и всеми ее людьми. Он

вспомнил Авдия.

— Одним из тех, кто вырастил и воспитал меня, — сказал он, — был человек по имени Авдий, родом отсюда, со Старого Континента Гармонии. Однажды он заявил, имея в виду меня: «Мой народ никогда тебя не выдаст». Он говорил о людях, подобных вам, о том, что вы не выдадите меня Иным. Я хочу знать: могли бы вы выдать меня в том случае, если примете к себе? Можешь ты представить себе такие обстоятельства, при которых вы выдали бы меня?

Она смотрела на него широко открытыми глазами.

— Ты ведь не с Гармонии и не с Ассоциации, верно?

— Верно, — ответил он. — Я с Земли.

— Я так и подумала. Вот почему ты не понимаешь. На обеих наших планетах найдутся люди, которые могли бы выдать тебя Иным. Но мы не берем их в расчет. И Бог не берет их в расчет. Если мы примем тебя в свой отряд, то даже ради спасения всех остальных наших бойцов мы не выдадим тебя, точно так же как не выдали бы никого другого. Я объясняю это тебе только потому, что ты — не один из нас; и это не твоя вина, что приходится объяснять тебе то, что не

нуждается ни в каких объяснениях. Какая была бы польза от нас и от всего того, что мы делаем, если бы мы принадлежали к тем, кто способен купить свою безопасность или победу ценой хотя бы одной-единственной живой души?

Он снова кивнул, на этот раз очень медленно.

— Этот твой Авдий, — заговорила она снова, — был твердым поборником веры?

— Да.

— И ты хорошо его знал?

— Да, — повторил Хэл. И, воскресив в памяти образ Авдия, снова, несмотря на прошедшие годы, почувствовал, как у него сдавило горло.

— Тогда ты должен понимать то, что я тебе говорю.

Он справился со спазмом в горле и еще раз посмотрел ей в глаза. Они были не такими, как глаза Авдия, но в то же время похожими на них. А Авдий никогда бы его не предал.

— Я расскажу тебе все, — произнес он, — если этого не будет знать никто, кроме тебя.

— Нет, не будет, — ответила Рух. — Если твой рассказ меня убедит, то всем остальным вполне хватит моего ручательства за тебя.

— Ну, тогда слушай.

Стоя рядом с ней на краю поляны, он поведал

ей все, начиная со своих смутных детских воспоминаний и кончая теми событиями, которые привели его к ним. Когда он стал описывать смерть Авдия, Уолтера и Малахии, у него снова перехватило горло, и несколько секунд он молчал, не в силах произнести ни слова. Когда голос вернулся к нему, он продолжил свой рассказ.

— Да, теперь я понимаю, почему ты не хотел говорить обо всем этом, — сказала она, дослушав его до конца. — Скажи, а почему твои учителя были так уверены, что Иные, узнав о твоем существовании, обязательно решат тебя уничтожить?

— Уолтер объяснял это с позиций онтогенетики. Тебе знакомо это экзотское научное направление?

Она кивнула.

— Некоторые из Иных являются экзотами по происхождению, и им известно, что, согласно онтогенетическим расчетам, я могу стать проблемой как для них самих, так и для того, чего они стремятся добиться. Поэтому они постараются убрать меня. Но если мне удастся уцелеть до тех пор, когда я стану достаточно взрослым, чтобы противостоять им, то я не только сумею сам защитить себя, но и смогу помочь остановить их.

— Понимаю. — Темные глаза Рух почти светились в солнечных лучах. — Если верить тебе — а я верю, — ты тоже карающий меч Господа, только на свой лад. — Она улыбнулась ему. — Мы берем тебя. Пошли.

Она повела его через поляну обратно к ожидавшим их Иакову, Хилари и Джейсону.

— Начиная с этого момента Ховард Иммануэльсон — член нашего отряда, — сообщила она, обращаясь к Иакову. Затем, повернувшись к Джейсону, добавила:

— И ты, конечно, тоже, если ты сам этого хочешь.

— Да, хочу, — ответил Джейсон. — Спасибо.

— Если тебе знакома жизнь воина — а судя по твоим словам, она тебе знакома, — то ты должен знать, что благодарить тут почти не за что. — Она снова повернулась к Иакову:

— Иаков, я приняла Ховарда в наши ряды потому, что он рассказал мне нечто такое, чего я не могу сообщить ни тебе, ни другим. Но я заявляю тебе, что полностью доверяю ему.

Взглядом голубых глаз, твердых, как сапфиры, Дитя Господа буквально буравил Хэла.

— Пусть будет так, если это говоришь ты, Рух, — медленно произнес он и добавил, обращаясь к

Хэлу:

— Ховард, следующий, кто здесь командует после Рух, это, я. И ты должен всегда помнить об этом.

— Хорошо, — кивнул Хэл.

— Хилари, ты не останешься пообедать с нами? — предложила Рух.

— Спасибо, Рух, — поблагодарил Хилари, — но у меня много работы в мастерской, не говоря уж о том, что я сегодня дважды пропустил время молитвы, пока перевозил к тебе сюда этих людей.

— Но у нас будет молитва перед обедом.

— Ну как же, знаю, два раза в день, утром и вечером, — с ноткой сарказма изрек Хилари.

— И это все?

— Наступит день, и Господь предъявит тебе и твоим людям свой счет, Рух.

— Он предъявит свой счет каждому из нас, — отозвалась она.

— А ты решила теперь поступать по-новому и заменять молитвы своими боевыми действиями, так, что ли? — Хилари вздохнул и перевел взгляд на Дитя Господа:

— Ну а как твоя душа чувствует себя, когда ты молишься всего два раза в день?

— Я молюсь тогда, когда позволяет Бог, — отве-

тил, слегка гнусавя, Иаков. — Я привык делать это по шесть раз в день или чаще. Но важно то, что человек обращается к Богу, а преклоняет ли он при этом колени и складывает ли руки в молитвенном жесте, это не так важно. А наша Рух воистину служит Богу. — Его глаза, устремленные на Хилари, сверкнули. — Или ты хочешь сказать, что это не так?

— Нет, я не хочу этого сказать, — спокойно произнес Хилари. — И ты отлично знаешь это. Но может наступить время, когда в этих двух мирах, от которых когда-то ждали очень многого, совсем забудут о соблюдении регулярных часов молитвы. А если так случится, то не станет ли это доказательством того, что мм все-таки пошли следом за сатанинскими отродьями?

— Оставаться обедать или нет — решать тебе, Хилари, — сказала Рух. — Во всяком случае, нам было бы приятно видеть тебя за нашим столом. Но мы живем слишком близко к той грани, которая проходит между жизнью и смертью, чтобы обсуждать в нашем лагере вопросы соблюдения религиозных канонов.

Хилари пожал плечами.

— Прости меня, Рух. Я, наверное, старею. А когда превращаешься в старика, становится больно ви-

деть, как твои соплеменники отворачиваются от Бога, и вспоминать молодость и наши надежды на то, что наступит день, когда все начнут признавать учение Господа и жить по его законам. Ну хорошо, хорошо, я больше не буду говорить об этом. Спасибо за приглашение, но и не могу остаться на обед. Как ты думаешь, когда вы уйдете из этих мест?

— Скоро. А что, есть кто-нибудь еще, кого ты хочешь привезти к нам?

— Нет. Я просто хотел знать на всякий случай.

— Через два дня. Нам надо пройти еще через один район, чтобы собрать дополнительное количество компонента. Затем мы уйдем оттуда, чтобы запастись всем необходимым и подготовиться. — Рух повернулась к Джейсону. — А ты, Джейсон, проведи Ховарда по лагерю и расскажи ему о наших порядках. Представь его и представься сам остальным бойцам отряда. А затем возвращайтесь к палатке, где находится кухня. Вы поможете тем, кто там сегодня дежурит. Джейсон, тебе приходилось иметь дело с ослами?

— Да, — кивнул Джейсон.

— Тогда ты сможешь нам помочь сразу же, как только мы свернем лагерь и двинемся в путь. А в последующие дни попробуй научить Ховарда

обращаться с животными так же, как умеешь это делать сам. — Она повернулась к Хилари:

— А теперь, Хилари, мы все намерены приняться за работу. Если нам повезет, мы снова пройдем по этим местам еще до конца года.

— Удачи тебе, — сказал Хилари. Они обнялись.

— И вам всем удачи, — сдержанно добавил Хилари, посмотрев поочередно на Дитя Господа, Джейсона и Хэла, затем зашагал к своему фургону. Он сел в кабину и через несколько секунд, запустив вентиляторы, поднял машину на подушку. Еще через секунду она развернулась на месте, нырнула в гущу деревьев, стала взбираться вверх по склону и вскоре скрылась из виду. Рух, повернувшись к Иакову, начала что-то обсуждать с ним. Хэл почувствовал прикосновение к своему локтю. Обернувшись, он увидел перед собой Джейсона.

— Пошли, Ховард, — сказал Джейсон и повел его в дальний конец поляны, к деревьям у ручья.

Глава 17

Во время прогулки с Джейсоном по территории лагеря Хэла поразила крайняя бедность. Внешним видом и мужчины и женщины из отряда Рух напоминали ему скорее обыкновенных беженцев, чем бойцов-партизан. Их старые палатки, похожие на пчелиные ульи, пестрели многочисленными заплатами, так же как и одежда; инструменты и разнообразная утварь носили следы длительного использования.

Облику беженцев не соответствовало лишь наличие у этих людей оружия, однако оно едва ли улучшало общую безотрадную картину. С оружием в руках они походили то ли на сборище пооборвавшихся дезертиров, то ли на компанию впавших в нищету охотников. Всего их насчитывалось, наверное, несколько десятков человек. Очутившись среди деревьев, Хэл понял, что, оценивая численность отряда на первых порах, явно занизил ее, поскольку большинство палаток стояло в самой гуще зелени, так чтобы они не просматривались сверху, с края ложбины, ведущей в долину.

Ему встречались люди самого разного возраста — от юношеского до вполне зрелого, однако детей и стариков он не видел. Каждый, мимо кого они проходили, оборачивался и смотрел им вслед. Некоторые при этом улыбались, но большинство просто провожало их взглядами — не то чтобы подозрительными, но все же таящими в себе изрядную долю настороженности.

Пройдя ярдов сто, они вышли на участок леса, где деревья росли достаточно редко, так что землю между ними освещал солнечный свет, а вверху, в, просветах между деревьями, виднелись пятна чистого неба.

Среди деревьев, каждый на отдельной привязи и на достаточном расстоянии друг от друга, паслись ослы. Джейсон подошел к ближайшему животному, погладил его по голове, осмотрел зубы, провел ладонью по спине и по бокам.

— В хорошей форме, — сказал он, отступив назад. — Должно быть, в последнее время милиция не очень тревожила отряд Рух. — Он взглянул на Хэла. — Тебе когда-нибудь раньше случалось видеть ослов?

— Один раз, — ответил Хэл. — На Земле их до, сих пор держат в парках, чтобы устраивать верховые прогулки для посетителей.

— А ты сам совершал такие прогулки, имел дело с этими животными? — спросил Джейсон. Хэл покачал головой.

— Я только видел их, ну и, конечно, читал о них, когда учился. Но насколько я понимаю, у них много общего с лошадьми.

Джейсон рассмеялся:

— А нам-то какая от этого польза?

— Видишь ли, я подумал, что поскольку мне приходилось иметь дело с лошадьми, то мои навыки обращения с ними могут и в данном случае оказаться полезными.

Джейсон в изумлении уставился на него.

— Когда же это тебе удалось так долго пробыть на Земле, что ты успел научиться обращаться с ними?

Хэл вдруг почувствовал себя неловко.

— Прости меня, — сказал он. — В конце концов, мне пришлось рассказать Рух гораздо больше, чем ты знаешь обо мне, но я по-прежнему не могу ничего добавить к тому, что тебе уже известно. Просто я на минуту забыл об этом. Короче говоря, я ездил на лошадях верхом и ухаживал за ними.

Джейсон удивленно посмотрел на него.

— В самом деле? — недоверчиво спросил он. — И это были не какие-нибудь специально

выведенные подвиды, а настоящие, полноценные лошади?

— Да, — кивнул Хэл.

У него совершенно вылетело из головы, что многие млекопитающие Земли ни большинстве других планет не смогли полностью акклиматизироваться. Причины этого до сих пор оставались не раскрытыми до конца, однако существовали некоторые указания на то, что, в отличие от людей, животные даже высших классов обладают меньшей приспособляемостью к непривычным для них внешним условиям, в частности к иным, чем земные, солнечным и лунным циклам, а также и к другим циклам, вызывающим изменения в их биоритмах. И чем крупнее были животные, тем менее успешно шел процесс продолжения их рода во внеземных условиях; точно так же, как когда-то многие дикие животные практически не размножались в зоопарках на Земле. Вот поэтому лошади, в отличие от ослов, почти не были известны на других мирах, за исключением Дорсая, где они почему-то прекрасно прижились.

— Ты смыслишь что-нибудь в упряжи и в устройстве вьюков?

Хэл кивнул:

— Я часто уходил в горы в одиночку, брал с

собой только двух лошадей — верховую и вьючную.

Джейсон облегченно вздохнул и улыбнулся:

— Рух обрадуется, когда услышит это. Тогда взгляни на этих ослов и скажи, что ты о них думаешь.

Они вместе осмотрели весь табун. На взгляд Хэла, они находились в хорошем, если не в отличном, состоянии.

— Но если бы эти животные принадлежали мне, там, на Земле, я кормил бы их зерном или вводил в рацион протеиновые добавки.

— Здесь нет такой возможности, — ответил Джейсон на эту реплику Хэла. — Они вынуждены существовать в тех же условиях, что и бойцы отряда, — бродить в глуши и питаться чем придется.

День уже клонился к вечеру, и пришло время кормить людей второй — и последний — раз; пищу в отряде давали дважды в день.

— Здесь встают на рассвете и ложатся спать сразу после захода солнца, — пояснил Джейсон, когда они шли обратно к главной поляне. — На завтрак собираются, как только станет достаточно светло; обед же бывает перед наступлением сумерек. Если мы отправимся в более высокие

широты, где в летнее время день длится по шестнадцать часов, режим, конечно, изменится.

— А сейчас весна, верно?

— Да. В низинах до сих пор еще сыро и грязно.

Кухней оказалась просто большая палатка под деревьями в дальнем конце поляны. Там находились запасы продуктов и несколько установок для приготовления пищи, работающих на энергетических аккумуляторах. Рядом с палаткой располагался ряд опор для баков, из которых раздавали еду. Заправляли всем четверо — повар, худенькая белокурая девушка лет пятнадцати, и трое ее помощников гораздо более почтенного возраста: мужчина и две женщины, которым было явно за сорок. Подготовка к раздаче обеда почти закончилась, и в неподвижном вечернем воздухе витали аппетитные кулинарные ароматы. Джейсону и Хэлу поручили выносить из кухни большие пластиковые баки, до краев заполненные только что приготовленной пищей, и устанавливать их на опоры.

К тому моменту, когда они справились с этой задачей, установив в конце линии последний бак — с местным напитком, именуемым кофе, — бойцы отряда, каждый со своим подносом, уже начали выстраиваться в очередь за получением

обеда.

Они двигались вдоль раздаточной линии мимо баков, из которых им накладывали и наливали кушанья трое помощников повара вместе с Джейсоном и Хэлом. Хэл, орудуя большущим половником, черпал из бака и раскладывал по тарелкам нечто, напоминающее густую серовато-коричневую кашу примерно такой же консистенции, как начинка для фаршированной индейки. Справа от него Джейсон наделял бойцов чем-то вроде подливки или соуса, обильно поливая сверху то, что накладывал в тарелки Хэл.

Когда последний из тех, кто пришел на обед, получил все, что ему полагалось, пришло время утолить голод и помощникам вместе с Джейсоном и Хэлом. Повар, которую звали Тэлла, положила себе буквально по капле каждого из только что приготовленных ею блюд и направилась со своим подносом в палатку-кладовую, чтобы там спокойно поесть.

Наполнив едой тарелки, Джейсон и Хэл отошли со своими подносами от раздаточной линии в поисках уютного местечка, где можно было бы присесть и с аппетитом пообедать.

— Ховард! Подойди, пожалуйста, сюда. Я хочу поговорить с тобой.

Звонкий голос Рух заставил его обернуться. Она и Дитя Господа расположились со своими подносами на краю поляны метрах в двадцати от него. Рух сидела на толстом стволе поваленного дерева, а Иаков примостился на его пне. Подойдя к ним, Хэл сел рядом на землю, скрестил ноги и поставил поднос себе на колени.

— Джейсон ведь провел тебя по лагерю, верно? — поинтересовалась Рух. — Ты давай ешь. Мы все будем есть и одновременно разговаривать.

Хэл принялся уплетать похожее на кашу блюдо, которым только что угощал всех, стоя на раздаче, — оно и по вкусу несколько напоминало начинку для индейки. Он заметил, что на подносе Иакова находилась всего одна тарелка с едой — это была жидкая похлебка, состоящая в основном из свежих овощей.

— Да, — ответил он на вопрос Рух, — мы прошли через весь лагерь и осмотрели ослов. Джейсон, кажется, считает, что мой опыт обращения с лошадьми, полученный на Земле, может пригодиться.

Брови Рух поползли вверх.

— Безусловно. — Предсказание Джейсона сбылось, эта новость ее явно обрадовала. — Как я и обещала тебе, — продолжала она, отложив в

сторону вилку, — из того, что ты мне рассказал, я ничего не передала никому, в том числе и Иакову. Тем не менее он, как мой заместитель, должен так же, как и я, знать, в какой мере ты можешь быть нам полезным. Поэтому я попросила его поучаствовать в нашем разговоре.

Хэл, который в это время ел и одновременно слушал, кивнул головой. Содержимое тарелки оказалось не таким безвкусным и диковинным, как он предполагал, когда помогал раздавать пищу, а никогда не покидающий его аппетит делал кушанье более чем съедобным.

— Я вижу, ты не носишь с собой ничего похожего на оружие, — начала Рух. — Даже с учетом того, что ты рассказал мне, я должна спросить, нет ли у тебя каких-либо возражений против применения оружия?

— Никаких принципиальных возражений у меня нет, — ответил Хэл. — Однако я должен быть с вами откровенным. Я знаком со многими видами оружия и умею обращаться с ними. Но мне ни разу в жизни не приходилось применять его по прямому назначению. И я не знаю, как поведу себя, если возникнет ситуация, которая потребует от меня это сделать.

— Никто не знает, — сказал Иаков. Хэл посмот-

рел на него и встретил взгляд внимательных, изучающих глаз. Это был не тот пронизывающий, стремящийся проникнуть в самую душу взгляд жестких голубых глаз, который он уже испытывал на себе, — на этот раз взгляд казался слишком уж открытым. Странно, но Иаков смотрел на него с такой откровенной, непоколебимой искренностью, какую иногда можно заметить только во взгляде очень маленьких детей. — Вот когда встретишь врага лицом к лицу во время боя, тогда узнаешь. А до тех пор об этом знает только Бог.

— Какое оружие тебе знакомо? — поинтересовалась Рух.

— Конусное ружье, игольное ружье, все разновидности энергетических ружей, палицы, кинжалы и ножи, топор, праща, копье, дротик, лук, арбалет, цепи... — Хэл замолчал, вдруг осознав, что перечень и так уже получился слишком длинным. — Но, как я говорил, мне приходилось держать в руках все это оружие только во время тренировок. В молодости я считал, что все мои упражнения с оружием — просто одна из разновидностей спортивных игр.

Иаков медленно повернул голову и посмотрел на Рух. Рух ответила на его взгляд.

— У меня есть основания верить тому, что мы

сейчас услышали от Ховарда, — сказала она.

Иаков снова перевел взгляд на Хэла, но затем его внимание переключилось на Тэллу, которая внезапно возникла сбоку от него.

— Дай мне свой поднос, — велела девушка, протягивая руку. — Я принесу тебе еды.

— Нет, — решительно возразил Иаков. — Я знаю тебя и твои попытки ввести меня в грех.

— Я только хотела снова налить тебе похлебки, питаясь которой, ты надеешься остаться в живых, — пояснила Тэлла. — Если ты хочешь заработать себе авитаминоз и умереть от него — это твое дело. Мне-то зачем об этом печалиться? Мы в любой момент найдем себе нового заместителя командира.

— Ты меня не проведешь. Я знаю все твои штучки. Ты снова добавишь в пищу то, чего я не должен есть. Я уже не раз ловил тебя на этом, Тэлла.

— Ну тогда ты точно умрешь! — воскликнула Тэлла. Хэл видел, что она и в самом деле не на шутку взволновалась. — Давай, умирай!

— Уймись, — сказала ей Рух. Тэлла повернулась к ней.

— А почему ты не прикажешь ему, чтобы он ел? Он стал бы есть какую-нибудь приличную пищу,

если бы ты ему приказала.

— Это так, Иаков? — спросила Рух.

— Нет, — покачал головой тот.

— Он стал бы, если бы ты приказала ему по-настоящему.

— Уймись, — повторила Рух. — В случае необходимости, Иаков, я буду вынуждена приказать тебе есть пищу, которую ты считаешь греховной. Но сейчас ты мог бы, по крайней мере, есть достаточное количество приемлемой для тебя пищи. Если я сама наполню твою тарелку, ты поверишь, что там не окажется ничего того, чего ты не положил бы туда сам?

— Тебе-то я, конечно, верю, — проворчал Иаков. — Как же может быть иначе?

— Хорошо, — кивнула Рух.

Она встала, взяла поднос у него из рук и направилась к раздаче. Рух прошла примерно половину пути, когда Иаков вскочил на ноги.

— Ну зачем же я буду ждать! — крикнул он и поспешил вслед за ней. Он нагнал Рух, и они вместе подошли к пищевому баку с его заветной похлебкой.

— Ох уж эти мне древние пророки! — с негодованием воскликнула Тэлла, повернувшись к Хэлу. Она несколько мгновений пристально

смотрела на него, потом вдруг неожиданно улыбнулась. — Ты не понимаешь?

— Я должен понять, — ответил Хэл. — Я чувствую, что должен во всем этом разобраться, но пока не понимаю.

— Это потому, что таких, как он, осталось уже немного, — сказала Тэлла. — Ты где вырос?

— Не на Гармонии, — уклончиво ответил Хэл.

— Тогда понятно. Ассоциация — это едва ли тот мир, который достоин Бога. Иаков... Послушай, ты только в глаза не называй его Иаковом.

— А что, мне нельзя?

— Никто из нас не обращается к нему так, кроме Рух. Он все-таки один из тех, кто до сих пор соблюдает правила, действовавшие в большинстве сект в те времена, когда мы были столь бедными, что питались растениями, чтобы выжить. А все, что выходило за рамки необходимого для выживания, считалось кощунственным и противоречащим воле Господа. Сейчас нет никаких внешних причин, которые вынуждали бы его следовать этой старинной диете. Можно подумать, что Бог не простил бы ему одного маленького шага в сторону от праведного пути, после того как он сражался за веру всю свою жизнь, не говоря уж о том, что он сам называет себя одним из Божьих

Избранников.

Хэл вспомнил, что провозгласившие себя Божьими Избранниками в любой секте на Гармонии или Ассоциации считались несомненно посланцами Провидения независимо от образа их жизни, просто по той причине, что они были специально отобраны Богом.

— А мы не можем, мы просто не можем постоянно доставать необходимые ему овощи, потому что все время находимся в движении. Из того, что нам удается раздобыть, невозможно составить для него полную и сбалансированную диету. Рух должна положить этому конец и приказать ему есть.

— А почему она не сделала этого до сих пор? — Хэл попробовал свою порцию овощной похлебки — того единственного кушанья, которое находилось на подносе Иакова. Еда показалась ему странной на вкус, сильно наперченной и сдобренной какими-то незнакомыми приправами. Есть ее было можно, но без особого удовольствия.

— Потому что и в этом случае он винил бы себя за нарушение правил питания, даже если бы это произошло не по его вине... Вот они возвращаются! Теперь, по крайней мере, его поднос заполнен как следует.

Тэлла ушла. Рух и Дитя Господа снова заняли прежние места.

— Перед нами стоят две задачи, — сообщила Рух, обращаясь к Хэлу. — В ближайшие месяцы мы попробуем их выполнить, постаравшись одновременно уклониться от столкновений с милицией и покрыть за это время расстояние в пару тысяч километров по территории континента. Если милиция нас все же выследит, я надеюсь, что ты станешь с ней сражаться; если не выследит, я надеюсь, что ты будешь работать наравне со всеми остальными членами отряда, то есть изо всех своих сил, начиная с того момента, как проснешься утром, и до тех пор, пока не повалишься на свою постель вечером Мы же постараемся досыта кормить тебя и сохранить твою жизнь и свободу. В этом отряде, как и во всех остальных, за которыми охотятся рабы Иных, не существует ни праздничных дней, ни свободного времени. Борьба за выживание требует отдавать ей все время без остатка. Ты понимаешь, на что хочешь себя обречь?

— Думаю, что да, — ответил Хэл. — Во всяком случае, если бы я попытался выжить здесь в одиночку, то оказался бы в гораздо более тяжелых условиях, чем те, которые ты обрисовала.

Рух кивнула:

— Пожалуй, это верно. Но есть еще два момента. Первый. Я рассчитываю на твое незамедлительное и беспрекословное подчинение любому приказу, который ты получишь от меня или от Иакова. Ты согласен?

— Одним из первых усвоенных мной правил поведения стало правило повиноваться, когда это необходимо, — произнес Хэл.

— Очень хорошо. Второй момент. Джейсон и раньше состоял в отряде, а кроме того, он поборник веры. Ты увидишь, что в течение последующих нескольких недель он найдет свое место среди нас в соответствии со своими способностями. Ты же, в отличие от него, чужой. Ты не знаешь нашего уклада жизни, обычаев. По этой причине ты почувствуешь, что в данном отношении любой другой в лагере превосходит тебя. Тебе, возможно, придется почти от каждого в тот или иной момент выслушивать указания. Способен ли ты выполнять подобные указания так же быстро и охотно, как приказы Иакова и мои?

— Да, — кивнул Хэл.

— Ты должен поступать именно так, если намерен оставаться с нами, — сказала Рух, — хотя, возможно, для тебя это окажется не таким легким

делом, как ты думаешь. Допустим, речь пойдет о технике обращения с оружием, и ты совершенно резонно сочтешь, что твоя квалификация в этом деле гораздо выше, чем у того, кто объясняет тебе, что и как надо делать. Но каковы бы ни были твои чувства в этот момент, ты все равно обязан подчиниться — или покинуть нас. Потому что без такого подчинения наш отряд не сможет уцелеть.

— Я смогу это сделать, — ответил Хэл.

— Хорошо. Я обещаю тебе: с течением времени все твои подлинные способности, которые ты нам продемонстрируешь, получат достойную оценку. А сейчас, чтобы не тратить зря времени и не рисковать понапрасну, мы будем воспринимать тебя только как неопытного, необстрелянного новобранца, до тех пор пока у нас не появятся основания изменить свою точку зрения.

Рух снова принялась за еду.

— Это все? — спросил Хэл. Его поднос уже опустел, и у него складывалось впечатление, что он может не успеть вовремя оказаться у раздаточной линии, чтобы снова заполнить его.

— Да, это все, — ответила Рух. — Как только поешь, помоги поварской команде с уборкой, потом разыщи Джейсона. Он должен найти палатку

и снаряжение для вас обоих. Когда закончишь все эти дела, то, если уже стемнеет, лучше ложись спать. Хотя ты будешь желанным гостем, присоединившись к тем из нас, кто соберется у лагерного костра. Однако в этом случае не советую засиживаться допоздна. Завтра тебя ждет трудный день, такой же, впрочем, как и все последующие.

— Я понял. Спасибо, — сказал Хэл.

Он поднялся на ноги и направился назад, к раздаче. Там он снова заполнил едой свой поднос и тут же опустошил его, а потом стал в нерешительности, размышляя, насколько прилично проделать то же самое в третий раз. Его сомнения развеяла Тэлла, сообщившая ему, что есть столько, сколько захочется, считается здесь вполне нормальным делом.

— По крайней мере теперь, — добавила она. — Если в отряде станет плохо с провиантом, ты сразу об этом узнаешь, так же как и остальные. А пока у нас все в порядке. Мы сейчас находимся в богатом краю, и приятно видеть, что люди едят досыта.

— В богатом краю? — переспросил Хэл. Она рассмеялась.

— В этом районе много истинно верующих, у

них есть продукты и другие припасы, и люди могут себе позволить поделиться с нами.

— Понимаю.

— Ну а после того, как ты наешься, займись-ка этими баками. Их надо отнести к ручью и вымыть. Потом можешь идти.

Хэл поел, вымыл баки и ушел. К этому моменту на лагерь уже опустились настоящие сумерки. Он побродил между деревьями в поисках Джейсона, надеясь найти его, не прибегая к расспросам. Однако в конце концов ему все же пришлось обратиться за помощью к почти облысевшему, но еще достаточно молодому на вид человеку, который сидел, скрестив ноги, перед одной из палаток и занимался ремонтом сапог, прибивая к подошвам новые рифленые накладки.

Услышав вопрос Хэла, человек выплюнул изо рта несколько крепежных скобок, поймал их в горсть левой руки, переложил туда же молоток и протянул Хэлу правую руку.

— Джорэлмон Трои, — представился он. — Ты — Ховард Иммануэльсон?

— Да. — Хэл пожал протянутую руку.

— Джейсон Роу поставил палатку для вас двоих поблизости от того места, где пасутся животные. Он сейчас, наверное, там. А может, все еще уха-

живает за ослами. Ты не поборник веры?

— Наверное, нет, — ответил Хэл.

— Но ты не из тех, кто глумится над Богом?

— С самых малых лет, насколько я себя помню, меня учили никогда не глумиться ни над кем и ни над чем.

— Тогда все в порядке, — сказал Джорэлмон. — Поскольку Бог — это все сущее, значит, тот, кто не глумится ни над чем, не глумится и над ним.

Он отложил сапоги, молоток и скобки в сторону.

— Время вечерней молитвы, — пояснил он. — Некоторые молятся поодиночке, но есть среди нас и такие, кто собирается на общую молитву вечером и утром. Приходи, если захочешь, мы всегда будем рады тебя видеть.

Он поднялся, продолжая смотреть прямо на Хэла. Его взгляд — открытый, простодушно прямой — напоминал взгляд Иакова, только он был более мягким, не таким пронзительным.

— Не знаю, смогу ли я прийти сегодня, — ответил Хэл. В густеющих сумерках он пошел между деревьями к тому месту, где паслись привязанные ослы. Все тени вокруг заметно удлинились, от этого деревья казались выше; они словно устремились вверх, чтобы теперь, подобно ко-

лоннам, поддержать меркнущее небо.

Хэл отыскал свою палатку на краю того участка, где паслись ослы; рядом стояла другая — более внушительных размеров, с опущенным и наглухо закрытым входным клапаном. Из этой палатки шел гнилостный, тошнотворный запах.

— Ховард!

Из-за палатки вышел улыбающийся Джейсон.

— Ну, что ты об этом думаешь?

Хэл взглянул на палатку. Когда-то в ней могли разместиться на ночлег четыре человека со всем своим багажом и имуществом, необходимым для двухнедельного путешествия. Теперь же ее размеры, стали меньше из-за многочисленных швов на ткани, настолько ветхой, что казалось, она может лопнуть в любую минуту.

— Ты хорошо потрудился, — сказал Хэл.

— Нам здорово повезло, что у них нашлась еще одна для нас, — сказал Джейсон. — Я ведь уже совсем было собрался сооружать навес из ветвей, чтобы мы могли укрыться под ним в наших спальных мешках... Да, между прочим, для них найдутся и вкладыши. На такой высоте они нам очень пригодятся.

— А на какой мы сейчас высоте? — спросил Хэл, нырнув в палатку следом за Джейсоном. Внут-

ри, на полу почти из сплошных заплат, лежали разложенные спальные мешки. Вещи, а также различное снаряжение находились у изголовья, предусмотрительно отодвинутые от стенок на случай возможной конденсации влаги на их внутренней стороне.

Джейсон включил лампочку, укрепленную в центре главной опоры, и приветливый желтый огонек, рассеяв полумрак, уютно оживил интерьер.

— Чуть больше двух тысяч метров, — ответил Джейсон. — Когда мы уйдем отсюда, то поднимемся еще выше.

Было видно, что он рад и преисполнен гордости за их палатку, но в то же время не хочет напрашиваться на комплименты со стороны Хэла.

— Здесь очень хорошо. — Хэл огляделся вокруг. — Как тебе удалось все так устроить?

— Исключительно благодаря людям из этого отряда, — объяснил Джейсон. — Они снабдили нас всем необходимым. А теперь, когда ты увидел наше пристанище, давай пойдем посидим немного у большого костра и познакомимся с людьми. Завтра нам нужно будет помогать поварской команде, а кроме того, готовиться выступить в поход.

Погасив лампочку, они вышли из палатки. Лагерный костер, о котором Хэл уже слышал, находился вне пределов лагеря, на берегу ручья вверх по течению, за дальним краем поляны. Это был действительно большой костер, и на нем согревался вместительный бак, наполненный кофе, обладавший, по словам Джейсона, притягательной силой для каждого, кто имел желание прийти и посидеть при свете костра в кругу своих собратьев после окончания дневных работ и совершения молитв. Когда Хэл и Джейсон подошли к костру, около него уже сидели шестеро мужчин и две женщины, они пили кофе и беседовали между собой; правда, уже спустя полчаса народу здесь собралось больше раза в три.

Хэл и Джейсон налили себе кофе и уселись поближе к огню, чтобы насладиться теплом и светом. Они по очереди представились присутствующим, после чего все остальные вернулись к своим разговорам, прерванным появлением Хэла с Джейсоном.

— Послушай, а что находится в той палатке, которая стоит рядом с нашей? — спросил Хэл Джейсона. Джейсон улыбнулся.

— Компонент, — ответил он, понизив голос.

— Компонент? — Хэл ждал разъяснений Джей-

сона, но тот лишь продолжал улыбаться.

— Я не понимаю, — сказал Хэл. — Что это значит — «компонент»?

— Компонент, необходимый для эксперимента. С определенным... видом боевого оружия. — Голос Джейсона по-прежнему звучал приглушенно. — Он еще не прошел рафинирования.

Хэл нахмурился. Он чувствовал, что собеседник отвечает на вопросы с явной неохотой. Да и выражение его лица производило странное впечатление. В памяти вдруг почему-то всплыл эпизод в камере Управления городской милиции, когда Джейсон, жалуясь на невозможность уединиться, повел его в тот угол, где находилось отхожее место.

— Судя по запаху, этот компонент имеет органическую природу, — сказал Хэл. — Что там находится на самом деле, в той палатке?

— Тс-с... — Джейсон приложил палец к губам. — Незачем так громко кричать. Жидкие выделения организма.

— Жидкие выделения? Какие? Моча?

— Тс-с.

Хэл удивленно посмотрел на него, но послушно понизил голос.

— Что, есть причины, по которым я не дол-

жен...

— Вовсе нет! — прервал его Джейсон, продолжая говорить полушепотом. — Но ни один приличный человек не станет во все горло выкрикивать такие слова. Это единственный способ получить то, что нам нужно. Но о самом способе уже и так гуляет достаточно грязных шуточек и песенок.

Хэл решил несколько изменить направление разговора.

— Для какого же вида оружия вам нужна моча? Все оружие, какое я здесь видел, — это конусные и игольные ружья, не считая нескольких экземпляров личного энергетического оружия, такого, как носит Рух.

Джейсон удивленно посмотрел на него:

— Откуда ты знаешь, что у Рух в кобуре энергетическое оружие? Она расстегивает ее только тогда, когда пользуется своим пистолетом.

Хэлу пришлось немного подумать, прежде чем он смог ответить на вопрос. До сих пор тот факт, что личное оружие Рух было энергетическим, Хэл воспринимал как само собой разумеющийся.

— По его весу, — сказал Хэл через секунду-другую. — То, как оно оттягивает ее портупею, говорит о его весе. А из всех видов оружия только

для энергетического характерно такое соотношение между размерами и весом.

— Прошу прощения, — раздался голосу них над головами. Они посмотрели вверх и увидели перед собой грузного человека примерно такого возраста, как Дитя Господа, одетого в толстую куртку и армейские брюки. — Я Морелли Уолден. Я уходил из лагеря по делам, поэтому не мог познакомиться с вами раньше. Кто из вас Джейсон Роу?

— Это я, — ответил Джейсон. Они с Хэлом поднялись на ноги и по очереди пожали руку Уолдену. Кожа на его угловатом лице, покрытом немногочисленными морщинами, выглядела иссохшей и огрубевшей.

— Я знал Колэмбайна, он говорил, что одно время ты был у него в отряде. А тебя зовут?..

— Ховард Иммануэльсон.

— Ты не из этого мира? С Ассоциации?

— Нет. Дело в том, что я и не с Гармонии, и не с Ассоциации.

— Ах, так. Ну все равно, добро пожаловать к нам.

Уолден заговорил с Джейсоном о бойцах отряда Колэмбайна. Время от времени к ним подходили новые люди, знакомились с ними. Джейсон вел с ними оживленные разговоры, что же касается

Хэла, то, кроме обмена фразами, обычными при знакомстве, никто не пытался завязать с ним сколько-нибудь продолжительного разговора.

Он сидел, глядя на огонь, и слушал. Когда-то Уолтер говорил ему, что инстинкт животных и маленьких детей, на самом деле присущий и людям любого возраста, требует сначала обойти незнакомца кругом и обнюхать его, чтобы привыкнуть к его вторжению в их личный мир, и только после этого сделать первый шаг к началу общения. И Хэл решил, что когда члены отряда Рух станут чувствовать себя свободно в его присутствии, то найдут повод заговорить с ним.

А пока он чувствовал себя удовлетворенным. Еще сегодня утром он, одинокий чужестранец, блуждал я незнакомом ему мире. Теперь же у него было в нем свое место. Здесь, у костра, он ощутил дух единения, словно собралась одна большая семья; такого он не испытывал с момента гибели своих воспитателей, за исключением, пожалуй, одного-единственного дня на шахте, когда сделался резчиком. Разговоры, долетавшие до его слуха, носили разнообразный характер: чисто бытовые дискуссии, обмен мнениями об ответственности друг перед другом, обсуждение общих проблем теми, кого текущие события разлучили на весь

день и дали возможность увидеться лишь теперь, на его исходе. Людей около костра становилось все больше, росло количество подбрасываемых в него дров, выше поднимались языки пламени, и их свет словно расширял то пространство внутри ночи, в котором все они пребывали. Вернее, свет костра сам и создавал это пространство во тьме. Они находились в уединении посреди ночного леса, защищенные своеобразными стенами из тепла, взаимной близости и общих интересов.

И эта обстановка в какой-то определенный момент снова пробудила у него ту тягу к поэзии, которая снова ожила в нем при первом взгляде на Рух. Но не потребность создавать поэтические образы возникла сейчас у него. На него нахлынули поэтические воспоминания прошлого.

Она длинна, ночь наших ожиданий,
Но выстоять мы призваны...

Это были две первые строчки его стихотворения, написанного в десятилетнем возрасте под сильным впечатлением картины, нарисованной перед ним Уолтером, — картины длящихся столетиями поисков, которые экзоты вели в надежде найти такой путь эволюционного развития человеческого рода, который привел бы

к появлению людей, свободных от нынешних слабостей и недостатков. Как и у большинства юношеских стихотворений, именно первые две строчки были несомненно оригинальны, а с каждой последующей оно, все глубже погружалось в болото банальности. С тех пор Хэл научился не торопиться записывать первые же пришедшие в голову слова. Вынашивал стихотворные строки в глубине сознания до тех пор, пока они не созревали и не были готовы появиться на свет.

Сейчас он весь ушел именно в такой процесс — не пытался облечь мысли в какую-то определенную форму, а под влиянием окружающей тьмы и света костра дал волю могучим творческим силам подсознания свободно дрейфовать, создавая образы и вызывая воспоминания и светлые, и мрачные, как из недавнего, так и из далекого прошлого.

В его воображении скопление бело-красных углей под горящими поленьями превращалось в огромный город, перед его мысленным взором проносились картины марширующих армий и возводимых строителями зданий. А в то же самое время Сост и Уолтер, Малахия и Тонина, возникшие одновременно в его мыслях, вместе с призраком Авдия собрались здесь, у костра, и

беседовали с живыми людьми.

Сейчас, обратясь мыслями в прошлое и глядя на себя со стороны, он понял, что за три года, проведенных на Коби, в его душе многое зажило и успокоилось, но многое по-прежнему продолжало ее тревожить. Где-то в глубине сознания пока оставался без ответа вопрос о цели его жизни. Некоторое время он не думал об этом, вплоть до того момента, когда сегодня пополудни оказался на поляне, где увидел Рух, Дитя Господа, а вот теперь и всех остальных. Эта цель должна обязательно существовать, потому что немыслимо представить себе жизнь без нее...

Так он продолжал сидеть, размышляя и мечтая, время от времени отвлекаясь лишь для того, чтобы с кем-то познакомиться или перебросится словечком, пока не почувствовал прикосновение к своей руке. Он оглянулся и увидев Джейсона.

— Ховард, — сказал Джейсон, — я ухожу. Ты можешь жечь костер столько времени, сколько захочешь, даже оставшись один, но светать начинает рано.

Хэл кивнул, только сейчас заметив, что у костра осталось совсем мало народу.

— Спасибо, я тоже иду, — ответил Хэл.

Они вместе нырнули в темноту. Сначала она

показалась им совершенно непроглядной, но вскоре зрение приспособилось, и они увидели освещенный луной ночной лес. Но и в лунном свете местность теперь выглядела совершенно иначе, чем днем, и они могли долго бродить в поисках своей палатки, если бы Джейсон не достал из кармана маленький фонарик и не зажег его. Тонкий луч высветил прикрепленные к деревьям на высоте человеческого роста отражатели с обозначениями номеров маршрутов, проложенных по территории лагеря. Они выбрали маршрут, который привел их на главную поляну, а уже оттуда Джейсон направился вдоль линии отражателей, указывающих путь к тому месту, где паслись ослы и где стояла их палатка.

Все же палатка оказалась желанным приютом, и, когда Джейсон выключил в ней свет, а Хэл натянул на голову капюшон и почувствовал, как становится тепло его затылку, он понял, что уже давно готов к тому, чтобы заснуть, утомление подействовало на него как теплая ванна, все его тело приятно расслабилось; с этим ощущением он погрузился в сон.

Он проснулся внезапно, сжимая в темноте чье-то горло так, что обладатель этого горла не мог ни кричать, ни дышать. Одним поворотом больших

пальцев он мог сломать стиснутую руками шею. Но очень быстро, хотя ему показалось — очень медленно, характерные запахи палатки, походного снаряжения и одежды вернули его к реальной действительности. Он понял, где находится. Человеком, которого он душил, был Джейсон.

Хэл разжал пальцы. Затем встал и, нащупав в темноте лампочку, включил ее. В желтоватом свете он увидел лежащего на полу Джейсона, который уже снова дышал, но по-прежнему не издавал ни звука и смотрел на него широко открытыми глазами.

Глава 18

— Ты в порядке? — спросил пораженный Хэл. — Что произошло?

Джейсон беззвучно зашевелил губами. Он поднял руку, пощупал горло. Потом наконец послышался его хриплый голос.

— Я проснулся, услышал, как ты дышишь, — начал он рассказывать. — Потом вдруг твое дыхание остановилось. Я окликнул тебя, чтобы разбудить, но ты не отвечал. Тогда я подполз посмотреть, здесь ли ты. Ты был здесь, но ты... ты совсем не дышал. Я стал трясти тебя за плечо, пытаясь разбудить...

Его голос осекся.

— А я проснулся и схватил тебя за горло, — закончил Хэл. Джейсон кивнул, продолжая растерянно смотреть на него.

— Прости меня, — сказал Хэл. — Я не знаю, почему я это сделал. В тот момент я даже не проснулся. Прости меня.

Джейсон медленно поднялся. Они смотрели друг на друга, их лица, освещенные желтоватым светом лампочки, разделяло не более полуметра.

— Ты опасный человек, Ховард, — произнес монотонным, безжизненным голосом Джейсон.

— Да, я знаю, — печально согласился Хэл. — Я очень сожалею.

— Нет, для нашего отряда очень неплохо иметь такого опасного человека на своей стороне, против наших врагов. Но что заставило тебя наброситься на меня?

— Я не знаю.

— Может, это случилось потому, что я внезапно стал будить тебя?

— Может быть... Но... я обычно не набрасываюсь на человека, который меня будит.

— Ты видел какой-нибудь сон?

— Не помню... — Хэл сделал усилие, чтобы вспомнить. — Да.

— Плохой сон?

— Да. В некотором смысле, — ответил Хэл.

— Плохой сон. Это неудивительно, — кивнул Джейсон. — Многие из нас знают, что это такое — видеть плохой сон. Ладно, все в порядке. Раз уж мы оба проснулись, давай выпьем кофе.

Хэл поежился.

— Да, это хорошая мысль, — согласился он. Джейсон шагнул в угол палатки и достал термостатированную пластиковую флягу, вмещавшую

около литра жидкости.

— Я наполнил ее после обеда и собирался сказать тебе, что поставил здесь, — сообщил Джейсон почти смущенно. Он нажал головку запорного клапана, и темная жидкость струйкой полилась в пластиковые кружки, из которых в прохладном ночном воздухе к потолку палатки стал подниматься пар.

Джейсон протянул одну из кружек Хэлу, нырнул внутрь теплого спального мешка и, завернувшись в него, сел.

Хэл последовал его примеру. Разделенные пространством палатки, они смотрели друг на друга.

— Ты не хочешь рассказать мне, что за сон ты видел? — спросил Джейсон.

— Я не знаю, смогу ли, — ответил Хэл. — Он был каким-то сумбурным...

— Да. Это мне тоже знакомо. — Джейсон покачал головой. — В таком случае не пытайся говорить о нем. Пей свой кофе и снова ложись. Нить сновидения прервется, и тот же самый ночной кошмар не повторится. А завтра наступит новый день. Думай о нем, когда станешь засыпать.

— Хорошо, — отозвался Хэл.

Джейсон быстро допил кофе и лег, натянув на

голову капюшон спального мешка.

— Если хочешь, оставь свет включенным, это мне не помешает, — предложил он.

— Я лучше выключу его, — ответил Хэл.

Он встал, погасил лампочку и в темноте забрался внутрь своего спального мешка, поставив рядом наполовину опустевшую кружку. Сидя он допил кофе, затем лег. Картины из сна, который, как ему припомнилось, он видел, снова всплыли в его сознании. Но он не мог рассказать Джейсону об этом сне ничего такого, что объяснило бы столь агрессивную реакцию на попытку разбудить его или случившуюся перед этим странную остановку дыхания.

...Он сидел верхом на лошади, в латах и с оружием, рядом находились другие всадники. Они выехали из-за каких-то деревьев на край широкой равнины и остановили лошадей. Далеко впереди, посреди совершенно пустынной местности, виднелось одинокое, темное, сужающееся кверху сооружение с зубчатой вершиной, похожее на одну из тех четырехугольных башен, какие возводили в средние века на границе между Англией и Шотландией. Всех охватило предчувствие, что в башне ждет засада, поэтому никто не проронил ни слова.

— Я пойду один, — заявил он остальным.

Он спешился, передал поводья ближайшему всаднику и отправился к башне через простертую перед ним бесконечную равнину. Спустя некоторое время он оглянулся назад и увидел, что все его спутники по-прежнему сидят на лошадях, только теперь, с расстояния, на которое он удалился, они выглядели совсем маленькими, так же как и окружавшие их деревья. Он отвернулся от них и продолжил свой путь к башне, к которой, казалось, ему не удалось приблизиться ни на шаг с тех пор, как он покинул опушку леса. И тут кто-то возник на этой пустынной равнине позади него и без всякого предупреждения тронул за плечо.

И это было все. В следующий момент он проснулся, и его пальцы уже сжимали горло Джейсона. Продолжая удерживать в сознании образ башни, воссозданный памятью из картин недавнего сновидения, он снова заснул.

Проснулся Хэл от ощущения, что кто-то трогает его ногу. Открыв глаза, он увидел, что это Джейсон держит ее, нащупав сквозь спальный мешок. При этом он, сидит на корточках на расстоянии вытянутой руки от спального мешка, не отрывая от Хэла настороженного взгляда.

— Что, я опять не дышал? — Хэл улыбнулся

Джейсону. Джейсон, отпустив ногу Хэла, улыбнулся в ответ.

— Нет, дышал ты нормально. Но нам надо идти помогать готовить завтрак. Тебе стоит поторопиться.

Хэл перекатился на бок, ощупью отыскал умывальные принадлежности, которыми снабдил его Хилари, и, выбравшись из уютного тепла спального мешка, окунулся в прохладу утреннего воздуха. Нетвердой походкой он двинулся к ручью.

Пятнадцать минут спустя они шагали к кухонной палатке через просыпающийся на утренней заре лес. Между стоящими в серовато-белесом свете деревьями висели клочья тумана. Сквозь туман очень отчетливо доносились различные звуки: кто-то рубил дерево, звонко перекликались люди, позвякивала какая-то металлическая утварь. Холодный, насыщенный влагой воздух не только глубоко проникал в легкие при каждом вдохе, но и приятно овевал щеки Хэла. Он, спавший совсем недавно мертвецким сном, ощущал, что жизнь в нем кипит, что его согревает собственная внутренняя энергия и теплая верхняя одежда. И еще он чувствовал, что очень голоден.

Однако, придя на кухню, они успели лишь

торопливо проглотить по чашке кофе и тут же принялись за работу. И только когда наконец ушел, насытившись, последний человек из отряда, появилась возможность позавтракать и у них.

— Прежде всего мы проверим вьючные седла, а также всю остальную упряжь, — сказал Джейсон, когда они сидели за едой, примостившись на каких-то ящиках под кухонным навесом. — После этого осмотрим животных и решим, какие из них понесут поклажу первыми, а каких мы оставим ненавьюченными им на подмену. Я еще не заглядывал в нашу палатку-хранилище, но, по словам Рух, мы собрали уже около трех четвертей того количества необработанного компонента, которое сможем унести; остальное доберем по пути.

— По пути куда?

Джейсон на мгновение перестал жевать и посмотрел на Хэла.

— Тебе никто ничего не говорил? — спросил он. — И Рух тоже?

— Нет.

— Тогда почему ты не спросишь у нее, что тебе полагается знать, а потом не придешь и не расскажешь мне? — Джейсон явно чувствовал себя неловко. — Я не знаю, что мне говорить, а

что нет.

— Мне помнится, что в фургоне ты говорил с Хилари о геостанции...

— Я не знал, что ты не спишь. — На лице у Джейсона отразился испуг.

— Тогда я только что проснулся.

— Так. Ну хорошо, — сказал Джейсон, — обратись-ка ты к Рух. Тогда мы все будем знать, о чем можем разговаривать.

— Ладно, — согласился Хэл. — Так и сделаю.

Позавтракав, Джейсон и Хэл отправились к ослам, пасущимся рядом с хранилищем. Весь этот день они занимались вьючными седлами и прочей сбруей, упражнялись в навьючиваний и развьючивании животных. Для того чтобы нести все имущество отряда, а также снаряжение и личные вещи тех бойцов, которые почему-либо временно не могли делать этого сами, требовалось десять ослов. Из остальных шестнадцати часть предназначалась для переноски того, что Джейсон упорно продолжал именовать «компонентом», а часть составляла резерв на случай необходимости замены тех животных, которые вдруг захромают в пути или будут нуждаться в освобождении от груза по другим причинам. Кроме того, Хэл узнал, что во время переходов

практиковалось перекладывать поклажу с одних ослов на других, чтобы каждый из них некоторое время шел налегке. Такое отношение к животным выходило за рамки просто бережного обращения с ними для сохранения их в хорошей форме. Оно основывалось на представлении о том, что в отдыхе нуждаются не только люди, но и животные, и отказывать им в этом грешно.

На следующий день отряд свернул лагерь и отправился в путь. Так начался длившийся несколько недель переход через горы. Они делали по пятнадцать-восемнадцать километров в день, а когда останавливались на ночлег, то каждый раз к ним приходили жившие поблизости люди и приносили в дар продукты, различные припасы или недостающее сырье для производства калийной селитры.

Требования, предъявляемые этой жизнью к физическому состоянию Хэла, совершенно отличались от тех, которые определяли жизнь на шахте, но ему удалось быстро к ним приспособиться. Он по-прежнему выглядел худощавым, словно не одетый листвой молодой побег, и подозревал, что все еще продолжает тянуться вверх. Однако его организм уже стал интенсивно накапливать силу, присущую зрелости и возмужанию,

и вместе с тем еще не потерял юношеской способности быстро адаптироваться к окружающей обстановке. Поэтому меньше чем через неделю с момента их выхода из лагеря Хэл уже вполне освоился со своей новой жизнью. И даже вкус местного кофе начинал ему нравиться.

Потянулись недели, очень похожие одна на другую: ежедневные переходы высоко в горах, наполненные ярким солнечным светом и ветром, редкие белые облачка на небе, очень чистый и легкий воздух, ледяная вода из горных ручьев и сон, приходящий мгновенно, очень глубокий после напряженных дней, становящихся все длиннее по мере того, как они продвигались к югу, навстречу приближающемуся лету.

Хэл и Джейсон вставали с рассветом. Поев, они надевали на ослов сбрую и навьючивали их для дневного перехода. Через два часа отряд уже находился в пути. Впереди гуськом шагали люди с рюкзаками, заполненными их личными вещами и предметами первой необходимости. Следом шел Джейсон во главе вереницы ослов, которые несли все остальное имущество отряда — эту вереницу замыкали животные, нагруженные компонентом, а также не несущие никакого груза. Роль арьергарда этого вьючного каравана

выполнял Хэл. В его обязанности входило следить, чтобы ни люди, ни животные не отставали, и не спускать глаз с идущих впереди ослов на тот случай, если какой-нибудь из них захромает или что-нибудь выпадет из вьюка.

Выполнение таких обязанностей требовало в основном бдительности, а не активных действий и умственной нагрузки. Впервые с тех пор, как Хэл убежал из своего дома в Скалистых Горах, он мог позволить себе прекратить думать о сиюминутных делах. На Коби жизнь на шахте в течение рабочей недели и времяпрепровождение в Порту в выходные дни не давали ему той психологической передышки, которая позволила бы отрешиться от повседневных событий и поразмышлять о своем положении. Сейчас такая возможность у него появилась. Шагая в течение долгого дня в одиночестве среди могучих гор, он чувствовал, как его охватывает умиротворение, располагающее к неторопливым, глубоким размышлениям.

Рассматривая теперь свою жизнь на Коби как бы издали, Хэл сознавал всю ее искусственность. Предыдущие три года прошли взаперти. Это было необходимо, чтобы наилучшим образом укрыться, до тех пор пока он физически не окрепнет и не

возмужает. И еще за эти годы он научился жить с людьми, пусть даже не испытывая от этого большого удобства. Но более глубокое значение прошедшего периода жизни состояло в том, что он, как и планировалось, послужил для отсчета времени на этапе взросления юноши. Сейчас Хэл был подобен узнику, выпущенному из тюрьмы. Он снова очутился в мире, где могли начаться определенные события, и относился теперь к этому миру более реально.

Хэл прекрасно осознавал, что очень легко недооценить большинство тех людей, среди которых он в данный момент находится. Разумеется, это не относилось ни к Рух, ни к Иакову — от каждого из них исходила энергия, как от горящих углей, находящихся в нескольких дюймах от протянутой к ним ладони. Но большинство остальных воспринимало мир настолько ограниченно, насколько погрязло в своих религиозных предрассудках.

Но тем не менее каждый из них представлял собой нечто большее, чем просто вместилище этих недостатков. В сущности, они были похожи на те горы, через которые сейчас пробирались; вовлеченные в конфликт, сути которого толком не понимали, они преисполнились решимости участвовать в нем, не щадя своей жизни, во

имя того, что им представлялось справедливым делом.

И где-то глубоко внутри у каждого из них таилась великая сила — врожденная сила и устремление к чему-то более значимому, чем простое выживание. Различие между ними и шахтерами Коби вновь побудило Хэла к размышлениям о смысле и предназначении его собственной жизни. Он стал задумываться о том, куда поведет его отныне жизненный путь, что ждет его в конце этого пути, к чему следует готовиться.

В течение нескольких последних недель Хэл укрепился в своем решении во всеоружии встретиться с Иными, как только станет достаточно сильным для этого. В сложном переплетении событий, под влиянием которых он стал тем, кем был сейчас, особое место занимала гибель Малахии, Авдия и Уолтера на террасе его родного дома и то, как он воспринял эту гибель. С тех пор его не покидало имеющее древние корни жестокое и не знающее жалости чувство по отношению к Блейзу, Данно и ко всем остальным из их племени. Но кроме того он ощущал, не понимая до конца и не умея определить ее, ту великую цель, которая наряду со всем остальным всегда жила в нем и выросла теперь в некое довлеющее над

ним обязательство, лишь ждущее того часа, когда может начаться его выполнение.

Из-за того что Хэл не мог определить ее, из-за того что она ускользала от его сознания, когда он пытался ее осмыслить, он направил свои усилия в сферу поэтических образов, всегда помогавших ему проникнуть в суть того, перед чем сознание оказывалось бессильным. Подобно тому как в свое время, решая проблему бегства от Иных, он воскресил в памяти образы Уолтера, Малахии и Авдия, — теперь Хэл все чаще стал прибегать к поэтическому творчеству, чтобы постигнуть существующие в подсознании несформировавшиеся образы и суждения.

Продолжая свой путь по горным тропам, он предоставил волю своему творческому воображению, отдал его во власть тому интуитивному ощущению, которое независимо от разума, незримо и неосознанно сопутствовало всем его размышлениям; и в то время как он шел позади ослов по сверкающему и дышащему холодом высокогорью, в его мыслях постепенно, строчка за строчкой, рождались стихи, где ему хотелось воплотить в образах и словах никогда не покидавшее его ощущение великой цели. Наконец незадолго до очередного полуденного привала

стихотворение было закончено.

Никто не бывает настолько покорно-смиренным,

Чтоб дерзкий повеса в нем до поры не таился.

У старых деревьев в корнях сердцевина витая,

Слегка шевелясь, растет во тьме потихоньку.

Смышленые люди, своими руками стальными

Высокую башню на голой равнине воздвигнув,

Нас, легковерных, лукаво в нее заманили,

В слезах и траву-сироту, и камни немые оставив.

И только когда у кого-то кулак посильнее найдется

Башню разрушить, дерзнувшую в небо вознестись,

В камне немом и в траве мы продолжиться сможем...

Дерзкий повеса навеки преемствен-

ность ту обеспечит.

Мелодия стихов снова и снова напевно звучала в его голове. Возможно, это была именно та песня, которая поможет быстрее преодолеть расстояние между ним и темной башней из его сновидения.

Очевидно, своего появления на свет ждут следующие стихи, на этот раз про темную башню, — стихи, намечающие путь к новой, гораздо более обширной области возможностей, которая до поры до времени таится где-то в глубинах его подсознания. Но сейчас строчки ускользнули, как только он попытался воспроизвести их. Он заставил себя пока отложить размышления об этих стихах и вернуться к песне о бойком повесе, чтобы посмотреть, что она может ему поведать.

Он прошел очередную стадию, поднялся на следующую ступеньку... Его анализ на этом прервался. Он увидел Джейсона, стоящего сбоку от тропы и держащего в поводу одного из ослов. Хэл прикрикнул на бредущих перед ним животных, вынуждая их ускорить шаг, и поравнялся с Джейсоном.

— Что случилось? — спросил он.

— Потерялась подкова, — сказал Джейсон. — Наверное, это произошло сразу же, как только мы отправились. Теперь придется перегрузить с

него поклажу на другого осла.

Глава 19

Ослов разделили на две группы, и потерявший подкову пошел в группе Джейсона первым. Тропа, проложенная вдоль горного склона, местами сужалась настолько, что животные могли идти по ней только поодиночке, и тогда вся группа останавливалась и ждала, пока тот осел пройдет через узкое место.

— Ховард, ты не мог бы забрать его, чтобы он шел, — попросил Джейсон. — А я пока придержу остальных сзади?

Хэл подошел к нему и стал осторожно сводить осла с твердого грунта утоптанной тропинки на рыхлую каменистую осыпь ниже по склону, чтобы развернуть его в обратную сторону и увести в конец каравана.

Тропа, по которой они двигались через горный перевал, шла по уступу на боковой стороне крутого спуска. С одной ее стороны круто уходил вниз метров на триста серовато-коричневый, почти лишенный растительности склон, переходящий в вертикальную стену ущелья, по дну которого протекала не видимая сверху горная река. Ск-

лон, поднимающийся вверх с другой стороны тропы, был не так крут, на нем росли деревья, и хотя они стояли достаточно редко, но все же на небольшом участке полностью скрывали от глаз находящийся пятьюдесятью метрами выше еще один горизонтальный уступ, параллельно которому тропа шла на протяжении последних нескольких сот метров.

В этот момент отряд Рух огибал выступ горы. Колонна бойцов, медленно двигающаяся впереди Хэла и Джейсона, завернув влево за этот выступ, исчезла из виду. Когда потерявший подкову осел, теперь уже шедший в караване последним, также оказался по ту сторону выступа, Хэл, замыкавший все это шествие, оглянулся назад. Его взору предстал простирающийся на несколько километров открытый горный склон и вертикальная складка на его поверхности, образующая впадину шириной около десяти метров, мимо которой они только что прошли. Эта впадина шла вверх, резко сужалась, превращаясь сперва в расселину, а затем в узкую щель, по которой можно было бы, цепляясь за ее стены руками и ногами, взобраться на верхний горизонтальный уступ. На поднимающемся вверх склоне, оставшемся позади, росло еще меньше деревьев, и весь он хорошо

просматривался вплоть до густо поросшего лесом верхнего уступа. Пейзаж дополняли несколько маленьких облачков, быстро проплывающих по небу над ними. Прозрачный сухой воздух скрадывал пространство, поэтому все расстояния казались меньше, чем были на самом деле.

— Ну... ну, — подгонял и одновременно успокаивал своего подопечного осла Хэл, направляя его прямиком через лежащую ниже тропы глинистую осыпь к хвосту каравана, чтобы там снова вывести на тропу. Выполнив задуманный маневр, он глянул вперед и увидел, что Джейсон стреножил одного из ослов, а того, что шел впереди него, ведет к Хэлу.

— Мы можем поставить Дилайлу сзади, чтобы заменить... — начал Джейсон, поравнявшись со стоящим на тропе Хэлом, и в этот миг воздух наполнился свистящими звуками.

— Ложись! — крикнул Хэл, сбивая с ног Джейсона и стаскивая его вниз на склон у самого края тропы. Покрывающие склон острые камешки градом осыпали Хэла, больно впиваясь в тело сквозь рубашку и брюки. Вверху на тропе некоторые ослы, спотыкаясь и скользя, бросились по склону вниз, другие падали на колени и затем тяжело валились на землю. Свист внезапно прекратился,

тишина резко ударила в уши.

— Конусные ружья! — каким-то фальцетом, совершенно не похожим на его голос, выкрикнул Джейсон. — Там наверху милиция!

Его испуганное лицо было обращено в сторону поросшего лесом верхнего уступа. Он ползком добрался до предпоследнего в караване осла, нагруженного их снаряжением, и рылся в поклаже до тех пор, пока не нащупал и не вытянул из вьюка выданное ему оружие. После этого он тем же способом вернулся к Хэлу и растянулся на земле рядом с ним.

— На таком расстоянии от него не будет никакого толку, — заметил Хэл, увидев в руках у Джейсона старинное игольное ружье. Оно позволяло прицельно стрелять не дальше шестидесяти-семидесяти метров.

— Я знаю, — тяжело дыша, произнес Джейсон, продолжая вглядываться в скрытый деревьями уступ. — Но они могут спуститься вниз, чтобы атаковать нас.

— Только если совершенно потеряют голову, потому что... — начал Хэл объяснять усвоенное им еще в детстве на уроках, но хруст камешков под сапогами на осыпи справа заставил обоих повернуть головы. Они увидели Лейтера Волена,

одного из самых молодых бойцов отряда, который, пригнувшись, бежал к ним.

— Видели что-нибудь? — еле выговорил он, задыхаясь от быстрого бега.

— Ложись скорее! — закричал Хэл, но было уже поздно. В уши им снова ударил свист. Лейтер выронил из рук ружье, упал и мешком начал скатываться вниз, под откос. Хэл бросился следом, подхватил его и с первого взгляда понял, что тот уже мертв. Три конуса пробили ему грудь, один оставил глубокую рваную рану на голове. Хэл подобрал с земли ружье Лейтера, пригнулся и, прячась за уступом, по которому проходила тропа, побежал вдоль нее назад по склону, в ту сторону, откуда они пришли.

— Куда ты! — услышал он сзади голос Джейсона. Но отвечать ему было уже некогда.

Он изо всех сил бежал по каменистой осыпи до тех пор, пока не оказался за выступом горы, где его уже не могли увидеть с той части верхнего уступа, откуда в них летели конусы. Теперь он находился прямо напротив вертикальной складки, которая недавно привлекла его внимание. Зная, что не попадает в поле видимости засевших на уступе стрелков, Хэл поднялся на тропу и, подойдя к впадине, стал взбираться вверх, к

расселине.

Камни сыпались у него из-под ног лишь изредка. Он карабкался вверх в основном по голой скале, довольно быстро продвигаясь вперед. Игольное ружье болталось у него за спиной, удерживаемое перепоясывающим грудь ремнем. Выступавший на лице, пот тут же испарялся в сухом горном воздухе, холодя разгоряченную кожу. Его дыхание оставалось ровным и глубоким, хотя он уже давно не подвергал свое тело физическим нагрузкам подобного рода и поэтому ощущал некоторую неуверенность и скованность движений. Но тем не менее прежние регулярные тренировки сделали свое дело, он чувствовал, как грудная клетка, расширяясь, мощно втягивает воздух в легкие, как часто, но ровно бьется его сердце. Он быстро добрался до того места, где расселина переходила в узкую щель; она простиралась в высоту метров на девять-десять и непрерывно сужалась, так что у верхней кромки ее ширина, очевидно, была не больше метра. Прежде чем начать взбираться по ней, Хэл заставил себя остановиться и сделать несколько глубоких вдохов и выдохов, чтобы дать отдых сердцу и напитать кислородом истощенные мышечные ткани перед последним этапом своего

восхождения.

Серьезной проблемой стало теперь игольное ружье. Проще всего было бы, поднявшись наверх, втащить его следом за собой. Но такой способ отпадал из-за отсутствия какого-либо шнура или веревки. Он мысленно прикинул расстояние от того места, где должен выбраться на уступ, до позиции, с которой их обстреливали. И если отбросить предположение, что, на его несчастье, именно сейчас кто-нибудь из милиционеров находится наверху как раз над ним, то звук от падения ружья не должен распространиться так далеко, чтобы прячущиеся в засаде смогли его услышать.

Отступив немного назад и вниз, он нащупал надежную опору для обеих ног, снял со спины ружье и проверил, поставлено ли оно на предохранитель. Убедившись, что поставлено, крепко ухватился руками за ствол, широко размахнулся и подбросил ружье вверх. Крутясь в воздухе, оно устремилось к устью щели и исчезло из виду, чтобы через секунду довольно шумно возвестить о своем приземлении на поверхность уступа.

Хэл замер, прислушиваясь. Но никаких звуков, указывающих на приближение кого-либо, привлеченного грохотом от падения ружья, не

услышал. Тогда он начал карабкаться наверх.

Последний раз он давал своим мышцам подобную нагрузку больше четырех лет тому назад, поэтому вначале они слушались его не очень хорошо. Он передвигался с исключительной осторожностью, проверяя и перепроверяя каждую опору для рук и ног, пристально вглядываясь в красноватую скальную поверхность, находящуюся всего в нескольких дюймах от него. По мере того как он поднимался, старые рефлексы, а с ними и прежняя сноровка понемногу возвращались к нему. Но сердце билось все сильнее, дыхание учащалось. Он весь покрылся потом, рубашка на спине и плечах прилипла к телу. И вместе с тем процесс подъема пробудил в нем теплое чувство, он даже начал испытывать что-то похожее на удовольствие.

Наконец Хэл выбрался из темной щели наружу, навстречу солнечному теплу и свету, и, тяжело дыша, лег на землю. Налетевший легкий ветерок приятно холодил разгоряченное тело. Дыхание успокаивалось. Он сел, оглянулся в поисках ружья, увидел его, дотянулся к нему левой рукой и придвинул к себе.

Вокруг стояла полная тишина. Как будто в горах никого, кроме него, не было. На мгновение

Хэла охватила легкая паника: поднимаясь сюда по щели, он потратил слишком много времени, и напавшие на отряд люди уже могли подавить его сопротивление. Но потом он отбросил это опасение. «Бесполезные эмоции». Он словно услышал хрипловатый голос Малахии, воскресивший в памяти его наставления.

Хэл встал на, ноги, поднял с земли ружье. Его дыхание уже почти пришло в норму. Он бесшумно побежал по толстому ковру из сосновых игл, обильно устилавших этот верхний уступ горы, туда, где окажется выше своего отряда, растянувшегося по нижнему уступу.

Преодолев совсем небольшое расстояние, он услышал голоса. Остановился и прислушался. Разговаривали трое, они находились прямо впереди, за небольшой группой деревьев.

Он взял левее, поднявшись выше по склону, и пошел дальше еще медленнее и еще осторожнее. Через некоторое время он увидел троих с конусными ружьями в руках, в черной форме милиции.

Ружье в его руках само собой переместилось в положение для стрельбы. До них было не больше двадцати метров, они стояли к нему спиной, и их было хорошо видно. «Спокойно». Это снова

неслышно прозвучал в его ушах голос Малахии. Он опустил руку, сжимавшую ружье, и двинулся дальше вдоль выступа.

Хэл прошел мимо двух других точно таких же групп, а затем увидел еще одну. Четверо милиционеров смотрели вдоль склона вниз и время от времени стреляли из ружей. Еще один стоял позади них — худощавый человек с широким белым капитанским шевроном, нашитым наискось на левом рукаве мундира. Хэл отчетливо видел обращенные к нему спины всех пятерых.

В поведении и во всем облике милиционеров ощущалось какое-то спокойствие и самоуверенность, встревожившие Хэла. Он попытался заглянуть за край уступа и рассмотреть внизу свой отряд, но ему это не удалось. Тогда он повернулся и стал подниматься по склону еще выше, до тех пор, пока наконец не увидел на нижнем уступе растянувшихся вдоль тропы животных и брошенную поклажу. Людей вокруг он не заметил и подумал, что они благоразумно укрылись ниже, за кромкой выступа, но тут же вспомнил, как время от времени стреляли вниз все милиционеры, которых он видел, в том числе и те, кто был сейчас прямо под ним.

Он заслонил глаза ладонью от яркой голубизны

неба и только тогда смог разглядеть над нижним уступом людей, передвигающихся вверх по горному склону от одного укрытия к другому. Часть бойцов отряда шла в атаку, и среди них он заметил стройную фигурку Рух.

Вся безнадежность такой попытки казалась Хэлу очевидной. Милиционеры могли спокойно сидеть, выжидая удобного момента, а затем, тщательно прицелившись, стрелять в атакующих, как только они появятся из-за своих укрытий, тогда как бойцам отряда было чрезвычайно трудно вести ответный огонь, к тому же подъем в гору отнимал у них много сил. Тем не менее они упорно продолжали продвигаться вперед, и вдруг Хэл догадался, что, по-видимому, задумала Рух.

Он взглянул влево, на ту часть верхнего уступа, которая до сих пор не привлекала его внимания, и увидел, что чуть подальше он круто опускался вниз, словно стремясь соединиться с нижним уступом, но метров за пятьдесят от места этой встречи резко сужался и пропадал, сливаясь с поверхностью горы. Несколько секунд он всматривался в этот участок склона, прежде чем смог разглядеть среди редко стоящих деревьев то, что предполагал увидеть. И там бойцы, так же перебегая от укрытия к укрытию, поднимались вверх.

Возглавляемая Рух лобовая атака, начатая прямо от того места, где остановился отряд, имела своей основной целью отвлечь внимание милиции, чтобы другая группа бойцов, посланная в обход, смогла нанести неожиданный удар с фланга.

Такое решение было для нее единственно верным, и с этой мыслью Хэл, стремительно обернувшись, снова посмотрел на стоящего внизу офицера с белым шевроном на рукаве. Этот капитан, должно быть, руководил всей операцией и проявил бы полнейшую некомпетентность, если бы, устраивая здесь засаду, не подумал о своем левом фланге.

Хэл повернулся и двинулся дальше, вдоль и выше этого левого фланга. Вскоре он увидел, что внизу, там, где уступ становится шире и вдается в глубь склона горы, в нем имеется неглубокая ниша, которую закрывают не только растущие перед ней деревья, но и грубо возведенное между ними заграждение из бревен, обращенное в ту сторону, откуда наступала атакующая группа, намеревающаяся ударить по милицейской засаде с фланга. В нише находилось больше двадцати вооруженных милиционеров. Они ждали.

Хэл обозревал всю эту панораму со склона горы, сидя на корточках и держа на коленях свое иголь-

ное ружье. Сердце у него сжалось. После того как он увидел эти два с лишним десятка черных мундиров, его надежда на успех фланговой атаки рухнула. Он вернулся на свое прежнее место, над сидящими внизу четырьмя милиционерами во главе с офицером.

Подумав секунду-другую, Хэл перешел туда, где обнаружил первую группу засады. Пока он смотрел на них, один из троих поднял ружье, выстрелил, потом рассмеялся и показал пальцем вниз. Другой одобрительно похлопал его по плечу.

Что-то древнее и жестокое всколыхнулось в душе Хэла. Он опустился на колени, положил ствол ружья на глубоко ушедший в землю валун, за которым укрывался, и сделал три выстрела. Иглы негромко пропищали, звук напоминал щебет птицы, разнесшийся в чистом горном воздухе. Он лежал, напряженно вслушиваясь в тишину, наступившую после выстрелов. Но поскольку милиционеры других групп никак не отреагировали на выстрелы, это означало, что их никто и не услышал. Хэл поднялся на ноги и медленно спустился вниз.

На земле, освещенные солнцем, лежали три неподвижные фигуры. Он смотрел на них, ощу-

щая внутри какую-то пустоту, словно после получения сильного удара или раны, боль от которых приходит позже, когда перестает действовать шок. Затем осторожно подобрал все три конусных ружья, так чтобы их металлические части не звякали, стукаясь друг о друга, и пошел с ними вверх по склону. Хэл поднялся довольно высоко и остановился лишь после того, как ему стали видны обе атакующие группы отряда, преодолевающие подъем с разных сторон.

Группа во главе с Рух продвигалась вперед медленно, но те, кто вел атаку с фланга, были уже близко. Через каких-нибудь пять минут они подойдут к засевшим в нише милиционерам на расстояние прямого выстрела.

Хэл сел на землю и снял у одного из ружей накладку, закрывающую торец приклада, чтобы добраться до скрытых внутри узлов. Устройство конусных ружей предусматривало их автоматическую прочистку после выстрела, поэтому для осуществления задуманного требовалось нечто большее, чем заполнение стволов грязью. Он вывинтил крепежные винты и, отсоединив от расположенной под стволом ружья трубы магазина запорную планку, вытащил последний конус из заложенной туда обоймы. Затем, отложив в

сторону извлеченный конус, установил планку на место и закрепил ее винтами.

Он осторожно взял двумя пальцами извлеченный из магазина конус, так чтобы не коснуться узкого красного ободка на кромке его торца. Красный ободок указывал расположение запала, приводимого в действие механизмом ружья и воспламеняющего заряд топлива, обеспечивающего полет этих реактивных снарядиков. Зажав конус между колен, так чтобы ободок ни к чему не прикасался, он взял в руки ружье, открыл казенник, получив тем самым доступ к камере воспламенения заряда, и вложил в него конус, но в перевернутом положении, так что его острие оказалось направленным не в сторону ствола ружья, а к тыльной части камеры воспламенения. После этого он осторожно закрыл казенник. Затем проделал то же самое с другим ружьем.

Закрывая казенник второго ружья, он улыбнулся в душе немного грустной улыбкой. По крайней мере, некоторые бойцы отряда сказали бы немало слов в его адрес, если бы они узнали, как он поступил с двумя совершенно исправными единицами армейского стрелкового оружия, которого им так не хватает. И они были бы правы.

Хэл встал, подобрал с земли весь свой арсенал

и пошел вдоль уступа в сторону расположения остальных групп засады. Оказавшись примерно на равном расстоянии от каждой из них, он остановился. Милиционеры продолжали стрелять через кромку уступа вниз, очевидно находясь в полном неведении относительно того, что произошло с их соседями справа. Здесь он соорудил себе примитивную баррикаду из валявшихся поблизости крупных камней. Спрятавшись за ней, направил ружье на три фигуры в черном.

Негромкого писка игл, уложивших всех троих из первой группы, остальные милиционеры не услышали. Но резкий свист конусов, которыми Хэл выстрелил на этот раз, заставил всех из третьей группы повернуть головы в сторону своих соседей как раз в тот момент, когда те падали, сраженные выстрелами.

Они не смотрели на возвышающийся позади них склон, потому что в первый момент никому из них не могло прийти в голову, что стрелять с такого близкого расстояния мог кто-нибудь иной, кроме одного из бойцов атакующей группы, только что сумевшего подняться до высоты верхнего выступа. Однако уже через секунду они могли начать озираться по сторонам, и в этот момент Хэл вышел из-за своего укрытия. Подняв над головой

одно из «усовершенствованных» им конусных ружей и хорошенько размахнувшись, он швырнул его туда, где, справа от усиленной группы во главе с капитаном, скрывалась единственная оставшаяся группа из трех милиционеров. Первое ружье, крутясь в воздухе, еще летело к своей цели, а Хэл уже схватил второе и таким же образом отправил его в расположение последней группы, где капитан, сообразив наконец, откуда стреляют по его людям, повернулся спиной к идущим в атаку бойцам Рух.

Ружья упали на землю с интервалом не более секунды. Сотрясение в момент удара освободило из затворов перевернутые конусы. Раздались негромкие хлопки взрывов, и вверх полыхнули вспышки пламени — это от удара и тепла, образовавшегося при попытке перевернутых конусов вырваться из затворов, сдетонировали остальные конусы, находившиеся в магазинах ружей.

С минуту увидеть последствия обоих взрывов не позволяли пыль и поднятый в воздух мусор, но затем легкий порыв ветра отнес их в сторону — все милиционеры лежали на земле.

Устраивая взрывы, Хэл, помимо всего прочего, стремился отвлечь внимание милиционеров, притаившихся в горной нише, от идущих в атаку

вверх по склону бойцов. Сразу после взрывов на верхнем уступе какое-то мгновение стояла тишина, потом послышались голоса, раздались крики. Засевшие в нише милиционеры, по крайней мере часть из них, бросились к середине того участка уступа, где должны были укрываться отдельные группы их сообщников. Не дожидаясь их появления, Хэл поспешно заскользил по склону вниз, прочь от своей хорошо видимой баррикады. Если бы они его обнаружили, то это построенное им небольшое укрытие из камней оказалось бы полезным. Но поскольку ему до сих пор удалось остаться незамеченным, то сейчас для него гораздо безопаснее находиться пониже, среди деревьев и прочей растительности верхней части склона.

Милиционеры, бегущие из ниши к месту взрывов, не могли видеть, как он спускался вниз, но они его слышали. Возгласы становились громче, и вдруг неожиданно им стали вторить крики тех, кто все еще оставался в нише. Атакующая группа бойцов отряда добралась наконец до уступа и напала на защитников бревенчатого заграждения.

Распластавшись за деревом на нижнем уступе, Хэл обменивался выстрелами с милиционерами, поспешившими сюда после взрывов. Он нахо-

дился меньше чем в десяти метрах от лежащего на земле офицера, который теперь вдруг начал шевелиться.

Следя через прицел за движением между деревьями перед собой, Хэл чувствовал щекой тепло, исходящее от ружья, нагретого пробивающимися сквозь листву лучами солнца. Интенсивность движения ослабевала. Выстрелов в его сторону становилось все меньше, а вскоре они совсем прекратились.

Он огляделся вокруг. Ниже на склоне милицейский офицер уже поднялся на ноги и, неуверенно покачиваясь, шел к своему прежнему командному пункту. Разлетавшиеся осколки металла, видимо, его не задели, а сознание он потерял в результате шока при взрыве. Ствол ружья, которое держал Хэл, как бы сам собой поднялся и нацелился в середину узкой прямой спины в черном мундире, но внезапно он изменил свое намерение. Хватит убийств, в них больше нет необходимости. Он вскочил, бесшумными скачками преодолел разделявшее их расстояние и, прыгнув сзади на офицера, рухнул вместе с ним на землю.

Офицер лежал неподвижно. Хэл скатился с него и сел. Он перевернул офицера на спину и увидел,

что тот по-прежнему находится в сознании. От удара о землю у него просто захватило дух. Несколько секунд он судорожно ловил ртом воздух, затем постепенно его дыхание восстановилось. Хэл смотрел на него с удивлением. Это худое лицо было ему знакомо. Это он вел его вместе с Джейсоном из камеры на встречу с Аренсом и припугнул Джейсона, что подвесит его за запястья на несколько часов, если тот не прекратит разговоры.

Офицер пошевелился. Он посмотрел на ружье, которое Хэл направил ему в грудь, потом на Хэла. Вдруг его лицо совершенно изменилось, по нему промелькнула еле заметная улыбка, глаза заблестели.

— Ты! — произнес он. — Я нашел тебя...

— Так, значит, ты здесь! — прервал его грубый голос. Слева из-за деревьев вышел Иаков и остановился перед ними. Только сейчас до сознания Хэла дошло, что возгласы и свист конусов вокруг прекратились. Взгляд потемневших глаз Иакова остановился на ружье в руках Хэла.

— И ты тоже захватил конусное ружье. Хорошо! — Иаков перевел взгляд на офицера. Хэл увидел, как несколько секунд они, не отрываясь, смотрели в глаза друг другу. Несмотря на двадца-

тилетнюю разницу в возрасте, на неодинаковое телосложение и мускулатуру, на совершенно различную одежду, в чем-то они были похожи друг на друга, как два брата.

— Не трать напрасно время, — проговорил офицер. — Ты знаешь, так же как и я, что ничего тебе не скажу, что бы ты со мной ни делал.

Иаков шумно выдохнул воздух через ноздри. Ствол его конусного ружья шевельнулся и нацелился в грудь лежащему перед ним человеку как будто совсем случайно и так незаметно, что в первый момент Хэл даже не понял, что означает это движение.

— Нет! — Хэл ударом по ружью отбросил ствол вверх. Иаков поднял голову. На его обтянутом сухой морщинистой кожей лице, всегда сохранявшем немного властное выражение, на этот раз отражалось недоумение.

— Нет? — глухо повторил Иаков.

— Нам незачем убивать его.

Иаков продолжал смотреть удивленно. Затем глубоко вздохнул.

— Ты у нас недавно, — сказал он почти спокойно. — Таких, как он, нужно убивать, прежде чем они убьют нас. К тому же то, что говорит этот отступник, — правда...

— Это вы отступники, вы, покинутые Богом! — гневно прервал его капитан. Иаков не обратил на него внимания. Он по-прежнему смотрел на Хэла.

— То, что говорит отступник, — правда, — медленно повторил он. — Бесполезно допрашивать его — он был когда-то Избранным Господа.

— Это ты перестал быть Избранным! Я слуга Господа и остаюсь им!

Иаков снова никак не отреагировал на его слова.

— Мы от него ничего не узнаем. Может, кто-нибудь другой еще жив, тот, кто никогда не был Избранным. Такого человека мы можем заставить говорить.

Ствол ружья Дитя Господа снова нацелился в грудь офицера.

— Я говорю тебе, нет! — На этот раз Хэл схватил рукой ствол ружья. Иаков резко повернулся к нему. Лицо его выражало неприкрытое изумление.

— Ты сейчас уберешь руку с моего оружия, — медленно начал он, — иначе...

Легкий, едва слышный шорох раздался сзади, но, когда они обернулись, их пленник уже петлял между деревьями. Одним движением Иаков

опустился на колено, навел ружье и выстрелил. Сверкая белизной, от ствола дерева во все стороны полетели куски коры. Не отрывая взгляда от сосен, он медленно опустил ружье. Потом повернулся к Хэлу.

— Ты отпустил того, кто убил многих. И он будет продолжать убивать, пока нам снова не представится возможность покончить с ним.

Его голос звучал ровно, но взгляд обжигал Хэла.

— А ты, помешав мне, намеревавшемуся отправить его на суд Божий, дал ему возможность вновь обрести свободу. Мы будем вынуждены принять решение по этому случаю.

Глава 20

Через несколько минут на уступе появилась часть отряда во главе с Рух — они поднялись прямо по склону и атаковали милицейскую засаду в лоб. Крики участников боя и свист конусов прекратились, вокруг наступила тишина. Бойцы отряда, собрав ружья и снаряжение, оставшееся от побежденных, возвратились на нижний уступ. Пленных не было. Видимо, ни милиция, ни партизаны их не брали, если только не появлялась необходимость допросить захваченного врага. Офицера, сбежавшего в тот момент, когда Хэл отвлек внимание Дитя Господа, поймать не удалось. Хэл подумал, что, возможно, и другим милиционерам удалось скрыться. У отряда не оставалось ни времени, ни сил, чтобы преследовать беглецов.

Четырнадцать ослов были либо убиты, либо настолько тяжело ранены, что их пришлось добить. Поклажу, которую они несли, распределили по рюкзакам бойцов. Когда все приготовились идти дальше, только Рух и Дитя Господа не несли на себе груза.

До захода солнца оставалось еще около трех часов светлого времени дня, но, имея на руках убитых и раненых, партизаны остановились на привал уже через полтора часа. Однако они успели за это время, пройдя через перевал, спуститься значительно ниже и оказались в предгорной долине, очень похожей на ту, где стояли лагерем, когда Хэл и Джейсон впервые появились в отряде. После установки палаток и других укрытий состоялась погребальная церемония, прошедшая при красном свете заходящего солнца. За ней последовал ужин; они поели в первый раз за целый день, после того как утром покинули место ночлега.

После ужина Хэл пошел помогать Джейсону устраивать загородку для оставшихся у них ослов и ухаживать за ними. Он как раз занимался этим, когда появилась Рух.

— Я хочу поговорить с тобой, — обратилась она к Хэлу.

Они пошли вверх по течению небольшого ручейка, на берегу которого стоял лагерь, вышли за его пределы и остановились там, где их никто не мог услышать. Идя следом за ней, Хэл чувствовал, как его снова охватывает то необычное состояние, которое она пробудила в нем, и еще

ощущение, что он впервые встречает подобного человека Черты ее характера представлялись ему уникальными, и они оказались созвучными внутренним особенностям его натуры. Их общее свойство — непохожесть на других — очень сильно влекло его к ней.

Наконец Рух остановилась на небольшой полянке у самого ручья и повернулась к нему. Уже начало смеркаться, и в угасающем, но еще достаточно ярком свете уходящего дня ее лицо выделялось особенно четко. Ему пришло в голову, что если бы он мог, то непременно создал бы из темного металла ее скульптуру.

— Ховард, — начала она, — ты и отряд должны прийти к соглашению.

— Отряд? Или Дитя Господа? — уточнил он.

— Иаков — это и есть отряд, — ответила она, — точно так же, как и я, и любой другой человек, выполняющий свой долг. Отряд не сможет существовать, если его бойцы станут действовать не по приказам. Никто не приказывал тебе нападать на позиции милиционеров в одиночку, да еще с игольным ружьем, которое едва стреляет.

— Я знаю, — грустным тоном произнес Хэл. — Я усвоил правило насчет приказов и необходимости им подчиняться в таком раннем возрасте, что

не помню, когда я его не знал. Но тот же самый человек, который научил меня этому, говорил: если необходимо, следует делать то, что должно быть сделано.

— Но почему ты решил, что у тебя вообще есть шанс что-нибудь сделать с таким оружием, да еще и одному?

— Я рассказывал тебе о своем прошлом, о том, как меня воспитывали, — ответил Хэл. Он умолк в нерешительности, но потом решил продолжить:

— До сегодняшнего дня я ни разу в жизни не стрелял в живого человека. Но тебе придется признать один факт, тебе и всему отряду. Наверное, к стычке, подобной сегодняшней, я подготовлен лучше, чем кто-либо другой в отряде, исключая, разумеется, тебя или Иакова.

Она ничего не говорила, только пристально смотрела на него. Перед его мысленным взором снова возникли фигуры в черном — смеющиеся и стреляющие вниз, в сторону тропы.

— По большей части все получалось рефлекторно, — продолжал он. — Но я делал только то, что умел.

Рух кивнула:

— Ну хорошо. А как ты себя почувствовал, когда все это кончилось? Как ты чувствуешь себя

сейчас?

— Меня мутит, — ответил он с грубоватой прямотой. — Сначала я словно оцепенел, сразу после того, как все кончилось. А сейчас меня тошнит, и я словно обессилел. Мне хочется лечь спать и не вставать целый месяц.

— Все мы тоже хотим спать, — сказала она. — Но никого из нас не тошнит из-за того, что произошло, — только тебя. Ты спрашивал своего приятеля Джейсона, как он себя чувствует?

— Нет, — покачал головой Хэл.

Несколько секунд Рух молча смотрела на него.

— В первый раз я убила врага в тринадцать лет, — сказала она. — Тогда я находилась в отряде, которым руководил мой отец. Их всех уничтожила милиция, а мне удалось убежать так же, как сегодня от тебя убежал тот офицер. Ты никогда не испытывал ничего подобного. Мы через все это прошли. Одно лишь умение участвовать в боевых операциях не ставит тебя выше любого из нас в этом лагере.

Его взгляд был по-прежнему устремлен на нее, но мысли странным образом блуждали где-то в пространстве. Он подумал о том, что ее непременно нужно изваять, но не в металле, а воспользоваться каким-нибудь темным камнем.

И вдруг ему вспомнился образ скалы на склоне горы, который помог ему преодолеть попытки Блейза Аренса подчинить его себе, предпринятые им в изоляторе для задержанных.

— Я думаю, ты права, — произнес он наконец, почувствовав внутреннюю опустошенность. — Да... ты права.

— Все мы прежде всего то, чем должны быть, — сказала она. — А уж потом то, что мы есть от природы. И Иаков тоже одновременно является и таким, каким родился на свет, и таким, каким обстоятельства требуют быть сейчас. Тебе необходимо понять обе эти стороны его личности. У тебя нет другого пути, если ты намерен оставаться бойцом нашего отряда. Ты должен научиться понимать и каков он есть, и каким обязан быть в качестве моего заместителя. Ты способен на это, Ховард?

— Хэл, — машинально поправил он ее.

— Я думаю, — покачала она головой, — что для всех нас лучше, если я буду по-прежнему называть тебя Ховардом.

— Хорошо. — Он глубоко вздохнул. «Там нет гнева, нет печали, нет губительных эмоций... — услышал он слова, которые — снова беззвучно, в его сознании — произнес Уолтер, — ...где есть

понимание». — Да, ты права. Мне нужно понять его. Значит, я попробую.

Он улыбнулся ей, подтверждая свою решимость.

— Ты должен суметь. — Голос Рух стал мягче. — Ну хорошо. Раз этот вопрос мы уладили, то... Ховард, ты сегодня очень много сделал для нас. Если бы не твой удар по правому флангу милицейской засады, то, возможно, ни группа Иакова, ни моя не смогли бы их одолеть. А если бы нас разгромили, то врагам осталось бы только не спеша спуститься вниз и перебить всех еще остававшихся в живых бойцов. Это действительно так, а кроме того, твоя помощь принесла нам большое количество ценных конических ружей и различных припасов. Учитывая эти обстоятельства, я собираюсь разрешить тебе обменять твое игольное ружье на одно из тех ружей, которые мы сегодня добыли.

Он кивнул.

— И еще я думаю, — продолжала она, — пришло время тебе узнать о наших делах и намерениях все, что знают остальные члены отряда.

— Джейсон предлагал мне спросить тебя об этом, — произнес Хэл. — Но я подумал, что лучше подождать, пока ты сама захочешь мне сообщить

то, что сочтешь нужным.

— Он был прав, — сказала Рух. — Вкратце дела обстоят так. Отсюда, где мы сейчас находимся, с этой стороны гор, нам надо уходить. Внизу, на равнинах, общая численность наших отрядов больше, чем способна контролировать милиция при ее нынешнем составе. Поэтому они берут под наблюдение лишь ключевые пункты. Существует около десятка путей спуска с этих гор на равнины, и шанс наткнуться на засаду у нас был пятьдесят на пятьдесят. Но теперь, когда мы уже преодолели один из их дозоров, нам наверняка ничто не угрожает, до тех пор пока они не узнают о наших дальнейших намерениях.

— Ты объясни мне вот что, — попросил Хэл. — Я знаю, что на этой планете из-за недостатка тяжелой техники сложно, да и слишком дорого, посылать сюда авиацию. Но наверное, у милиции есть какие-нибудь легкие поисковые самолеты, которые могли бы обнаружить нас с воздуха?

— Да, они у них есть, — ответила Рух. — Но их немного. Эти аппараты сделаны из дерева и ткани, и они не выдерживают непогоды. Это во-первых. Кроме того, между различными подразделениями милиции процветает соперничество, а это значит, что те, у кого есть такой самолет, не

очень охотно предоставляют его в распоряжение других. Есть проблемы и с получением горючего. Ну и наконец, если они все же поднимут в воздух одну или даже несколько машин, чтобы попытаться нас обнаружить, то это мало что им даст. Долины поросли густыми лесами, и девяносто процентов времени мы передвигаемся, скрываясь под их покровом. Остальные десять процентов приходятся на темное время суток, когда нас просто невозможно увидеть. Ты, наверное, и сам обратил на это внимание.

— Да, обратил.

— Из всего этого следует, — продолжала Рух, — что раз мы преодолели тот милицейский кордон, то можно надеяться, что милиция не будет нас беспокоить по крайней мере до тех пор, пока мы снова чем-нибудь не привлечем их внимание.

— Хорошо, а каковы тогда планы отряда? — спросил Хэл. — Ведь ты собиралась мне рассказать как раз об этом.

— Видишь ли, некоторых сведений я не могу сообщить тебе даже теперь, — откровенно сказала она. — Например, об объекте, являющемся целью нашей операции, знают всего несколько...

— По дороге в ваш лагерь, где я увидел тебя в первый раз, — перебил он ее, — я слышал, как

Хилари и Джейсон что-то говорили об энергетической геостанции.

Рух покачала головой.

— Теперь я припоминаю, — произнесла она немного устало. — Джейсон сказал, что ты подслушал их разговор. Дело в том, что и Джейсону не полагалось знать этого. Хилари — это другое дело, но вот Джейсон... Ну ладно, раз уж тебе это известно, ты можешь услышать и все остальное. — Она глубоко вздохнула. — Мы собираемся экспериментировать с собранным нами компонентом, — начала она. — Мы попробуем получить с его помощью гремучую ртуть. А затем, когда технология будет отработана, мы сообщим ее нашим сторонникам, таким как Хилари, которые произведут большее количество гремучей ртути, а мы впоследствии с ее помощью воспламеним и взорвем удобрение. Один килограмм этой ртути способен вызвать взрыв нескольких тонн пропитанного нефтью удобрения, основой которого служат нитраты. Само удобрение мы надеемся добыть со склада одного из заводов по его производству, в зоне фермерских хозяйств, на равнине. Мы собираемся совершить на него налет и захватить столько, сколько нужно, чтобы уничтожить геотермальную станцию. Иные

станцию используют, чтобы обеспечить энергией свои предприятия по строительству межзвездных кораблей здесь, на Северном Континенте.

— А такой завод может находиться в центре города? — спросил Хэл.

— Не совсем в центре, — ответила она. — Но, безусловно, в пределах городской черты. Одновременно с рейдом на завод мы совершим, в качестве отвлекающего маневра, нападение на склад металлов в том же городе. Нашим людям пригодится любой металл, какой нам удастся унести оттуда и затем тайно переправить через горы на побережье. Но нападение на склад металлов — это не главная задача, а операция прикрытия налета на склад завода удобрений, и не наоборот. Мы заберем удобрение, а потом подожжем склады, это поможет нам скрыть подлинную цель рейда.

— Понимаю. — Хэл уже продумывал тактическую схему проведения такой операции.

— Местное подразделение милиции, — продолжала Рух, — станет преследовать нас только до тех пор, пока мы не окажемся за пределами контролируемого ими района, если только у них не возникнет подозрения о настоящей цели нашего нападения. Если возникнет, то они могут

догадаться, что у нас на уме нечто большее, чем просто похищение металлов. В этом случае они передадут соответствующую информацию, после чего нас начнет активно разыскивать милиция всех районов, а не только того, где находится завод удобрений. И тогда у нас могут появиться некоторые затруднения при сборе взрывчатки в готовом к использованию виде.

— Это мне тоже понятно, — тихо сказал Хэл.

— Но если нам здорово повезет, мы взорвем и геостанцию, а затем, прежде чем поднимется тревога и за нами начнется погоня, сумеем прорваться обратно в горы. Если же нам повезет меньше, мы не сумеем прорваться в горы, а если все сложится совсем неудачно, то нас уничтожат прежде, чем мы попытаемся взорвать станцию.

— Разве вашему народу в этой части континента не нужна энергия для сельскохозяйственных и бытовых нужд?

— Нужна. — Она посмотрела ему прямо в глаза. — Но энергию этой станции используют и Иные на своей верфи для строительства космических кораблей, единственной в северном полушарии. Если мы взорвем станцию, им придется переориентировать все свои планы на использование верфи на Южном Континенте, но

она меньше по размерам и ее системы коммуникаций и обеспечения хуже.

— А не слишком высокую цену вы платите только за то, чтобы вставлять им палки в колеса? — спросил Хэл.

— В нашем деле низких цен не бывает, — ответила Рух. Налетел первый легкий порыв ветерка, обдав их ночной прохладой. В сумерках лицо Рух было по-прежнему видно отчетливо, но оно казалось каким-то далеким, словно сгущающаяся темнота подчеркивала ее отстраненность не только от него, но и от всех остальных во Вселенной. Внезапно Хэла охватило сильное волнение, и он, повинуясь необъяснимому порыву, положил руки ей на плечи, наклонился вперед и пристально посмотрел в глаза. В течение секунды их лица разделяли всего несколько дюймов, а затем, совершенно не отдавая себе отчета в том, что делает, он крепко обнял ее и поцеловал.

Хэл почувствовал ее растерянность и удивление, сменившееся через мгновение бурным ответным порывом, бросившим ее навстречу его объятиям. Но уже секунду спустя Рух уперлась ему в плечи ладонями и оттолкнула от себя с такой силой, которой он от нее не ожидал.

Он выпустил ее из своих объятий. Они стояли и

смотрели друг на друга почти в полной темноте.

— Кто ты? — Голос Рух звучал глухо и еле слышно. Он с трудом разобрал ее слова.

— Ты знаешь, кто я, — ответил он. — Я все тебе рассказал.

— Нет. — Ее голос оставался таким же глухим. Она пристально смотрела на него. — В тебе есть что-то гораздо большее.

— Если так, то я об этом не знаю.

— Ты знаешь.

Она не отрывала от него взгляда еще секунду.

— Нет, наверное, ты действительно не знаешь, — проговорила она наконец и отступила от него на шаг. — Я никому не могу принадлежать. — Казалось, ее слова доносились откуда-то издалека. — Я Воин Господа.

Он не нашелся, что сказать в ответ.

— Ты не понимаешь? — спросила она после паузы. Он покачал головой.

— Я одна из Избранных. Как Иаков. Ты знаешь, что это означает?

— Один из моих воспитателей был Избранным, — медленно ответил он. — Я понимаю.

— Это означает, что меня избрал Бог. Я делаю то, что должна делать, а не то, что мне хочется. — Теперь уже ее лица почти совсем не было видно

в сумерках. — Прости меня, Хэл.

— За что?

— За все, что я сделала, — ответила она.

— Ты не сделала ничего. — Его голос зазвучал более резко. — Это я.

— Наверное, — согласилась она. — Но и я тоже. Только, пока я отвечаю за отряд, я не могу быть другой.

— Да, — сказал Хэл.

Рух протянула руку и дотронулась до его плеча. Он почувствовал прикосновение пальцев, и ему показалось, что даже сквозь грубую ткань рукава рубашки он ощущает тепло ее руки.

— Пошли, — позвала она. — Нам еще надо поговорить с Иаковом, тебе и мне.

— Хорошо, — ответил Хэл. Рух повернулась, и они пошли обратно через лес.

В своей палатке посредине лагеря Иаков расстилал на полу спальный мешок, видимо, готовясь лечь спать. При их появлении у входа он перестал возиться с постелью, выпрямился и повернулся к ним. В свете лампочки, подвешенной к центральной опорной стойке палатки, его лицо, изрезанное глубокими морщинами, теперь выглядело гораздо более старым, чем казалось Хэлу до сих пор.

— Я выйду, — сказал он.

Он шагнул вперед, и они отступили в сторону, чтобы дать ему пройти. Из палатки наружу через отстегнутый и поднятый клапан входа проходило достаточно света, чтобы в ночной темноте можно было разглядеть лица друг друга.

— Иаков, — начала Рух. — Я говорила с Ховардом, и я думаю, он теперь понимает, против чего мы с тобой возражаем.

Иаков посмотрел на Хэла, но ничего не сказал. Помня свое обещание постараться понять его, Хэл подавил в себе инстинкт настороженности, сработавший при виде двух глубоких темных провалов на лице, скрывавших устремленные на него глаза.

— Учитывая, что он помог нам добыть значительное количество исправных конусных ружей, я обещала отдать ему в качестве награды одно из них.

Иаков кивнул.

— И еще я полностью посвятила его в наши планы на ближайшие несколько недель.

— Отрядом командуешь ты. — Иаков повернулся к ней, когда она заговорила о ружьях. Теперь его лицо, казавшееся в темноте белесым пятном, было снова обращено к Хэлу. — Ховард, я твой

командир. Ты станешь мне подчиняться с этих пор?

— Да, — ответил Хэл.

Он чувствовал себя совершенно обессилевшим. Его собеседники, наверное, тоже. Они больше ничего не говорили. Он переводил взгляд с Рух на Дитя Господа. Все трое стояли на некотором расстоянии Друг от друга, в вершинах невидимого треугольника.

— Если это все, — сказал Хэл, — тогда я пойду в свою палатку. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — ответила Рух, не сдвинувшись с места.

— Все мы во власти Господа, — произнес, также не пошевелившись, Иаков.

Хэл повернулся и пошел прочь. Большого общего, костра в эту ночь не разжигали, так что, когда он повернулся спиной к палатке, его сразу же окутала тьма. Но, разбивая лагерь, в отряде всегда придерживались одной и той же планировки, и кроме того, пока он шагал в темноте, его глаза начали привыкать к ней, и вскоре неяркого лунного света стало уже достаточно, чтобы он смог найти дорогу к своей палатке. Добравшись до нее, он увидел, что внутри горит включенная на минимальную яркость лампочка, тусклый свет

которой едва освещает изогнутую поверхность холодных стенок его ночного убежища.

Джейсон крепко спал. Хэл молча разделся, выключил лампочку и забрался в спальный мешок. Он лежал на спине, уставившись в темноту, пребывая в каком-то промежуточном состоянии между сном и бодрствованием. Перед его мысленным взором вновь вставали картины восхождения по отвесной скале, он опять видел перед собой милиционера из первой группы, которого одобрительно похлопывал по спине его товарищ, и слышал, как тот смеется в ответ. Он снова нажимал спуск игольного ружья и видел, как падали, один за другим, три человека. Он швырял конусные ружья, превращенные им в гранаты, туда, где притаились группы засады. Он следил за тем, как ружье в руках Иакова, развернувшись, нацеливалось в грудь милицейскому офицеру, и отталкивал его ствол в сторону...

Рух, ее лицо в неярком свете угасающего дня... Хэл крепко зажмурил глаза, стараясь заснуть, но на этот раз и разум и тело отказались ему повиноваться. Так он лежал, а его память вызвала призраки трех пожилых людей, они явились и стали в темноте вокруг него.

— Это случилось у него впервые, — произнес

Малахия. — Он нуждался в ней.

— Нет, — возразил Уолтер, — впервые это случилось, когда мы умерли. А тогда там не оказалось никого, кто мог бы помочь ему.

— Когда нас убивали, все было по-другому, — сказал Малахия. — На этот раз это делал он сам. И если он не должен опускаться с этой отметки все ниже и ниже, до тех пор пока не утонет, тогда ему нужна помощь.

— Она не сможет ему помочь, — вздохнул Авдий. — Она сама находится во власти Божьей воли.

— Он не погибнет, — решительно проговорил Уолтер. Экзот оказался самым непоколебимым в своем мнении из всех троих. — Он уцелеет без кого бы то ни было и без всякой помощи, если он должен уцелеть. За становление этой части его души отвечал я. И заверяю вас: он переживет не только такое, но и гораздо худшее.

— Если, конечно, ты не ошибаешься, — с грубоватой прямотой заметил Авдий.

— Ошибки здесь недопустимы, — мягко отпарировал Уолтер. — Хэл, ты не спишь только потому, что сделал для себя такой выбор. Все твои действия, даже это, подвластны разуму. А то, что невозможно исправить, следует отло-

жить в сторону до той поры, когда исправление станет возможным, если, конечно, такая пора наступит. Помнишь, чему я тебя учил? Выбор — это единственная вещь, которую невозможно у тебя отнять, вплоть до момента неизбежного выбора смерти. Поэтому если ты хочешь лежать без сна и страдать — лежи и страдай, но учти: это состояние ты выбрал для себя сам, и оно вполне подвластно твоей воле.

Хэл открыл глаза, заставил себя сделать глубокий выдох и обнаружил, что выдыхает воздух сквозь крепко стиснутые зубы. Он расслабил челюстные мышцы, но все равно продолжал лежать, уставившись в темноту.

— Я не могу, — наконец произнес он вслух.

— Нет, ты можешь, — спокойно возразил ему призрак Уолтера. — И это, и многое другое.

Постепенно стянутый внутри него узел ослабел. Стены, ограничившие тесное, замкнутое пространство, в которое он поместил себя сам, распались, и вокруг него снова открылся весь мир.

Он спал.

Глава 21

Утром отряд двинулся дальше и во второй половине дня вышел на холмистую равнину, поделенную на фермерские поля. Люди словно оказались в оазисе после долгого скитания по пустыне, и чувство горечи от потерь, не покидавшее их после кровавой схватки с милицией и сделавшее всех угрюмыми и молчаливыми, стало проходить. Даже те, кто был ранен, приободрились и, опираясь на локти, стали приподниматься на носилках, подвешенных посредине между идущими попарно ослами. Оглядываясь вокруг, раненые с наслаждением вдыхали теплый воздух предгорий, иногда негромко смеялись во время разговоров с шедшими рядом бойцами, тащившими на себе тяжелые рюкзаки.

Хэлу было известно, что этот регион Гармонии, единственный на обоих обнищавших Квакерских мирах, почти достиг того уровня благосостояния, которое можно считать богатством. На здешней тучной и плодородной земле фермерами производилось много продукции, и ее хватало, чтобы накормить голодных обитателей близлежащих

крупных городов.

Как только они достигли фермерских владений, отряд стал распадаться. Раненых разобрали по своим домам местные жители, чтобы ухаживать за ними и лечить. Здоровые бойцы отряда разделились на небольшие группы — им предстояло в открытую добираться пешком к месту сбора около объекта намеченной операции — завода удобрений в небольшом городке, расположенном в нескольких сотнях километров от горного массива.

Хэла разлучили с Джейсоном и включили в группу из десяти человек во главе с Иаковом. Эту группу, так же как и все остальные, подбирали таким образом, чтобы со стороны она казалась одной семьей, состоящей из представителей нескольких поколений. Дело в том, что все работы на фермах в центре Северного Континента Гармоний велись вручную, и единственную тягловую силу представляли собой ослы. Жили фермеры большими семьями: вступавшие в брак сыновья и дочери приводили в дом своих супругов, в конце концов семьи разрастались так, что насчитывали по двадцать и более человек, а подчас количество связанных родственными узами людей, живших на одной ферме, доходило

и до шестидесяти.

Если такая семья или ее часть находилась в пути, то казалось, что это движется по дороге небольшой отряд, поэтому, когда группа из десяти бойцов под предводительством Дитя Господа в роли главы семьи отправилась к месту встречи, она ни у кого не вызывала никаких подозрений. Одетые в полученные от сочувствующих им местных фермеров куртки и широкие брюки или юбки серого, темно-синего и черного цвета, с узенькими галстуками на шее и черными беретами на голове, они ничем не отличались от обычных путников, нередких на этих дорогах в глубине континента.

Хэл почувствовал, что с изменением окружающей обстановки стало меняться и его отношение к происходящим вокруг событиям. Шагая по дорогам, приподнимая, как и все, свой берет при встрече с другой семьей, идущей навстречу, он обнаружил, что происшедшая перемена принесла ему как приобретения, так и потери. Оказавшись среди полей, в окружении фермерских домов, он утратил то чувство беспредельной свободы, которое пробудили в нем горы. Хэл снова очутился в ограниченном пространстве, не столь замкнутом, как то, которое постоянно давило на

него на Коби, но все же достаточно тесном, чтобы его сознание вновь оказалось в узде.

У него опять пропала потребность заниматься поэтическим творчеством. Вместо нее им овладели новые ощущения, но разобраться в них он пока не мог. Каким бы странным это ни показалось, но ход недавних событий он воспринимал так, словно находился в горах, будучи в отпуске, а теперь снова возвратился на работу в такой мир, где необходимо принимать во внимание практические стороны жизни.

Нападение милиции на перевале, мгновение чувственной близости с Рух и предшествующая ей стычка с Иаковом заставили его внимательнее присмотреться к тому окружению, в котором он оказался. За короткое время члены отряда стали ему ближе тех, кто находился рядом с ним на Коби. И дело заключалось не только в том, что вместе с бойцами он сражался против милиции. Эти люди посвятили себя общему для них делу, они имели одну и ту же цель в жизни, и это побуждало его опять задуматься о своем посвящении и о своей цели в жизни. В конечном счете Тонина, Сост и Джон были нужны ему на Коби, но они не нуждались в нем по-настоящему. А здесь, на Гармонии, он словно сделал шаг, чтобы стать

ближе ко всему человечеству. И в то же самое время он еще яснее почувствовал, какая дистанция отделяет его от каждого из этих людей. Ему страстно хотелось близости с Рух, и в то же время он не видел никакой возможности когда-либо осуществить свое желание. Его весьма огорчали натянутые отношения с Иаковом, во многом напоминавшим ему Авдия. А он любил Авдия и поэтому считал, что должен суметь относиться к Иакову по крайней мере с симпатией.

Дело заключалось не просто в старании внушить себе это чувство к пожилому и фанатичному аскету. Подобно Авдию, Иаков олицетворял собой саму-сущность квакерской Осколочной Культуры. Хэла очень интересовали квакеры, так же как экзоты и дорсайцы, и в то же время он сожалел о них, поскольку Уолтер, обучая его, поведал, что в конце концов все эти три культуры должны исчезнуть.

И все-таки Хэл не мог заставить себя симпатизировать Иакову, тем более восхищаться им. Если смотреть на него беспристрастно, то это был всего лишь самоуверенный и упрямый человек, не обладающий никакими достоинствами, кроме боевых навыков, волею случая попавший в ряды противников Иных и таким образом в конфлик-

те с ними оказавшийся на той же стороне, что и Хэл.

Эти рассуждения навели его на новую мысль. Хэл не мог продолжать вести бездумную жизнь, оставаясь одним из бойцов отряда Рух, в надежде, что ему всегда будет удаваться избегать столкновений с Иными. Смысл его жизни должен заключать в себе нечто большее. Ему необходимо выработать собственные долговременные стратегические планы. Но какие? И Хэл снова, наверное уже в сотый раз, погрузился в размышления на эту тему. Вдруг поток его мыслей прервал внезапный оклик.

Это произошло на исходе третьего дня с того момента, как своей маленькой группой они пустились в странствия по дорогам, продвигаясь к намеченному месту сбора. Они только что преодолели вершину невысокого холма и намеревались спуститься в широкую, километров пять в поперечнике, низину, где среди уже успевших примелькаться свежевспаханных полей стояли на значительном удалении друг от друга несколько фермерских усадеб, окруженных деревьями, высаженными для защиты жилых и хозяйственных построек от ветра. От ближайшей из таких усадеб навстречу им по дороге

поднимался, что-то крича и размахивая руками, невысокий полный человек примерно одного возраста с Иаковом.

Поравнявшись с незнакомцем через минуту-другую, они остановились и стали с ним разговаривать. Лицо человека разрумянилось от быстрой ходьбы в гору, он снял свой берет и во время разговора обмахивался им, словно веером.

— Ты — Дитя Господа, а это солдаты Господа из отряда Рух Тамани? Мы только что получили сообщение о том, что вы идете сюда. Не заночуете ли вы на моей ферме? Вы окажете нам честь, если, по Божьему благословению, примете мое приглашение. И кроме того, я уже давно хочу поговорить с кем-нибудь из бойцов такого отряда.

— Хвала Всевышнему, пославшему тебя к нам, — сказал Иаков. — Мы будем твоими гостями. — Его слова, произнесенные резким голосом в теплом предвечернем воздухе, прозвучали скорее как приказ, а не вежливое принятие приглашения, но гостеприимный фермер, похоже, не обиделся и, обмахнувшись беретом еще пару раз, надел его на голову.

— Идемте, — позвал он и стал спускаться по склону холма, продолжая по дороге разговаривать с Иаковом, ничуть не обескураженный его

короткими, иногда резкими ответами.

Ферма, куда они направлялись, представляла собой единое сооружение, значительно превышающее по размерам обычную семейную усадьбу. Его жилая часть состояла не менее чем из дюжины сообщающихся между собой строений. Войдя на центральный двор этого комплекса, огороженный с трех сторон различными постройками, они услышали звуки музыки, доносившиеся из открытых дверей самого большого здания, куда они и направлялись. Видимо, там кто-то играл на флейте или просто включил запись музыки.

— Извините меня! — проговорил хозяин. Он устремился вперед и исчез в темном прямоугольнике дверей. Звуки музыки внезапно оборвались, и через минуту он снова появился в дверях с таким же порозовевшим лицом, как при встрече с ними на склоне холма.

— Я виноват, — произнес он, обращаясь главным образом к Иакову. — Эти дети... Но он хороший мальчик. Он просто еще не понимает... Простите его.

— Не воздавайте хвалу Господу музыкой и другими праздными забавами, ибо он, Всемогущий, не пребывает в праздности и не потерпит ее пред очами своими, — мрачным тоном изрек Иаков.

— Да, я знаю, знаю. Нынешние времена... Теперь все меняется так быстро, а они не понимают... Но вы проходите, проходите!

Когда они следом за ним вошли со двора, по-прежнему ярко освещенного солнцем, в просторную комнату, то сначала она показалась им погруженной в полумрак. Потом, когда глаза Хэла приспособились к слабому освещению, он разглядел стулья и скамьи, беспорядочно расставленные на чистом и гладком деревянном полу, и огромный очаг у стены. Через проем в противоположной стене просматривалась следующая комната, и там во всю ее длину, от стены до стены, стоял стол, за которым, наверное, могли одновременно разместиться человек пятьдесят.

— Садитесь, садитесь, — приглашал хозяин. — Простите, я не представился. Меня зовут Годлан Амджак, а это — мое хозяйство. Дитя Господа, не согласишься ли ты оказать нам честь и сказать несколько слов но время вечерней службы?

— Я не проповедник и никогда не стремился им стать. Я Воин Господа, и этого вполне достаточно, — поправил его Иаков. — Хорошо, я буду говорить.

— Благодарю тебя.

— Лучше благодари Господа нашего, твоего и

моего.

— Да, конечно, конечно. Я благодарю. Я благодарю Господа. Ты, совершенно прав.

Молодые мужчины и женщины в традиционной одежде, белой сверху и темной снизу, робко входили в комнату, неся кувшины с холодной водой и тарелки с маленькими темными лепешками. Некоторое время они сидели, угощаясь лепешками и запивая их водой. Иаков от лепешек отказался, но воды выпил. Когда трапеза закончилась, их провели через дом в прямоугольный внутренний двор с выложенным камнем полом и выбеленными стенами без всяких украшений, за исключением черного креста высотой в человеческий рост, нарисованного тонкими линиями на одной из торцевых стен. Под крестом у стены находилось небольшое возвышение из темного дерева, а перед ним стоял аналой, на крышке которого, однако, ничего не лежало.

Двор уже заполнили люди; несомненно, это были члены многочисленного семейства Годлана Амджака. Построившись рядами, они стояли по обеим сторонам центрального прохода двумя группами. Годлан провел своих гостей по этому проходу к специально оставленному для них свободному пространству впереди группы, стоящей

справа, в нескольких шагах от креста и аналоя. Как только прибывшие заняли отведенное им место, Годлан взошел на возвышение и посмотрел вниз на собравшихся. Всю территорию двора уже скрывала глубокая тень, падавшая от окружающих строений, но видимый кусочек неба над головой по-прежнему оставался ярко-голубым, без единого облачка.

На минуту во дворе воцарилась полная тишина, как будто все собравшиеся затаили дыхание. Потом Годлан заговорил.

— Сегодня Господь осчастливил нас тем, что у нас в гостях находятся десять Воинов Господа из отряда, возглавляемого Рух Тамани, в том числе один из ее заместителей. Эти люди сражаются с отродьями самого сатаны — с Иными и с их приспешниками, с теми, кто старается внушить нам, что прежде всего мы должны почитать их, а нашу веру и нашего Господа отодвинуть на второй план. Но особое значение для нас имеет то, что человек, о котором я упомянул, Дитя Господа, будет говорить с нами в этот час молитвы. Это великая честь, и мы не забудем об этом никогда, пока существует наша семья.

Годлан сошел с возвышения и посмотрел на Иакова; тот вышел из первого ряда стоящих перед

аналоем и поднялся на возвышение. Его худое лицо, обращенное к собравшимся для молитвы людям, приковало к себе внимание, его голос звучал над их головами, как набат.

— ...И видел я выходящих из уст дракона и из уст зверя и из уст лжепророка трех духов нечистых, подобных жабам: Это — бесовские духи, творящие знамения; они выходят к царям земли всей вселенной, чтобы собрать их на брань в оный великий день Бога Вседержителя...[14].

Он умолк, глядя на всех, кто находился перед ним.

— Вы знаете это место из Откровения?

— Знаем. — Голоса стоящих вокруг Хэла людей слились в негромкий, но дружный хор.

— И он собрал их на место, называемое по-еврейски Армагеддон[15].

Иаков опять помолчал.

— Вы также знаете, — заговорил он снова, — что и этот зверь и этот лжепророк, чей приход был предсказан в Откровении, сейчас находятся среди нас. Но я думаю, что для тебя, для тебя и для тебя их приход не имеет никакого значения.

---

[14] Примечания: 14
Библия. Новый Завет Откровение Иоанна Богослова. 16: 13-14

[15] Примечания: 15
Откровение, 16: 16.

Потому что тот, кто предан Господу, живущему во веки веков, никогда не сможет отступиться от Него, который был всегда и всегда пребудет. Есть всего один день, день Воскресения; и для вас, известных Ему или избранных быть Его слугами, не имеет значения, когда наступит этот день и этот час. Все, кто не такие, как вы, это те, кого Он отторгнет в этот решающий час. Но вам, пребывающим среди тех, кто не будет отторгнут, нет нужды вопрошать: «Когда придет тот час и наступит тот момент, в который я должен буду засвидетельствовать преданность моему Господу?» Ибо всех, кто служит Ему, призовут для такого свидетельства, и когда это случится, не имеет значения.

Последовала долгая пауза, так что Хэл сначала подумал, что Иаков все сказал и сейчас отойдет от аналоя и спустится вниз. Но он продолжал:

— Не имеет значения и то, какую форму примет твое свидетельство. И особенно заблуждается тот, кто надеется представить свое свидетельство легко, и тот, кто мечтает предстать перед Всевышним в ореоле мученика. Важна не форма представления свидетельства, а само свидетельство.

Помни, когда оно от тебя потребуется — но-

чью или днем, от бодрствующего или спящего, находящегося в уединении или среди толпы, — важным будет только одно, а именно: сможешь ты его представить или нет. Ибо тот, кто есть часть Живого Бога, не может не суметь поднять в тот момент знамя своей веры; тот же, кто не есть, не найдет сил сделать это.

По рядам слушателей пронесся вздох, такой тихий, что Хэл едва уловил его.

— Все, кто не с Господом, обречены. Но те, кто свидетельствует свою преданность Ему, делают это не только в надежде на вечную жизнь. Ибо твой долг перед Ним и деяниями Его лежит вне тебя. Представь себе, что Господь пришел к тебе прежде, чем для тебя наступил момент засвидетельствовать свою преданность Ему, и сказал: «Ты воин мой и слуга. Но мои деяния требуют, чтобы ты был отторгнут вместе с теми, кто не признает меня». И только если ты истинный поборник веры, ты сумеешь тогда ответить ему правильно: «Если такова воля Твоя, Господи, да сбудется она и да будет так. Ибо дать мне засвидетельствовать мою преданность Тебе — это все, о чем я прошу...»

Последнее предложение Иаков произнес почти шепотом, но этот шепот долетел до самой даль-

ней стены во дворе.

— «Ибо Ты, Господь мой, был со мной все мои дни и будешь со мной всегда, и того, что есть Ты, у меня не сможет отнять никто...» — И снова его голос понизился до хриплого, еле слышного и вместе с тем проникновенного шепота:

— «... даже Ты, мой Боже. Ибо как Ты есть во мне, так и я есть в Тебе во веки веков, вне времени и пространства; ибо Ты был прежде этих вещей и будешь после них; и оставаясь с Тобой, люди не могут быть истреблены, но будут пребывать в вечном бессмертии».

Иаков закончил последнюю фразу так спокойно и так естественно, что не только Хэл, но и все остальные, слушавшие его, оказались неподготовленными к тому, что он закончил проповедь. И только когда он отошел от аналоя и, спустившись вниз, возвратился на прежнее место в первых рядах собравшихся, они поняли, что это все. Годлан вышел вперед, поднялся к аналою и повернулся лицом к стоящим перед ним людям.

— Мы споем «Солдат, не спрашивай», — сказал он. Они запели без аккомпанемента, но с тем гармоничным слиянием голосов, которое характерно для людей, привыкших петь сообща. Хэл пел вместе со всеми эту песню, когда-то

служившую гимном квакерским наемникам, отправлявшимся воевать на другие планеты. Он услышал ее от Авдия и выучил так давно, что уже не помнил той поры, когда не знал ее.

Солдат, не спрашивай себя,
Что, как и почему.
Коль знамя в бой ведет тебя,
Шагай вослед ему!

Когда песня была допета, Годлан спустился с возвышения вниз. Вечерняя служба закончилась. Померкнувший дневной свет превратил небо над ними из ярко-голубого в темно-синее, но появиться на нем сверкающим искоркам звезд время еще не пришло.

— Идемте со мной, — обратился Годлан к Иакову. Он провел своих гостей обратно в дом и предложил пройти в столовую, где усадил их на почетные места во главе длинного обеденного стола. Сам он занял один из двух стульев здесь же, в его торце. Второй, стул оставался пустым.

— Моя жена, Миа, — сказал Годлан, обращаясь к сидящему рядом с ним по правую руку Иакову и жестом указывая на пустой стул, словно представлял ему призрак.

— Пусть всегда хранит ее Господь, — произнес

Иаков.

— В Его руках, — отозвался Годлан. — Прошло шестнадцать лет со времени ее кончины. Этот большой дом, где мы все собрались, построен по ее плану.

Иаков молча кивнул.

— Ты не женат? — спросил Годлан.

— Мы с моей женой прожили с Божьего благословения два года и пять дней, — ответил Иаков. — Потом ее убили милиционеры.

Годлан растерянно посмотрел на него и заморгал глазами.

— Какой ужас!

— Так распорядился Господь.

Вдруг Годлан резко обернулся к открытой двери, находящейся за его спиной, в дальнем конце комнаты, откуда доносились звуки и запахи, характерные для кухни.

— Ну, идите сюда! Живее, живее! — крикнул он. После этих слов в столовую гурьбой вошли взрослые члены семьи; одни уселись за стол, заняв все пустовавшие до этого стулья, в то время как другие внесли подносы, заполненные разнообразными кушаньями.

Угощение было отменным. Хэл насчитал более пятнадцати различных блюд. По сравнению с

тем, как их принимали и кормили на других семейных фермах, с тех пор как они спустились с гор, это напоминало настоящий банкет. Очевидно, Годлан расстарался вовсю и не пожалел своих припасов. В числе яств, поданных на стол, было и несколько овощных кушаний, приготовленных с учетом предписаний, определяющих, что могут позволять себе есть люди, подобные Иакову. Хэл ни разу не видел, чтобы тот ел с таким аппетитом, утолив голод, старый аскет стал необычайно общительным и отвечал на вопросы Годлана все более и более пространно. А когда все перешли в просторную гостиную и оба они сели вместе около очага, где в этот прохладный весенний вечер развели огонь, игравший отблесками пламени на лицах, Иаков разразился монологом, по ходу которого Годлан лишь изредка задавал короткие вопросы.

— ...Нет сомнения, — говорил Иаков, — что численность милиции увеличивается день ото дня, по мере того как растут ряды тех, кого удается совратить дьявольским отродьям. Это факт, который нужно признать. И на то есть воля Господа.

— Но... — Годлан замялся. — Но ведь ты сам... Ты же надеешься.

— Надеюсь? — На освещенном пламенем очага

худом, изрезанном морщинами лице Иакова отразилось недоумение.

— Ну, надеешься, что в конце концов милиция и все остальные приспешники дьявольских отродий непременно окажутся побежденными и изгнанными из нашего мира.

— Надеяться не входит в мои обязанности, — пожал плечами Иаков. — То, что происходит, угодно Всевышнему.

— Но ведь ему не может быть угодно, чтобы все, что мы здесь создали трудами нескольких поколений, так же как и на Ассоциации, было бы отнято у нас такими, как они?

Чтобы наши церкви закрылись, наши голоса, произносящие слова молитв, умолкли, а все творения наших рук обратились в прах? — взволнованно произнес Годлан.

— Тебе что, известна воля Господа? — резко спросил Иаков. — Может, он возжелал именно этого, а если так, то кто мы такие, чтобы вопрошать Его? Не ты ли всего лишь час тому назад пел вместе со мной и со всеми остальными: «Солдат, не спрашивай...»

Годлан медленно покачал головой:

— Я не могу поверить, чтобы он...

— Ты беспокоишься о своих детях и о детях

своих детей, — произнес Иаков уже более примирительным тоном. — Но не забывай, что даже они не твои. Господь лишь ненадолго одолжил их тебе, и он поступит с ними так, как нужно ему.

— Но ведь дела обстоят не так уж плохо, — сказал Годлан. — Конечно, милиция доставляет нам неприятности; правда и то, что в городах те, кто пресмыкается перед Иными, сумели устроить свою жизнь. Однако основа нашей земли — наш народ и наша религия здесь, вдали от городов, — остаются нетронутыми. Мы...

— Ты хочешь сказать, что в твоем маленьком уголке по-прежнему царит мир? — прервал его Иаков. — Но загляни за этот уголок. Когда ты понадобишься, когда твои дети и твои поля станут нужны Иным для своих целей, разве они не придут и не заберут все это себе? Посмотри не только на города этого мира, а на все города всех миров. Всюду дьявольские отродья вторгаются почти без помех, не встречая практически никакого сопротивления. На тех из нас, кто тверд в своей вере, Иные не могут подействовать, но все остальные, однажды встретившись с ними, безоговорочно подчиняются им только потому, что эти новые, фальшивые и лживые кумиры погладили их по голове или обронили слово похвалы в их адрес.

Тот зверь и тот лжепророк, о которых говорится в Откровении, уже находятся среди нас, собирают свои силы для Армагеддона по всем мирам.

— Но, когда наступит Армагеддон, Бог победит!

— Да, но по-своему.

Годлан покачал головой и устремил безнадежный взгляд на полыхающий в очаге огонь.

— Я не верю этому, — тихо произнес он, словно обращаясь к очагу. — Я слышал, как многие говорят об этом, но не мог им поверить. Вот почему мне было необходимо поговорить с таким человеком, как ты. Как же можешь ты, посвятивший свою жизнь борьбе с врагами Господа нашего, говорить так, будто последняя битва может оказаться проигранной?

— Ты землепашец и мирный человек, — почти с грустью отвечал ему Иаков. — Но взгляни на окружающий тебя мир. Битва, о которой ты говоришь, уже проиграна. Времена уже изменились. И даже если все те, кого проклял Господь, исчезли бы завтра, все равно прежнего уклада жизни больше не существует, и не они его уничтожили, а мы сами. Разве я не слышал звучание музыкального инструмента — символа непристойности и праздности — в твоем собственном доме, когда я переступил его порог? И тот, кто играл на нем,

кем бы он ни был, по-прежнему находится под твоим кровом. А спустя час, во время вечерней службы, он, без сомнения, находился среди нас. И уж если твой собственный семейный очаг настолько погрузился в сточную канаву греха, как можешь ты надеяться на спасение множества людей, если его нельзя найти даже у тебя в доме?

Годлан поднял голову, оторвав взгляд от огня в очаге, и повернулся к Иакову. Пухлые губы на круглом лице шевельнулись, Годлан явно хотел что-то сказать, но из его горла вырвался лишь слабый нечленораздельный звук.

— Нет... Ну кто я такой, чтобы упрекать тебя? — сказал вдруг Иаков с неподдельной добротой в голосе. — Я только стараюсь показать, как обстоят дела в действительности. Тысячелетия Земля процветала, будучи колыбелью человечества, пока ее обитатели не скатились к порочному образу жизни, погрязнув в роскоши, в изобилии вещей, машин и инструментов. Уже тогда за этим мог наступить конец. Но Создатель дал людям еще один шанс, открыв для них новые миры. И все устремились в эти миры, начали их обживать. Каждый или каждая брали с собой тех, кого считали подобными себе, и начинали заново строить под незнакомым солнцем такую жизнь, какую

полагали наилучшей для себя. Однако в результате возникло только три новых народа, прежде никогда не существовавших. Это мы, поборники веры, потом те, кого мы называем отрекшимися от Бога, а сами они называют себя экзотами, и, наконец, люди-воины, дорсайцы. Но, как показало время, ни один из этих народов не оправдал надежд Всевышнего, каким бы самобытным он ни казался, а вследствие этой неудачи на свете появились те потомки от смешанных браков, кого мы называем Иными и кто стремится из всех миров сделать для себя увеселительный парк, а всех живущих там мужчин и женщин превратить в своих рабов. Разве ты не способен увидеть все это и понять, что мы снова отвергли данную нам возможность и что Господу теперь ничего не остается, кроме как предоставить нам пожинать то, что мы сами посеяли, и что для всех тех, кто именует себя человечеством, уготован единственный путь — окончательно и навеки сгинуть во мраке и безмолвии?

Годлан в растерянности смотрел на него.

— Но ты ведь продолжаешь бороться!

— Конечно! — ответил Иаков. — Я — приверженец Господа, и останусь им до конца. И я должен доказать ему свою приверженность тем, что буду

продолжать встречать врага, пока в моем теле сохраняется жизнь; и еще тем, что буду защищать тех, кого позволят защитить мои слабые силы, пока не наступит мой собственный конец. Какое мне дело до того, что все люди на всех планетах решили направить свои стопы к адской бездне? То, что творят они, погрязшие в своих грехах, меня не касается. Единственное, что для меня имеет значение, — это Господь и судьбы его приверженцев, одним из которых являюсь и я. В конце концов все те, кто устремился к адской бездне, окажутся преданными забвению; но я и все те, кто, подобно мне, жил, сохраняя чистоту веры, останутся в памяти Всевышнего.

Годлан опустил голову, закрыл лицо руками и просидел так несколько секунд. Когда он отнял ладони от лица и снова поднял голову, Хэл увидел, что кожа на его лице обвисла и оно выглядит очень постаревшим.

— Это то, что надо, — прошептал он.

— А тебя заботят твои семейные привязанности, — произнес Иаков почти мягко. — Это мне знакомо, потому что я помню то недолгое время, когда я был женат. Я помню, как мы с женой мечтали о наших будущих детях, которые так и не успели родиться. Именно своих детей тебе пред-

стоит защищать в эти грядущие мрачные дни. И ты надеялся, что я дам тебе повод думать, что ты сумеешь сделать это. Но я не могу оправдать твою надежду. Все, что тебе дорого, погибнет. Иные превратят Молодые Миры в свой грязный вертеп, и ничто не сможет их остановить. Обратись к Господу, брат мой, ибо нигде больше ты не сможешь найти поддержки.

Глава 22

Глубокой ночью, когда после обильного обеда все гости уже крепко спали в отведенной им для ночлега комнате, Хэл проснулся. Он окинул взглядом два ряда матрасов и застывшие на них в различных позах тела спящих. Лунный свет причудливо разукрасил их пятнами. Вокруг было тихо и спокойно.

Хэл приподнялся на локте, явно ощущая внутреннюю тревогу, заставившую его проснуться, но не находя ей объяснения. В следующий момент откуда-то издалека донесся еле слышный, повторяющийся звук, но никаких ассоциаций в его сознании он не вызвал. Звук явно шел снаружи, через окна, оставленные открытыми в дальнем конце длинной комнаты. Он поднялся с постели, прошел босиком к ближайшему открытому окну и выглянул во двор. Внизу, там, где вечером проходила служба, на одной из скамеек виднелась сгорбленная фигура человека, казавшаяся в лунном свете совершенно черной. Человек сидел неподвижно, но вдруг плечи его затряслись, правая рука потянулась ко рту, и снова раздался

тот самый звук. Человек кашлял. И теперь по очертаниям фигуры Хэл узнал этого человека; ему незачем было оборачиваться назад, чтобы посмотреть, чей матрас, накрытый одеялом, пустует.

Внизу на скамейке сидел Иаков. Еще дважды приступы кашля сотрясали все его тело, пока Хэл стоял у окна. Не дожидаясь следующего приступа, Хэл вернулся на свою постель. Некоторое время он лежал, не засыпая и прислушиваясь. Но Иаков не возвращался, и в конце концов Хэл снова заснул.

На следующее утро рассвет еще только окрасил небо на востоке в алые тона, а бойцы уже собирались двинуться дальше. Все домочадцы Годлана вышли, чтобы проводить их и снабдить заботливо приготовленными на кухне пакетами с холодной едой, которой они могли бы подкрепиться в пути до вечера, пока не найдут пристанища на ночь в следующей гостеприимной семейной усадьбе. Прощание с хозяевами получилось таким теплым, словно бойцы сами были частью многочисленного семейства Годлана.

Оказавшись снова на дороге, Иаков без лишних слов, как обычно, зашагал во главе группы. Глядя

на своего командира, Хэл не заметил ни на его суровом лице, ни в энергичной походке никаких изменений, которые могли бы указать на причину приступов кашля, мучивших его во дворе прошлой ночью. И тем не менее с этих пор он решил понаблюдать за заместителем Рух более внимательно.

Иаков продолжал вести их вперед размеренным шагом, и лишь через несколько недель, проснувшись однажды ночью в комнате, отведенной им для ночлега на очередной приютившей их ферме, Хэл снова обнаружил, что постель Иакова пуста. Выглянув наружу, Хэл увидел, как снова его сгорбленную фигуру время от времени сотрясал тяжелый кашель.

Хэл попробовал осторожно расспрашивать остальных членов группы и убедился, что о ночных бдениях Иакова никто из них ничего не знает, а на любое выражение беспокойства о здоровье заместителя их командира они, как правило, отвечали шутливыми замечаниями вроде того, что сделан он из кожи и металла и что никакая хворь не осмелится к нему подступиться.

Наконец они пришли к назначенному месту встречи — на ферму Молер-Бени, представлявшую собой очень большую усадьбу. Она

принадлежала двум семьям, так что там постоянно находилось не меньше ста двадцати работников. Сбор вновь воссоединенного отряда численностью около двухсот человек, а затем и его уход отсюда вряд ли могли привлечь к себе такое же внимание, как если бы все происходило во владениях какого-нибудь хозяйства средних размеров. И кроме того, от фермы Молер-Бени было меньше тридцати километров до Мэйсенвейла, небольшого города, где находились и склад металлов, и завод удобрений — две цели их будущей диверсии.

Группа, Куда входили Хэл и Дитя Господа, прибыла на место встречи последней, к вечеру этого по-летнему жаркого дня. И теперь легкий вечерний ветерок приятно холодил их разгоряченные лица, когда, сложив свое снаряжение в одном из просторных сараев для хранения оборудования и инструментов, временно приспособленном, под казарму, они шли на главную кухню фермы, чтобы утолить голод за поздним обедом.

После обеда Рух подозвала к себе не только Дитя Господа, но и Хэла и увела их в свою личную комнату в жилом доме фермы — спальню для гостей.

— Ховард, — обратилась она к Хэлу, как только

дверь за ними плотно закрылась, — я пригласила тебя сюда не для участия в обсуждении наших планов вместе со мной и с Иаковом, а чтобы получить от тебя необходимые нам сведения, которые ты приобрел в процессе своих прежних занятий боевой подготовкой.

Хэл кивнул.

— Теперь вы оба идите сюда, к карте.

Следом за ней они подошли к стоящему у раскрытого окна столу, где лежала крупномасштабная карта здешней местности, прижатая по углам гладкими камнями размером с кулак. Ветер, усилившийся с наступлением вечера, оправдывал эту предосторожность, тем более что насыщенный влагой и электричеством воздух предвещал приближение грозы.

— Иаков, я только что получила сообщение от наших друзей из Мэйсенвейла, — начала Рух. — Они пообещали устроить по меньшей мере полдюжины пожаров и организовать срабатывание охранной сигнализации на четырех предприятиях в южных кварталах, чтобы отвлечь внимание местной милиции от нужных нам объектов. На заводе удобрений мы обязательно столкнемся с каким-нибудь милицейским отрядом, но если эта затея с пожарами и с охранной сигнализа-

цией удастся, а налет на хранилище металлов, в котором ты, Ховард, примешь участие, пройдет, как мы задумали, то милиция на заводе сможет получить какую-нибудь помощь не раньше, чем мы уйдем оттуда, забрав удобрение.

— А теперь взгляните сюда, — повернувшись к столу, сказала она. — Вот ферма Молер-Бени. — Рух указала на точку в нижней части карты. — Почти прямо на юго-западе от нее вы видите Мэйсенвейл, на окраине которого находится завод удобрений. Он лежит на прямой линии, соединяющей ферму с центром города, где расположен склад металлов. А на юго-юго-западе... — Ее палец провел на карте линию, обогнувшую город и продолжившуюся за его пределами. — ...начинаются отроги горного массива Алдос, где мы постараемся скрыться, после того как добудем удобрение и...

Рух внезапно умолкла, услышав за окном гул тяжелых машин на воздушной подушке, и облегченно вздохнула. Хэл пристально посмотрел на нее. Обычно она никогда не позволяла себе проявлять какие-либо чувства, даже в такие важные моменты, как этот, когда наконец стал прибывать транспорт, от которого в большой степени зависел успех всей операции.

— Вот и грузовики, — произнесла она.

Они с тревогой и волнением ждали появления грузовиков с расположенных неподалеку ферм, владельцы которых обладали достаточным состоянием, чтобы иметь эти машины, и настолько одобряли действия отряда, чтобы рискнуть ими, участвуя в операции. Осуществить рейды на завод удобрений и в здание, где размещается склад металлов, без транспорта было бы просто невозможно. Однако до этой минуты не существовало полной уверенности, что добровольцев с грузовиками окажется достаточно. Теперь же, судя по усиливающемуся с каждой минутой гулу, отряду не придется испытывать недостатка в транспорте. Рух снова повернулась к карте.

— Теперь, когда они здесь, — продолжила она, — можно надеяться, что, если нам повезет, мы доберемся до проселочных дорог в предгорьях прежде, чем милиция сможет направить вдогонку за нами сколько-нибудь значительные силы, а оказавшись там, разгрузим грузовики, сведем с них на землю ослов и без особого труда уйдем от любого преследования. Водители заберут оставленные нами машины и...

— А что будет с водителями, если милиция их поймает? — спросил Хэл.

Рух сердито посмотрела на него.

— Я же сказала: ты здесь не для того, чтобы участвовать в обсуждении, а лишь в качестве источника информации. Впрочем... Как только мы разгрузимся, водители разъедутся на своих грузовиках в разные стороны по проселочным дорогам, тропам, а то и прямиком по бездорожью. С пустыми кузовами им нечего опасаться каких-либо обвинений, а не имея в руках достаточных улик, милиция даже не станет особенно усердствовать в попытках допрашивать местное население. Значение этого фермерского региона для выживания Северного Континента, да и остальной части Гармонии, Иные прекрасно понимают. Вот почему они позволяют жителям этой центральной равнины так свободно нарушать ограничения, которые повсеместно неукоснительно соблюдаются.

Шум от прибывающих грузовиков начал стихать.

— Они тут разжирели на тучных землях, которые почти не требуют обработки, — заметил Иаков. — Хотя надо сказать, что и среди них встречаются поборники веры.

— Во всяком случае, я ответила на твой вопрос, Ховард. Больше не перебивай. А теперь посмот-

рите сюда, на карту, на горный массив Алдос. Он простирается на юго-восток. Я думаю, мы сможем идти вдоль него в относительной безопасности до тех пор, пока не окажемся вблизи Ару мы, где находится геостанция с расположенным вокруг энергетическим комплексом. После этого нам придется покинуть предгорья и двигаться дальше по открытой равнине. Но это не очень далеко, и мы должны суметь совершить туда бросок часа за два и за такое же время вернуться обратно, после того как совершим диверсию на геостанции. Для этого, разумеется, нам снова понадобятся грузовики и помощь местного населения... Закрой, пожалуйста, окно, Ховард. Что-то они там расшумелись.

Повернувшись, чтобы подойти к окну, Хэл взглянул на Дитя Господа. Тот пристально смотрел в окно, его лицо было напряженным и злым. Когда Хэл потянулся к защелке на нижнем торце фрамуги, поворачивающейся на расположенных вверху шарнирах, на фоне общего гомона голосов он неожиданно услышал хриплые звуки какого-то музыкального инструмента, скорее всего концертины или аккордеона. В ту же секунду он рывком закрыл окно, но, обернувшись, увидел, что Иаков идет к двери с явным намерением

выйти из комнаты.

— Иаков! — резко окликнула его Рух. Но ее заместитель уже закрыл за собой дверь. Она резко вздохнула, не пытаясь скрыть своего раздражения, затем выпрямилась и повернулась к Хэлу.

— Послушай, пока у меня есть такая возможность, — торопливо начал Хэл, опасаясь, что она может отправить его следом за Иаковом, — я хочу спросить тебя — он болен?

Рух замерла, удивленно глядя на него, по-прежнему держа руку на карте.

— Болен? — переспросила она. — Иаков?

— По дороге сюда у меня возникло предположение, — пояснил Хэл извиняющимся тоном. И он сообщил ей о ночных уединениях Иакова, о приступах кашля, мучивших его. Когда он закончил, несколько секунд она молча, почти холодно смотрела на него.

— Ты рассказывал об этом еще кому-нибудь? — наконец спросила она.

— Нет, — покачал головой Хэл.

По тому, как чуть изменилась поза Рух, Хэл понял, что своим ответом немного успокоил ее.

— Это хорошо. — Некоторое время она снова молча рассматривала его изучающим взглядом, а когда заговорила, ее голос звучал ровно и

бесстрастно. — Он стар. Уже слишком стар для такого образа жизни, и к тому же с детских лет нагружал свой организм сверх его физических возможностей. Но остановить его невозможно. Его единственная цель в жизни — служить Господу до конца своих дней так, как он считает для себя наиболее правильным, и мы не окажем ему услуги, если попытаемся вмешаться в этот процесс.

— Разве этот кашель — только от старости? — спросил Хэл.

Потемневшие глаза Рух продолжали испытующе смотреть в его глаза.

— Этот кашель возникает оттого, что в его легких скапливается жидкость, когда он слишком долго лежит, распростершись ниц, — ответила она. — Его сердце изношено, изнашивается и его тело. Для него нельзя ничего сделать, пока он продолжает подвергать себя всем тяготам нашей жизни наравне с гораздо более молодыми людьми, а прекращать этого он не намерен. И кроме того, он нужен нам. Его жизнью в первую очередь распоряжается Господь, во вторую — он сам, и только в третью — тот, кто может ему приказывать.

— Я понимаю, — сказал Хэл. — Но...

Музыка за окном внезапно смолкла. Только откуда-то издалека доносился резкий, раздраженный голос Иакова; расстояние и эхо от стоящих вокруг построек делали его слова неразборчивыми.

— Но что произойдет, если отряд попадет в такое положение, когда судьба людей будет зависеть от того, насколько здоровье позволит ему выполнять его обычные обязанности, и... — Начав еще раз излагать свою мысль, он снова не договорил, видя, что Рух не слушает его, а старается уловить звуки, доносящиеся со двора. Несколько секунд он стоял, наблюдая за ней, словно невидимый соглядатай.

«Учись прочитывать все сигналы, — говорил ему Уолтер, — и не только те, которые ты сам улавливаешь глазами, ушами и носом, но также и те, которыми могут служить жесты и позы окружающих, являющиеся их реакцией на происходящее. Разобраться в ситуациях, представляющихся сложными из-за недостатка собственного опыта, может помочь наблюдение за теми, кто в данный момент находится рядом с тобой. Следовательно, учись воспринимать вторичную информацию. Дети и животные поступают так постоянно, инстинктивная способность к этому заложена во

всех нас, однако привычки и стереотипы поведения взрослого человека, а также наш здравый смысл подавляют эту способность».

Сейчас Хэл прочитывал в позе Рух, что шум во дворе вызывает у нее необычайное беспокойство, однако причины этого беспокойства оставались для него неясными. Но в данном случае его непонимание не имело значения, важно было увидеть реакцию Рух.

Внезапно, хотя Хэл не уловил никаких изменений в голосе Иакова, беспокойство Рух переросло в тревогу, побудившую ее к действиям. Не говоря ни слова, она повернулась и устремилась к двери. Хэл последовал за ней.

Вместе они вышли на широкий боковой двор фермы, территорию которого в наступившей уже ночи сверху освещали фонари, укрепленные на строениях, окружавших с трех сторон, двор. Вдоль одной из них вытянулась вереница тяжелых грузовых фургонов, а перед ними собралась молодежь из отряда вместе с парнями, одетыми как местные фермеры, — видимо, теми, кто пригнал сюда грузовики.

Большинство собравшихся теснились около одного из водителей, у которого через плечо на широком ремне висел аккордеон, по виду явно

самодельный. Но аккордеон молчал, молчали и стоящие вокруг люди, кроме Иакова, который говорил, обращаясь ко всем сразу, и все смотрели на него. Теперь, когда Хэл увидел их лица, ему стала понятна реакция Рух; бойцы отряда казались растерянными, а на лицах водителей отражались различные чувства: у кого молчаливое неприятие, а у кого и откровенная злость.

Увидев Рух, Иаков замолчал.

— Что здесь происходит? — спросила она.

— Танцы! — выпалил он. — Как вавилонские блудницы...

— Иаков! — Окрик Рух прозвучал весьма резко. Обведя взглядом остальных, она остановила его на водителях, которые придвинулись плотнее друг к другу и сбились тесной кучкой вокруг парня с аккордеоном.

— Это не праздник, — отчетливо проговорила она, — и не детская игра. Сейчас не имеет значения, что вам позволяет делать ваша община. Это понятно всем, кто согласился нам помочь?

Водители продолжали стоять молча. Аккордеонист, широкоплечий парень с буйно вьющимися каштановыми кудрями, сбросил инструмент с плеча и, перехватив рукой ремень, осторожно опустил аккордеон на землю у своих ног.

— Ну хорошо, — сказала Рух, не дождавшись иной реакции на обращенные к ним слова. — Прошу всех водителей подойти к своим машинам и встать около них. Бойцы нашего отряда уже разбиты на группы, каждая из них должна разместиться в одном фургоне. Начнем отсчет с этой стороны. Тогда группа номер один из подразделения, направляющегося на завод удобрений, занимает этот фургон, группа номер два — следующий, и так далее, пока все группы не будут распределены по фургонам. Затем следующий по счету фургон занимает группа номер один из подразделения, совершающего рейд на склад металлов, и так далее. Сейчас каждая группа подойдет к своему фургону, чтобы познакомиться с водителем. И он, и члены его группы должны знать друг друга в лицо.

Она повернулась, чтобы идти обратно.

— Иаков, Ховард! — позвала она. — Идемте со мной наверх, нам надо закончить наши...

— Подождите минутку!

Перебивший ее голос принадлежал аккордеонисту. Остановившись, Рух обернулась, и тот, оставив на земле свой аккордеон, подошел к ней и ее спутникам. За ним потянулись остальные водители.

— Это он, — сказал аккордеонист, стоя в метре от Рух и глядя мимо нее на Хэла. — Это тот, кого они ищут, верно? А если это он, то разве мы не должны были знать об этом?

— О чем ты говоришь? — спросила Рух.

— Вот о нем, — ответил аккордеонист, указывая на Хэла и глядя ему прямо в глаза. — Разве не из-за него поднялась вся эта кутерьма? А если из-за него, то почему он здесь вместе с нами и собирается принимать участие в деле, ведь само его пребывание среди нас может оказаться очень опасным?

— Этот человек — один из бойцов нашего отряда, Ховард Иммануэльсон, — произнесла Рух. — Если милиция разыскивает его, то она разыскивает и всех нас.

— Но не так, как его. — Аккордеонист взглянул в сторону Иакова, который подошел ближе и встал около Рух с другой стороны. — Они повсюду распространяют его изображения; кроме того, один офицер из Избранных по имени Барбедж, лет сорока, только тем и занимается, что ведет эти поиски. Он поднял на ноги весь район, пытаясь поймать этого Иммануэльсона. Вот я и говорю: держать его в вашем отряде очень опасно, а тем более брать с собой в этот рейд. Он должен

убраться отсюда.

— Этот офицер, которого ты назвал Избранным, хотя он один из врагов Господа, — как он выглядит? — спросил Иаков. — Выше меня ростом, черноволосый и щурит сразу оба глаза, когда; богохульствуя, пытается произносить благочестивые речи?

Аккордеонист удивленно посмотрел на него:

— Ты его знаешь?

Иаков перевел взгляд на Рух.

— Это тот офицер, который командовал засадой милиции на перевале, — пояснил Иаков. — Он видел нас обоих, Ховарда и меня.

— Но ищет он именно Иммануэльсона, — настаивал аккордеонист. — Спросите здесь кого угодно. Почему они его разыскивают?

— Таких вопросов здесь не задают, — громко и решительно заявила Рух, глядя ему прямо в глаза.

Аккордеонист на мгновение отвел взгляд, но тут же снова с вызовом посмотрел на нее.

— Это не только дело отряда, — продолжал он упорствовать. — Мы все собрались помочь вам, не зная, что он среди вас. Я снова повторяю: это большая опасность для всех! И если вы не скажете нам, почему они так хотят его найти, то вы

должны избавиться от него.

— Этим отрядом командую я, — сказала Рух. — И если ты присоединился к нам, то должен выполнять приказания, а не отдавать их.

Повернувшись, она сделала шаг, чтобы уйти.

— Но это несправедливо! — крикнул ей вдогонку аккордеонист. Послышался негромкий, но явно одобрительный ропот остальных водителей. — Это наша территория, командир! И это нам предстоит разбираться с милицией, после того как вы совершите ваши рейды и уйдете отсюда. И мы согласны на это; вы сами видите, что мы даже готовы помочь вам. Но если мы принимаем участие в ваших делах, мы должны иметь право высказать свое мнение о том, как вы делаете эти дела, когда видим в ваших действиях опасность для себя. Почему бы нам не проголосовать, оставаться ему или уходить? Разве не так всегда поступали в отрядах — по правилам, принятым для наемных солдат? Ведь они имели право голосовать, когда их командиры хотели сделать что-то такое, с чем были не согласны большинство из них?

На мгновение во дворе стало тихо. Все молчали.

— По законам наемников, — прервал молчание

Хэл, которому в наступившей тишине собственный голос показался каким-то чужим, — солдаты имели право смещать своих командиров, только если не меньше чем девяносто девять процентов из них...

Дальнейшие слова Хэла перекрыл возглас Иакова:

— Вы хотите голосовать?!

Все повернулись к нему. Он стоял, развернув плечи, слегка раскинув руки и наклонив вперед голову; его гневный взгляд был устремлен на водителей.

— Вы все желаете голосовать? — Отзвук его слов, отраженных стенами окружающих строений, эхом отозвался во дворе. — Вы, у кого еще не обсохло на губах молоко с ваших ферм, а башмаки облеплены навозом ваших хлевов, вы станете голосовать, останется ли в нашем отряде или будет изгнан из него человек, сражавшийся во имя Господа?

Он сделал два шага в их сторону. Они стояли не шелохнувшись, пристально глядя на него и почти не дыша.

— Кто вы такие, чтобы болтать тут о голосовании? Ховард Иммануэльсон воевал бок о бок с другими бойцами этого отряда, а вы — нет. Он

переносил наравне с остальными все тяготы походов, мерз и голодал вместе с нами, участвуя в борьбе против сатанинских отродий и их приспешников. Вас же все это не коснулось, вы росли в покое, сытости и уюте, играли и танцевали, пользуясь их попустительством. И какое дело таким, как вы, до того, почему милиция так упорно разыскивает воина Господа в вашем районе? Вы — откормленные и ни на что не годные овцы, на которых жируют наши враги. Мы же — волки Господа, и вы еще пытаетесь тут командовать нами?

Он помолчал. Водители стояли неподвижно. Даже парня с аккордеоном, казалось, захлестнули гневные слова Иакова.

— То, что вызывает у вас такой страх, для нас совершенно безразлично, — продолжал он. — Какое дело нам, сражающимся с ними, до того, что в вашем районе разыскивать Ховарда Иммануэльсона начнут особенно тщательно? Какое значение имеет для нас, если они распространят свои поиски на всю область, лежащую между двумя этими горными массивами, или на весь континент, на всю планету, или если его станут искать на всех планетах одновременно? Даже если бы против наших двухсот бойцов вдруг

выступило все остальное человечество и оно предложило бы нам выбор: мы выдаем одного из нас и получаем взамен все, чего хотим добиться, или в противном случае нас всех немедленно уничтожают, — то ответ был бы точно таким же, как если бы этот вопрос нам, находящимся в полном боевом составе и при оружии, задал играющий у дороги ребенок.

Он снова умолк. На его морщинистом лице глаза темнели, как беззвездный космос.

— Вы так боитесь — по крайней мере, некоторые из вас — находиться в одной компании с Ховардом Иммануэльсоном? — заговорил он снова после паузы. — Тогда забирайте ваши грузовики и уезжайте. Нам не нужны ни такие, как вы, ни ваше имущество, ибо нас, тех, кто сражается, осеняет десница Господа, а Он всемогущ.

Он перестал говорить, и на этот раз продолжения уже не последовало. Хэл взглянул на Рух, помня, как она облегченно вздохнула, услышав гул подъезжающих грузовиков. Но теперь она стояла молча, внимательно глядя на водителей. Позади нее так же хранили молчание бойцы отряда. Они тоже не сводили глаз с водителей и ждали. Постепенно водители зашевелились и начали расходиться, каждый из них направлялся

к своему грузовику, подходил к кабине и останавливался там в позе ожидания. Вот наконец и незадачливый аккордеонист, опустив голову, повернулся и последним пошел к своей сиротливо стоящей без хозяина машине.

— Ну хорошо, — сказала Рух сухо и негромко, но в тишине ее слова были слышны так же хорошо, как до этого страстная речь Иакова. — Группы, соберитесь у своих грузовиков. Командиры групп, коротко расскажите вашим водителям, куда они должны вас доставить и каковы должны быть их дальнейшие действия. Иаков, Ховард, вы идете со мной.

Она повернулась и пошла в свою комнату, чтобы продолжить вместе с ними разговор о предстоящей боевой операции.

Глава 23

Здание склада металлов в Мэйсенвейле располагалось посреди площади и представляло собой бетонную коробку без окон, окруженную высоким забором с сеткой, через которую был пропущен статический заряд. Укрепленное караульное помещение с постом управления воротами и массивные входные двери здания, залитые светом прожекторов, резко выделялись на фоне окружающей темноты. Склад находился в деловой части этого среднего по величине города, в двух кварталах от районного управления милиции.

Стояла одна из тех теплых ночей, какие наступают здесь, на равнине, с приходом весны, такая же как и предыдущая, когда на ферме Молер-Бени появились грузовики. За окнами караульного помещения было темно, поэтому никому из двенадцати бойцов группы, которую привез на своей машине к площади владелец аккордеона, не удалось рассмотреть, есть ли внутри охранники. Аккордеонист остановил свои фургон за углом ближайшей улицы, в тени между двумя уличны-

ми фонарями, и его пассажиры, среди которых находился и Хэл, потихоньку вышли и тоже, держась в тени, собрались за углом здания, выходящего фасадом на площадь. Водитель развернул грузовик задом к площади и остался в кабине, держа палец на переключателе режимов работы двигателя, чтобы в случае необходимости одним движением перевести его из состояния прогрева, в котором он находился, на холостые обороты.

Склад и ограждающий его забор, покрытые причудливым узором из света и тени, стояли, словно объятые сном. Позади главных ворот и караульного помещения на бетонную поверхность площади падала густая тень самого здания, за углом которого теперь стояли бойцы.

Хэл почувствовал, как мышцы его плеч расслабляются и прохладный ночной воздух глубоко проникает в легкие; это означало переход всего организма в состояние готовности к возможной схватке. Он почувствовал спокойствие и одновременно как бы отрешенность от происходящего; впервые эти два ощущения оказались вызванными одной и той же причиной. Он оглянулся, отыскивая глазами Джейсона, увидел его и первым вышел на площадь. Джейсон тут же присоединился к нему. Ведя вполголоса оживленный

разговор и словно бы всецело поглощенные им, они стали пересекать площадь наискосок, так чтобы затем пройти вдоль забора, ворот и караульного помещения, обеспечивающего охрану этого комплекса.

Пока они шли мимо караульного помещения, Хэл разглядел через одно из окон фуражку охранника; он в одиночестве сидел за столом. Хэл замедлил шаг, Джейсон сделал то же самое, и они постепенно остановились как раз напротив самих ворот, делая вид, будто целиком поглощены своей беседой.

Они продолжали разговор, но так тихо, что слова, произносимые каждым из них, можно было расслышать только находясь не дальше, чем на расстоянии вытянутой руки от собеседников. При этом они стояли всего в нескольких сантиметрах от забора, малейшее прикосновение к которому влекло за собой поражение статическим зарядом, приводившее если не к смерти, то, как минимум, к потере сознания. Время шло. Через минуту-другую дверь караульного помещения приоткрылась, и из-за нее высунулась голова охранника.

— Эй вы там, двое! — крикнул он. — Здесь нельзя стоять. Проходите!

Хэл и Джейсон не обращали на него никакого внимания.

— Вы что, не слышали? Проходите! Они оставались на месте и вели свою беседу. По ступенькам гулко прогрохотали сапоги охранника, спустившегося на бетонное покрытие площади. Дверь за ним с треском захлопнулась. Он подошел к сетке, не опасаясь дотронуться до нее, поскольку любое прикосновение с внутренней стороны выключало систему генерации статического заряда.

— Вы слышите меня? — Он стоял всего лишь в каком-нибудь метре от них, и, конечно, они прекрасно его слышали. — Вы оба, отойдите отсюда, пока я не сообщил в управление милиции, чтобы за вами приехали и забрали вас!

Однако они продолжали вести себя так, словно его тут вовсе не было. Взбешенный охранник подскочил вплотную к забору, схватился за сетку и закричал на них. Но Хэл и Джейсон лишь отошли от него немного в сторону, не удаляясь от забора ни на сантиметр.

— Черт возьми, что здесь творится... — начал охранник. Но закончить фразу он не успел. Издали донесся звук, какой издает натянутая и отпущенная струна, а мгновение спустя в свете прожекторов мелькнула и стукнула охранника

по голове сбоку стрела с тупым и сглаженным наконечником, выпущенная из арбалета. Охранник, словно после удара крепкой дубинкой, сначала рухнул всем телом на забор, а затем начал сползать вдоль него вниз. Но Хэл, быстро просунув руки сквозь ячейки сетки, подхватил и удержал его; теперь охранник, несмотря на потерю сознания, по-прежнему оставался в вертикальном положении, он как будто стоял, прислонившись к забору грудью.

Система контроля зафиксировала контакт находящегося в вертикальном положении живого тела с внутренней стороной сетки, поэтому статический заряд на его поверхность не подавался. Джейсон, протянув руку поверх плеча Хэла, который усилием мускулов вытянутых вперед рук не давал оглушенному охраннику осесть вниз, отстегнул от левого нагрудного кармана форменной куртки стража ворот личный опознавательный знак с изображением физиономии владельца и поднес его к считывающей пластине распознающего устройства в правой стойке ворот. Он прижал лицевую сторону знака к пластине, и после небольшой паузы устройство сработало, ворота плавно и бесшумно распахнулись.

Джейсон быстро проскочил внутрь и приложил

знак ко второй пластине, на внутренней стороне той же стойки. Он подержал его прижатым к ней, и ворота остались открытыми. Хэл выпустил охранника, и тот мешком свалился на землю. Джейсон же перебежал к запертой наружной двери здания склада и, достав из-под рубашки пистолет, встал сбоку от нее. Хэл вошел в ворота, поднял с земли охранника, втащил его внутрь караульного помещения, связал и засунул ему в рот кляп. Тем временем остальные десять бойцов группы крадучись пересекли площадь и прошли за забор через открытые ворота, при этом шедший последним закрыл их за собой.

Хэл вышел из караульного помещения, держа в руке пистолет и уже пришедшего в себя охранника, которого Хэл не только крепко связал, но еще и раздел. Он отдал одежду бойцу, которому она наиболее подходила по размеру, тот надел ее, надвинув фуражку на самые глаз. Наклонив голову так, чтобы козырек фуражки отбрасывал тень почти на все лицо, лжеохранник встал справа от входной двери, прямо напротив экрана системы внутренней связи, и нажал кнопку вызова.

Прошла секунда ожидания.

— Джарви? — раздался голос из громкоговорителя над экраном.

Облаченный в форму охранника боец, не поднимая головы, пробормотал в ответ что-то нарочито нечленораздельное.

— Что? — спросили из громкоговорителя. Лже-охранник повторил свой трюк.

— Я не понимаю тебя, Джарви, в чем дело?

Боец ничего не ответил, продолжая стоять с опущенной головой.

— Подожди минутку, — велел ему встревожившийся собеседник. — Наверное, у меня опять барахлит приемник речевой связи.

Створки двойной двери синхронно распахнулись. В ярком прямоугольнике света, заливающего вестибюль хранилища, стоял, вглядываясь в темноту, еще один охранник.

— Джарви, что... — начал он, но его повалили на землю, зажали рот и сдавили горло руки нескольких навалившихся на него бойцов.

— Где расположена главная кладовая? — вполголоса спросил Хэла Джейсон.

— В глубине здания, прямо, — ответил Хэл, отчетливо представляя себе внутреннюю планировку комплекса, четко запечатлевшуюся в памяти во время обсуждения деталей операции с Рух. Он махнул рукой в глубь достаточно широкого коридора, в который они только что

вошли. — Но справа находится офис охраны. Ты бы лучше подождал, пока мы окончательно не разберемся с нею.

Джейсон кивнул и отошел назад. Хэл, а с ним еще пять бойцов — двое мужчин и три женщины, — каждый с извлеченным из-под одежды пистолетом, быстро и бесшумно двинулись вперед по коридору и стремительно ворвались в первую дверь справа, оставленную приоткрытой. Внутри оказался единственный охранник, сидящий на койке в дальнем конце небольшой комнаты с множеством экранов системы наблюдения. На коленях он держал энергетическое ружье.

При виде вошедших он вздрогнул, схватил ружье, видимо, намереваясь взять его на изготовку, потом отбросил свое оружие, словно оно обожгло ему пальцы. Хэл, не дожидаясь, пока его спутники возьмут охранника на прицел, вышел вперед, поднял с пола ружье и, к своему удивлению, обнаружил, что оно не разобрано для чистки, как он предполагал, а полностью снаряжено и готово к действию.

— И что ты собирался с ним делать? — спросил Хэл охранника.

— Ничего... — Охранник беспомощно смотрел

на него широко открытыми глазами.

— Сколько вас всего здесь на посту сегодня? — Хэл угрожающе склонился над ним.

— Только мы с Хэмом... Я и Хэм. И еще Джарви у ворот! — ответил охранник. Лицо его побелело, и первоначальный шок явно начал уступать место страху.

— Как открыть главную кладовую?

— Я не знаю, — сказал охранник. — Правда, я не знаю. Из нас никто не знает. Они нам не разрешают. Дверь заперта на замок с часовым механизмом.

Хэл несколько секунд молча смотрел на него сверху вниз.

— Я еще раз спрашиваю тебя, — произнес он после паузы. — На этот раз забудь, как они приказали тебе отвечать. Как открывается дверь в главную кладовую?

Охранник пристально посмотрел на него.

— Ты тот человек, которого они так упорно ищут, верно? — вдруг выпалил он.

— Это не имеет значения, — ответил Хэл — Итак, дверь в комнату, где хранятся металлы, открывается... Как она открывается?

— Я... Код «ка-джей-девять-эр» на клавиатуре пульта управления... — Охранник вдруг с го-

товностью кивнул в сторону противоположной стены. — Вон там, под большим экраном. Это правда, она открывается именно так.

— Мы знаем. — Хэл усмехнулся, глядя на него. — Я просто проверял. А теперь ты ляжешь вот сюда, на койку, и тебя свяжут. Не бойся, мы не причиним тебе вреда.

К этому моменту около охранника собрались все остальные бойцы группы, и, пока они его связывали, Хэл подошел к большому экрану и набрал на клавиатуре нужный код. Рух говорила ему о том, что им обычно без особых затруднений удается заранее получить всю информацию, необходимую для проведения рейдов на такие объекты, как этот, но тем не менее они всегда проверяют добытые сведения, если такая возможность существует. С энергетическим ружьем в руках Хэл вышел в коридор.

— Дверь уже наверняка открыта, — сообщил он командиру группы, человеку по имени Хейдрик Фолт. — Охранник назвал тот же самый код, какой нам дала Рух.

Фолт кивнул, задумчиво глядя на Хэла. Фолту поручили возглавить группу, совершающую этот рейд. Вместе с тем Рух приказала, чтобы до тех пор, пока они не проникнут в хранилище, опе-

рацией руководил Хэл. Насколько он мог судить, Фолт не считал свой авторитет пострадавшим от этого временного перераспределения обязанностей, но тем не менее Хэл с чувством облегчения возвращал бразды правления официально назначенному командиру.

— Ну что ж, в таком случае мы сейчас же начнем погрузку. — У Фолта был пронзительный мальчишеский голос, совершенно не подходящий к его лицу и фигуре. — А ты возвращайся к грузовику и сиди там вместе с водителем.

— Хорошо, — кивнул Хэл.

Он вышел из здания. Здесь, снаружи, все оставалось без перемен. Площадь по-прежнему казалась объятой сном; и здание склада выглядело отсюда таким же неприступным, как и прежде. Он завернул за угол, подошел к грузовику и забрался в кабину. Водитель повернул к нему свое круглое лицо. Даже слабой подсветки шкал и циферблатов на приборной панели оказалось вполне достаточно, чтобы заметить полное отсутствие на нем признаков дружелюбия.

— Можно ехать? — уточнил он.

— Надо еще немного подождать, — ответил Хэл. С минуту он мысленно обыгрывал идею попробовать пробиться сквозь панцирь враждебности, в

который тот себя заключил. Но потом отбросил эту мысль. Сейчас водитель находился в состоянии слишком сильного возбуждения, чтобы пытаться вступить с ним в контакт. И вообще, насколько он недолюбливал и боялся Хэла, в данном случае значения не имело. Важно было, чтобы у водителя от томительного ожидания не сдали нервы и он не развернулся бы и не уехал, оставив группу бойцов в весьма затруднительном положении. А подобное с местными добровольцами случалось уже не раз. Именно для того, чтобы избежать подобной неприятности, Фолт и откомандировал Хэла в кабину к водителю. А в такой ситуации чем меньше они станут разговаривать, тем лучше.

Они сидели и ждали, а минуты медленно уползали одна за другой. Водитель то и дело начинал ерзать в своем кресле, вздыхал, потирал переносицу, оглядывался назад, высунувшись из окна, потом снова устремлял взгляд на приборную панель и вообще производил массу других лишенных смысла движений и звуков. Хэл же делал то, что его учили делать в подобных ситуациях, а именно — сидел спокойно и молчал. Он сознательно переключил часть внимания с текущих событий на то, чтобы проникнуть в абстрактную

область своего сознания. В результате он достиг состояния, позволяющего почти физически ощущать рядом с собой присутствие Рух, которая в данный момент должна была находиться в районе завода удобрений. Он воспринимал ее так, словно она одновременно присутствовала и там, и здесь, около него. И как следствие этого, где-то в глубинах сознания сами собой стали складываться стихи.

Если бы ты не привиделась мне
Тенью, на миг мелькнувшей в окне,
Или под утро не твой силуэт
Вдруг очертил туманный рассвет —
В этот приют одинокой печали
Я бы теперь возвратился едва ли...
Но верю, ты здесь мне явишься вновь
И взглядом согреешь остывшую кровь.

Стихи встревожили его. Они казались какими-то не правильными. Слишком легковесными и гладкими, выраженными совсем не в той манере, в какой он обычно мыслил или старался мыслить, помня наставления своих учителей. И в то же время их строки пронизывало какое-то новое настроение, прежде ему не знакомое. В

этих стихах как будто отражались стороны бытия, совершенно оторванные от окружающей его в данный момент реальной действительности, события и обстоятельства, скрытые в глухих уголках и тайниках его разума, отзвуки личных страданий, никогда им не испытывавшихся и не могущих оставить следа в его памяти, — страданий от одиночества, фактически не испытанного им в сознательной жизни. На мгновение что-то в его сознании переместилось в далекое прошлое, он словно ощутил отголоски подобных моментов, возникавших на протяжении бесконечной вереницы веков, и каждый раз в такие моменты, как он теперь помнил, он оказывался в полном одиночестве, будучи изолированным от всех остальных. Обеспокоенный, он попытался отогнать прочь эти непрошенные воспоминания. Но они возвращались вновь, вместе с едва уловимыми ощущениями внутренней боли, которой он никогда не испытывал прежде, но которая как будто всегда жила в нем...

Дверь в кабину приоткрылась, внутрь просунулась голова Фолта.

— Открывайте заднюю дверь. Начинаем грузиться.

Водитель нажал кнопку на приборной панели,

и они услышали, как двери позади них раздвинулись. Хэл перешел из кабины в кузов фургона, чтобы помочь погрузить металл, который его соратники раздобыли на складе.

— Что это? — спросил он, когда бойцы, стоящие снаружи у дверей фургона, стали передавать ему тяжелые гладкие болванки серого цвета. — Что вы притащили?

— Слитки мягкого припоя с большим содержанием олова, — ответил, передавая ему свою ношу, запыхавшийся Джейсон. — Всего около сорока штук. Не такая уж большая тяжесть для переноски, но их пропажа должна убедить власти, что именно похищение этих слитков и было нашей главной целью, а нападение на завод удобрений мы совершили просто для отвода глаз.

Принимая и складывая слитки, Хэл решительно выбросил из головы мысли о поэзии и воспоминания о призраках. Теперь он снова возвратился в обычный, повседневный мир, где все события и предметы вокруг были осязаемыми и весомыми, как эти слитки припоя.

Закончив погрузку, они отъехали от хранилища. Место в кабине рядом с водителем занял Фолт, но он попросил Хэла тоже остаться там, чтобы они могли разговаривать по дороге.

— По-моему, нам нужно ехать прямо в предгорья, не пытаясь присоединиться к остальным у склада на заводе удобрений, — сказал Фолт. — А что ты думаешь на этот счет?

— Значит, ты решил отказаться от нашего первоначального намерения — распределить слитки по всем остальным грузовикам, чтобы в случае потери одной-двух машин не лишиться всего металла?

— Но ты же знаешь, что металл — это не главное, — ответил Фолт. — Вся наша операция играла роль отвлекающего маневра. Кроме того, она заняла больше времени, чем предполагала Рух. Нет, наша главная задача сейчас — это постараться всем вернуться в отряд целыми и невредимыми. И я думаю, что ехать прямо в горы безопаснее.

— Двенадцать человек не смогут двигаться пешком достаточно быстро и уйти далеко со всеми этими болванками, после того как выгрузятся из фургона. Когда мы отъезжали, кругом было тихо и спокойно. Сейчас нас никто не преследует. И если стражники связаны надежно, может пройти несколько часов, прежде чем после нашего рейда поднимется тревога. Мне кажется, нам следует ехать на место встречи.

Фолт сидел в кресле боком, чтобы, разговари-

вая, он мог видеть лицо Хэла, примостившегося в крошечном свободном закутке кабины за обоими креслами. Выслушав его доводы, Фолт повернулся лицом к ветровому стеклу. Они на хорошей скорости мчались вперед над бетонной полосой одной из главных магистралей, радиально расходящихся из центра города.

— Сейчас мы должны быть на полпути к складу удобрений, верно, водитель? — спросил Хэл. Возникла небольшая пауза.

— Почти, — медленно произнес тот. Фолт обернулся к нему.

— Ты бы предпочел сейчас ехать к предгорьям?

— Да! — последовал стремительный ответ.

— Мы не знаем, что произошло на заводе удобрений, — сказал Хэл. — Может, им как раз нужен еще один фургон и помощь дюжины наших бойцов.

Фолт громко вздохнул и снова посмотрел вперед через ветровое стекло. Затем повернулся, взглянул сначала на Хэла, потом на водителя.

— Ну хорошо, — наконец принял он решение, — мы поедем к ним.

Когда фургон сбавил скорость у поворота на дорогу, ведущую кратчайшим путем к заводу,

слева, над крышами домов, они увидели зарево.

— Там уже, наверное, полно милиции, — мрачно заметил водитель.

— Поезжай прямо туда, — велел Фолт.

Водитель покорно повернул машину. Минуты через две они объехали погруженное в темноту высокое административное здание, после чего водитель остановил грузовик. Перед ними простиралась обширная, огороженная забором территория, на которой, наверное, могли бы уместиться несколько городских кварталов. За забором вырисовывалось высокое бетонное сооружение кубической формы, почти лишенное окон, вокруг виднелось несколько длинных и широких бетонных строений с изогнутыми крышами, напоминавшими сегменты гигантских бочек, уложенных поверх прямоугольных конструкций. Над одним из этих строений, вдали от забора, полыхало пламя, там раздавались пронзительные звуки сирен пожарной тревоги, вспыхивали аварийные световые сигналы. Широкие ворота были распахнуты настежь, за ними виднелись темные силуэты нескольких грузовых фургонов, четко выделяющиеся на фоне освещенного пламенем горящего корпуса.

— Они все еще там, — сказал Хэл.

— Въезжай внутрь, — приказал Фолт водителю.

— Ну уж нет, — заартачился тот. — Я остаюсь здесь. Отсюда, в случае чего, можно и смыться. А вы, если хотите, идите туда пешком.

У правого виска водителя возникло дуло пистолета, извлеченного Фолтом из-под рубашки.

— Поехали, — спокойно произнес он.

Водитель снова запустил двигатель. Когда они въехали внутрь и приблизились к грузовикам, перед ними предстала картина хорошо организованной сумятицы, царящей между грузовиками и около них. Большинство бойцов отряда занималось погрузкой удобрения. Они перетаскивали к грузовикам мешки по двадцать пять килограммов весом, сложенные в штабеля около горящего здания. Перед одним из грузовиков, хорошо видимое в отсветах пожара, лежало тело человека. Всем этим действом руководила Рух, находившаяся в самом центре событий.

Бойцы выскочили из фургона. Хэл с Фолтом направились к Рух, а остальные члены группы, не дожидаясь приказа, включились в самое важное на данный момент дело — принялись переносить мешки с удобрением к своему грузовику.

Приближаясь к Рух, Хэл на мгновение уви-

дел ее силуэт, четко выделяющийся на фоне красных языков пламени, словно она каким-то загадочным образом стояла посреди огня целой и невредимой. Потом позади нее прошла женщина с мешком на плечах, и иллюзия исчезла. Когда они подошли, Рух повернулась к ним и заговорила, словно продолжая прерванный ранее разговор.

— У нас трое раненых, — обратилась она к Фолту. — Никто не убит, и пока нам удалось прогнать отсюда районную полицию. Но скоро они опять появятся здесь с подкреплением, поэтому я хочу, чтобы вы забрали в свой фургон этих троих в дополнение к тому, что уже успели в него погрузить, и сразу же уехали отсюда к месту общей встречи, не дожидаясь нас. Все трое сейчас находятся в грузовике Тэллы. Отправь шесть человек из своей группы, чтобы перенести их к вам. А как дела у вас?

— Ни у кого ни единой царапины, — сообщил Фолт. — Охранники почти сразу же кувырнулись на спину и подняли лапки кверху, как только нас увидели.

— Ну что ж, неплохо, — кивнула Рух. — Тогда отправляйтесь, не мешкая. Мы, конечно, перерезали линии подачи сигналов тревоги, и кроме

того, кое-кто из местного персонала не спешит передавать информацию о нашем появлении здесь, но я думаю, что минут через пятнадцать милиция начнет наступать нам на пятки. Ховард, если по каким-либо причинам отряд будет вынужден освободиться от раненых, ты должен оставаться с ними.

— Хорошо, — ответил Хэл.

Глава 24

Хэл с Фолтом вернулись к своему грузовику. К нему подходили один за другим нагруженные мешками с удобрением бойцы их группы и складывали в кузов свою ношу. Шестерых Фолт направил за ранеными, а остальным приказал разнести по другим грузовикам столько слитков, сколько они успеют до того, как раненых перенесут к ним в фургон. Пять минут спустя они уже выехали из ворот, оставив позади красное зарево пожара. Перед грузовиком разворачивалась темная лента трассы, на горизонте, под усыпанным звездами и пока еще безлунным небом, чернели контуры предгорий, а за ними вырисовывались высокие силуэты гор.

Фолт снова сидел в кабине рядом с водителем. Хэл отправился взглянуть на раненых. Одним из них был Морелли Уолден. В свете единственной тусклой лампочки под потолком морщины и складки на его измученном лице казались очень глубокими, он как будто сразу постарел лет на десять.

— Нога у него, — сообщил, подняв вверх голову,

Джорэлмон Трои. Он сидел, скрестив ноги, на мешках с удобрением около носилок, где лежал Морелли. — Когда мы подрывали двери на складе, большой обломок попал ему в ногу и сломал ее.

— Тебе дали что-нибудь, чтобы унять боль? — спросил Хэл Морелли.

— Нет. Мне не нужны греховные снадобья, — хрипло ответил тот.

Хэл помолчал в нерешительности.

— Есть способ уменьшить твою боль, — сказал он после паузы. — Если не возражаешь, я помассирую тебе лоб и шею, и ты почувствуешь облегчение.

— Нет. Эта боль — по воле Господа, — с усилием произнес Морелли. — И я выдержу ее как Его Воин.

Хэл мягко коснулся его плеча и отошел к двум другим пострадавшим, находившимся в бессознательном состоянии, — к женщине, получившей в результате попадания энергетического заряда ожог правого плеча — неглубокий, но весьма болезненный, и к мужчине, раненному в грудь иглами. Обоим уже ввели успокоительные средства.

— У нас мало болеутоляющих лекарств, — вполголоса проговорила одна из женщин, сидящая

рядом с носилками, на которых лежали эти двое. — Морелли знает об этом. На самом деле он не такой уж ярый приверженец старых устоев.

— Я так и подумал, — так же тихо отозвался Хэл. Он повернулся и пошел к кабине. Всех троих необходимо нести. Это означало, что если ему вместе с ними придется отделиться от остальных, то под его началом окажутся по меньшей мере девять человек. Войдя в кабину и взглянув вперед через ветровое стекло, он увидел, что дорога сузилась, теперь машины размещались на ней не больше чем в четыре ряда, а съехать с нее стало можно, просто свернув в нужную сторону; многоуровневые развязки больше не встречались. Фолт, развернув карту окружающей местности, рассматривал ее при свете лампочки, светившей с потолка кабины. Это была копия той карты, которой пользовалась Рух, намечая ход проведения операции; такие копии имелись у всех командиров групп. Впереди, над горами, звезды начали меркнуть на фоне неба, бледнеющего перед утренней зарей.

— Взгляни-ка сюда, — обратился Фолт к Хэлу, присевшему на корточки рядом с его креслом. — Согласно действующим правилам, любая группа, в составе которой есть раненые, имеет приоритет-

ное право выбора наиболее безопасных пунктов комплектования по сравнению с группами, где раненых нет. Поскольку мы — единственная такая группа, по крайней мере пока, это дает нам возможность отправиться не к ранее намечавшейся точке, а вот сюда... — Он показал пальцем место, отмеченное звездочкой гораздо дальше всех остальных нарисованных на карте. — Там должно находиться более чем достаточное количество ослов, чтобы мы смогли навьючить на них наш небольшой груз, а также раненых, подвешивая носилки посредине между парами животных. — Оторвав взгляд от карты, он повернулся к водителю:

— Сколько времени понадобится, чтобы добраться туда?

— Десять, может, пятнадцать... — Водитель, издав вместо продолжения фразы нечленораздельный звук, внезапно замолчал, весь подавшись к ветровому стеклу. Его лицо побледнело, суставы пальцев, сжимавших руль, ярко забелели в тусклом свете, отбрасываемом лампочками приборной панели.

Хэл и Фолт, также повернувшись к ветровому стеклу, стали вглядываться вперед. Длинный криволинейный участок трассы только что

остался позади, и перед фургоном теперь открылся прямой как стрела путь. Приглядевшись, они увидели вдали цепочку огней, пересекающую трассу. Это могло означать только одно: поперек дороги установлено заграждение.

— Спаси нас Господь, — прошептал водитель. — Теперь не повернешь назад. Они нас уже заметили...

— Прорывайся напрямую, — предложил Фолт.

— Не могу, — ответил водитель. Его лицо начало покрываться потом, а большой палец все слабее давил на кнопку управления дросселем газа, находящуюся на рулевом колесе. Скорость фургона постепенно падала, но все же он приближался к заграждению настолько стремительно, что беспокойство теперь почувствовали все трое. — Они наверняка установили позади заграждения «ежи», чтобы мы опрокинулись, если попытаемся прорваться.

Водитель пристально взглянул на Фолта.

— А почему они вообще оказались здесь? — Он повернулся и через плечо посмотрел на Хэла. — Это все из-за тебя! Они же ничего не знают про рейд, еще не могли узнать! Они наверняка выслеживают тебя, вот нас и накрыли!

Грузовик находился теперь настолько близко

от заграждения, что по обе стороны от него были хорошо видны люди, одетые в черную милицейскую форму.

— Тогда давай в объезд, — велел Фолт.

— Как только я попытаюсь, они тут же начнут стрелять! — Лицо водителя исказила мучительная гримаса. — Спаси нас, Господи! Спаси нас...

Фолт снова извлек из-под рубашки свой пистолет.

— Объезжай заграждение, — мягко сказал он. — Это единственный выход.

Водитель искоса глянул на пистолет.

— Если ты пристрелишь меня на такой скорости, мы все погибнем, — произнес он мрачным тоном.

Хэл поднял правую руку и обхватил пальцами шею водителя сзади, слегка сдавив ее. Водитель тихонько застонал.

— Когда я сломаю ему позвоночник, — проговорил Хэл, обращаясь к Фолту, — ты перехватывай руль.

— Я поеду... Я поеду вокруг, — просипел водитель. Хэл разжал пальцы, но руку с его шеи не убрал.

— Отворачивай в самый последний момент, — заявил Фолт водителю. — Я скажу тебе, когда

начинать. Пока держи прямо... Прямо... Давай!

В этот же миг ограждение, казалось, рванулось им навстречу. Мимо промелькнули милиционеры, уже в течение некоторого времени размахивавшие ружьями и пистолетами по обе стороны от него, выражая этим свое требование остановить грузовик.

— Жми на газ! — кричал Фолт водителю. — Гони!

Но водитель уже и так вдавил пальцем кнопку дросселя до упора, и фургон, вильнув в сторону от дороги, теперь скользил над голой землей по крутой траектории, как игрушечная летающая тарелка, пущенная против сильного ветра. Внезапно весь кузов машины загудел; это по нему начали бить энергетические заряды, вызывающие в его материале точечные высокотемпературные взрывы. Ветровое стекло и боковое окно со стороны водителя покрылись лучами трещин, как будто в них попали мощные заряды дроби. Водитель вскрикнул и, взмахнув руками, отпустил руль, который Фолт тут же перехватил; выровняв грузовик, на мгновение потерявший управление, он вывел его на трассу позади заграждения и установленных за ним «ежей», ощетинившихся остроконечными балками. Фолт утопил пальцем

кнопку управления газом, и мгновение спустя они уже снова летели вдоль трассы, стремительно удаляясь от ограждения, «ежей» и суетящихся вокруг них фигурок.

Скорчившийся водитель привалился к двери кабины.

— Ну, куда тебя стукнуло? — повернувшись к нему, спросил Фолт.

— О Боже! — застонал водитель. — Боже мой... Боже...

— Ховард, — сказал Фолт, — посмотри, куда его ранило, и попробуй вытащить его отсюда назад, а то он мне очень мешает.

Хэл поднялся и, перегнувшись через спинку кресла, протянул руки, чтобы оттащить водителя от двери. На его рубашке слева, у самого плеча, виднелось пятнышко размером с ноготь. Плотно прижав ткань рубашки к телу, Хэл ощупал его спину; приблизительно напротив пятнышка ткань оказалась мокрой. Затем он таким же способом обследовал нижнюю часть тела водителя в тех местах, куда смог дотянуться, склонившись над ним.

— А как твои ноги, в порядке? — спросил он.

— О Боже... — раздалось в ответ.

Хэл снова осторожно обхватил пальцами шею

водителя.

— Да, да! — почти взвизгнул водитель. — С ними все в порядке! С моими ногами все хорошо!

— В верхнюю часть твоего плеча попала одна-единственная игла, — сообщил ему Хэл. — Это не опасно. А сейчас... — Он стал массировать затылок и шею водителя. — А сейчас я собираюсь помочь тебе перебраться через спинку твоего кресла. Я хочу, чтобы ты, насколько сможешь, проделал это сам. Ну, давай...

Хэл протянул руки, подхватил водителя и начал приподнимать над креслом. Водитель принялся выкарабкиваться наверх, работая руками и ногами. Внезапно он вскрикнул и попытался выскользнуть из рук Хэла обратно на сиденье. Но Хэл удержал его и продолжал одновременно поднимать и перетаскивать через кресло, полагаясь теперь только на свои силы. В тот момент, когда над спинкой уже показались колени водителя, тот снова громко завопил:

— Моя нога! Моя нога... О Боже!

Но Хэл, опустив на пол водителя, лежащего теперь на спине позади кресел, уже осматривал кровавое пятно на его левой ноге с наружной стороны чуть выше колена.

— Похоже, что тебе всадили иглу еще и в но-

гу, — пояснил он. — Ты можешь согнуть ее?

Водитель попробовал и, вскрикнув в третий раз, согнул.

— Возможно, эта рана окажется посерьезнее, — сказал Хэл. — Игла, видимо, что-то задела там внутри.

Он ощупал ногу под коленом.

— И похоже, что она осталась там.

— О Боже...

— Он притворяется, — уверенно заявил Фолт. — Не может быть, чтобы нога у него болела так сильно.

Хэл ладонью закрыл рот водителю.

— У тебя есть выбор, — прошептал он ему на ухо. — Теперь мы оба знаем, насколько сильно болит твоя нога. Но мы знаем и то, что болит она только тогда, когда ты двигаешь ею, и что поэтому тебе нужно двигать ею как можно меньше. Ни одна из твоих ран не смертельна. Так что лежи спокойно. А если будешь продолжать шуметь, то мне придется утихомирить тебя. Понятно?

Часть сознания Хэла ужаснулась его речам; вместе с тем другая его часть словно бы одобрительно кивала, убедившись, насколько хорошо он усвоил то, чему его когда-то учили. В своем воображении он на мгновение услышал хриплый

старческий бас Малахии Насуно, звучащий в унисон с его собственным голосом. И слова, только что им произнесенные, он как будто считывал с невидимой классной доски, воссозданной памятью его разума.

Однако желаемого результата он достиг. Теперь водитель лежал неподвижно и молчал. Хэл поднялся на ноги, опираясь о спинку находящегося перед ним кресла, и увидел, что Фолт уже занял место водителя и уверенно ведет грузовик вперед.

— Бери карту, будешь за штурмана, — велел Фолт. Хэл протиснулся к свободному креслу, сел рядом с Фолтом, поднял валявшуюся на полу под ногами карту.

— Мы уже ушли с трассы? — уточнил он, взглянув вперед через ветровое стекло и увидев, что теперь перед ними лежит двухрядная дорога с гравийным покрытием.

— Да. Мы уже дважды отворачивали от первоначального направления. Это дорога номер десять, местного значения. Ты нашел ее?

Хэл вгляделся в карту.

— Да, — ответил он. — Дальше мы сворачиваем с этой дороги на дорогу номер сто двадцать три, а с нее — на окружную дорогу, по которой дви-

гаемся до первой безымянной грунтовой дороги, отходящей вправо. Затем через один километр и восемьсот метров сворачиваем влево на девяносто градусов и двигаемся дальше по бездорожью, выдерживая по компасу курс сорок три минуты двадцать четыре секунды, и через шестьсот метров оказываемся в намеченном пункте комплектования.

— Отлично, — сказал Фолт. — А теперь веди меня по этому маршруту.

Они продолжали путь, руководствуясь сделанными на карте пометками. Между тем небо над ними светлело, и лес, вплотную подступающий к дороге, начал вырисовываться из непроглядной тьмы, еще совсем недавно скрывавшей все, что не попадало в лучи фар грузовика. Один раз Хэл обернулся и взглянул на молчавшего все это время водителя; тот, повернувшись на бок, неподвижно лежал на прежнем месте с закрытыми глазами: то ли находился в обмороке, то ли решил больше не привлекать к себе внимания.

Они добрались до пункта комплектования с наступлением рассвета, когда лес вокруг стал уже хорошо виден, но солнце все еще скрывалось за находящимся с правой стороны горным массивом. Здесь их ждали сваленные грудой вьючные

седла и другие необходимые предметы упряжи, около которых мирно паслись полтора десятка ослов, привязанных к стволам или ветвям окружающих деревьев. Все это имущество надежно скрывали от посторонних глаз густые заросли. Вокруг не было ни души. Очевидно, местные фермеры соглашались поделиться с партизанами своим живым и прочим инвентарем, но лишь при минимальном риске для самих себя.

Фургон остановился, Фолт, нажав кнопку, открыл задние двери. Первым делом все занялись подвеской носилок между парами ослов. Затем они уложили на эти носилки раненых, а на остальных ослов навьючили мешки с удобрением, а также слитки припоя, которые предполагалось впоследствии разрезать и использовать для уплаты за то имущество, которое отряд на своем дальнейшем пути не сможет получить в качестве пожертвования.

Они уже заканчивали свои приготовления, когда услышали отчаянный вопль.

— Вот оно как! Вы уходите, а я остаюсь здесь умирать!

Все обернулись на этот крик. В дверях кабины лежал, опираясь на локоть, водитель — его глаза были налиты кровью, лицо искажено. Рубашка

до половины расстегнулась, видимо от усилий, понадобившихся ему, чтобы доползти туда. Фолт и Хэл одновременно, не взглянув друг на друга, направились к кабине, а остальные бойцы вернулись к своим делам, продолжая готовиться к походу.

— Все правильно, — произнес водитель уже тише, когда они подошли к нему. Он злобно смотрел на них, его лицо, чуть приподнятое над полом кабины, находилось примерно на одном уровне с их лицами. — Бросьте меня здесь, всего израненного. Оставьте умирать.

— Ты можешь вести грузовик, — холодно проговорил Фолт. — Тебе, конечно, будет немного больно, но я видел, как бойцы сидели за рулем по полдня в более тяжелом состоянии, чем ты.

— А что будет, когда я доберусь домой — если я вообще доберусь туда? — гневно выкрикнул водитель. — Если мы наткнулись на одно их заграждение, то наверняка они поставили на дорогах еще не меньше дюжины. А теперь еще станут искать именно этот грузовик! Даже если бы мне удалось проскочить мимо заграждений, даже если бы я сумел доехать до дома, как я смогу вернуться к своей семье, зная, что милиция станет повсюду вести розыски? А что будет с моими

родными, если меня обнаружат на фермер.

— Но мы же не можем взять тебя с собой, — ответил Фолт. — Что тогда тебе остается делать?

Некоторое время водитель, тяжело дыша, пристально смотрел на него.

— Есть в горах одно место, где я мог бы укрыться на время, — сказал он уже более спокойно. — Но мне не добраться туда одному.

— Я говорю тебе, что ты сможешь вести свой грузовик, если захочешь, — снова повторил Фолт.

— Да, я смогу вести грузовик! — опять сорвался на крик водитель. — Смогу вести на дороге. Смогу вести и по бездорожью, но недалеко. Но я не смогу загнать этот грузовик на десять километров в глубь леса, потому что он может напороться на торчащую из земли скалу и застрять на ней, или заклиниться между деревьев, или просто перевернуться — и что тогда будет со мной? Разве я смогу проползти остаток пути до своей хижины?

— Другие смогли бы, — буркнул в ответ Фолт, одновременно бросив хмурый взгляд на Хэла.

— Я довезу его до этой хижины, — сказал Хэл.

— Мы не сможем отпустить тебя, — возразил Фолт.

— Но для этого нет причин, — начал убеждать

его Хэл. — Сейчас за нами никто не гонится. У нас достаточно вьючных животных, к тому же все бойцы, кроме раненых, находятся в хорошем состоянии. Я могу довезти его до нужного места и прийти к месту сбора через пару часов после вас.

Фолт колебался. Хэл повернулся к водителю:

— Эта хижина, расположенная в такой глуши, что она собой представляет? — спросил он.

— Это рыбацкий домик. — Водитель опустил глаза. — То есть там, конечно, можно рыбачить, но не особенно успешно. В основном он служит нам местом отдыха.

— Кому это «нам»? Сколько человек знают о нем?

Водитель снова смотрел на них, теперь даже с некоторым вызовом.

— Я, двое моих младших братьев и еще двоюродный брат, Иов, — ответил он. — Дома мы живем все вместе. Никто из них не сказал милиции ни слова об этом домике. И если я не вернусь домой, то через день-другой им обязательно придет в голову мысль проверить, не там ли я нахожусь.

— Как далеко это отсюда? — спросил Фолт. — Сколько времени нужно, чтобы доехать туда на твоем грузовике?

— Полчаса. — Голос водителя звучал уже гораздо бодрее. — Всего полчаса, и совершенно исключена опасность встречи с милицией, клянусь.

— Значит, ты готов поклясться, да? — Фолт смотрел на него с явным отвращением.

Водитель покраснел и потупил глаза.

— Я только хотел сказать...

Его перебил Хэл.

— По-моему, ничто не мешает мне отвезти его и встретиться со всеми вами в пункте сбора, — снова предложил он, глядя на Фолта.

Фолт вздохнул, со свистом выпустив воздух сквозь сжатые зубы.

— Ну ладно, увози его, — вынес он свое решение и повернулся к водителю спиной. — И ни в коем случае не рискуй из-за него. Этот тип того не стоит, — добавил он, уходя.

— Подвинься назад, — велел Хэл водителю. — Дай мне сесть.

Постанывая от боли в ноге при каждом движении, тот отполз от двери. Хэл поднялся в кабину и занял водительское кресло. Он закрыл обе двери, перевел двигатели с режима прогрева в режим холостого хода и, запустив вентиляторы, поднял машину на подушку. Помахав рукой перед вет-

ровым стеклом всем остальным бойцам группы, наблюдавшим за их отъездом, он развернул грузовик и двинулся к дороге. Водитель за его спиной долго возился, кряхтя и тихонько вскрикивая от боли, но в конце концов сумел взобраться в соседнее кресло рядом с Хэлом.

— Куда теперь? — спросил Хэл, когда они, подъехали к дороге.

— Налево.

Они свернули на дорогу, ведущую в предгорья. Затем Хэл, следуя односложным указаниям, выполнил несколько поворотов, сменил несколько дорог, и в конце концов они оказались на круто поднимающейся в гору узкой дороге, больше похожей на тропу для вьючных ослов. Хэл ждал, что им, придется свернуть даже с нее, но с удивлением увидел, что невдалеке тропа заканчивалась сама собой.

— А куда теперь? — спросил он, доехав до конца.

— Пока прямо. Потом я скажу.

Хэл поехал дальше, искоса взглянув на своего спутника. Его осунувшееся лицо с крепко стиснутыми зубами было угрюмым, внимательно смотревшие вперед глаза прищурены.

— Теперь налево, — произнес он. Они проехали

небольшое расстояние. — А теперь опять направо, между вон теми двумя большими деревьями, левее валуна. Сбавь, скорость. Во время весенних оттепелей обломки скал часто скатываются вниз, поэтому можно застрять или опрокинуться.

Хэл продолжал вести грузовик в соответствии с получаемыми указаниями. Вскоре, проскочив по прогалине между какими-то кустами, они оказались в неглубокой ложбине, по дну которой бежал ручей — слишком мелкий и узкий, чтобы в нем могла водиться рыба приличных размеров. Правда, он вполне годился как источник воды для питья и хозяйственных нужд обитателям притулившейся на его берегу достаточно убогой на вид бревенчатой хижины с единственным покосившимся окошком.

— Здесь, — сказал водитель.

Хэл остановил грузовик. Он вышел из кабины и, обойдя машину, открыл противоположную дверь, чтобы помочь раненому спуститься на землю. Для жителя Гармонии, который вообще не должен употреблять бранных слов, тот необычайно разнообразно и ярко выразил свое неудовольствие по поводу качества оказываемой ему помощи.

— ...Осторожно! Ты что, не можешь поаккурат-

нее? — вопил он.

— Если хочешь, попробуй сам добраться до своего жилища, — спокойно предложил Хэл. — Тогда я оставлю тебя прямо здесь.

Водитель умолк. Фактически Хэлу пришлось нести его на себе, хотя он и пытался передвигаться, прыгая на одной ноге. Так они добрались до двери хижины и вошли внутрь. Взору Хэла предстала картина беспорядка и запущенности. Обстановка состояла в основном из раскладных походных коек, дровяной печи и большого круглого стола с четырьмя стульями, который выглядел в этом интерьере явно неуместно.

— А для чего этот стол? — поинтересовался Хэл. — Играть в карты?

Водитель, сверкнув белками глаз, бросил на него быстрый взгляд. И Хэл внезапно понял, что случайно угадал подлинное назначение этой хижины. Он дотащил своего подопечного до одной из коек, и тот мешком свалился на нее.

— Здесь найдется какая-нибудь чистая посудина, чтобы я мог набрать в нее воды для тебя? — спросил Хэл. — А где у тебя уборная? Где-нибудь снаружи, и до нее, наверное, довольно далекой К завтрашнему дню передвигаться ты сможешь только ползком, в буквальном смысле

этого слова. У тебя есть что-то наподобие ведра, что можно было бы поставить рядом с койкой?

— У печки слева стоит ведро для воды, — угрюмо сообщил водитель. — А в углу стоит накрытый куском брезента компакт-туалет. И принеси мой аккордеон.

Хэл передвинул туалет, принес аккордеон, сходил к ручью за водой и поставил полное ведро вместе с плавающим в нем ковшиком у изголовья постели.

— Ну а как насчет еды? У тебя есть здесь что-нибудь? — поинтересовался он.

— У печки, за дровяным ящиком, есть другой ящик, — все так же угрюмо ответил водитель. — Ты можешь принести его сюда. Там лежат консервы. И еще дай мне с остальных коек одеяла. По ночам здесь бывает холодно.

— Хорошо, — кивнул Хэл. Он выполнил все эти просьбы. — А какие-нибудь медицинские средства здесь есть?

— Где-то должен быть пакет с набором для оказания первой помощи. Только его надо поискать.

Минут через десять Хэлу удалось найти пакет. Взяв из него все необходимое, Хэл обработал и заклеил ранки.

— Ты говорил, что игла все еще сидит у меня

в ноге, — вдруг с испугом вспомнил водитель, когда Хэл оказывал ему помощь. — Насколько это опасно? Что будет со мной?

Хэл на мгновение задумался, припоминая уроки Малахии.

— Если иглу не трогать, — медленно начал он, — то, возможно, вокруг нее образуется своего рода оболочка, или игла постепенно сама выйдет наружу, скажем, через несколько лет. Если она не внесла в рану каких-либо инородных элементов вроде частиц грязной одежды, то рана, скорее всего, не воспалится. Но обычно иглы проникают в тело чистыми, поскольку, будучи очень острыми, они пронзают те предметы, которые реактивная пуля разрушает и чьи частицы вносит в проделываемую ею рану. И тем не менее постарайся, чтобы тебе извлекли иглу из ноги как можно скорее. — Хэл еще раз внимательно посмотрел на бедолагу. — Но как бы там ни было, через несколько дней ты встанешь на ноги.

— Но я надеюсь... — Водитель умолк на полуслове. На его бледном лице, которое уже позволял хорошо рассмотреть яркий свет окончательно наступившего утра, проникший внутрь хижины через подслеповатое оконце, появилось заискивающе-хитроватое выражение. — Ведь ты

оставишь мне что-нибудь, снимающее боль, правда?

— Мне жаль, но у меня нет ничего, что я мог бы дать тебе, — ответил Хэл.

— Как это? — вскрикнул водитель. — У тебя должны быть болеутоляющие средства в медицинском наборе, что лежит в твоем рюкзаке! Я же знаю — все вы, ребята из отрядов, имеете их на тот случай, если вас ранят. И у тебя они тоже есть, и ты можешь оставить мне хоть немного!

Хэл подумал о лежавшем на носилках Морелли, вспомнил, какими глубокими стали морщины на его старческом лице.

— Мы носим с собой эти средства не для себя, — пояснил он, — а для сражающихся бок о бок с нами наших братьев и сестер. Им они могут понадобиться в любой момент. Для тебя они не предназначены, даже если бы ты в них действительно нуждался, на самом же деле они тебе и не нужны.

Хэл повернулся, вышел из хижины и направился к грузовику. Открыв заднюю дверь, он собрал свое имущество и стал упаковывать его в рюкзак. Со стороны хижины послышался шум. Он обернулся и увидел, что в дверях стоит, опираясь о косяк, сумевший дотащиться туда водитель.

— Наверное, ты считаешь, что я обязан поблагодарить тебя? — крикнул он. — Так вот, я не обязан! Когда наш собственный народ воюет с милицией, это нормально, но ведь ты не наш. С этим твоим акцентом и лицемерным стремлением помочь! Что ты сделал, почему они так яростно охотятся за тобой? Все, кому досталось в этом деле, пострадали из-за того, что тебя уже разыскивали! И эти иглы попали в меня из-за тебя, только из-за тебя. И ты думаешь, что я собираюсь тебя благодарить? Мне не за что тебя благодарить. Знаешь, что я скажу тебе? Я скажу: будь ты проклят! Да, ты не ослышался, во имя Господа я посылаю проклятие на твою голову...

Он все еще продолжал что-то кричать, когда Хэл, закрыв заднюю дверь и повернувшись спиной к ручью и хижине, зашагал в лес. Еще некоторое время до него доносились выкрики водителя, хотя тот наверняка уже не мог его видеть. На душе у Хэла было тяжело и горько, и эти ощущения не проходили, несмотря на то что он, помня предписания Уолтера, внушал себе необходимость подавить охвативший его гнев. Двигаясь дальше через горный лес и держа направление на юг, он вдруг в какой-то момент понял, что, объясняя водителю, почему не может поделиться

с ним болеутоляющими лекарствами, впервые в жизни рассуждал и говорил, не отдавая себе в этом отчета, как квакер. Эта мысль сразу же сняла чувство тяжести и горечи, вызванное поведением водителя, также как и чувство грусти оттого, что такие люди, как Рух и Морелли — и конечно же, Дитя Господа, — должны расплачиваться ценой выбранного ими образа жизни за тех, кто так плохо понимает смысл и тяжесть этой цены.

Какое-то время он шел через залитый утренним светом лес, ошеломленный открывшимся в нем новым качеством. Он и прежде подражал Авдию, но до сих пор никогда не поступал так, как если бы действительно был квакером. Словно благодаря медленному, но очень мощному воздействию некоего тяжелого потрясения он почувствовал, что начал понимать эту суровую культуру. Но в то же время он сознавал: надо ждать следующего подходящего случая, который должен наступить, когда первые весомые результаты возникающего понимания окажутся настолько надежно усвоенными, что позволят немного отступить назад и прочувствовать все нюансы этого нового, только что открывшегося ему восприятия.

Продолжая свой путь по лесу, Хэл наконец вышел на открытый участок склона горы. Он

взглянул вниз: перед ним лежал огромный чашеобразный котлован, поросший лесом; деревья со всех сторон вплотную подступали к самой кромке темного овала, которым казался отсюда город. Хэл достал из рюкзака полевую зрительную трубу, поднес ее к глазу, сфокусировал на первой точке, попавшей в поле зрения, включил систему автоматической настройки и приступил к детальному осмотру окружающей местности.

Он без особого труда отыскал продолжающее дымиться здание склада на территории завода удобрений, затем принялся прослеживать путь, пройденный их грузовиком. Выключив автоматику и вручную отрегулировав свой оптический прибор на максимальное увеличение, он увидел, что по другую сторону от «ежей», которые им удалось объехать, теперь находится еще один барьер и что люди в темной униформе, похоже, стали вести наблюдение за дорогой в обоих направлениях, а не только за тем ее участком, который вел из города в сторону предгорий. За исключением этого новшества, все там выглядело по-прежнему и не было никаких признаков того, что кто-то прорывался через заграждение, если не считать дугообразной полосы примятой придорожной травы и прочей растительности, обозначавшей

след от вентиляторов грузовика в том месте, где они обогнули воздвигнутое на их пути препятствие, да стоящего на обочине дороги воинского фургона, оборудованного для перевозки людей и, видимо, готового отправиться в путь в любую минуту.

Он переместил трубу и отыскал пункт комплектования, где он расстался со своей группой. Из глубины памяти, натренированной на сохранение полученной ранее информации, он вызвал зрительный образ карты, по которой, помогая Фолту вести грузовик, определял их маршрут на пути к этому пункту; затем направил трубу на другие обозначенные на карте пункты комплектования. Ослов и снаряжение, приготовленное для бойцов, он обнаружил только на двух из них; остальные были пусты. На этих двух бойцы навьючивали животных, готовясь выступить в поход. Рух среди бойцов он не увидел.

Он стал просматривать маршруты, которые предписывалось избрать, следуя из пунктов комплектования к месту сбора в глубине предгорий. Группы, находящиеся в этот момент уже на марше в гуще леса, среди деревьев, он, разумеется, не смог разглядеть. Тем не менее он сумел отыскать большую их половину, в том числе и свою группу,

и ту, которую вел Иаков; но Рух и ее бойцов так и не нашел. Замеченные им группы находились в предгорьях неподалеку одна от другой. Он подумал, что всем им, похоже, удалось благополучно скрыться с места проведения операции, но затем, осматривая местность вокруг них, заметил какое-то движение на дорогах ниже по склону холма.

Сфокусировав трубу, Хэл разглядел колонну из шести воинских фургонов, поднимавших еле заметное облачко пыли на одной из трасс с гравийным покрытием, терявшейся из виду в предгорьях на несколько километров дальше намеченного места сбора отряда. Сместив зрительную трубу назад вдоль склона, он увидел еще два пылевых облачка, а затем рассмотрел и еще две колонны фургонов. Продолжая следить за перемещением колонн, он задумался. Одновременное продвижение такого количества воинских фургонов в глубь предгорий могло иметь лишь одно объяснение: они перевозили вооруженных милиционеров. Несомненно, это было преследование. Милиция преследовала их отряд. Но такая оперативная организация погони за ними представлялась возможной только в одном из двух случаев: либо эти колонны, укомплектованные, стояли наготове, либо милицию

заблаговременно проинформировали о предстоящем нападении на завод и на склад металлов.

Но они не могли знать о рейдах заранее. И не только потому, что невозможно себе представить, чтобы в отряд Рух затесался предатель, но еще и потому, что если бы милиция знала, то, конечно, устроила бы засаду на обоих объектах. Ведь гораздо легче захватить бойцов отряда на месте, чем потом гоняться за ними по предгорьям.

Единственно верный вывод заключался в том, что колонны стояли наготове. Значит, водитель говорил правду. Они стояли наготове с единственной целью — схватить Хэла, и только один человек мог организовать эту операцию в таких масштабах. Несомненно, Блейз Аренс был теперь совершенно уверен, что Хэл находится на Гармонии. Руководитель Иных, безусловно, позаботился, чтобы милиции на всей планете стало известно, как выглядит Хэл. Тот самый офицер по имени Барбедж, сумевший бежать после разгрома милицейской засады на перевале, очевидно, узнал Хэла и сообщил, что видел его.

Теперь на Рух и ее людей велась настоящая охота. Из-за него. И в конце концов выходило, что все слова, которые прокричал ему вдогонку раненый водитель, — самая настоящая правда.

Глава 25

Начертив прутиком на земле предполагаемые маршруты продвижения групп бойцов и преследующих их грузовиков с милицией, Хэл пришел к заключению, что, даже передвигаясь с наибольшей доступной ему скоростью, он сумеет достичь сборного пункта отряда только после того, как все бойцы уже соберутся там. Но все равно это произойдет раньше, чем милиция сможет оказаться в опасной близости к ним. Он уложил зрительную трубу обратно в рюкзак, стер нацарапанные на земле линии и, определив по компасу направление на пункт сбора отряда, лежащий перед ним внизу в предгорьях, отправился в путь.

За время пребывания в отряде он уже обрел хорошую физическую форму, но все-таки так и не восстановил до конца прежние навыки, приобретенные на Земле еще в пятнадцатилетнем возрасте. Тогда, с рюкзаком и оружием, он мог бы пробежать все расстояние — конечно, не с максимальной скоростью, на какую вообще был способен, а равномерной трусцой, которая позволила бы ему, методично оставляя за собой

километр за километром, уверенно приближаться к пункту назначения.

Теперь же он двинулся вперед быстрым, плавным шагом, тоже дававшим неплохой результат, когда возникала необходимость преодолеть значительное расстояние при дефиците времени. Он мало спал накануне, а всю прошедшую ночь пропел на ногах без сна. Поэтому первые километра два дались ему нелегко; но затем его тело приспособилось к действующей на него нагрузке, а сознание пришло в особое состояние легкого транса: при необходимости он продолжал бы двигаться до тех пор, пока не упал бы от усталости, так и не почувствовав полного истощения сил.

Такое состояние сознания позволяло, пребывая в своеобразном режиме автопилотирования, загрузить мозг другими проблемами.

Главная из них на сегодняшний день состояла в следующем: его присутствие в отряде представляло собой угрозу как для бойцов, так и для отряда в целом. Эта угроза возникла из-за того, что теперь Блейз точно установил место, где Хэл скрывается, и, без сомнения, готов предпринять любые шаги, чтобы схватить его. Из этого следовал довольно очевидный вывод о том, что по крайней мере Блейз, а скорее всего, и остальные

Иные пришли к убеждению, что Хэл может стать для них опасным, усилия, предпринимавшиеся для его поисков на Коби, можно расценивать лишь как проявление любопытства со стороны Блейза. Сейчас же ситуация складывалась более серьезная.

Хэл понимал, что находится в положении преследуемого. Его переселение на Коби было осуществлено с единственной целью — укрыться там, пока он не повзрослеет и не возмужает настолько, чтобы суметь защитить себя, и пока в его сознании не сформируется решение о своих дальнейших действиях — как в отношении Иных, так и в отношении своей собственной жизни. И вот теперь перед ним возникла реальная угроза попасть к ним в руки, а он до сих пор не осознал, как должен вести себя, чтобы успешно противостоять им, не говоря уж о победе над ними. Встревоженный разум бросал ему упрек: он прожил четыре предыдущих года, питая детские иллюзии о неограниченном времени, имеющемся в его распоряжении, и дождался момента, когда стало слишком поздно думать над тем, что следовало предпринять с самого начала.

Хэл шел преимущественно по ровной местности, природа не воздвигала на его пути почти

никаких препятствий, преодолевая которые ему пришлось бы снижать скорость своего движения. Время от времени он осматривал лежащее внизу перед ним пространство, выходя на открытые участки горного склона или забираясь на высокое дерево. При первом таком осмотре он обнаружил на трассе, тянущейся через долину, только одну из трех колонн милицейских грузовиков. Две другие ему пришлось разыскивать, и в конце концов он увидел, что фургоны этих двух колонн стоят в стороне от трассы, а находившиеся в них милиционеры уже начали пешим порядком углубляться в предгорья. Колонна, продолжавшая движение по трассе, была той самой, которая двигалась впереди остальных; ее задача, несомненно, состояла в том, чтобы, проникнув в предгорья, оказаться впереди отряда, стремящегося скрыться в горах, и пересечь его маршрут. В следующий раз Хэл обнаружил, что и эта колонна прекратила движение, остановившись почти напротив места, намеченного для сбора отряда, а милиционеры, покинув фургоны, направляются в глубь леса. Местонахождение точки, из которой милиционеры начали свою облаву, теперь уже не позволяло Хэлу надеяться, что он сумеет достичь пункта сбора часа за два до того, как они, проникая все дальше

в лес, наткнутся на следы, оставленные какой-либо из групп, направляющихся к этому пункту. Когда вьючные ослы караваном двигаются через густой лес, то потом даже неискушенный человек обязательно поймет, что они тут проходили.

Он подавил в себе невольное стремление ускорить шаг и, продолжая идти все так же размеренно, снова переключил свои мысли на охоту Блейза за ним и на те ответные действия, которые следовало предпринять в сложившейся ситуации.

Он все еще размышлял над своим нынешним положением, когда наконец подошел к временному лагерю в пункте сбора отряда. День уже клонился к вечеру, до захода солнца оставалось не больше двух часов. До этого момента он не позволял усталости овладеть собой, но теперь вид стоящих вокруг палаток, звуки, сопровождающие царящее в лагере вечернее оживление, ароматы готовящейся пищи, которые донеслись до него еще издалека и навели прямо на лагерь, вдруг смели все его запреты, и внезапно ноги и все тело охватила страшная усталость.

— Ховард! — Джорэлмон первым заметил его. — А мы уже начали беспокоиться о тебе!

Он поднялся, оставив разложенные на куске

ткани детали конусного ружья, разобранного для чистки, и направился к Хэлу. За ним последовали все, кто услышал его слова и смог оторваться от того дела, которым занимался.

Хэл жестом остановил их.

— Где Рух? — спросил он. — Мне необходимо поговорить с ней.

Несколько рук указали ему направление. Хэл поспешил к палатке, разбитой в дальнем конце лагеря, и остановился перед входом у опущенного клапана.

— Рух? — позвал он. — Это Ховард. Я должен поговорить с тобой.

— Входи, Ховард, — донесся до него из палатки ее сильный и чистый голос. Откинув клапан, Хэл вошел внутрь. Рух сидела на походном стуле перед складным столиком, всю поверхность которого занимала карта. По другую сторону столика на таком же стуле расположился Иаков. При появлении Хэла оба они повернулись к нему лицом.

— Что случилось? — спросила Рух, не отводя от него взгляда.

— Нас преследуют три отряда милиции, — сообщил он. — Я заметил их, осматривая местность со склона горы, после того как отвез раненого

водителя нашего грузовика к его лесной хижине.

Он рассказал им о том, что видел, и о том, что он обо всем этом думает.

— Ты считаешь, что через два часа они наткнутся на наш след? — Рух нахмурилась. — А на каком расстоянии отсюда они смогут на него выйти? Сколько времени им понадобится с этого момента, чтобы найти нас?

— Этого я не могу сказать, — пожал плечами Хэл. Он склонился над картой предгорий в окрестностях Мэйсенвейла и, используя палец как указку, продолжал свой рассказ:

— Рассчитав, сколько времени они пробудут в лесу, пока я буду добираться сюда, и какое наибольшее расстояние смогут пройти за это время, я начертил дугу, пересекающую маршруты наших групп, также направляющихся сюда, и эта дуга пересекла ближайший такой маршрут почти прямо здесь, на месте сбора отряда. Но этот вариант стал бы, наверное, для них самым благоприятным из всех возможных. Где они на самом деле наткнутся на следы прохождения одной из наших групп, зависит от того, под каким углом к общему направлению нашего движения они вошли в лес. Если угол, под которым они двинулись от своих фургонов, оставленных на обочине

магистрали, составлял девяносто градусов, то им потребуется не меньше двух часов. Если же угол был больше, то и больше времени это займет, но тогда, продвигаясь в глубь леса, они одновременно смещались бы назад, в ту сторону, откуда приехали, следовательно, такой вариант маловероятен. Если же они вошли в лес под острым углом, то им также понадобится больше времени, чтобы дойти до того места, где остались наши следы, но зато это место может оказаться вблизи нашего лагеря или прямо здесь.

Рух взяла линейку, выбрала на ней шкалу, соответствующую масштабу карты, и измерила расстояние между точками, которые указал Хэл.

— Пожалуй, им нужно на треть больше времени, чтобы пересечь наши следы здесь, в этой точке, — задумчиво произнесла она, в то время как Иаков пристально следил за движениями ее рук, низко склонившись над картой. — Это дает нам, самое большее, еще сорок минут в дополнение к тем двум часам, которые ты вычислил, Ховард. Не меньше получаса — чтобы свернуть лагерь, уложиться и отправиться дальше. За это время мы не успеем собраться и подготовиться к переходу как следует, но у нас нет выбора.

Она взглянула на Дитя Господа.

— Иаков?

Он покачал головой.

— Выбора нет. — Он угрюмо посмотрел на Хэла. — Ты хорошо сработал, Ховард.

— Просто так получилось, что я оказался в нужном месте в нужное время, — пожал плечами Хэл. — Если бы я не отвозил того водителя к его хижине, то никак не смог бы увидеть, что происходит позади нас.

— Итак, мы уходим, — подвела итог разговору Рух. — Иаков, иди поднимай людей.

Иаков встал со стула и вышел. Рух повернулась к Хэлу.

— Ховард, пойди вместе с ним, помоги.

Хэл не двигался с места.

— Я хотел бы кое-что сказать тебе... — начал он.

— Ну разумеется. — Рух не сводила с него пристального взгляда своих темных глаз. — Ты целый день шел так быстро, как только мог, чтобы успеть вовремя сообщить нам все это. Я отменяю свою просьбу о помощи. Отдохни полчаса, пока все укладываются. Поспи, если сможешь.

— Не об этом речь. — Хэл оперся рукой о спинку стула, опустевшего после ухода Иакова. Внезапно усталость сделалась почти невыносимой. — Я

должен сказать тебе, что по пути на пункт комплектования мы напоролись на заграждение, установленное поперек трассы. Его, несомненно, соорудили заранее. Водитель фургона, в котором мы ехали, — тот, с аккордеоном — был прав, когда на ферме Молер-Бени говорил, что я представляю собой опасность для всех вас. Трассу перегородили, потому что разыскивают меня. По этой же причине три подразделения милиции стояли наготове и могли наброситься на нас сразу же после рейда.

Рух кивнула, продолжая смотреть на него.

— Суть в том, — продолжал он, делая над собой усилие, — что тот человек прав. До тех пор пока я нахожусь среди вас, на этот отряд направлено все их внимание. Если я уйду, то, возможно, отведу их от вас.

— Ты знаешь, почему они преследуют тебя? — спросила она.

Он покачал головой.

— Я думаю, меня домогается Блейз Аренс, заместитель председателя Иных, более высокий из тех двоих, что находились в моем доме в тот день, когда были убиты мои учителя. Но почему — это другой вопрос. Во всяком случае, я считаю, мне надо уходить от вас.

— Ты помнишь, что говорил Иаков, — тихо произнесла она. — Отряды никогда не бросают своих людей.

— А я действительно один из этих людей?

Она снова внимательно посмотрела на него.

— Ты жил и воевал вместе с нами. Разве этого недостаточно? Но если тебе нужны еще аргументы, подумай вот о чем. Раз они так стремятся схватить тебя, что поднимают на ноги милицию всего сельского региона, то неужели они дадут уйти отряду, в котором ты находился, особенно после того как этот отряд только что совершил два успешных рейда в пределах контролируемого ими города?

Хэл промолчал.

— Иди отдыхай, Ховард, — сказала она. Он покачал головой.

— Я в порядке. Только мне надо поесть.

— Найди Тэллу, пусть она даст тебе такой еды, которую ты смог бы съесть потом, по дороге, когда мы будем на марше, — посоветовала она. — А пока мы не выступим, ты должен отдохнуть. Это приказ.

— Хорошо, — кивнул Хэл.

Он раздобыл у Тэллы хлеб и бобовое пюре, съел немного того и другого, остальное завернул, убрал

в рюкзак и лег. Ему показалось, что он едва успел закрыть глаза, как его сразу же стали трясти за плечо. Открыв глаза, он бессмысленно уставился на Джейсона.

— Ховард, пора отправляться. — Он протянул ему кружку, над которой поднимался пар. — Вот, это остатки кофе.

Хэл с благодарностью выпил содержимое кружки. Горячая, с кислинкой жидкость серого цвета, содержащая некоторое количество стимуляторов, подействовала на него благотворно, и вскоре он уже с рюкзаком за спиной и ружьем в руке был готов снова отправиться в путь.

В течение двух часов, остававшихся до наступления темноты, отряд двигался настолько быстро, насколько позволяли рельеф местности и возможности ослов. Когда землю под ногами стало уже плохо видно, Рух дала команду остановиться. Хэл, которому поручили присматривать за ослами, находившимися в хвосте колонны, покинул своих подопечных и подошел к ней.

— Хочешь стать лагерем? — спросил он.

— Да. — Их разделяло не больше метра, но в наступившей темноте ее лицо выделялось лишь как сплошное светлое пятно.

Хэл взглянул на небо, слегка затянутое обла-

ками.

— Позже взойдет луна, а ветер может время от времени разгонять облака, — словно рассуждая вслух, произнес он. — Если бы мы продолжали идти, то смогли бы значительно увеличить расстояние между собой и милицейским отрядом. Ведь в дневное время, двигаясь налегке и без ослов, они станут нагонять нас.

— Завтра к полудню мы выйдем за пределы их района, — сказала Рух. — Ни одно подразделение милиции не станет преследовать нас на чужой территории, если во время преследования не завязался бой. Наша задача — оставаться впереди них на безопасном расстоянии до тех пор, пока мы не окажемся в следующем районе. И пока в погоню за нами отправится подразделение милиции этого района, у нас будет возможность вообще оторваться от них.

— Может быть, и так, — отозвался Хэл. — Но во всяком случае, если ты сочтешь целесообразным продолжать движение, то это вполне можно осуществить.

— Как? — секунду помолчав, спросила она.

— Есть способы ориентироваться даже в такой темноте, как сейчас, — ответил он. — Они входили в программу моего обучения, и я думаю, что

до сих пор не забыл, как это делается. Чтобы воспользоваться ими, нам только нужно соединить в одну связку всех членов отряда, а меня поставить во главе. И если позже небо прояснится и на нем покажется луна, то мы могли бы идти всю ночь. А если мы сейчас остановимся на ночлег, то не двинемся дальше до рассвета.

Последовала долгая пауза.

— Даже если первым пойдешь ты, — заговорила Рух снова, — как это поможет всем нам не спотыкаться о препятствия, которые мы не сможем у видеть?

— Ну, во всяком случае, я смогу вести отряд, выбирая наиболее ровные участки поверхности, — сказал он. — Поверь мне, у нас должно получиться. Я уже проделывал такое у себя на Земле.

Рух опять некоторое время молчала.

— Ну хорошо, — наконец произнесла она. — А как ты собираешься привязывать людей друг к другу?

На то, чтобы построить всех бойцов отряда одного за другим и соединить их в одну цепь, пришлось потратить целый час. Хэл в последний раз обошел всю колонну, напомнив каждому о том, что нельзя натягивать веревку, соединяю-

щую его с идущим перед ним человеком, и затем занял место впереди всех. Отряд выступил в свой необычный ночной поход.

В том, что сейчас делал Хэл, не было ничего такого, с чем не справился бы любой, пройдя специальную тренировку. Его способность находить путь в темноте основывалась на учете целого ряда обстоятельств, важнейшее из которых состояло в том, что даже опытные лесовики, такие как эти партизаны, передвигаясь по земле темной ночью, непроизвольно поднимают глаза к небу, потому что оно всегда остается более светлым по отношению к остальному пространству. При этом частично утрачивается способность воспринимать окружающее, чего не происходило бы, если давать глазам возможность адаптироваться к темноте, глядя не в небо, а на землю.

Кроме того, Хэл использовал в подобных ситуациях почти гипнотическую концентрацию внимания, обращая его на поверхность земли перед собой, в сочетании с такой же концентрацией обычных своих способностей чувствовать запахи и звуки, а также сохранять равновесие, и все это вместе взятое позволяло ему в максимально возможной степени ощущать то, что находится и происходит у него под ногами. Все эти приемы

отрабатывались еще в годы его ранней юности главным образом на тренировках в реальных условиях. Однако при таком способе передвижения возникает опасность наткнуться на что-либо, расположенное над поверхностью земли выше того уровня, который попадал в поле зрения глаз, смотрящих вниз, поэтому в качестве меры предосторожности Хэл нес перед собой шест, верхний конец которого возвышался над его головой, а нижний доходил до середины икр.

В начале этого ночного марша отряд продвигался вперед очень медленно и с большим трудом. Несмотря на предупреждение Хэла, некоторые не следили за тем, чтобы веревка, связывающая их с идущим впереди человеком, не натягивалась, поэтому, если один из них спотыкался или падал, он увлекал за собой и второго; при этом весь отряд останавливался. Но постепенно, как это бывает при любых видах физической деятельности, все идущие в связке приноровились к особенностям непривычного для них способа передвижения. Падений и непреднамеренных остановок становилось все меньше, скорость возросла. Теперь действия отряда в сгущающейся тьме все меньше напоминали танец пьяной змеи, а становились все больше похожими на осмысленное и целена-

правленное движение вперед.

Ослы приспособились к необычному способу передвижения быстрее, чем привязанные друг к другу люди, поскольку над ними не тяготела свойственная людям склонность к размышлениям и предположениям. В общем же сдвиги в сторону улучшения темпа происходили медленно.

Хэл передвигался в лабиринте ощущений, прокладывал путь сквозь тьму, не анализируя импульсы, поступавшие к нему различными путями, а лишь безошибочно реагируя на них, и почти не сознавал, что от него исходит непрерывный поток предостережений и сведений о характере и состоянии почвы у него под ногами; это было очень полезно для идущей позади него Рух, а далее передавалось по цепочке назад от человека к человеку.

Ночь вступала в свои права, на небе, прячась за облаками, появился узкий серпик луны, а ночной ветер посвежел. Просветы среди облаков стали возникать все чаще, и до земли доходило больше света. Но в сознании Хэла все эти изменения не отложились. Он даже не осознавал, что с улучшением освещенности постепенно наращивает скорость своего движения и что цепочка людей позади него передвигается все более слажен-

но. Рубеж обычной усталости остался позади, и лишь адреналин позволял выдерживать состояние крайнего переутомления, в котором теперь пребывал организм. Хэл совершенно позабыл о своем теле и почти не испытывал никаких ощущений, служивших источниками информации для его тела и разума. Только мир непрерывно меняющихся черных и серых теней, а ход времени, цель, к которой они стремились, причина этого стремления — все это для него больше не существовало. Хэл шел, поворачивая то влево, то вправо, не понимая, почему делает именно так. Он лишь знал, что в этом состоит его назначение — непрерывно передвигаться столь сложным путем, соблюдая при этом максимальную осмотрительность.

Он наконец воспринял подергивание веревки, соединяющей его с Рух, остановился и, обернувшись, уставился на нее невидящим взглядом.

— Сейчас мы остановимся. — Ее голос оглушительно ударил ему в уши. — Уже достаточно хорошо видно.

Хэл отметил тот факт, что света вокруг прибавилось: серые тени стали светлее, а черные вовсе пропали. Но в течение нескольких секунд его сознание фиксировало Рух как еще одну раз-

новидность абстрактной серой тени, оттенок которой также свидетельствовал об усилении освещенности. Точно так же ее слова не содержали для него никакого смысла. Хэл пока еще не сумел соотнести их с тем миром, в котором он все продолжал отыскивать дорогу для отряда.

И внезапно он увидел землю, кусты и деревья, возвышающиеся над головой, в сумеречном свете нарождающегося дня и наконец понял: ночь, а с ней и его миссия закончились...

Хэл осознал, что падает, но соприкосновения своего тела с землей уже не ощутил.

Способность воспринимать окружающее возвращалась к нему медленно. Кто-то тормошил его. С трудом открыв глаза, он увидел Рух.

— Сядь, — велела она.

Хэл приподнялся на локте, обнаружив при этом под собой каким-то образом появившуюся там брезентовую подстилку, а сверху на себе — одеяла. Когда он наконец принял сидячее положение, то почувствовал, что сзади ему под спину что-то подкладывают, какую-то опору, чтобы можно было на нее откинуться. Оглянувшись, он увидел заполненный рюкзак. В руки ему Рух сунула миску с горячей едой, похожей по виду на тушеное мясо.

— Ты должен съесть это, — приказала она.

Он оглянулся по сторонам; вокруг стояли деревья, освещенные ярким светом наступившего дня.

— Который теперь час? — Хэл вздрогнул, услышав свой голос, напоминающий карканье.

— Остался час до полудня. Ешь.

Рух встала и отошла от него. Все еще ощущая оцепенение и в теле и в сознании, Хэл приступил к еде. Он не помнил, чтобы когда-нибудь прежде ел такую вкусную горячую пищу. Жизнь возрождалась в нем с каждым проглоченным кусочком. Миска опустела как-то неожиданно. Он отставил ее в сторону, поднялся, свернул и уложил в рюкзак одеяла и подстилку, поскольку, как он установил, все эти вещи оказались его собственными. Но миска и ложка были не его. Он отнес их к ручью, возле которого расположился лагерь, и вымыл. Кругом суетились бойцы, разбирая палатки и сворачивая спальные мешки, — отряд снова собирался в дорогу. Хэл попытался отдать посуду Тэлле, но та не взяла ее.

— Это не из кухни, — оглянувшись через плечо, раздраженно обронила она, не прекращая торопливо навьючивать только что упакованную кухонную утварь на отданных в ее распоряжение

ослов. — Это личное имущество Рух.

Хэл пошел к Рух.

— Спасибо тебе, — сказал он, возвращая ей посуду.

— Не за что. Ну, как ты?

— Проснулся, — ответил он.

— А как ты себя чувствуешь?

— Немного онемели мышцы. А вообще я в порядке.

— Я отсылаю из отряда с отдельной группой раненых, — сообщила ему Рух, — а также все снаряжение, без которого мы сумеем обойтись. Это позволит максимально облегчить нашу поклажу. Они будут покидать отряд по одному или по два по ходу нашего сегодняшнего маршрута. Надеюсь, милиция не заметит их следов в азарте своей погони за нами. С уходом Морелли мы останемся без одного из командиров групп. Я поговорила с Иаковом, и мы решили назначить тебя.

Он кивнул.

— Однако в этом деле есть один существенный момент, — продолжала она. — Все остальные командиры групп старше тебя, и по действующим правилам ты смог бы стать во главе отряда только после того, как погибнем не только мы с Иаковом, но и все остальные командиры групп.

Но я собираюсь сообщить им о твоих способностях — конечно, если ты не возражаешь — и при этом сказать, что, имей ты достаточный опыт, мы с Иаковом уже сейчас считали бы тебя первым кандидатом на его должность в том случае, если с ним что-нибудь произойдет. Ты согласен?

Его все еще утомленному и оцепеневшему со сна разуму понадобилось несколько секунд, чтобы осмыслить услышанное.

— Раз уже всем известно, что милиция разыскивает меня с особым усердием, — наконец заговорил он, — то нет никаких причин скрывать, что я прошел специальную подготовку, так же как и характер этой подготовки. Но я был бы благодарен тебе, если бы ты не сообщала им ни имен моих учителей, ни других сведений, которые им не обязательно знать.

— Ну разумеется.

Хэл стоял так близко к Рух, что почти физически ощущал воздействие пульсирующего потока какой-то таинственной жизненной силы, исходящей от нее.

— Значит, начиная с этого момента ты становишься младшим офицером, — сказала она, — и теперь на каждой стоянке мы будем вместе обсуждать планы дальнейших действий. А сейчас

имей в виду: милиция находится примерно в восьми километрах за нами, и проходят они за каждый час на километр больше, чем мы при самом высоком темпе. Нас преследуют объединенные силы, состоящие из первой и второй колонн, которые ты видел.

Рух продолжала сообщать ему дальнейшие подробности. Как только отряд остановился, она отправила Джейсона вместе с двумя другими бойцами на разведку. Им было дано задание подняться по склону горы, которую отряд огибал в данное время, на такую высоту, чтобы, используя полевые зрительные трубы, разглядеть преследователей.

Разведчики оказались на нужной позиции довольно рано и заметили достаточно далеко поднимающиеся над деревьями дымки — признак того, что там готовили пищу на завтрак. Сосчитав их, они предположили, что общая численность милиционеров раза в два превосходит их количество в одной из тех колонн, которые видел и описал Хэл.

Когда же милиционеры снялись с места и снова двинулись в погоню, Джейсон и его товарищи точно определили скорость их передвижения. Стало ясно, что в лесу, где нет завалов и иных

препятствий, она составляет не менее четырех километров в час. Отряд же, со своими ослами, в таких условиях способен делать не больше трех километров в час. В течение тех трех часов, когда преследователи шли по лесу, а отряд отдыхал, они выиграли двенадцать часов путевого времени, и теперь их отделяло от партизан расстояние, которое можно преодолеть за шесть часов. К наступлению сумерек они настигнут отряд, если, конечно, сохранят прежний темп погони.

— Но я думаю, что к середине второй половины дня мы избавимся от них, — закончила свой рассказ Рух. — Сейчас от границы соседнего района нас отделяет не более трех часов пути.

— А на территории чужого района они не могут преследовать отряд? — спросил Хэл.

— По закону — могут, но только если преследование ведется по горячим следам, каковым они его, возможно, и считают, — сухо ответила она. — В действительности между разными районами существует соперничество, которое восходит к старинным различиям между сектами. В прошлом это чуть не привело к образованию самостоятельных государств. Милиция одного района не любит, если на ее территорию вторгаются коллеги из другого района. Те, кто

преследует нас теперь, могут и перейти границу; однако есть шанс, что они остановятся и свяжутся с милицией соседнего района, с тем чтобы передать преследование ей.

— Если они свяжутся с ней заранее или уже связались, то мы можем очутиться между двух огней, — заметил Хэл.

— Я же сказала тебе о соперничестве. Когда они не могут поймать нас сами, то обычно не приходят в восторг оттого, что это удается сделать соседям. Вероятно, они пойдут ля нами через границу района, но вторгаться в глубь его территории не посмеют и вскоре прекратят преследование. И только после этого известят местную милицию; а ей понадобится два, а то и три часа, чтобы организовать за нами новую погоню.

— Понимаю, — кивнул Хэл.

— Если нам элементарно повезет, то, пока они сменяют друг друга, мы окажемся впереди них примерно на восемь или девять часов марша. — Рух слегка улыбнулась. — А к тому времени отряд должен будет находиться уже вблизи южной границы со следующим районом, где повторится точно такая же история, и мы снова получим примерно такой же выигрыш во времени. Именно

этим способом отряды партизан обычно избавляются от преследования милиции. — Ее взгляд скользнул мимо плеча Хэла. — Мы уже почти готовы двинуться дальше, — сказала Рух. — Пока ты должен делать только одно — идти вместе со всем отрядом. Через некоторое время я посмотрю, насколько ты восстановил силы после прошедшей ночи. Если твое физическое состояние позволит, то позже у меня, наверное, появится для тебя особое задание. А пока подумай, кого ты хотел бы иметь в своей группе. Для начала тебе придется взять группу Морелли, но потом появится возможность перевести к тебе людей из других групп, в порядке обмена, при условии согласия всех сторон.

Глава 26

Все остальные бойцы отряда, так же как и Хэл, провели на ногах целые сутки, а когда у них наконец появилась возможность отдохнуть, они проспали семь часов. Начался новый дневной переход, и люди двигались с трудом, молча, без прежней привычной легкости. Но по мере продвижения вперед они постепенно разогревались от ходьбы.

И чем дольше шел отряд, тем его скорость становилась больше, в то время как у милицейских соединений, несмотря на полноценный ночной отдых, она начала падать под влиянием послеполуденной жары. Дозорные сообщали, что преследователи стали теперь через каждый час останавливаться на десятиминутный отдых. В середине второй половины дня Рух, возглавлявшая колонну, отправила к Хэлу посыльного с просьбой прийти для разговора с ней. Вместе с Иаковом они ушли на несколько метров вперед, чтобы поговорить без свидетелей.

— Как ты себя чувствуешь сейчас? — поинтересовалась Рух.

— Нормально, — ответил Хэл.

Это была правда. Где-то глубоко внутри его организма еще таились остатки усталости, но в остальном он чувствовал себя так же хорошо, как и всегда, даже, может быть, чуть лучше.

— Тогда у меня есть для тебя дело, — сказала Рух. Хэл внимательно посмотрел на нее.

— Исходя из расчетов — моих и Иакова, — наш отряд только что пересек границу соседнего района. Милиция будет продолжать погоню за нами по крайней мере до этого места. Правильно оценить обстановку нам очень помогли бы данные о том, каково состояние людей, как относится рядовой состав к своим офицерам, что они думают о перспективах нашей поимки. Такая задача как раз для тебя, потому что именно ты способен подкрасться настолько близко к ним, чтобы добыть интересующие нас сведения и остаться при этом незамеченным.

— Наверное, я сумею это сделать, — ответил Хэл. — Если они остановятся, задача упростится, но и во время их перехода у меня есть определенные преимущества перед ними.

Он вовремя остановил себя, чтобы не высказаться по поводу весьма низкого уровня профессионализма милиции, поскольку многое из того,

о чем он хотел упомянуть, в равной степени относилось и к партизанам. В общем, факт оставался фактом — по тем меркам, которые ему привил Малахия, действия обеих противоборствующих сторон во многих случаях больше напоминали военизированные игры детских клубов, чем боевые операции военных или полувоенных формировании.

— Хорошо, — оживилась Рух. — Бери с собой тех, кто тебе нужен, но, думаю, не больше четырех-пяти человек, иначе вы не сможете передвигаться достаточно быстро.

— Двоих, — уточнил Хэл, — для надежности. Один должен меня подстраховывать, а если я не сумею вернуться — сообщить об этом; еще один — на тот случай, если что-нибудь случится с первым. Если нет возражений, я возьму с собой Джейсона и Джорэлмона.

На мгновение чуть заметная морщинка появилась на идеально гладкой коже между темными бровями Рух.

— По правилам они должны быть из твоей группы, — медленно произнесла она. — Но учитывая особенности этого задания... Скажи командирам их групп, что я одобрила твой выбор.

Он кивнул.

— Мы уйдем, а ты оставайся и держи милицию под наблюдением, — продолжала она. — Так ты хоть немного отдохнешь, а когда они появятся здесь, сможешь подобраться к ним достаточно близко, чтобы узнать то, что нам нужно, или тебе придется идти за ними следом и выжидать удобного случая.

Он снова кивнул.

Метрах в трехстах от предполагаемого пути прохождения милиции они с Джейсоном и Джорэлмоном устроили наблюдательный пункт, и все трое по очереди следили с вершины высокого дерева за своими преследователями, а тем временем отряд партизан продолжал идти вперед. Милицейские силы находились теперь примерно в двух километрах от них и продолжали неуклонно приближаться.

Сначала до Хэла донесся шум, предшествовавший их появлению, и только потом среди густой листвы замелькали одетые в черное фигуры. Видимо, они и не пытались передвигаться скрытно. Хэл решил проверить одно предположение, возникшее у него некоторое время тому назад. Согласно этому предположению, силы милиции мало чем отличались от гарнизонных солдат, больше привыкших чувствовать под ногами

городские мостовые, а не землю в лесной чаще. Исключение составляли разве что особые подразделения, созданные специально для преследования партизанских отрядов.

Когда их преследователи приблизились, Хэл убедился в своей правоте. Милиционеры, которых он видел, выглядели взмокшими и измотанными, что свидетельствовало об отсутствии у них навыков передвигаться пешком по бездорожью; ранцы явно не предназначались для переноски снаряжения и припасов на большие расстояния.

Колонна подошла ближе и остановилась, не доходя метров двухсот до наблюдательного пункта партизанского дозора. Было похоже, что эта остановка — очередной короткий отдых после часа нахождения в пути. Милиционеры опустились на землю, ослабили лямки ранцев и сняли их с плеч.

Хэл слез с дерева.

— Вы оба оставайтесь здесь, — велел он Джейсону и Джорэлмону. — Когда они двинутся дальше, идите параллельно им, но держитесь сбоку на таком же расстоянии, как сейчас. Если через полчаса я не присоединюсь к вам или вы поймете, что они схватили меня, возвращайтесь в отряд и сообщите Рух то, что мы уже успели узнать. Если

я просто почему-либо задержусь, то потом догоню вас. Учтите, схватив меня, они обязательно станут проверять, нет ли здесь кого-нибудь еще, и у вас уже не будет возможности подойти к ним достаточно близко. Понятно?

— Да, Ховард, — ответил Джейсон. Джорэлмон молча кивнул.

Хэл ушел в ту сторону, где расположилась на отдых милиция. Приблизившись к их стоянке, он обнаружил, что вполне может подобраться к ней с любой стороны достаточно близко и тогда услышит даже те разговоры, которые ведутся вполголоса. Не увидел Хэл и ничего похожего на посты часовых, выставленных на время отдыха. Такая беспечность казалась невероятной и могла объясняться лишь тем, что это доморощенное войско считало абсолютно невозможными какие-либо активные действия против них со стороны преследуемого ими отряда. Эта уверенность, разумеется, не делала чести и партизанам.

Хэл прокрался сначала в одну, потом в другую сторону вдоль расположившейся на отдых колонны, держась от нее в нескольких метрах и прячась в густом подлеске, окаймляющем поляну, которую выбрали милицейские командиры для остановки. В конце концов он присел на кор-

точки и притаился за кустами не дальше пяти метров от того места, где офицеры проводили, по-видимому, некое подобие военного совета.

Их собралось пятеро, все в хорошо подогнанной черной форме, но разговор шел только между двоими, с петлицами капитанов милиции на воротниках. Одного из них Хэл хорошо знал. Он сталкивался с ним в тюрьме Цитадели и во время боя с милицейской засадой на перевале. Судя по всему, водитель-аккордеонист говорил именно об этом офицере по имени Барбедж.

— ...Да, это я говорю тебе, — услышал Хэл конец фразы Барбеджа, обращенной ко второму капитану. Барбедж стоял, остальные сидели в ряд на стволе дерева, поваленного бурей. — Меня наделил полномочиями человек, занимающий гораздо более высокую должность, чем ты, а также и сам Великий Учитель. И если я говорю тебе, чтобы ты шел, то ты пойдешь!

Капитан, к которому относились эти слова, сидел в ряду последним. Повернув голову, он смотрел на говорившего снизу вверх, исподлобья, стиснув зубы. Это был человек лет тридцати пяти, на добрых пять лет моложе Барбеджа, но с уже начавшим тяжелеть квадратным лицом и толстой шеей.

— Я видел полученные тобой приказы, — сказал он густым, но без хрипоты басом, весьма подходящим, чтобы отдавать команды на учебном плацу. — Там ничего не говорится о преследовании за пределами границ района.

— Ты никчемный человек! — резко бросил ему Барбедж тоном, полным презрения. — Какое мне дело до того, как такие, как ты, понимают полученные приказы? Я знаю, что нужно тем, кто меня послал, и я приказываю тебе вести преследование так, как я скажу, и там, где я укажу!

Лицо второго капитана побледнело, он привстал со своего места.

— Ты можешь выполнять приказы! — сказал он совсем низким голосом. — Но твое звание не выше моего, и нигде не сказано, что тебе дано право говорить со мной в таком тоне. Поэтому ты или выбирай выражения, или выбирай себе оружие. Мне безразлично, что ты предпочтешь.

Верхняя губа Барбеджа слегка скривилась.

— Оружие? Что же это за дьявольская гордыня — считать, что, трудясь на ниве Господней, можно подвергнуться оскорблению? В отличие от тебя, я не ношу оружия. У меня есть лишь те средства, какие мне дал для моих дел Господь. Итак, у тебя есть то, что ты называешь оружием?

Ну так используй его, раз тебе не нравится, как я тебя назвал!

Лицо капитана вспыхнуло.

— Ты не вооружен, — коротко произнесен. Хэл увидел, что, в отличие от остальных офицеров и рядовых милиционеров, Барбедж действительно не имел никакого оружия.

— О-о, пусть это тебя не останавливает, — со зловещим сарказмом сказал Барбедж. — Для истинных слуг Господа необходимые средства в нужный момент всегда оказываются под рукой.

С этими словами он, широко шагнув, оказался рядом с самым молодым из присутствующих офицеров, положил ладонь на подвешенную к его портупее кобуру и быстрым движением большого пальца отстегнул и откинул вверх ее клапан. Под растерянным взглядом продолжавшего неподвижно сидеть капитана он обхватил пальцами рукоятку энергетического пистолета. Теперь ему понадобилось бы только одно движение кисти, чтобы выхватить пистолет из кобуры, навести его и выстрелить. Ошеломленный таким поворотом событий капитан внезапно побледнел: ему, прежде чем взять в руки пистолет, необходимо было дотянуться до своей кобуры и расстегнуть ее.

— Я имел в виду... — слова застряли у него в

горле, — не такое. Нормальный поединок, с секундантами...

— Увы, — пожал плечами Барбедж, — такие игры мне незнакомы. Поэтому, чтобы решить вопрос, будем мы продолжать преследование или повернем назад, я сейчас просто убью тебя, поскольку ты не намерен подчиняться моим приказаниям. Или ты должен убить меня первым и так доказать свое право поступать, как ты считаешь нужным. Ведь именно подобным образом ты привык разрешать споры при помощи оружия, со всеми этими твоими поединками и секундантами, не так ли?

Он умолк в ожидании ответа, но второй капитан молчал.

— Ну что ж, очень хорошо, — медленно произнес Барбедж угрожающим тоном. Он вытащил пистолет из кобуры молодого офицера и навел его на строптивого капитана.

— Ради Бога, пусть все будет так, как ты хочешь, — хриплой скороговоркой выпалил капитан. — Хорошо, мы пойдем через границу!

— Я рад, что ты принял такое решение. — Барбедж вложил пистолет обратно в кобуру и отошел от ее владельца на шаг. — Мы продолжим движение, пока не встретимся с группой пресле-

дования, высланной нам навстречу из соседнего района. Тогда я присоединюсь к ним, а ты со всеми своими людьми сможешь отправиться в город, чтобы продолжать вылавливать там свою мелкую добычу. Тебе осталось ждать недолго. Когда мы должны встретиться с этой группой?

Капитан молча смотрел на него широко открытыми глазами.

— Это займет у них несколько часов, — ответил он наконец после паузы.

— «Часов»? — Барбедж устремился к капитану, и тот вскочил, словно опасаясь, что его ударят. — Почему часов? Когда ты отправил им сообщение о том, чтобы они вышли нам навстречу?

— Мы... Обычно мы не отправляем таких сообщений до тех пор, пока не убедимся, что Дети Гнева собираются пересечь границу и проникнуть в следующий район...

— Ты слюнявый болван! — с презрительным спокойствием заявил Барбедж. — Разве не было ясно с самого начала, что они намерены скрыться в соседнем районе и двигаться через него дальше?

— Да, конечно. Но ведь мы могли настичь их... Голос капитана сник, он умолк.

— Сейчас же посылай сообщение. Немедленно!

— Хорошо. Чеймз! — Он стремительно повернулся к тому молодому офицеру, у которого Барбедж «одалживал» пистолет. — Передай сообщение Управлению района Хлабер, обрисуй им ситуацию. Скажи, что капитану Барбеджу, действующему здесь на основании особых полномочий, нужна группа преследования, которая смогла бы сменить нас через час. Скажи им, что право капитана Барбеджа требовать организации такой группы им могут подтвердить в штаб-квартире Южного материка. Ты все понял? Ну, давай! Живее!

Молодой офицер бегом бросился выполнять приказание. Хэл бесшумной тенью скользнул сквозь заросли назад и, оказавшись на достаточно большом расстоянии от поляны, где отдыхающие милиционеры уже не могли его увидеть, повернулся и пустился бежать к своему наблюдательному пункту. Джорэлмон, устроившись на вершине дерева, вел наблюдение; сидевший внизу Джейсон при виде Хэла поднялся.

— Я узнал то, что нас интересовало, — сказал Хэл, — и хочу как можно быстрее догнать отряд и сообщить это нашим командирам. Вы оба бегите вслед за мной так быстро, как только сможете. Как мы и предполагали, нас преследуют две

полностью укомплектованные группы захвата, возглавляет их Барбедж, тот самый капитан, который командовал засадой на перевале. Он только что отправил сообщение в соседний район с просьбой о помощи, а с этими двумя группами собирается идти дальше, пока они не встретятся с посланными на помощь силами. После этого он продолжит погоню за нами с вновь прибывшими, а нынешних своих подчиненных отправит обратно в город. Расскажи все это Джорэлмону, и бегите оба за мной как можно быстрее.

— Хорошо, — кивнул Джейсон, и Хэл, повернувшись, пустился вдогонку за своим отрядом.

Путь, лежавший перед ним сейчас, был короче того, что ему пришлось проделать накануне. Он бежал через освещенный послеполуденным солнцем лес широким размеренным шагом; конусное ружье, прикрепленное к заплечным ремням легкого рюкзака, ритмично покачивалось у него за спиной. К тому моменту, когда он наконец нагнал отряд и предстал перед Рух, его рубашка потемнела от пота.

— А Джейсон и Джорэлмон? — первым делом спросила Рух.

— С ними все в порядке. Они просто отстали от меня. Я побежал вперед, чтобы побыстрее сооб-

щить тебе то, что я узнал. Руководит действиями преследующей нас милиции Барбедж, тот офицер с перевала. Он имеет особые полномочия, похоже, что...

У Хэла перехватило дыхание, Рух терпеливо ждала, пока он отдышался.

— Он принуждает офицеров местной милиции продолжать преследовать нас до тех нор, пока к ним не подойдет помощь из соседнего района. Под давлением Барбеджа, напуганные его особыми полномочиями, они только что послали сообщение с просьбой предоставить им такую помощь в течение часа. Это лишит нас возможности получить дополнительный выигрыш во времени и в расстоянии тем способом, которым, как ты мне говорила, отряды партизан обычно его достигают.

Рух медленно кивала, слушая Хэла, который, благодаря своей великолепной памяти, передал ей слово в слово услышанный им разговор.

Когда он закончил, она глубоко вздохнула и повернулась к Иакову, подошедшему к ним вскоре после появления Хэла.

— Тебе ясно, Иаков? Они решили продолжать свою погоню.

— Ясно, — ответил он.

— Ты прежде бывал в этих предгорьях. Сколько нам осталось идти до границы со следующим районом?

— Полтора дня, тридцать шесть часов, если идти без остановки, — ответил он. — Или трое суток, при нормальном отдыхе. А твои люди, Рух, уже сейчас недосыпают.

— Если бы не наши ослы, мы могли бы рассредоточиться и уйти в горы, тогда им было бы некого преследовать. — Она задумчиво смотрела в землю, словно читала на ней невидимую карту. — Но если мы бросим ослов, то нам придется бросить и удобрение и уже готовый черный порох, служащий для него запалом. А тогда вся наша подготовка к диверсии на геостанции, которую мы вели больше года, окажется напрасной. — Она подняла глаза и посмотрела на Иакова. — Не говоря о людях, отдавших свои жизни за то, чтобы мы смогли довести ее до этой стадии.

— Это воля Господа, — сказал тот. — Если только ты не захочешь остановиться и вступить с ними в бой.

— Похоже, что Барбедж учел и этот вариант, — покачала головой Рух. — Он бросил в погоню за нами два полностью укомплектованных подразделения. Для нас это слишком много. Если

мы примем бой, то вряд ли сможем надеяться на его благополучный исход. Милицейские силы, идущие на смену, наверное, ни в чем им не уступают.

Она повернулась и отошла на несколько шагов от Хэла и Иакова, потом снова подошла к ним.

— Ладно, — решительно произнесла она. — Мы попробуем проложить ложный след и выиграть некоторое количество времени таким способом. Иаков, нам придется пожертвовать дюжиной наших запасных ослов. Привяжите их друг к другу по три в ряд, чтобы за ними оставался очень заметный след; они должны идти позади всех. Хорошо, что мы уже успели отправить из отряда раненых. А теперь и всем нам придется проделать то же самое — по одному, по два уходить в сторону, не оставляя за собой никаких следов, так чтобы милиция не смогла ничего заметить. Ховард!

— Да, — отозвался Хэл.

— Раз Джейсон все еще не вернулся, этими ослами придется заняться тебе. После того как последний боец уйдет с трассы нашего нынешнего маршрута, ты будешь вести животных вперед еще не меньше получаса. Затем привяжи их, пусть они встречают милицию, а сам уходи,

постаравшись не оставить при этом никаких следов, и присоединяйся к нам в новом пункте сбора — мы его сейчас наметим.

— Следы, оставленные вьючными ослами, которых ты собираешься уводить с маршрута вместе с людьми, скрыть невозможно, — заметил Хэл.

— Я знаю, — вздохнула Рух. — Нам лишь останется надеяться, что в азарте погони Барбедж не станет искать следов в стороне от нашего маршрута, а двенадцать твоих подопечных, идущих таким строем, оставят после себя столь явные приметы, что у милиции не возникнет никаких подозрений.

Глава 27

Холодной безоблачной ночью закутавшийся в дождевик Хэл, выполняя обязанности часового, сидел метрах в двадцати от темных силуэтов палаток и мерцающих углей догоревших лагерных костров. Из окутанного мраком леса до него донеслись звуки тяжелого кашля. Но он не стал оборачиваться. Он знал, что это Иаков, уже не пытавшийся скрывать участившихся приступов своего недомогания, отошел на некоторое расстояние от лагеря в ночную тьму, чтобы обрести в такой момент хотя бы видимость уединения.

Накопившаяся за последнее время усталость отупляюще действовала на сознание Хэла; оно стало работать медленнее, хотя ясность мышления у него сохранилась благодаря экзотской методике, освоенной под руководством Уолтера. Ее принцип напоминал чтение печатного текста с помощью лупы, позволяющей при каждом взгляде через нее видеть только одну букву. Ясно, что настала пора принимать какое-то решение. Не имея возможности поймать их, Барбедж и предоставленный в его распоряжение неограни-

ченный милицейский контингент переходят к тактике непрерывной погони, стремясь привести людей Рух в состояние полного изнеможения и, воспользовавшись этим, неминуемо настичь отряд.

Придуманная Рух уловка с ослами позволила им значительно оторваться от Барбеджа и свежих милицейских сил из второго района, так что отряд смог без осложнений перейти через границу в третий на их пути район. Здесь же то ли им повезло, то ли местное милицейское начальство оказалось не склонным к взаимодействию, но партизаны спокойно прошли через весь район и пересекли границу следующего, уже четвертого по счету.

Здесь во все концы раскинулись предгорья, образуя открытое холмистое пространство с песчаной и каменистой почвой, сменившее оставшуюся позади плоскую равнину. Теперь они уже не были тесно зажаты между долиной и горами; горы синели далеко на горизонте, а долина вообще скрылась за ним.

Отряд двигался по местности, поросшей невысокими деревьями и кустарниками, прорезанной многочисленными ручьями и речками, к своей конечной цели — городу Арума и располагавшей-

ся в его черте энергетической станции, которую они намеревались вывести из строя. Попадались на их пути и фермы, но чаще всего небольшие, бедные, отстоящие далеко друг от друга и связанные между собой немногочисленными и плохими дорогами. При организации преследования партизан на территории с таким рельефом милиция наталкивалась на серьезные трудности. Но и партизанам уцелеть в этих условиях было нелегко. Как говорила Рух, если бы не груз материалов для устройства будущего взрыва, размещавшийся во вьюках ослов, отряд мог бы рассредоточиться и исчезнуть в горах. Но пока они упорно не хотели лишаться ни удобрения, ни пороха, а следовательно, и вьючных животных, что не давало им возможности оторваться от преследователей.

По этой причине они решили, что сейчас не следует, как намечалось ранее, входить в Аруму, с тем чтобы, наладив контакты с сочувствующими им местными жителями и воспользовавшись их помощью, начинать подготовку к диверсии на станции. И Рух приняла решение двигаться дальше, идти по этой засушливой холмистой местности, огибая город, но на таком расстоянии, чтобы не вызвать у милиции подозрений о ко-

нечной цели их похода.

В отряде осталось лишь такое количество людей и вьючных животных, без которого выполнить задуманную операцию было бы невозможно. Правда, и те и другие под влиянием этого не прекращающегося ни днем ни ночью преследования находились на грани крайнего переутомления. Если так будет продолжаться и дальше, то в конце концов Барбедж вынудит их остановиться и принять бой; понятно, что в таком случае победа достанется ему легко.

Из уроков Малахии Хэлу было известно правильное тактическое решение: ночью напасть на лагерь противника небольшой группой; скорее всего, в этой ночной атаке вся группа погибнет, но прежде она сумеет нанести силам милиции такой урон, что те не смогут продолжать преследование до получения подкрепления, а это даст партизанам выигрыш во времени по меньшей мере на сутки. Остальная же часть отряда могла бы совершить марш-бросок к окрестностям Арумы и укрыться у сочувствующих партизанам жителей.

Но это решение требовало холодного расчета — какой частью отряда можно пожертвовать. И применительно к этим людям данный подход

представлялся немыслимым, поскольку здесь всех объединяла такая близость, какая возможна разве только между членами одной семьи. И поэтому Рух никогда не стала бы проводить подобной операции.

Таким образом, вопрос о том, что делать, вновь стал вопросом о его, Хэла, собственных действиях. И Барбедж и Рух оказались в условиях, когда каждый из них мало что мог предпринять, чтобы изменить сложившееся положение; им оставалось только ждать. Но в отличие от них Хэл был обязан действовать. Только следовало решить, как именно. Но пока что его разум, отягощенный накопившейся усталостью, никак не мог выработать удачный план.

Звуки кашля прекратились. Несколько секунд спустя он уловил, как Иаков, еле слышно ступая, возвращается в свою палатку, формально Хэл, будучи младшим командиром, освобождался от несения караульной службы, работ на кухне и других повседневных повинностей, так как должен быть всегда готовым к выполнению своих обязанностей. Но на самом деле он наряду с большинством других бойцов, равных ему по званию, нередко подменял кого-нибудь из членов своей группы при разного рода чрезвычайных

обстоятельствах. Сейчас он был часовым вместо бойца, который настолько утомился, что заснул на посту. Но к этому моменту тот уже поспал пару часов и вполне мог продолжить дежурство. Хэл поднялся и направился в лагерь.

Откинув клапан палатки, он стал тормошить одного из четверых спящих в ней. — бойцов.

— Мох, — тихо, чтобы не разбудить остальных, произнес он ему в самое ухо, — пора возвращаться.

Боец что-то буркнул спросонья, зашевелился, открыл глаза и начал тяжело выбираться наружу. Хэл дождался, пока тот соберется, проводил его на пост, а потом пошел проверить двух других часовых, стоящих в карауле около лагеря.

Часовые — две женщины — бодрствовали и сообщили ему, что вокруг все спокойно. По расчетам, лагерь милиции находился от них километрах в двенадцати, и ночная вылазка более неповоротливого противника, не привыкшего к действиям в полевых условиях, хоть и представлялась возможной, была на самом деле маловероятной. И все же рисковать не стоило.

Внезапно Хэлу пришла в голову идея. Он вернулся в лагерь и, отыскав палатку Иакова, вошел внутрь. Секунду-другую Хэл вглядывался в спя-

щего заместителя командира, лицо которого за последнюю, очень трудную неделю постарело лет на десять, и сейчас, когда во время сна все его мускулы расслабились, стало еще больше напоминать жутковатую маску.

— Дитя Господа... — тихо позвал он.

Слова прозвучали еле слышно, но спящий мгновенно проснулся и, открыв глаза, устремил пристальный взгляд на Хэла; наверняка внутри спального мешка костлявая рука уже сжала рукоятку снятого с предохранителя энергетического пистолета.

— Ховард? — произнес Иаков тоже очень тихо, хотя в палатке они находились только вдвоем и потревожить никого не могли.

— Мое дежурство скоро заканчивается, — начал Хэл. — Я хотел бы в одиночку добежать до лагеря милиции и посмотреть, насколько уставшими они выглядят. И если мне повезет, то попробовать выкрасть у них одну из карт этого района. Тогда мы могли бы сравнить их карты с нашими. Ну а если мне очень повезет, то я постараюсь добыть карту, где обозначены места встреч и пункты снабжения.

Несколько секунд Иаков лежал молча.

— Очень хорошо, — наконец сказал он. — Как

только сдашь дежурство, можешь идти.

— Дело в том, что я хотел бы отправиться туда прямо сейчас, — пояснил Хэл, — и воспользоваться несколькими оставшимися часами ночной темноты. Я разбужу Фолта пораньше, не думаю, что он станет возражать против того, чтобы принять от меня дежурство за час до положенного времени.

Иаков снова помолчал несколько секунд.

— Ладно, — отозвался он. — Если только Фолт согласится. Если нет — снова приходи ко мне.

— Приду, — ответил Хэл, поднялся и покинул палатку. Закрывая клапан входа, он услышал, как Дитя Господа снова несколько раз кашлянул.

Фолт, как Хэл и предполагал, не стал возражать против его предложения. Взяв кроме пистолета и ножа конусное ружье и небольшой дорожный рюкзак, покрыв черной краской лицо и руки, Хэл отправился в свой рейд.

Уже через час и восемнадцать минут он, прячась за густой порослью молодого ивняка на берегу протоки, подобрался почти на расстояние вытянутой руки к двум молодым милиционерам. Эти двое, расположившиеся у костра на краю лагеря, видимо, представляли собой охрану, заменяющую часовых, которых, насколько он

знал, милицейские части вообще никогда не выставляли.

— ...скоро, — говорил один из них, в то время как Хэл занимал свою позицию для наблюдения. Обоим охранникам, черноволосым розовощеким парням среднего роста, было не больше чем по восемнадцать-девятнадцать лет. — И я с радостью вернусь назад. У меня нет никакого желания продолжать это бесконечное прочесывание лесов.

— Это у тебя-то нет желания? — В голосе второго явственно прозвучала насмешка. — Вот у кого действительно нет абсолютно никакого желания, так это у меня, дурья твоя голова! Да, не бывать тебе пророком ни теперь, ни в старости.

— И тебе тоже! Между прочим, я один из Избранных. А ты — нет!

— С чего ты это взял? И кто тебе сказал, что ты — Избранный?

— Мои родичи...

— Это мы так несем охрану? — По другую сторону костра неожиданно возник Барбедж, слегка ссутулившийся, с глазами, сверкающими в свете костра, как два отполированных кусочка обсидиана. — Или мы играем в игры нашего детства, с которым все никак не можем расстаться?

Застигнутые врасплох охранники молча уста-

вились на него.

— Отвечайте мне!

— Играем в игры, — еле слышно и нестройно пробормотали оба.

— А почему мы не должны играть в игры, когда несем охрану?

Но Хэл не стал слушать продолжения воспитательного мероприятия в форме вопросов и ответов, затеянного Барбеджем с проштрафившимися юнцами. Попятившись назад, он поднялся и как тень заскользил вдоль границы лагеря к офицерским палаткам, стоящим невдалеке от костра. От остальных они отличались значительными размерами и более добротной тканью.

Всего их было шесть. Хэл вынырнул из густых зарослей кустов, окружающих палатки, и бесшумно перебежал к задней стенке той из них, что стояла первой в ряду. Острым как бритва лезвием ножа он проделал небольшой разрез в ткани и, раздвинув его края, заглянул внутрь палатки. В первый момент он ничего не увидел, потому что там было еще темнее, чем снаружи. Когда его глаза адаптировались, он разглядел складной стул, походный стол и пустую койку. Как Хэл и предполагал, Барбедж, фактически командующий всей операцией, занял головную палатку.

Потихоньку обогнув угол палатки и прижавшись к ее боковой стенке, Хэл взглянул в сторону костра. Барбедж стоял на прежнем месте, спиной к своему походному пристанищу, а те двое, которым он учинял словесный разнос, ослепленные пламенем горящего перед ними костра, с такого расстояния не могли видеть палаток, не говоря уж о том, что все их внимание было поглощено исключительно Барбеджем. Все остальные обитатели лагеря, видимо, спали.

Быстро и очень осторожно Хэл прошел вдоль боковой стенки, завернул за угол, приподнял клапан у входа и проскользнул в палатку.

Подробно рассматривать все, что в ней находилось, у него не было времени. На столе среди бумаг лежал диаскоп с вставленным в него слайдом карты. Но если бы Хэл взял его, то тем самым выдал бы свое посещение лагеря. Оглянувшись вокруг, он увидел у изголовья койки то, что искал, — футляр для слайдов. В нем оказалась целиком заполненная ими кассета. Он поспешно высыпал ее содержимое на стол, вынул из диаскопа находившийся там слайд и, вставляя на его место один за другим только что найденные снимки карт, стал быстро их просматривать.

Обнаружив слайд с картой местности, располо-

женной примерно в трех днях пути от лагеря, он взял его, затем вставил в опустевший диаскоп тот слайд, который находился в нем первоначально, а все остальные слайды снова уложил в кассету и убрал в футляр. Голос Барбеджа, отчетливо слышный до сих пор, вдруг смолк. Хэл подошел к выходу из палатки и выглянул наружу, его пальцы непроизвольно сжали рукоятку ножа.

Но Барбедж по-прежнему стоял на том же месте у костра и молча смотрел на двух незадачливых стражей. Через секунду он заговорил с ними снова, а еще через две Хэл уже был в лесу. Прошла минута, и он отдалился от палатки Барбеджа за пределы слышимости, а пять минут спустя бежал напрямик к лагерю своего отряда.

Когда Хэл возвратился, до рассвета оставалось еще не меньше часа. Заглянув в палатку Дитя Господа, он увидел, что тот спит глубоким сном. Тогда Хэл пошел в свою палатку. Не зажигая света, он отыскал диаскоп, сел на постель рядом с безмятежно спавшим Джейсоном и вставил в диаскоп выкраденный слайд.

Нажав кнопку, он включил лампочку диаскопа, и на экране возникло рельефное изображение местности. Там попеременно чередовались возвышенности и низины, покрытые мелколесьем и

кустарником, похожие на те, среди которых они теперь находились. В нижней части экрана через всю карту почти горизонтально тянулась дорога, пересекавшаяся в правом нижнем углу с другой дорогой, проходящей в поперечном направлении. Вдоль первой дороги в трех местах имелись пометки в виде звездочек и кодированных обозначений рядом с ними.

Эти обозначения расшифровке не поддавались, но догадаться об их смысле большого труда не составляло. Они наверняка содержали сведения о количестве грузовиков и сопровождающих их людей, выделенных для доставки припасов и снаряжения в пункты, помеченные звездочками. Именно система такой доставки позволяла милицейским частям передвигаться налегке и в значительной степени сводила на нет те преимущества, которыми обладали ловкие и привычные к полевым условиям бойцы партизанских отрядов перед не имеющими опыта действий на природе, медлительными и неповоротливыми милиционерами. Кроме того, регулярное появление транспортных средств в районе проведения операций давало милиции возможность быстро вывозить из этого района своих больных и раненых, а также тех, кто по каким-либо причинам

служил помехой для ведения преследования.

Хэл зафиксировал в памяти изображение карты, вынул из диаскопа слайд, спрятал его в карман и отправился разыскивать Фолта — дежурить за него лишний час.

— Ты пойди-ка лучше поспи, пока есть возможность! — сказал ему Фолт. — Мало нам Иакова и Рух, которые спят по полчаса в сутки и едва держатся на ногах, так еще и ты собрался им подражать. Иди ложись, со мной все в порядке.

— Ладно, — согласился Хэл. Он внезапно почувствовал невыносимую усталость и одновременно как будто легкое головокружение. — Спасибо.

— Тебе нужно идти спать, — настаивал Фолт.

— Я пойду, но ты непременно разбуди меня, когда проснется Рух.

— Хорошо, постараюсь.

Хэл вернулся в свою палатку. Он забрался в спальный мешок, сняв с себя лишь сапоги и портупею и выложив все из карманов. Лежа на спине в темноте палатки, он прикрыл глаза ладонью и вдруг ощутил, что лоб у него горячий. Это открытие вызвало у него сильное недовольство самим собой. Теперь уже у многих членов отряда, помимо Иакова, стали появляться признаки легких недомоганий — расплата за перенапряжение

организма. Но он-то полагал, что, в отличие от всех остальных, надежно защищен собственным иммунитетом.

Хэл подавил свои эмоции как не имеющие практической пользы. Просто в течение последних дней ему почти постоянно приходилось быть на ногах, и на сон оставалось очень мало времени...

Внезапно проснувшись, он осознал, что до сих пор спал и что теперь Фолт, нащупав внутри спального мешка его левую ногу, трясет ее, стоя при этом как можно дальше от изголовья.

— Я что, продолжаю кидаться на людей, которые меня будят? — спросил он.

— Да нет, ты не кидаешься. Но когда просыпаешься, то у тебя такой вид, словно ты собираешься сперва ударить того, кто тебя будит, а уж потом открыть глаза, — пояснил Фолт. — Рух ты можешь найти около кухни.

— Спасибо, — поблагодарил Хэл. Выбравшись из спального мешка, он начал рассовывать по карманам все то, что выгреб из них, укладываясь спать. Вдруг он остановился и оглянулся на Фолта. — Около кухни? Когда же она встала? Часа два назад? Ведь я же просил тебя...

Ухмыляющийся Фолт, не говоря ни слова, по-

вернулся и вышел.

Окончательно собравшись, Хэл отправился на поиски Рух. Она, как и говорил Фолт, действительно стояла с вилкой и тарелкой в руках там, где при разбивке лагеря прошлой ночью, было определено место для устройства кухни. Судя по всему, Рух заканчивала завтракать. Услышав шаги Хэла, она обернулась.

— Сегодня на исходе ночи я нанес короткий визит в лагерь милиции, — начал он.

— Я знаю, — сказала она, дочиста подобрав с тарелки остатки еды, прежде чем отдать ее вместе с вилкой Тэлле. — Иаков сообщил мне, что дал тебе разрешение на это. Хотелось бы, чтобы впредь ты более конкретно объяснял мне и ему, с какой целью намерен совершить подобную вылазку.

— Я не мог заранее знать наверняка, что мне удастся там обнаружить, — ответил он. — Но мне повезло.

Он рассказал ей о Барбедже и о двух молодых милиционерах, охранявших лагерь.

— Нельзя было не воспользоваться таким удобным моментом, и я проник прямо в палатку и раздобыл одну из находившихся у него карт.

Он протянул ей свой диаскоп со вставленным туда слайдом.

Рух поднесла аппарат к глазу и включила подсветку. Некоторое время она молча рассматривала изображение. Потом опустила диаскоп, вынула из него и спрятала в карман слайд с картой, а диаскоп протянула Хэлу.

— Похоже на местность, лежащую впереди, — сказала она.

Он кивнул.

— Этот слайд находился среди других, вставленных в кассету в определенном порядке. Я думаю, что до этой местности три дня пути.

— Как ты считаешь, какую пользу мы сможем извлечь из этой карты?

— Прежде всего сравнить с ней наши карты. Я не хочу обижать местных жителей, снабжающих вас ими, но они гораздо более схематичны и менее точны, чем эта; в ней, видимо, учтены последние результаты регулярно проводимых топографических съемок.

— Все это хорошо, — вздохнула она. — Но мы могли потерять тебя, а ты очень нужен отряду, Ховард. Я не уверена, что из-за этого стоило так рисковать.

— Еще я подумал, — медленно добавил он, — что мы могли бы обсудить возможность захвата части тех припасов, которые они получают.

Она строго взглянула на него.

— При налете на один из таких пунктов снабжения мы рисковали бы потерять от шести до десяти человек. Неужели ты думаешь, что они отправляют туда машины, не обеспечив их надежной вооруженной охраной?

— Я не имел в виду нападение на пункт снабжения, — сказал Хэл. — Мы могли бы перехватить один-единственный грузовик где-нибудь на дороге, раз нам теперь известно, куда они направляются. Ведь что бы они в него ни загрузили, наверняка нам все это пригодится.

Рух молчала.

— Нетрудно предугадать маршрут следования грузовика к пункту снабжения. Опытные бойцы говорили мне, что милиция, как правило, отправляет грузовики по одному, не собирая их в колонны.

— Это верно, — задумчиво произнесла Рух. — Они считают, что у преследуемого отряда обычно не бывает ни времени, ни возможностей для нападения на их транспорты. Кроме того, удобнее отправлять грузовик сразу же, как только его загрузят, чтобы не иметь дополнительных хлопот с колонной из полудюжины машин, которые к тому же необходимо разгрузить одновременно,

чтобы таким же порядком отправить обратно.

Почувствовав признаки интереса с ее стороны, Хэл тут же решил воспользоваться этим.

— Если хочешь, я могу продумать детали захвата одного из грузовиков и сообщить весь план тебе или Иакову.

Рух внимательно посмотрела на него.

— Сколько времени ты отдыхал за последние дни? — спросила она.

— Столько же, сколько и любой другой.

— Кто другой? Иаков?

— Или, например, ты, — ответил он.

— Я командир этого отряда, а Иаков мой заместитель, — сказала она. — Значит, так. Я освобождаю тебя от всех дел, которые числятся за тобой на сегодняшний вечер. Ложись спать. А на следующий день, если выспишься, приноси мне план захвата одного из их грузовиков.

— Завтра до местности на карте нам останется идти всего один день, — заметил Хэл.

— На ней обозначены три пункта снабжения, и от любого из них до следующего тоже не меньше дня пути. Так что тебе хватит времени, чтобы составить свой план.

Против такого аргумента Хэл не нашел возражений. Он кивнул и повернулся, чтобы пойти

раздобыть у Тэллы какой-нибудь еды и себе, как вдруг, подобно вспышке молнии, он отчетливо осознал то, что настойчиво пробивалось к его разуму из глубин подсознания все это время, начиная с момента, когда он впервые мельком взглянул на слайд в палатке Барбеджа.

— Рух! — Он рванулся к ней. Она удивленно уставилась на него. — Я знал, что здесь что-то не так! Нам нужно менять наш маршрут, немедленно!

— Что случилось, Ховард? — Охватившее его волнение передалось и ей.

— Карта. Она все время чем-то меня тревожила. Вспомни, что ты только что сказала! На ней показаны пункты снабжения, до которых от трех до шести суток пути отсюда. С какой стати Барбедж стал бы организовывать поставки припасов за шесть дней вперед вдоль дороги, параллельно которой мы сейчас идем совершенно случайно? Он отлично знает, что мы никогда не двигаемся по прямому направлению больше двух дней подряд. Через шесть дней мы можем оказаться где угодно, но только не вблизи от этой дороги, а его люди все время следуют за нами по пятам!

По выражению ее лица он догадался, что она поняла.

— Тэлла! — повернувшись, крикнула она. — Найди Иакова. Передай, что мы не можем здесь больше оставаться. Нужно немедленно уходить. Впереди в лесу нас ждет заброшенное туда новое подразделение милиции.

Глава 28

Отряд, где из ста с лишним человек, отправившихся в поход с фермы Молер-Бени, остался всего тридцать один, брел через совершенно мокрый лес, ведя за собой вереницу с трудом передвигающихся ослов, из которых только два не несли никакого груза. Здесь, на высоте четырех тысяч футов над плодородной равниной, оставшейся позади них всего полторы недели тому назад, запоздавшая на Северном Континенте Гармонии весна выдалась не по сезону холодной. Ледяной дождь лил с небольшими перерывами вот уже три дня.

Партизаны отказались от всего лишнего, сохранив только самое необходимое. У них осталась всего дюжина палаток, где теперь размещались по трое или четверо, а не по двое, как раньше. Весь запас провизии, умещавшийся во вьюках нескольких ослов, состоял в основном из продуктов, которые не требовалось готовить; это позволяло есть на ходу. После рейдов в Мэйсенвейле среди бойцов стало свирепствовать какое-то простудное заболевание, и теперь почти

все время кто-нибудь кашлял то в одной, то в другой части колонны. Воспаленные глаза, сухая, шелушащаяся кожа в тех местах, куда, не найдя щелей в их старых дождевиках, не смогли проникнуть струи частых ливней, — так выглядели партизаны, продолжавшие упорно пробираться через подлесок на склонах высоких предгорий.

Но на Дитя Господа было страшно смотреть. И все же он продолжал идти вместе со всеми, занимая свое место в колонне, и по-прежнему выполнял обязанности заместителя командира отряда. Его грубый, хриплый голос сменился почти что шепотом, но он по-прежнему говорил то же, что и всегда, и не позволял слабости овладеть собой.

Из всех остальных, пожалуй, лучше всех сохранили свою физическую форму Хэл и Рух. Но во-первых, они принадлежали к числу самых молодых бойцов отряда, и кроме того, обоих поддерживала особая внутренняя сила, хотя природа этой силы у каждого наверняка была различной. Хэла, как и всех остальных, донимали жар и кашель, но, к своему удивлению, он будто открыл в себе некий механизм, позволяющий ему внутренне гореть, используя в качестве топлива всего себя до последней частицы плоти.

Что же касается Рух, то огонь, горевший у нее в душе и сиявший сквозь смуглую кожу, озарял им путь, словно светоч в ночи. Усталая и осунувшаяся, она выглядела еще более прекрасной, чем прежде.

Отряду удалось выскользнуть из ловушки, приготовленной Барбеджем; укрывшаяся в лесу милицейская часть должна была, развернувшись, двинуться навстречу преследующим отряд силам Барбеджа и, соединившись с ними флангами, взять его в кольцо, полностью отрезав все пути к отступлению. Но Рух и ее люди проскользнули между этими смыкающимися челюстями, когда расстояние между ними измерялось уже не километрами, а метрами. С тех пор Барбедж преследовал их с неослабевающим упорством, получая все необходимое ему обеспечение и регулярно обновляя контингент своих подразделений.

Люди в отряде не имели возможности ни отдохнуть, ни привести себя в порядок; некоторые из них от изнеможения начали спотыкаться и шататься на ходу и уже не могли идти вместе со всеми. Таких по одному, по два и по три отпускали из отряда, давая им шанс спасаться на свой страх и риск. Вместе с ними Рух постепенно

отправила из отряда почти все запасное снаряжение и всех резервных ослов — все, без чего отряд мог обойтись, продолжая уходить от погони, и теперь у него остались только самые необходимые для этого средства, а также мешки с порохом и с удобрением, лишаться которых Рух наотрез отказывалась.

Она не допускала мысли, что избавиться от этого бесконечного преследования невозможно. Видимо, до тех пор, пока в ней продолжал гореть ее внутренний огонь, она считала такую мысль просто неприемлемой, и ее категорический отказ рассмотреть любой иной выход из сложившейся ситуации, кроме как осуществление запланированной диверсии, побуждал оставшихся в отряде бойцов идти за ней вперед, словно ее воля объединяла их всех. И даже Хэл, благодаря экзотскому воспитанию способный противостоять подобным воздействиям, в конце концов перестал сопротивляться и позволил себе настолько поддаться ее влиянию, что почти забыл о собственной цели в жизни и о своем предназначении, которое ему еще предстояло уяснить до конца, целиком посвятив себя достижению той конкретной цели, которую Рух как раз формулировала очень ясно и которую ставила превыше всего.

Он размышлял обо всем этом, превозмогая затуманивающие сознание жар и боль во всех мышцах, и неожиданно, пробившись сквозь тормозящую ход мыслей усталость, к нему пришло интуитивное понимание того, что огромная притягательная сила Иных, подобных Блейзу Аренсу, связана не с особым соотношением дорсайского и экзотского влияния, а возникла исключительно под воздействием квакерской культуры, благодаря ее полному восприятию ими в сочетании с присущей им способностью убеждать людей и обращать их в своих последователей. Такой вывод стал для него ударом; зная Авдия, он тем не менее не являлся категорическим противником широко распространенного мнения, что из всех трех великих Осколочных Культур квакерская породила наименьшее количество выдающихся талантов в сфере политики и управления обществом. И подобно тому как установка на место последней детали ударного механизма делает оружие готовым к действию и смертоносным, так и он осознал, что именно в этом очевидном выводе и кроется вся причина, сделавшая возможным такой внезапный и стремительный приход Иных к закулисной власти на всех мирах, кроме Экзотских, а также Дорсая и Земли.

Всех, кто размышлял над загадкой восхождения власти Иных, всегда ставила в тупик крайне незначительное их количество. Очевидно, образцом для построения организации им послужили обширные сети криминальных структур прошлых столетий, и для достижения доставленных перед собой целей они не стремились сами взять власть в руки, а подчиняли своему влиянию тех, кто уже обладал властью. И тем не менее, даже с учетом такой стратегии, оставалось непонятным, как нескольким тысячам человек удается держать под контролем миллиарды людей, живущих на всех обитаемых планетах. Количество только тех лиц, кого они контролировали персонально, было столь велико, что представлялось невероятным, чтобы Иные имели возможность отслеживать все кадровые изменения на должностях, занимаемых этими лицами, не говоря уж об усилиях, необходимых для обращения в своих приверженцев всех вновь назначаемых на эти должности. Однако если предположить, что они широко использовали для подобных целей уже обращенных ими не-Иных, — продолжал размышлять Хэл, — из числа тех, у кого тлеющую искру апостольского таланта им удавалось раздуть до бушующего пламени, то поддержание

такого контроля начинает представляться не только возможном, но и вполне осуществимым.

Если разгадка успехов Иных кроется именно в этом, то становится понятной их забота о Гармонии и Ассоциации, так же как и внезапный всплеск деловой активности в области межпланетной коммерческой деятельности на этих планетах за последние двадцать стандартных лет — деятельности, которую в прежние века Квакерские миры с презрением отвергали, за исключением тех вынужденных случаев, когда необходимые им товары они могли получить исключительно на основе межзвездных кредитов.

Хэлу показалось, что какое-то аморфное движение в глубинах его подсознания отметило важность только что сделанного им вывода. Но сейчас он больше не мог углубляться в размышления на эту тему. Если ему удастся остаться в живых и представится подходящий случай, он обязательно проверит справедливость своего открытия. Если нет — ничто не изменится. Только он не верил в свою гибель. Или саму мысль об этом он считал неприемлемой, или воспитанная в нем Малахией убежденность в том, что он не может не исполнить своего предназначения, глубоко въелась в его тело и душу. Подобно Рух с ее

целью уничтожить энергетическую станцию, он также не мог отказаться от избранной им цели. А поскольку смерть можно рассматривать как одну из форм отказа, ее тоже не следовало брать в расчет.

Человек, идущий впереди него в колонне, пошатнувшись, неожиданно остановился, а затем осел вниз. Обойдя его, Хэл повернулся к нему:

— Что случилось?

Человек только помотал головой; его глаза уже закрылись, дыхание замедлялось и становилось глубже, переходя в режим, характерный для спящего. Хэл прошел вперед, мимо вереницы ослов, мимо бойцов отряда, мужчин и женщин, опустившихся на землю прямо там, где их застала остановка движения; часть из них уже храпела.

В голове колонны он нашел Рух, она помогала Тэлле снять с плеч рюкзак.

— Из-за чего остановка? — хрипло спросил Хэл и откашлялся.

— Людям необходим отдых, хотя бы короткий. — Рух опустила рюкзак Тэллы на землю и наклонилась, чтобы рассмотреть дыру, протертую на спине ее рабочей блузы, зеленой, в крупную клетку. — Блузу можно залатать, — сказала она, — а перевязку надо сделать снова. Тебе

нельзя нести рюкзак, пока рана не заживет.

— Вот здорово! — воскликнула Тэлла. — Значит, я оставляю его прямо тут, и он сам потрусит следом за мной на своих собственных маленьких ножках!

— Ну ладно, — сказала Рух, — пойди разыщи Фолта, пусть тебе наложит на рану новую повязку. Потом вместе с ним придумайте, как сделать подкладку под ремни твоего рюкзака получше и помягче. Мы пойдем дальше через десять минут.

Тэлла направилась к хвосту колонны в поисках Фолта. Рух повернулась к Хэлу, их взгляды встретились.

— Привал мы делали тридцать пять минут назад, — напомнил Хэл.

— Верно, — ответила Рух, понижая голос, — но эта остановка получилась вынужденной и совершенно необходимой. Незачем лишний раз расстраивать бойцов, у них и так хватает невзгод. Пойдем со мной.

Как только они скрылись от взоров остальных в гуще деревьев, она повернула налево и прошла метров шесть назад, в направлении, противоположном их движению. Он шел за ней, и хотя события нескольких последних недель в какой-то степени подготовили его к этому моменту, все

равно то, что он увидел, подействовало на него как самый настоящий удар. На земле, подстелив под себя штормовку и опершись спиной о ствол могучего клена, сидел Иаков.

Его лицо на фоне потрескавшейся коры, такое же темное и изборожденное морщинами, выглядело так, словно само было вырезано из дерева и потом долго оставалось открытым навстречу солнцу, ветрам и дождям. Под складками его грубой одежды, казалось, ничего не было — настолько сильно он похудел за последнее время. Руки, ноги, все его тело оставались совершенно неподвижными. На безупречно выбритом лице только глаза под седыми бровями оставались прежними. Их взгляд спокойно встретил подошедших Рух и Хэла.

— Я останусь здесь, — сообщил он хриплым голосом.

— Мы не имеем права потерять тебя. — Слова Рух прозвучали холодно и горько.

— Но ты не можешь ждать, пока я отдохну, за это время милиция поймает тебя, и случится это через час, если только ты перестанешь идти вперед. — Иаков говорил медленно, слегка задыхаясь, но твердо и отчетливо. — И было бы грешно создавать для Воинов Господа дополнительную

обузу в виде бесполезного человека. Моя болезнь неизлечима. Моя болезнь — это мой возраст. Я мог бы идти еще немного — но зачем? Мое сердце возрадуется, если я умру здесь, встретившись с врагами Господа лицом к лицу и зная, что у меня еще достанет сил взять с собой не одного из них.

— Мы не можем пожертвовать тобой. — Голос Рух стал еще тверже и холоднее. — А если со мной что-нибудь случится? Не останется никого, кто смог бы меня заменить.

— Как же я тебя заменю, если уже не могу ни идти, ни воевать? Командиру отряда стыдно так плохо соображать, — ответил Иаков. — Каждый из нас — это не больше чем весенний цветок, который расцветает под Его взглядом лишь на один день. И если цветок умирает, другой занимает его место.

Тебе об этом известно, Рух, так всегда происходило и в отрядах, и среди тех, кто является поборником веры. Незаменимых не существует. Самое лучшее, что я теперь могу сделать, — это умереть вот так. Так почему ты должна жалеть или оплакивать меня? Тебе, как одной из Избранных, не следует делать ни того ни другого.

Рух стояла молча, не сводя с него взгляда.

— Подумай, — продолжал Иаков. — День кон-

чается. Если я смогу задержать тех, кто нас преследует, хотя бы на час, то потом ночь наступит так скоро, что у них не останется иного выбора, кроме как ждать утра там, где они остановятся. А тем временем ты, зная, что они перестали за вами гнаться, можешь прямо сейчас изменить свой маршрут, и на следующее утро они пройдут по меньшей мере полдня, прежде чем сообразят, что потеряли ваш след. Таким образом ты выиграешь у них целый день, а при таком отрыве тебе, возможно, удастся сохранить отряд. Твой долг — не упустить шанс, посланный тебе Господом.

Рух продолжала стоять неподвижно. Молчание, наступившее после слов Иакова, все затягивалось; и вдруг Хэл понял, что из всех троих именно он должен нарушить его.

— Он прав, Рух, — сказал Хэл, чувствуя, как слова застревают у него в горле. — Отряд ждет тебя. Я помогу ему устроиться здесь поудобнее и потом догоню вас.

Рух медленно повернула голову и несколько секунд пристально смотрела на него. Потом опять перевела взгляд на Дитя Господа.

— Иаков... — начала она и умолкла. Сделав шаг к нему, она вдруг упала перед ним на колени. Он с трудом поднял руки, обнял ее и привлек к себе.

— Мы оба — люди Господа, и ты и я, — глядя на нее, заговорил он снова. — И для таких, как мы, все сущее в мире — это не более чем тени в клубах дыма, которые исчезают на глазах. Я расстанусь с тобой лишь ненадолго, ты ведь знаешь об этом. Мои дела здесь завершились, а твои продолжаются. И что тебе с того, если некоторое время ты, оглядываясь вокруг, не будешь меня видеть? У тебя есть отряд, который ты должна оберегать, есть геостанция, которую нужно разрушить, есть враги Господа, которые должны дрожать от страха, услышав твое имя. Подумай об этом.

По ее телу пробежала дрожь, потом она подняла голову, поцеловала его и медленно поднялась.

— Не мое имя. Твое, — мягко произнесла она, глядя на него сверху уже почти со спокойным выражением лица.

Она продолжала смотреть на него, но взгляд ее изменился, спина выпрямилась, плечи развернулись. Ее голос окреп и снова сделался звонким, слова, произносимые ею, теперь гулко разносились под низко нависшими тучами, среди насыщенных влагой деревьев, словно удары хлыста.

— Твое, Иаков. Когда мы покончим со станцией и я наконец освобожусь, я подниму настоящую

бурю против тех, с кем мы боремся, их настигнет карающий вихрь, и ни один из них не сможет в нем устоять. И эту бурю я назову твоим именем, Иаков.

Рух стремительно повернулась и быстро пошла прочь, почти побежала. Двое оставшихся провожали ее взглядами, пока она не пропала из виду за низко нависшими ветвями деревьев.

— Да... — сказал Хэл, сам не зная почему. Он оглянулся по сторонам. Вокруг лежала холмистая, поросшая зеленью земля, сплошь изрезанная ложбинами и оврагами. Невдалеке сквозь листву, свисающую вниз под тяжестью капель и яркую от влаги, виднелась небольшая возвышенность, похожая на миниатюрный утес.

— Там? — показав рукой, спросил Хэл.

— Да, — скорее выдохнул, чем произнес Иаков. Взглянув на него, Хэл понял, что на обращенное к Рух прощальное слово он истратил почти все остатки своих сил.

— Я переправлю тебя туда.

— Оружие... — с усилием проговорил Иаков. — Мой энергетический пистолет с коротким стволом. Я спрячу его под рубашку. Конусное ружье... Обоймы с конусами. Энергетические заряды...

Сейчас он был вооружен только стандартным

длинноствольным энергетическим пистолетом и ножом, висящим у него на поясе. Хэл кивнул.

— Я принесу все это.

Он повернулся и зашагал между деревьев. Когда он подошел к отряду, только что опять двинувшемуся вперед, никого из бойцов, слегка отупевших от усталости, не заинтересовало, почему Хэл, отвязав одного из ослов, нагруженного палаткой и личным снаряжением Иакова, направился с ним назад. Когда никто из бойцов уже не мог увидеть их сквозь заросли кустов и деревьев, он свернул в сторону и повел осла в лес. Придя на то место, где он оставил Дитя Господа, Хэл помог ему подняться и сесть на осла поверх навьюченной поклажи.

Однако, почувствовав непривычно большую тяжесть, осел заупрямился и, расставив ноги и упершись копытами в землю, наотрез отказался сдвинуться с места. Хэлу пришлось спустить Дитя Господа на землю и отвести осла на выбранную для засады возвышенность только с привычным ему грузом. Поднявшись на вершину, Хэл убедился, что это идеальное место для позиции снайпера-одиночки: ее лишенный растительности склон, обращенный в ту сторону, откуда должны появиться преследователи, круто, почти

вертикально падал вниз. Хэл снял с осла имущество Иакова, поставил палатку и перенес в нее пищу, воду и все остальное снаряжение. Затем свел избавленного от поклажи осла вниз, туда, где их ждал Иаков.

На этот раз, когда Хэл снова усадил его на спину осла, животное не протестовало, и Хэл во второй раз отвел его на вершину. Расстелив перед входом в палатку кусок брезента, Хэл помог Иакову слезть с осла.

— Все это я еще смог бы сделать и сам, — сказал он, когда Хэл опустил его на брезент, — но мне понадобятся остатки моих сил.

Хэл в ответ лишь кивнул головой. Он натаскал жердей, камней и веток и соорудил из них у самого края обрыва заграждение, из-за которого Иаков мог стрелять, имея некоторую защиту от встречного огня.

— Когда они поймут, что ты здесь один, они попытаются окружить тебя, — заметил Хэл.

— Верно, — согласился Иаков, едва заметно улыбнувшись, — но прежде всего они остановятся. Потом обсудят неожиданную для них ситуацию и только после этого снова пойдут вперед. Но теперь они будут двигаться очень осторожно, а к этому моменту мне останется

задержать их лишь совсем ненадолго, и наступит вечер.

Хэл закончил раскладывать все необходимое — оружие, кувшин для воды, немного еды — рядом с Иаковом, который, лежа на брезенте, уже примерялся к амбразуре, оставленной Хэлом в заграждении. Все было готово, но Хэл медлил уходить.

— Иди, — велел Иаков, не оглядываясь. — Здесь тебе больше нечего делать. Твое место в отряде.

Еще секунду Хэл смотрел на него, потом сделал несколько шагов вниз по склону.

— Стой, — окликнул его Дитя Господа. Повернувшись к нему, Хэл увидел, что он больше не смотрит в амбразуру. Их глаза встретились.

— Как твое настоящее имя? — спросил Иаков. Хэл пристально взглянул на него.

— Хэл Мэйн.

— Посмотри на меня, Хэл Мэйн, — сказал Иаков. — Кого ты видишь перед собой?

— Я вижу... — начал Хэл, но слова вдруг застряли у него в горле.

— Ты видишь, — начал Иаков вновь обретшим силу голосом, — того, кто всю свою жизнь с великой радостью и ликованием служил Господу Богу и теперь собирается отдать ему свой последний

долг, который Божьей милостью дано исполнить ему одному. Когда ты вернешься в отряд, то скажешь это Рух Тамани и всему отряду теми самыми словами, какие услышал сейчас от меня. Ты обещаешь мне?

— Да, — ответил Хэл и повторил слово в слово то, что услышал от него.

— Хорошо, — кивнул Иаков. Он молча смотрел на Хэла еще секунду. — Благословляю тебя во имя Господа, Хэл Мэйн. Передай всем остальным, что я благословляю Рух Тамани и ее отряд, а также всех, кто сражается или станет сражаться под Божьим знаменем. Теперь иди. Позаботься о тех, чье благополучие зависит от тебя.

Он повернулся, чтобы снова сосредоточить внимание на участке леса, просматривающемся через амбразуру его баррикады. Хэл оставил Иакова Дитя Господа ждать прихода своих врагов — одинокого, каким он был всегда, но, как и всегда, наедине с Богом.

Глава 29

Хэл смог догнать отряд только через час. Рух последовала совету Иакова и изменила направление движения. Она велела всем отправиться в разные стороны, а потом снова собраться вместе в заранее оговоренном месте. Почти двадцать минут Хэл кружил по лесу, отыскивая их новый след. После этого он уже смог идти быстро, но все же догнал своих, когда прошло еще тридцать с лишним минут. В эти последние полчаса, впервые с тех пор, как он покинул Землю, его мысли вернулись в определенное упорядоченное русло. Отстранившись мысленно, заняв позицию стороннего наблюдателя, он представил нынешнюю ситуацию в виде некоего уравнения и с холодной рассудочностью взвешивал и оценивал его составные части. Последние слова Иакова подействовали на Хэла таким образом, что он ясно увидел перед собой путь к выполнению своего собственного долга. Это дало его разуму толчок к четкой практической работе, к которой его приучили трое учителей, но которую он до сих пор игнорировал, будучи вовлеченным в насущные

интересы окружающих его людей. Однако сейчас, по мере того как он постепенно избавлялся от усталости и недомогания и под влиянием сильного впечатления от самопожертвования Иакова, его личные переживания исчезли из уравнения, как туман с поверхности зеркала, и в нем стало отчетливо и во всей полноте отражаться только то, перед чем они теперь стояли лицом к лицу.

К, тому моменту, когда он в конце концов догнал свой отряд, эти устало бредущие вперед мужчины и женщины предстали перед ним в совершенно ином свете. Люди были не просто измотаны, они находились на пределе своих сил, еще остававшихся у них благодаря сильной воле и преданности общему делу. Вполне возможно, что сама Рух никогда не смогла бы оказаться в положении побежденной или сдаться врагу, но ее отряд состоял из простых смертных, шедших вперед и вступавших в бой по ее приказам, а сейчас израсходовавших почти до предела все свои физические и духовные ресурсы.

Поравнявшись с головой колонны и едва взглянув на Рух, Хэл понял, что она еще не осознала этого и никогда не осознает, что она просто не способна на это. Как и у Иакова, источник ее внутренней энергии был неисчерпаем, и она не

умела оценить реальные возможности обыкновенных людей.

Заметив Хэла, шедшая впереди своего отряда Рух повернулась к нему.

— Ты сделал для него все, что можно? — спросила она спокойным голосом. Ее лицо выглядело бесстрастным.

— Он передал вам послание, — ответил Хэл. — Он спросил меня, кого я вижу перед собой, а когда я сразу не нашелся, что ответить, он сказал, что я вижу того, кто всю свою жизнь с великой радостью служил Господу Богу и теперь собирается отдать Ему свой последний долг, который Божьей милостью дано исполнить ему одному. Он попросил меня сказать тебе все это.

Рух кивнула все с тем же бесстрастным выражением лица.

— Еще он попросил меня назвать свое настоящее имя, — продолжал Хэл, — а затем благословил меня именем Господа. И еще он велел передать всем вам, что он благословляет именем Господа весь отряд и Рух Тамани, а также всех тех, кто сражается или станет сражаться под знаменем Всевышнего.

Дослушав его до конца, Рух отвернулась и с минуту шла молча. Когда она, не поворачивая к

нему головы, заговорила снова, ее голос звучал совершенно спокойно.

— В отряде теперь нет заместителя командира. Я хочу временно возложить его обязанности на тебя и на Фолта, совместно.

Хэл, шагая рядом, несколько мгновений молча смотрел на нее.

— Ты помнишь, — заговорил он после паузы, — что по-настоящему Барбеджа интересую прежде всего я. Если бы он узнал, что меня нет среди вас, то, возможно...

— Мы уже обсуждали это. Так в отрядах партизан не поступают.

— Подожди, я еще не все сказал. Завтра к полудню ваш отрыв от милиции станет настолько значительным, что у тебя появится возможность предпринять некоторые действия. Вот что я хотел тебе предложить. Пусть обязанности заместителя целиком возьмет на себя Фолт. А в то время, как вы будете идти вперед, начиная с завтрашнего дня, а может быть, даже уже сегодня, я начну уводить в сторону от вашего маршрута вьючных ослов, одного за другим. Милиция по-прежнему пойдет по следу, оставленному отрядом, а я постепенно, по одному, уведу от вас всех ослов.

— Чтобы их потом также по одному обнаружи-

ла милиция, когда она снова отыщет наш след?

— Нет, — спокойно возразил он, — потому что после того, как я уведу последнего, я вернусь с ним назад, снова соберу всех животных и приведу их на заранее назначенное место встречи. Вы все еще будете идти вперед примерно один день, оставляя за собой хорошо заметный след, а затем разойдетесь поодиночке, так что ваш след вдруг исчезнет, растает в воздухе. А потом снова соберетесь в том самом назначенном месте, где уже будут находиться ослы.

Рух несколько секунд молчала, обдумывая услышанное.

— Нет, — произнесла она наконец. — После всего этого Барбедж так легко не отступится от нас. Он не прекратит прочесывать всю местность вокруг. И даже если он не найдет нас, он в конце концов найдет ослов. Нет.

— Он станет прочесывать местность только в том случае, если по-прежнему будет уверен, что, схватив вас, он схватит и меня, — сказал Хэл. — Я же, после того как снова соберу вместе всех ослов, дам возможность его людям увидеть меня на дороге, на одном из их пунктов снабжения. Я нападу на него, свяжу охранников и выкраду у них оружие или какие-нибудь продукты. И как толь-

ко Барбеджу станет известно, что я покинул эту территорию и начал действовать в одиночку, он погонится за мной. Ведь это его основная задача.

Рух снова задумалась, продолжая идти молча, со слегка опущенной вниз головой, устремив взгляд в землю. Наконец она, вздохнув, повернулась к нему.

— А ты уверен, что, показавшись им, все же сумеешь уйти невредимым?

— Вполне, — ответил Хэл, — если я буду действовать сам по себе и мне не придется заботиться о ком-либо еще из отряда.

Рух опять опустила голову, и опять между ними повисло молчание. Хэл смотрел на нее, понимая, что, по существу, предлагает ей выбор: либо лишиться груза, либо получить дополнительный шанс спасти отряд.

— Хорошо, — наконец произнесла она, глядя прямо ему в глаза. — Но тогда лучше начинай прямо сейчас, как ты и предлагал. Тебе понадобится немало времени, чтобы избавить отряд от двадцати одного осла, уводя их в лес по одному, а затем каждый раз возвращаясь за следующим. Сходи разыщи Фолта и принеси карты из вьюка с моими вещами, мы определим место сбора.

Этой ночью и на заре следующего дня Хэл уво-

дил с маршрута ослов, одного за другим. Сначала он вел послушных животных назад, по следу, уже проложенному бойцами, затем сворачивал с ними в лес в одну и ту же сторону, но каждый раз в новом месте, и уходил достаточно далеко, так чтобы крик осла, если тому вдруг вздумается закричать, не мог донестись до слуха милиционеров, преследующих отряд. И к тому моменту, когда партизаны после ночлега снова двинулись в путь, все ослы уже находились в лесу в разных местах, а сам Хэл был готов отправиться в свой одиночный рейд.

— Через пять дней, — сказала Рух. — Жди нас в течение дня. Через пять дней мы все встретимся в условленном месте.

— Тебе понадобится никак не меньше времени, чтобы собрать всех животных вместе и добраться туда с ними, — вступил в разговор Джейсон. — И вообще это непосильная задача для одного человека. Мне действительно следовало бы пойти с тобой.

— Нет, — возразил Хэл. — За исключением тех промежутков времени, когда я поведу ослов, я смогу передвигаться гораздо быстрее, действуя в одиночку. А если произойдет что-нибудь непредвиденное, мне придется думать только о самом

себе.

— Ну что ж, наверное, ты прав, — согласился Фолт. — Удачи тебе...

Он протянул руку, Хэл пожал ее, потом пожал руку Джейсону. Теперь, когда ослов в отряде не осталось, у каждого из них, в том числе и у Рух, за плечами висели рюкзаки с самым необходимым снаряжением и личными вещами.

— Надеюсь, ты действительно будешь действовать осторожно, Ховард? — спросил Джейсон. Хэл улыбнулся.

— К осторожности меня приучали с детства, — ответил он.

— Ну хорошо, — кивнула Рух. — Давайте считать, что мы попрощались. Я немного провожу тебя, Ховард. Мне надо сказать тебе еще кое-что.

Вдвоем они отошли от остальных. Вес битком набитого рюкзака на плечах, тяжесть полученного от Рух энергетического пистолета на правом бедре и конического ружья в левой руке Хэл сумел сбалансировать так, что мог не обращать внимания на всю эту амуницию, так же как не обращал внимания на вес надетой на нем одежды. Дождь перестал, но небо по-прежнему напоминало огромную лужу разлитого серого металла, а в лицо снова выступившим в поход партизанам

все так же дул резкий встречный ветер. Отойдя от остальных бойцов настолько, чтобы они не могли слышать их, Рух остановилась. Хэл тоже остановился и повернулся к ней.

Он ждал, что она заговорит, но она стояла молча, оцепеневшая, с высоко поднятой головой, и пристально глядела на него, словно одинокая фигура на мысу, высматривающая кого-то на борту корабля, отплывающего от берега, где она оставалась. Повинуясь внезапному порыву, Хэл обнял ее. И вся ее оцепенелость внезапно пропала. Рух прильнула к нему, дрожа всем телом, и крепко обхватила его руками.

— Он вырастил меня, — уткнувшись лицом ему в грудь, еле слышно проговорила она. — Он вырастил меня, а теперь вот ты...

— Со мной все будет в порядке, — говорил он, но, похоже, она не слышала его слов, и только сильнее прижалась к нему еще на несколько мгновений, затем, глубоко вздохнув, вздрогнула и, чуть отстранившись, подняла вверх голову.

Он поцеловал ее, и снова на долгую минуту она прильнула к нему. Потом, высвободившись из его объятий, отступила на шаг назад.

— Тебе пора идти.

И снова ее голос звучал ровно, почти спокойно.

Хэл стоял, глядя на нее, инстинктивно чувствуя, что не следует больше прикасаться к ней, и в то же время ощущая, как сильна ее внутренняя затаенная боль.

— Береги себя, — добавила Рух.

Вдруг, совершенно неожиданно, Эпсилон Эридана, пробившись сквозь нависшие над ними тяжелые тучи, обдал их теплым желтым светом, и лицо Рух в этом свете предстало перед ним побледневшим, чистым и молодым.

— Все будет хорошо, — машинально произнес Хэл. Она протянула ему руку. Кончики их пальцев едва соприкоснулись. Потом Рух, резко повернувшись, пошла через лес обратно к своему отряду. Хэл смотрел ей вслед, пока она не скрылась из глаз, затем тоже повернулся и вдруг вспомнил, что он вот так же покидал Дитя Господа, и случилось это только вчера пополудни.

Он шел быстро, размышляя о том, как много ему предстоит сделать в течение ближайших двадцати четырех часов. После хорошего обеда и долгого сна ему не составило труда привести себя в знакомое состояние активности, всегда послушно возникающее по его команде. Он уже не обращал внимания на усталость, на саднящую боль в горле и в груди и на другую, тупую боль,

притаившуюся в затылке с тех пор, как у него началась лихорадка; эта боль, словно злобная и трусливая собака, то набрасывалась на него, то снова пряталась.

Он не стал привязывать каждого осла отдельно, как обещал Рух, когда рассказывал ей о своих планах, однако ему все равно пришлось уводить их всех с маршрута движения партизан по одному и в разных местах, так чтобы милиция не догадалась, что в отряде не осталось ни одного животного. Признаки того, что какого-либо осла уводили в сторону от основного следа, оставленного отрядом, не должны были насторожить преследователей. Прежде чем отпустить на волю захромавших или заболевших животных, их уводили в сторону от маршрута движения колонны, чтобы они не пытались догнать своих собратьев и снова присоединиться к ним. На этот раз, как только Хэл уводил очередного осла на безопасное расстояние от главного следа отряда, он шел с ним прямо на выбранное им временное место сбора и привязывал его там рядом с другими животными, приведенными ранее.

Именно к этому сборному пункту он сейчас и направлялся. Придя на место, он увидел, что ослы, собранные им в неглубокой лощине, мирно

пасутся, освещаемые теплыми лучами Эпсилона Эридана, проделавшего уже добрую половину своего пути к полудню на небосводе, теперь лишь кое-где покрытому отдельными облаками.

Хэл приступил к организации вьючного обоза. Его задачу облегчило то обстоятельство, что часть имущества из вьюков бойцы разобрали по своим рюкзакам и теперь ее количество уменьшилось настолько, что пять из двадцати пяти ослов могли идти порожняком и служить резервом на тот случай, если что-нибудь произойдет с одним из животных, несущих на спине груз.

Однако даже с учетом этого обстоятельства и при весьма благоприятной погоде в одиночку управлять караваном из двадцати пяти голов при движении по такой сложной местности было чрезвычайно трудным делом. Он начал с того, что снова навьючил на ослов поклажу, снятую с них сразу же после привода в эту лощину, затем поставил всех животных одного за другим и привязал друг к другу поводьями. Прошло почти три часа, прежде чем их караван смог отправиться в путь, до наступления сумерек оставалось примерно шесть часов. Хэл повел своих подопечных вниз по склону почти прямо на восток, к ближайшей обозначенной на его карте дороге, которая

могла служить Барбеджу удобной магистралью для получения припасов и снаряжения, а также людских резервов, позволявших ему продолжать преследование отряда. За остававшееся до наступления темноты время Хэл смог приблизиться к дороге на расстояние около полукилометра. Здесь он выбрал место для отдыха, очень похожее на то, где он оставлял ослов до этого, развьючил животных, отвязал друг от друга и пустил пастись, привязав каждого к стволу или толстой ветке дерева. Потом поел и забрался в спальный мешок, приказав самому себе проснуться через четыре часа.

Открыв глаза, Хэл увидел, что, как он и ожидал, луна Гармонии, называвшаяся Дочь Господа, стояла уже высоко в почти безоблачном ночном небе, и хотя она сияла только одной своей половиной, тем не менее давала вполне достаточно света для осуществления задуманной Хэлом вылазки.

Он собрал небольшой рюкзак, положив в него немного продуктов, аптечку первой помощи, боеприпасы и непромокаемую одежду, и оставил ослов отдыхать под луной. Подойдя к дороге, Хэл направился вдоль нее отыскивать один из пунктов снабжения милиции.

Он нашел его через двадцать минут. Охрана спала, все освещение на пункте было выключено, поэтому Хэл сначала обнаружил его по запаху и только потом увидел. Приткнувшись у края дороги, на открытом пространстве стояла палатка, рядом виднелись штабеля нераспакованных ящиков, тускло светились угли догоревшего костра, кругом валялся обычный в таких местах мусор. Букет из запахов дыма, отбросов и нечистот, с примесью более тонких ароматов ружейной смазки и грязных брезентовых подстилок, привел его прямо к нужному месту.

Сняв с плеч и опустив на землю между стволами деревьев в нескольких метрах от милицейской палатки рюкзак, Хэл положил рядом с ним ружье и крадучись бесшумно пробрался на территорию пункта. Ночь выдалась очень тихой, насекомые в это время года еще не появились, поэтому он отчетливо слышал тяжелое дыхание по крайней мере одного из сидящих охранников. Он, конечно, мог бы без всякого риска для себя приподнять клапан входа и, заглянув внутрь палатки, убедиться, что их там всего двое, но никакой надобности в этом не было. Все свидетельствовало о том, что здесь находилось не больше двух человек.

Он обследовал штабеля ящиков, но, не вскры-

вая их, невозможно было определить, что там находится. Он поднял один из них. Судя по весу, его содержимое представляло собой либо оружие, либо запасные части к нему, либо, какие-то другие металлические детали. Упаковки с едой типа «открывай и ешь», которая обычно составляет пищевое довольствие милиции при проведении подобного рода операций, уложенные в коробки таких размеров, весили бы гораздо меньше, точно так же, как и медикаменты, одежда и прочие припасы. Внешний вид пункта и количество пустых упаковок из-под еды говорили о том, что эти двое, скорее всего, пробыли здесь уже пару дней и останутся по меньшей мере еще на день. Если бы на этом пункте снабжения не ожидалось хотя бы одной партии груза, то никаких охранников здесь уже не было бы, они уехали бы обратно с тем грузовиком, который выполнял предыдущую доставку. Хэл внимательно осмотрел следы там, где производилась разгрузка предыдущих партий: по крайней мере в течение одного дня солнечный свет и влага воздействовали на вмятины, оставленные в земле в том месте, где последний из прибывших сюда грузовиков, выключив вентиляторы, опускался на грунт.

Из всего этого следовало, что завтра здесь дол-

жен появиться хотя бы один грузовик.

Хэл еще раз внимательно окинул взглядом территорию пункта, фиксируя в памяти расстояния между отдельными объектами, а также общую планировку. Он без труда представил себе, как завтра здесь будут разворачиваться события. Закончив с этим, он повернулся и исчез в лесу так же бесшумно, как и появился. Через час с небольшим он снова оказался рядом со своими ослами и нырнул в спальный мешок, намереваясь заснуть.

Хэл проснулся перед рассветом, а час спустя уже притаился на склоне холма, метров на десять выше пункта снабжения. Маловероятно, что ближайший милицейский гарнизон, где бы он ни находился, станет до наступления утра заниматься загрузкой и отправкой сюда грузовика. Охранники все еще спали в своей палатке, а потом он имел возможность наблюдать за процессом их пробуждения.

Из разговоров, которые охранники вели между собой за завтраком, он узнал, что в этот день припасы должны доставить за час до полудня, причем на трех грузовиках. Хэл стиснул зубы. Три грузовика, каждый с водителем и грузчиком, и вдобавок еще эти двое — многовато для того,

чтобы управиться с ними одному. Однако минут десять спустя, услышав дополнительные сведения, Хэл уже бежал назад, к своим ослам. В конце дня здесь должен появиться еще один грузовик, которого охранники ждали с большим нетерпением. Он приедет только затем, чтобы забрать их отсюда и увезти назад, в Аруму, к привычной казарменной жизни.

Прибытие этого грузовика открывало ему такие возможности, о которых можно было лишь мечтать. Возвратившись в свой временный лагерь, Хэл стал быстро упаковывать только снаряжение и личные вещи бойцов, с тем чтобы для переноски вьюков потребовалось минимальное число животных.

Нагрузив поклажу на ослов и снова привязав их друг к другу, Хэл направился с ними к заранее намеченному месту сбора.

По его оценке, он имел в своем распоряжении в лучшем случае семь часов для того, чтобы осуществить переход по замкнутому маршруту: привести ослов в условленное место, привязать и разгрузить их, а затем вернуться к пункту снабжения прежде, чем там появится одинокий грузовик, чтобы забрать оттуда двух охранников. Такое могло стать возможным только в том

случае, если бы все пошло без каких-либо непредвиденных задержек — чего в реальном мире, как правило, никогда не происходит — или если бы он сумел каким-то образом заставить уставших, но относительно легко загруженных ослов двигаться быстрее, чем обычно.

И второе ему поначалу удавалось осуществлять: временами ошеломленные ослы обнаруживали, что на спусках, а подчас и просто на открытых участках пути они сбиваются с шага на непривычную для них рысь. В течение некоторого времени, почти до самого полудня, Хэлу казалось, что фортуна улыбается ему и что он не только уложится в свой жесткий график, но и сможет опередить его примерно на час.

Потом вдруг совершенно неожиданно окружающий ландшафт резко изменился, стал весьма неблагоприятным для движения их каравана. Землю здесь прорезали глубокие овраги, приходилось пробиваться сквозь густые заросли кустарников и деревьев.

Когда идущих вереницей вьючных животных в силу необходимости приходится связывать друг с другом, некоторые из них в таких условиях обязательно падают, при этом соединяющие их веревки запутываются самым немыслимым

образом. Примерно через час после полудня Хэлу стало ясно, что если они будут двигаться дальше точно так же, то у него не останется никакой надежды на то, чтобы доставить свой караван к месту назначения и вовремя вернуться к пункту снабжения.

В этой ситуации Хэл принял единственно правильное решение. Отыскав на карте, скопированной им с принадлежащего Рух оригинала, ближайший ручей, он привязал ослов и направился вдоль ручья, чтобы отыскать подходящее место для сбора отряда. Найдя такое место, он вернулся за ослами, привел их на это место и снял с них вьюки. Надежно укрыв всю поклажу, Хэл натянул между деревьями веревки, и к каждой из них с помощью скользящей петли привязал по одному, чтобы любой, получив таким образом большую свободу передвижения, смог и подойти к ручью, и отыскать себе корм.

Управившись с этим, Хэл отрезал несколько прядей от кисточки волос хвоста одного из ослов и отправился на намеченное ранее место встречи. Здесь он прикрепил к стволам нескольких деревьев пряди и вырезал под ними стрелки, указывающие направление по компасу к новому месту укрытия.

Большего в сложившейся ситуации он сделать не мог. Рух и все остальные прекрасно понимали, что в боевых условиях не многое происходит так, как первоначально планировалось. Не найдя животных там, где они должны быть, партизаны обязательно начнут искать их или какие-либо признаки, указывающие, где они находятся. И если только милиция не преследует их по пятам, не давая возможности остановиться ни на минуту, то, проведя не очень сложную разведку, они наверняка разыщут и ослов, и свое имущество. При этом можно надеяться, что наступит это прежде, чем ослы съедят вокруг себя весь корм или станут жертвами каких-нибудь несчастных случаев, которые могут произойти с животными, оставленными на несколько дней в лесу на привязи без присмотра. О том, что почувствует Рух, не обнаружив взрывчатых материалов среди снятой с животных и укрытой им поклажи, Хэл приказал себе не думать.

Во всяком случае, на что-либо большее времени у него не оставалось. Покинув условленное место встречи, он в буквальном смысле слова бежал все двадцать с лишним километров обратно, к милицейскому пункту снабжения.

Мокрый от пота, обессилевший после восьми

с половиной часов непрерывной работы на пределе физических возможностей, Хэл прибежал туда с опозданием всего на три четверти часа против первоначально намеченного времени. Охранники все еще находились там, но к отъезду уже были готовы. К его удивлению, штабеля нераспакованных ящиков также по-прежнему стояли на месте. Значит, в любую минуту сюда могли прийти милиционеры из возглавляемой Барбеджем группы преследования, чтобы забрать их. Это встревожило Хэла. Если в тот момент, когда за двумя охранниками придет грузовик, здесь появится еще с полдюжины вооруженных милиционеров, ситуация станет для него критической.

Но с этим он ничего не мог поделать, ему оставалось только ждать. Правда, в таком ожидании было и свое преимущество — оно давало ему возможность отдохнуть перед тем, как от него снова потребуется полная мобилизация всех оставшихся у него сил. Он прилег на склоне холма, даже не заботясь о том, чтобы территория пункта снабжения оказалась в его поле зрения, по доносившимся до его слуха звукам он мог ясно представить себе все, что там происходило. Теперь его единственной заботой стал кашель,

грозивший выдать его присутствие находящимся внизу людям.

В конце концов ему пришлось прибегнуть к одному из способов, которому его обучил Уолтер. Его следовало применять только в случаях крайней необходимости, так как он требовал немалых усилий. Однако в итоге позывы кашля удалось подавить, а через некоторое время Хэл уловил далекий звук работающих вентиляторов: это означало, что на магистрали вверх по склону поднимается грузовик, направляющийся на пункт снабжения.

Грузовик появился позже часа на полтора. Если бы Хэл знал, что задержка окажется такой большой, то мог бы возвратиться сюда от оставленных в лесу ослов просто быстрым шагом. Еще одна упущенная возможность. Полуторачасовое опоздание считалось нормальным при той точности соблюдения различного рода графиков, которая бытовала в милицейских структурах. Его, пожалуй, даже следовало предвидеть. Хэлу оставалось лишь утешаться мыслью, что если бы он действовал в расчете на подобное опоздание, то грузовик непременно пришел бы вовремя.

Машина приближалась. Двое милиционеров ждали его, стоя у обочины; их ранцы и прочие

личные вещи лежали на земле рядом. Грузовик въехал на территорию пункта, развернулся к штабелям ящиков.

Стало ясно, что водитель получил приказ увезти их обратно в центр снабжения. Милиционеры подошли к ящикам, и началась погрузка. Взяв конусное ружье в правую руку, отстегнув и откинув вверх клапан кобуры энергетического пистолета, Хэл бесшумно спустился вниз. Теперь его отделяла от грузовика только узкая поросль кустов и полотно дороги шириной метра четыре. Через открытые задние двери кузова просматривалась кабина. В ней в одиночестве сидел за рулем водитель. Приехавший вместе с ним еще один милиционер также помогал грузить ящики.

Хэл вышел из-за кустов с ружьем в руках.

— Водитель, выходи из кабины! — приказал он. — Вы, остальные, стоять спокойно!

Только теперь, услышав раздавшийся сзади резкий окрик и непроизвольно повернув головы, они обнаружили его присутствие. Милиционеры замерли на месте, растерянный водитель, оглянувшись назад, застыл.

— Выходи через кузов и становись рядом с остальными! — крикнул ему Хэл. — И веди себя аккуратно, а то я могу подумать, что ты что-то

замышляешь!

— Нет, нет, я ничего... — заикаясь, пролепетал водитель. Держа обе руки на уровне головы, он протиснулся между сиденьями, вышел в кузов и, пройдя через него, спрыгнул на землю, чтобы занять место рядом с тремя остальными. Теперь Хэл рассмотрел их более внимательно. Прибывший милиционер был гораздо старше тех двоих, что охраняли пункт. Они выглядели юнцами, явно моложе двадцати, с округлившимися глазами и детским выражением ужаса на лицах.

— Вы... Вы собираетесь застрелить нас? — пискляво спросил один из них дрожащим голосом.

— Пока что нет, — ответил Хэл. — Сначала вам предстоит выполнить для меня одну небольшую работу.

Глава 30

— Теперь давай вон туда, между теми двумя большими деревьями. И помедленнее, — велел Хэл.

Ствол энергетического пистолета Хэла, расположившегося в соседнем кресле, упирался в ребра водителя. Позади них, в кузове, вдоль одного из бортов сидели, положив руки на колени, трое милиционеров. Они не отрывали глаз от ствола конусного ружья, направленного на них поверх спинки кресла. Несмотря на то что Хэлу приходилось одновременно указывать водителю направление движения и контролировать его действия, а также не выпускать из поля зрения тех троих в кузове, чувствовал он себя почти комфортно.

— Еще чуть дальше... — сказал Хэл. — Здесь! Они приехали туда, где остались ослы, которых Хэл не стал брать на место сбора отряда.

— Вон там... — начал он и закашлялся. — Горка, накрытая сверху брезентом, — продолжил он, откашлявшись. — Подгони к ней грузовик задним ходом и открой двери кузова. Будем грузиться.

Водитель нажал несколько кнопок на панели управления. Вентиляторы смолкли, тяжелая машина осела на землю. Хэл приказал водителю и остальным своим пленникам спуститься через задние двери кузова на землю и подойти к сложенным под кустами мешкам со взрывчатыми материалами.

— Теперь все вы — и ты, водитель, тоже — начинайте переносить эти мешки в машину.

Вчетвером, да еще под дулом пистолета, они справились за двадцать минут. Когда весь груз был уложен в кузов, Хэл приказал своим подневольным работникам освободить от привязи ослов и прогнать их с поляны в глубь леса. Как только последний из них скрылся за деревьями, Хэл вернул пленников к грузовику и приказал всем встать у открытых задних дверей. После этого он взобрался в кузов, прошел вперед, к водительскому креслу, и сел в него. Повернувшись назад и держа под прицелом своего ружья всю команду, он потребовал, чтобы водитель разделся.

— Мне нужна твоя форма, — пояснил он. — Фуражка и сапоги тоже. Давай снимай.

Бросив на Хэла угрюмый взгляд, водитель начал медленно раздеваться.

— Хорошо, — кивнул Хэл, когда тот сиял с себя

все, что было приказано. — Теперь закинь все это сюда, прямо ко мне. Так, ладно. А сейчас вы, все остальные, снимете сапоги и побросаете их в кузов.

Они остолбенело уставились на него.

— Сапоги, — повторил он, поведя направленным на них дулом ружья слева направо. — Быстро!

Они стали торопливо разуваться. Когда в кузов с грохотом упал последний сапог, Хэл снова махнул ружьем.

— Отходите, пятясь задом, на край поляны, пока я не прикажу остановиться, — произнес он.

Они попятились, высоко поднимая босые ноги над торчащими из земли камнями, острыми сучками и покрытыми колючками листьями растений.

— Так, хватит! — крикнул им Хэл, когда они отошли от него метров на двадцать. — Теперь стойте там, пока я не отъеду. Потом можете выбираться на дорогу и либо дожидаться там помощи, либо идти искать ее.

Он запустил двигатель и, включив турбины, поднял грузовик.

— Ты не должен оставлять нас здесь без сапог! — крикнул водитель. — Ты не можешь...

Остальные слова потонули в гуле, когда Хэл тронул грузовик с места. Он видел всех четверых на обзорном экране грузовика, пока их не заслонили кусты и деревья. Тогда он закрыл задние двери и на максимально допустимой в этих условиях скорости направил грузовик к дороге.

Эти четверо вряд ли проберутся через лес обратно к дороге раньше чем через пару часов, ведь, делая очередной шаг, им придется внимательно смотреть под ноги. Тем более что путь, которым они ехали сюда из пункта снабжения, видел только один из них — водитель. А оказавшись на дороге, они станут решать — идти им в том, что осталось от их носков, километров тридцать, а то и все сорок, по этой дороге до ее пересечения с другой, более оживленной трассой, или все-таки возвратиться на пункт снабжения и ждать там своего вызволения.

Через два часа стемнеет, ноги у них будут изранены, так что они наверняка предпочтут пункт снабжения. А в гараже, к которому приписан грузовик, обратят внимание на его отсутствие не раньше чем через несколько часов после наступления темноты. Сначала там подумают, что водитель задержался из-за какой-нибудь неисправности или просто по своей личной на-

добности. И наверное, только к середине утра следующего дня в гараже начнут предпринимать попытки установить местонахождение водителя и грузовика. Вместе с тем Барбедж, зная, что этот пункт снабжения уже ликвидирован, никого из своих подчиненных туда не пошлет.

Таким образом, о том, что пропавший грузовик оказался в руках Хэла, всем станет известно только завтра, а следовательно, в течение ближайших десяти часов он может гнать машину куда угодно, находясь при этом в относительной безопасности; единственная проблема состоит в том, чтобы избежать обычной проверки документов или вопросов, куда и зачем он ведет милицейский грузовик.

Прежде чем выехать на дорогу, Хэл остановился переодеться в форму водителя. Тот был высоким и грузным человеком, и его куртка лишь немного жала в плечах, тогда как брюки в поясе оказались неимоверно широкими. И вместе с тем рукава куртки и особенно штанины брюк выглядели на Хэле нелепо короткими, несмотря на достаточно высокий рост их бывшего владельца. Но все же в этой форме, а главное, в фуражке, которая пришлась почти впору и лишь чуть-чуть болталась на голове, Хэл, при взгляде на него снаружи, мог

вполне сойти за милиционера — кабина скрывала большую часть его фигуры.

Покончив с переодеванием, он вызвал на дисплей приборной панели грузовика карту территории между тем местом, где он сейчас находился, и Арумой. Судя по карте, до города было около двухсот километров, при этом количество и качество дорог по мере приближения к нему значительно возрастало.

Где-то на южных окраинах Арумы существовала явка, которую Рух планировала использовать, когда наконец сумеет попасть в город. Это было небольшое коммерческое предприятие по торговле подержанным сельскохозяйственным инвентарем, принадлежащее Аталии Макнотон. Если ему удастся ее разыскать, то возможно, она сумеет помочь ему. От машины необходимо избавиться, а груз спрятать; кроме того, поскольку личные, а также кредитные документы он получил на Земле, необходима информация о том, как можно воспользоваться ими здесь, не подвергая себя опасности. Снова ускользнуть от Блейза можно лишь покинув Гармонию.

Он знал, что коммерческий космопорт в Аруме, благодаря геостанции и заводу по ремонту и переоснащению космических кораблей, своими

размерами даже превышает аналогичный порт в Цитадели. Но при попытке приобрести билет на корабль любой космопорт может стать для него опасным местом, если, оказавшись там, он не будет заранее знать, куда пойти и к кому обратиться.

Если Аталия Макнотон поможет ему, у него появятся шансы на успех. Ей ведь не обязательно знать, что он вышел на нее без согласия и ведома Рух. Может пройти неделя или даже больше, прежде чем сведения о рассредоточении отряда дойдут до их сторонников в Аруме. С другой стороны, ей, наверное, известны его имя и описание «внешности как одного из Воинов, сражающихся под предводительством Рух.

Наметив по карте маршрут, он выключил дисплей, выехал на дорогу и, повернув направо, отправился в город.

Первые полчаса он ехал в одиночестве. За это время его грузовик прошел больше сорока километров по магистрали с двухрядным движением, которая вела к городу. С грузом, для переноски которого требовалось девять ослов, грузовик шел словно порожняком, и Хэлу приходилось следить за скоростью, чтобы не превысить разрешенных для армейских транспортных средств восьмиде-

сяти километров в час. Если в пути не возникнет никаких осложнений, можно рассчитывать, что он окажется в городе примерно через три часа.

Пока он ехал, стемнело, справа и слева от дороги начали загораться приветливые огоньки, бросая вызов надвигающейся ночи. Сидя в кабине, куда рев вентиляторов благодаря надежной звукоизоляций доносился лишь как тихое урчанье, перед панелью управления, мягкое, неяркое свечение которой уютно контрастировало с темнеющим над ней ветровым стеклом, Хэл стал постепенно терять свою собранность из-за недостатка эмоционального напряжения, взбадривавшего его до сих пор. Тело и сознание расслабились, и, как следствие, он начал все острее ощущать лихорадку и головную боль, его стали донимать приступы кашля.

Впервые за последнее время он смог оценить степень своей усталости и меру опасности вцепившейся в него, словно вампир, болезни. Сделанное им заключение встревожило его. С того момента как он покинет убежище, которое — он надеялся — предоставит ему Аталия Макнотон, и до тех пор пока он не окажется в безопасности на борту корабля, уносящего его на какую-нибудь другую планету, ему придется быть на пределе

всех своих физических и умственных способностей. Возможно, их сторонникам в Аруме не известно, что он покинул отряд; но не пройдет и двенадцати часов, как об этом узнает вся местная милиция, поскольку он действовал так, чтобы схваченные им люди решили, что нападение на пункт снабжения и угон грузовика — дело рук диверсанта-одиночки.

Наверное, он поступит благоразумно, поспав перед отправлением в космопорт несколько часов в безопасном месте, если, конечно, у него будет такая возможность. Но с другой стороны, если поздно ночью можно попасть в космопорт и, не вызывая никаких подозрений, приобрести нужный ему билет, то лучше поступить именно таким образом. Оказавшись на борту межзвездного корабля, он сможет выспаться там вволю.

Его сознание начало затуманиваться, тело словно наливалось свинцом. С трудом он заставил себя сосредоточить взгляд на гладкой ленте трассы, разматывавшейся ему навстречу из темноты под лучами фар грузовика. Он подумал о том, чтобы снова привести себя в состояние перевозбуждения, но потом отбросил эту мысль. Такой в общем-то достаточно несложный прием повлек бы за собой большой расход внутренней энергии,

а она у него быстро таяла. Он опять включил дисплей, чтобы разобраться в лабиринте дорог приближающейся окраины города. Весь предыдущий путь он проделал по прямой свободной трассе, но сейчас такому путешествию наступал конец. Теперь ему придется нащупывать дорогу к дому Аталии среди улочек в предместье города, руководствуясь лишь картой и дорожными знаками. Находясь так близко у цели, он опасался остановиться и спросить у кого-то, как доехать до нужного ему места, потому что впоследствии этот кто-то мог его опознать.

Ночь превратилась в нескончаемую расплывчатую череду тускло освещенных указателей перекрестков и обозначений улиц. Он заставил себя напрячься и сконцентрировать свое внимание — и окружающий мир стал виден отчетливее. Его рефлексы замедлились; соответственно этому он сбавил скорость движения грузовика и вел его с такой максимальной осмотрительностью, какую возможно было допустить, не привлекая внимания к военному водителю, проявляющему неестественную осторожность. Время словно ускорило свой бег. Вглядевшись в светящиеся цифры рейсовых часов, Хэл определил, что сидит за рулем уже почти шесть часов. Однако эти циф-

ры имели для него чисто абстрактное значение. Он ощущал время, проведенное в кабине, одновременно и как бесконечное, и как измеряемое несколькими минутами.

В конце концов его грузовик оказался на узкой грунтовой дороге, ведущей в глубь окутанного темнотой предместья, мимо небольших ферм, ветхих, невзрачных домиков и мелких предприятий. Он не видел света ни в одном из строений, мимо которых проезжал, пока не приблизился к напоминающему склад зданию, окруженному высоким и, похоже, недавно сооруженным забором из проволочной сетки. Между забором и зданием лежал обширный, ничем не занятый участок земли. В крайнем угловом окне фасада виднелся свет.

Хэл остановил грузовик и, ощущая ломоту во всем теле, тяжело спустился на землю. Подойдя к запертым воротам, сваренным из металлических труб, он попытался рассмотреть стоящий в глубине участка дом. Занавеси не закрывали освещенного окна, но оно находилось слишком далеко, и Хэл не мог увидеть, есть ли за ним кто-нибудь. Он поискал около ворот какое-нибудь устройство связи или сигнализации, чтобы дать знать о своем появлении, но ничего не нашел.

Пока Хэл занимался исследованием ворот, в его сторону из глубины участка с хищным рычанием и лаем устремились два темных силуэта. Домчавшись до забора, они с невообразимым шумом стали делать попытки наброситься на него. Хэл смотрел на них с изумлением. Собаки на Гармонии, особенно такие крупные, так же как и лошади, обычно не давали потомства. Эту пару, скорее всего, вырастили из эмбрионов, хранившихся на Земле в пробирках в специальном банке и доставленных сюда космическим кораблем, что наверняка стоило немалых расходов, особенно ощутимых для мелкого и не очень прибыльного предприятия, к числу каковых, судя по внешнему виду, принадлежала и расположенная за забором фирма. Он ждал. Устроенный собаками гвалт наверняка привлечет внимание тех, кто находится в доме.

Но никто не появлялся, а время — его время, которого, так же как и сил, у него оставалось очень немного — уходило. Он подумал о том, чтобы сесть в кабину и просто въехать внутрь, проломив запертые ворота, но потом решил, что после такого способа проникновения во владения Аталии Макнотон, если он действительно находился перед ними, вряд ли можно рассчиты-

вать на ее расположение и помощь. Вместо этого он сел, скрестив ноги, на землю перед воротами и, пристально глядя на собак, начал тихонько скулить высоким, вибрирующим фальцетом.

Собаки продолжали лаять и рычать, но недолго. То одна, то другая стали попеременно умолкать. Постепенно длительность этих перерывов возросла, лай и рычание сделались не такими громкими и начали чередоваться с жалобными повизгиваниями. Вскоре собаки совсем умолкли.

Хэл продолжал скулить, как бы не обращая на них внимания.

Собаки за воротами беспокойно суетились, продолжая то и дело издавать жалобные звуки. Потом одна из них, а вслед за ней и другая уселись за воротами напротив Хэла. Через несколько минут первая, задрав морду к темному небу, тихонько завыла. Вой не прекращался, становясь все сильнее. Вскоре и вторая собака, также подняв кверху голову, присоединилась к первой.

Хэл продолжал скулить.

Завывание собак, по-прежнему неподвижно сидящих за воротами, стало очень громким. Вскоре они как будто начали подстраивать свои голоса к его голосу, образовав звучащее почти в унисон трио. Время шло. Внезапно в темной стене дома

рядом с окном образовалась щель, из которой наружу вырвался сноп яркого бело-голубого света, разошедшийся веером по направлению к забору. Собаки умолкли.

Щель превратилась в светлый прямоугольный проем, на фоне которого возникла темная человеческая фигура в брюках. Человек отделился от залитого светом проема и, держа в одной руке фонарь, а в другой что-то короткое и толстое, направился к воротам. Подойдя ближе, он направил слепящий луч фонаря прямо в лицо Хэлу, который теперь видел перед собой лишь сверкающее белое пятно. Оно придвинулось к нему еще и остановилось совсем близко, так что он мог бы схватить его рукой, если бы между ним и подошедшим с той стороны человеком не было ворот.

— Кто ты? — Низкий, звучный голос принадлежал женщине.

Хэл медленно, с трудом поднялся. Собаки, до сих пор сидевшие по ту сторону забора, тоже встали, подошли к самым воротам, просунули свои черные носы между трубами и, облизываясь с виноватым видом, изредка тихонько повизгивали.

— Ховард Иммануэльсон, — ответил он, прислушиваясь к своему непривычно грубому и

хриплому голосу. — Я из отряда Рух Тамани.

Свет продолжал слепить ему глаза.

— Назови пятерых бойцов из ее отряда, — потребовал голос. — Пятерых, кроме самой Рух.

— Джейсон Роу, Хейдрик Фолт, Тэлла, Джорэлмон Трои... Амос Пайя.

Свет не сдвинулся с места.

— Никто из них не является заместителем Рух, — сказал голос. — Назови его имя.

— Я и Хейдрик Фолт вместе выполняем обязанности заместителя командира отряда, — ответил Хэл. — Иаков Дитя Господа погиб.

Еще несколько секунд свет продолжал бить ему в лицо. Затем переместился на стоящий позади грузовик, оставив Хэла стоять с расширившимися зрачками, ничего не видящего в темноте.

— А это? — спросила она после короткой паузы, все тем же спокойным голосом.

— А с этим мне необходима помощь, — произнес Хэл. — От грузовика нужно избавиться. А вот с грузом следует поступить совсем иначе. Дело в том, что...

— Ладно, можешь не объяснять. — Он услышал звук отпираемых ворот. — Заезжай внутрь.

Повернувшись, он пошел к грузовику. Глаза постепенно снова начали видеть в темноте. Вска-

рабкавшись в кабину, он сел за руль, запустил вентиляторы, не включая фар, въехал в распахнутые настежь ворота и остановил машину у самого дома. Когда он спустился из кабины на землю, обе собаки, виляя хвостами, ткнулись в него носами и принялись тщательно обнюхивать сапоги, брюки и остальную одежду.

— Назад! — скомандовал голос, и собаки слегка попятились. — Пойдем в дом, там я смогу получше разглядеть тебя.

Когда глаза Хэла привыкли к яркому свету, он увидел, что находится в комнате, похожей одновременно и на офис и на жилое помещение, — чистой, безукоризненно убранной, но вместе с тем не вызывающей ощущения скованности, не позволяющего ни к чему прикасаться при такой бьющей в глаза чистоте и аккуратности. Оказавшись в комнате, они принялись внимательно разглядывать друг друга. Перед ним стояла женщина на вид лет тридцати пяти, а на самом деле, может, и гораздо старше, стройная, широкоплечая, с правильными чертами красивого лица, с коротко подстриженными густыми и волнистыми каштановыми волосами такого темного оттенка, что они казались почти черными. Она напоминала Хэлу увиденное однажды в дет-

стве кольцо с камеей, изображающей женскую головку, в которую он страстно влюбился. Взгляд этой женщины — прямой, обезоруживающий — чем-то неуловимо, хотя и очень отдаленно, был похож на взгляд Рух; но на этом их сходство кончалось.

— Ты нездоров, — продолжая смотреть на него, сказала она. — Сядь.

Оглянувшись вокруг, Хэл увидел стул с мягким сиденьем и тяжело плюхнулся на него.

— Так ты говоришь, Иаков умер?

Он кивнул.

— Последние полторы недели милиция беспрерывно гналась за нами по пятам, — начал объяснять Хэл, — а к этому времени почти все мы заболели какой-то легочной болезнью, В том числе и Иаков. Настал момент, когда он уже больше не мог идти вместе со всеми. Тогда он настоял на том, что останется в засаде один и, задержав таким способом милицию, даст возможность отряду изменить маршрут и оторваться от преследования. Я помогал ему оборудовать позицию...

Слова Иакова, которые тот наказывал передать Рух и всему отряду, всплыли в памяти Хэла, и он повторил их этой женщине.

Выслушав Хэла, она некоторое время стояла молча. Ее лицо не изменилось, только глаза потемнели.

— Я любила его, — произнесла она наконец.

— Рух тоже его любила, — отозвался Хэл.

— Рух была ему как внучка, — тихо проговорила она. — А я любила его.

Цвет ее глаз стал прежним.

— Вы — Аталия Макнотон? — спросил он.

— Да. — Она кивнула на окно. — Что в грузовике?

— Мешки с удобрением, а также другие компоненты для взрывчатки, которую Рух планирует использовать при диверсии на геостанции. Вы можете спрятать все это?

— Здесь — нет. Но я смогу найти для этого место.

— Грузовик должен исчезнуть, — напомнил Хэл. — Сможете вы...

Женщина коротко рассмеялась. Ее смех, как и голос, был низким и звучным.

— С этим проще. Металл можно разрезать на куски и продать. Все остальное сжечь. — Ее взгляд снова остановился на нем. — А что с тобой?

— Я должен покинуть планету, — ответил он. — У меня есть кредитные чеки и личные документы

— все, что для этого требуется. Нужно, чтобы кто-нибудь рассказал мне, как приобрести билет на корабль в здешнем космопорте.

— Настоящие чеки? Подлинные документы?

— Настоящие чеки. Документы подлинные, но прежде они принадлежали другому человеку.

— Дай мне взглянуть на них.

Запустив руку во внутренний карман куртки, Хэл вытащил длинный, сложенный в несколько раз дорожный бумажник, извлек из него и протянул ей документы. Нетерпеливым, резким движением она взяла их у него и стала внимательно просматривать.

— Хорошо, — кивнула Аталия. — По этим бумагам ты ни с кем в Аруме не связан. Кто-нибудь из представителей власти видел их после того, как ты покинул Цитадель?

— Нет.

— Это еще лучше. — Она отдала ему документы. — Сама я не в состоянии тебе помочь. Но могу связать с человеком, к которому, вероятно, подчеркиваю — вероятно, можно обратиться за содействием в приобретении билета. Но ему не следует доверять настолько, чтобы рассказывать, чем ты занимался с момента вступления в отряд Рух.

— Понимаю. — Хэл сложил документы в бумажник и убрал его обратно в карман. — А возможно ли встретиться с этим человеком прямо сейчас?

Аталия бросила на него пристальный, почти пронизывающий взгляд.

— Да, — ответила она. — Но минут через десять ты наверняка упадешь в обморок. Поэтому подожди до утра. А пока я дам тебе кое-что против твоей инфекции и для того, чтобы ты заснул.

— Чтобы я заснул, ничего не нужно. — Эти слова Хэл произнес автоматически, под влиянием рефлекса, выработанного за долгие годы общения с Уолтером. — А какое лекарство от инфекции вы имеете в виду?

— Только иммуностимуляторы. Не волнуйся. Всего лишь препараты, способствующие выработке организмом антител.

Она сделала шаг, чтобы уйти, потом снова повернулась к нему.

— Что ты сделал с собаками?

Он нахмурился, с усилием заставив себя сосредоточиться, чтобы обдумать ответ.

— Ничего... Вернее, я не знаю, — пожал он плечами. — Я просто разговаривал с ними. Это можно проделать с любым животным, если постараться. Нужно просто издавать такие звуки, какие изда-

ют они, и сконцентрировать свои мысли на том, что вы хотите им сообщить. Я пытался только сказать им, что я не враг.

— А с людьми это можно проделывать?

— Нет, на людей такой прием не действует. — Превозмогая охватившую его слабость, Хэл попытался улыбнуться. — А жаль, — секунду спустя добавил он.

— Да, жаль, — согласилась она, поворачиваясь, чтобы уйти. — Посиди тут. Я пойду приготовлю для тебя все, что нужно.

Глава 31

Хэл внезапно проснулся с ощущением вины, причину которой в первый момент не мог понять. Потом в его сознании молнией сверкнула мысль, что он дал уговорить себя лечь спать, вместо того чтобы обратиться к человеку, который может продать ему билет на корабль, покидающий Гармонию.

Еще некоторое время он, полусонный, лежал на отведенной ему постели, чувствуя себя беззащитным и одиноким, как четыре с половиной года назад в тот момент, когда уходил прочь от теней на своей террасе и безжизненных тел Уолтера, Малахии и Авдия. Продолжая оставаться под тяжелым бременем усталости и не отпускающей его лихорадки, Хэл ощутил огромное желание свернуться калачиком, снова спрятать голову под одеяло и вернуться в тот ласковый и вечный мир, который он только что покинул.

Но откуда-то издалека, еле слышным скрипучим голосом, чувство настоятельной необходимости протестовало против продолжения сна. Это чувство вытащило его из сонного состояния,

словно крупную рыбину из глубины воды, полностью вернув к восприятию реальности. Он сел на постели и сперва погрузился в полную темноту, но потом увидел едва заметную светлую полоску ниже уровня глаз метрах в двух-трех от себя и понял, что это свет, пробивающийся из-под закрытой двери.

Он поднялся на ноги, добрел до двери и, нащупав щеколду, открыл ее. Он очутился в полутемном коридоре, куда свет проникал из-за угла в дальнем его конце, едва освещая стены и пол там, где он стоял. Он пошел на свет, завернул за угол и оказался в той самой комнате, куда его привела с улицы накануне вечером Аталия Макнотон и куда теперь через незанавешенные окна проникал бледный серо-голубой предутренний свет.

— Аталия Макнотон? — Его голос прокатился по комнате и замолк, оставшись без ответа.

В комнате оказалась еще одна дверь, кроме входной, он подошел к ней и, потянул за ручку. Незапертая дверь открылась, и он очутился на пороге небольшого кабинета, стеллажи вдоль стен которого были заполнены грудами бумаг. За крошечным письменным столиком сидела Аталия, разговаривая по видеотелефону. Она закончила разговор, выключила экран и повер-

нулась к нему.

— Значит, ты проснулся сам? Ну что же, очень хорошо. Сейчас я расскажу, как обстоят твои дела, накормлю тебя, а потом немного провожу.

К тому моменту, когда спустя сорок пять минут в легком грузовичке, с Аталией, сидящей за рулем, они проезжали через сваренные из железных труб ворота, Хэл заметил, что милицейский грузовик уже исчез со двора. Он не спросил — каким образом, а сама Аталия не стала ничего об этом рассказывать. Она вела свою машину молча.

Хэл тоже не был сейчас расположен к разговорам. После нескольких коротких часов отдыха он еще яснее почувствовал, насколько сильно им овладели усталость и болезнь. Все клеточки его организма в один голос требовали дать им возможность как следует отдохнуть и поправиться. Иммуностимуляторы в организме уже работали вовсю, и лихорадка понемногу — но только понемногу — шла на убыль. Горло и грудь по-прежнему жгло внутри, однако, применяя метод Уолтера, теперь удавалось подавлять яростные приступы кашля, и это его весьма радовало. Иначе окружающие непременно стали бы реагировать на громкие звуки, свидетельствующие о его заболевании, а значит, он привлек

бы внимание и к себе самому, особенно людей, находящихся от него поблизости.

Вчера перед сном, кроме иммуностимуляторов, Аталия предложила ему также болеутоляющие и обычные укрепляющие средства. Но и те и другие могли нарушить эффективность воздействия на организм его собственного сознания, а ему, при своем нынешнем ослабленном состоянии, он доверял больше, чем любым лекарствам. Услышав вежливый отказ, она тут же перешла к проблеме его контакта с человеком, способным оказать помощь в приобретении необходимого ему билета на межпланетный рейс. Человека этого звали Эдиен Корфуа. Он не принадлежал к числу потомственных жителей Гармонии, а был выходцем с Фрайлянда. Этот мелкий чиновник экспедиторской службы сам не занимался продажей билетов на межпланетные маршруты, но водил знакомство с брокерами, промышлявшими перепродажей тех заранее забронированных билетов, от которых клиенты впоследствии отказывались, либо билетов, вовремя не выкупленных. Причем продавались такие билеты как с наценкой, так и со скидкой, в зависимости от пункта назначения рейса и спроса на них со стороны покупателей.

— Мы остановимся недалеко от терминала, —

сказала Аталия. — Там ты сможешь сесть на автобус.

На терминале ему предстояло, руководствуясь полученными указаниями, попасть в Главное управление перевозок, от имени которого действовал Корфуа.

Это раннее утро выдалось ветреным, сухим и холодным, и хотя небо покрывали плотные облака, дождя как будто бы не предвиделось. В общем, серый и трудный день. Прежде чем высадить Хэла на автобусной остановке, Аталия указала ему на лежащую под сиденьем небольшую коричневую сумку; в таких сумках обычно перевозят документы те, кто занимается заключением контрактов по найму различного рода высококвалифицированных специалистов с других планет.

— Все находящиеся в ней контракты подлинные, — сообщила Аталия, — но заключившие их люди уже отработали свой срок. При проверке нанимателями это сразу бы обнаружилось, но при внешнем контроле придраться к ним невозможно. Вот какова твоя легенда: тебя неожиданно отправили в незапланированную командировку в качестве курьера. Пункт назначения, имя нанимателя и причину, вызвавшую необходимость срочно доставить туда копии контрактов, выбери

по своему усмотрению.

— Промышленная диверсия, — предложил Хэл. — В результате уничтожен ряд досье в службе регистрации и проверки инопланетного персонала на той планете, куда я направляюсь.

— Очень хорошо. — Аталия быстро взглянула на него и тут же перевела взгляд обратно на дорогу, вдоль которой они ехали. — А как ты себя чувствуешь?

— Я справлюсь, — ответил он.

Они подъехали к автобусной остановке, и Хэл вышел. Обернувшись, он сказал, глядя Аталии в глаза:

— Спасибо за все. Передайте привет Рух и всем остальным из отряда, когда встретитесь с ними.

— Хорошо, — ответила она. Ее глаза снова потемнели. — Удачи тебе.

— Удачи и всем тем, кому Иаков передал свое последнее послание.

Эти слова прозвучали как-то неуместно здесь, в городе, среди бела дня. Она ничего не ответила, только откинулась на спинку кресла и закрыла дверь кабины. Когда грузовичок отъехал, Хэл повернулся и с сумкой в руке зашагал по мостовой к месту посадки в автобус.

А через двадцать минут он уже стоял у стола

справок в Управлении перевозок, с которым сотрудничал Эдиен Корфуа.

— Корфуа? — переспросил сидящий за столом человек. Он нажал несколько клавиш, посмотрел на расположенный перед ним, но скрытый от глаз Хэла экран, потом, обернувшись, бросил взгляд в глубину находящейся за ним комнаты, заставленной рядами рабочих столов. — Сегодня он работает здесь, но пока еще не пришел. Можете присесть у его стола и подождать? Его стол — третий от стены, во втором ряду.

Хэл прошел в комнату и сел напротив указанного ему стола. Стул с прямой спинкой и жестким сиденьем, изготовленный из местного дерева, явно не способствовал тому, чтобы посетители долго засиживались. Но при нынешнем своем физическом состоянии, борясь с охватывающей его дремотой, Хэл предпочитал сидеть на чем угодно, лишь бы не стоять. Через несколько минут рядом с ним послышался звук шагов, и дремота тут же отступила. Подняв голову, он увидел перед собой довольно полного человека лет сорока, с пышными черными усами и редеющей шевелюрой, придвигающего к столу плавающее кресло.

— Чем могу быть полезен? — спросил человек с профессионально отработанной улыбкой. Оче-

видно, это и был Эдиен Корфуа. Его небольшие голубые глаза с неестественно расширенными зрачками очень пристально смотрели на Хэла.

— Мне нужен билет на одну из экзотских планет, — сказал Хэл. — Предпочтительно на Мару. Прямо сейчас.

Он взял с пола сумку, набитую контрактами, на мгновение приподнял ее над столом и снова опустил на пол.

— Я должен срочно передать туда документы.

— А как у вас с кредитом?

Хэл извлек из кармана бумажник и вместе с удостоверением личности вынул из него карту общего межзвездного кредита с указанной на ней суммой, более чем достаточной, что бы оплатить перелет. Он протянул оба документа Корфуа.

— Это обойдется недешево, — медленно протянул тот, внимательно рассматривая обе бумаги.

— Я знаю, сколько это должно стоить, — сказал Хэл, сделав попытку улыбнуться, когда Корфуа перевел свой взгляд с кредитной карты на него. Аталия предупредила Хэла, сколько примерно стоит билет до Мары, приобретенный у Корфуа. Обессилевший и терзаемый болезнью, Хэл не имел ни малейшего желания торговаться, но полная неосведомленность показалась бы подо-

зрительной.

— Что там случилось? — спросил Корфуа, кладя бумаги Хэла на стол.

— В результате промышленной диверсии уничтожен ряд документов, — ответил Хэл. — Я везу дубликаты.

— Вот как? А какие документы?

— Все, что мне от вас нужно, — вежливо, но решительно отрезал Хэл, — это билет на корабль.

Корфуа пожал плечами.

— Я должен переговорить кое с кем, — сказал он, поднявшись из-за стола и взяв в руки удостоверение личности и кредитную карту Хэла. — Я скоро вернусь.

Хэл тоже встал со стула и аккуратно высвободил из рук Корфуа свои документы.

— Вряд ли они вам понадобятся, — произнес он, — а мне еще надо кое-что сделать. Встретимся через двадцать минут на терминале, у центрального бюро информации.

— У меня это может занять больше времени, потому что... — начал Корфуа.

— Не должно, — прервал его Хэл. Теперь, когда он вступил в противоборство с этим человеком, голова у него стала ясной, и все, чему его учили, начало проявляться в полной мере, поддерживая

и направляя его. — А если займет, то, вероятно, я найду вместо вас кого-нибудь другого. Значит, у бюро, через двадцать минут.

Хэл повернулся и, не дожидаясь ответа Корфуа, вышел из офиса Управления перевозок. Оказавшись достаточно далеко от него, там, где уже никто из сидящих в комнате сотрудников не мог его увидеть, он остановился и прислонился плечом к стене. Приток адреналина, ненадолго взбодривший его, быстро прекратился. Хэл снова ощутил слабость, по телу пробегала дрожь. Под пиджаком коричневого делового костюма, которым его снабдила Аталия, сорочка промокла от пота. Но спустя секунду он уже выпрямился, спрятал документы в бумажник и пошел дальше.

Терминал — это место, где Хэл подвергался наименьшей опасности, так как там можно было находиться в непрерывном движении. Так ему говорила Аталия, да он и сам прекрасно это знал. Человека, стоящего неподвижно или сидящего, удобно рассматривать. Человек, находящийся в движении, — просто один из множества беспрерывно мельтешащих в толпе людей, а они с течением времени становятся очень похожими друг на друга даже для опытного наблюдателя.

Хэл безостановочно шагал по лабиринту внут-

ренних улиц терминала, заходя в магазины и другие общественные места. Половину терминала космопорта занимал торговый центр, нечто вроде небольшого городка под крышей. Во второй половине находился технический комплекс, где выполнялись работы по обслуживанию и ремонту космических кораблей. Там также можно было разместить рейсовые или те, что проходили переоснащение и модернизацию на достроечных площадках, расположенных в нескольких километрах от космопорта. Несмотря на то что межзвездные перелеты осуществлялись вот уже триста лет, до сих пор корабли представляли собой достаточно громоздкие сооружения. И хотя посетители торгового центра не находились непосредственно рядом с ними, то, что они располагались поблизости, и как следствие — напоминание об огромных расстояниях за пределами атмосферы Гармонии, разумеется, изменяли представления людей о самих себе. Они начинали ощущать себя лилипутами, снующими во всех закоулках этой части терминала.

Именно с таким ощущением, накладывающимся на протесты его больного и находящегося в состоянии крайнего напряжения тела, в сочетании с нервной настороженностью преследуемого

зверя, бродил Хэл по торговому центру. Он чувствовал себя раздетым догола и избитым, окруженным врагами, предателем по отношению ко всем тем, кто ему доверял. Во имя спасения жизни партизан он решил не только самовольно покинуть отряд, но и увезти из него материалы для изготовления взрывчатых веществ. А в результате предал этих людей, зная, что Рух никогда бы не согласилась ни с одним из его поступков, если бы он ее спросил. Теперь отряд сможет получить обратно то, что он увез на грузовике, и, следовательно, выполнить задуманную операцию только лишь при счастливом стечении обстоятельств.

Но альтернативой этому была смерть их всех. И после самопожертвования Иакова Хэл понял, что не может спокойно относиться к перспективе гибели остальных бойцов отряда, ставших близкими ему людьми.

Возможно, он поступил не правильно, проявив самостоятельность, но, похоже, другого выбора у него не существовало. Только еще ни разу в жизни чувство одиночества не овладевало им настолько, что даже какая-то часть его сознания недоумевала, как это он до сих пор находит в себе силы сопротивляться тем, кто пытается его

схватить, подчинить себе, а возможно, и умертвить. И тем не менее, несмотря на изнеможение, приводящее сознание в состояние оцепенения, на болезнь, на горечь расставания с людьми, среди которых он впервые после смерти своих учителей почувствовал себя своим, инстинкт сопротивления, совершенно не зависящий от его воли, горел в нем жарким неугасимым огнем.

Он укротил этот вихрь мыслей и эмоций, поглотивший его внимание. Близилось время идти к центральному бюро информации, на встречу с Эдиеном Корфуа.

Хэл дошел до конца улицы и взглянул на план центра. Всего в двух кварталах отсюда, на главной площади, находилось нужное ему бюро.

По пути он зашел в магазин готового платья и купил синюю куртку и серый берет такого фасона, какой запомнился ему при посещении Новой Земли. Выйдя из магазина, он выбросил в стоящий на тротуаре мусоросборник сверток с коричневым пиджаком, что был на нем во время первой встречи с Корфуа. Сгорбившись, чтобы казаться поменьше ростом, он вышел на площадь и стал как бы прогуливаться по ней, краем глаза наблюдая за бюро и людьми, находящимися около него.

Корфуа стоял у входа в бюро. Прислонившись к стенке, он, казалось, с пристальным вниманием просматривал только что купленную распечатку последних новостей. На небольшом пятачке пустого пространства вокруг не было никого. Ближе всех к нему стоял человек в зеленой домашней куртке, поглощенный изучением табло с перечнем последних опубликованных книг. Хэл, намеревавшийся продолжить свою прогулку вокруг площади, если Корфуа не окажется на условленном месте, теперь свернул на ближайшем перекрестке и пошел по улице прочь от площади. Полностью обойдя квартал, он по следующей улице снова вышел на площадь и двинулся в сторону той улицы, по которой перед этим покинул площадь.

Эдиен стоял на том же месте с видом человека, погруженного в чтение. Человек в зеленой куртке все так же старательно всматривался в табло. Небольшое пространство рядом с ними по-прежнему оставалось пустым.

Хэл продолжал идти вперед. Теперь, когда его подозрения подтвердились, он увидел поблизости от бюро еще пятерых — четырех мужчин и одну женщину, чье местонахождение и поведение выпадали из общей картины и характера

движения толпы на площади.

Малахия объяснял ему, что движению любой толпы свойственны непрерывно меняющиеся формы, но эти формы и их изменения подчиняются определенным закономерностям. Сначала старый дорсаец демонстрировал это Хэлу на примере калейдоскопа — трубки, внутри которой при ее вращении изменяется взаимное расположение цветных треугольников, рассматриваемых через призму. Потом перешел с ним на натуру: стоя на балконе, они наблюдали за людьми на центральной торговой площади Денвера, очень похожей на эту. Наконец настал день, когда Хэл, глядя с балкона вниз, мог сразу же распознать всех тех, кого Малахия попросил сыграть на площади роль соглядатаев. Хэл научился выявлять людей, не вписывающихся в общий характер поведения толпы не из-за каких-то их особенных действий или, наоборот, отсутствия у них таковых. Скорее они просто сами по себе бросались ему в глаза, так же как опытный эксперт сразу же замечает детали подделки, выдаваемой за произведение мастера, чью технику и особенности письма он хорошо знает.

Вот так и теперь этих пятерых Хэл выделил из всех остальных людей на площади. Возможно,

там находились и другие, например среди посетителей за столиками кафе, и их он тоже смог бы опознать, если бы подошел поближе. Хэл сразу же свернул с площади, как только оказался на уже знакомом ему перекрестке. Он пошел по улице так быстро, как только мог, стараясь не привлекать при этом к себе внимания.

Сорочка под курткой снова стала влажной от пота — следствие большого напряжения ослабленного организма. Ясно, что теперь вся Арума предупреждена, а его изображения розданы всем, кто имеет отношение к продаже билетов на межзвездные рейсы, особенно таким как Корфуа, действующим на грани легальности и хорошо известным местной полиции. Опознав его, Корфуа не мог поступить иначе, как известить об этом милицию.

Сейчас его ищут уже по всему торговому центру, а возможно, и по всему терминалу. Оставался единственный вопрос — успеет ли он добраться до выхода с терминала и пройти через него, прежде чем его обнаружат, несмотря на новую куртку и берет.

Хэл сохранил прежний темп движения. Он прошел мимо доброго десятка мужчин и женщин, явно выделявшихся из общей массы людей,

находящихся вокруг него, хотя он не взялся бы утверждать, что они высматривают в толпе именно его, а не кого-нибудь другого. Через несколько минут он завернул за угол и оказался перед одним из выходов с терминала, за которым виднелся ряд автобусов, курсирующих между космопортом и центром Арумы.

Четверо милиционеров в черной форме проверяли документы у каждого, кто входил и выходил через двери.

Увидев их, он рефлекторно изменил направление движения. Продолжая идти, он все круче отворачивал от выхода, пока не оказался в коридоре, параллельном главному фасаду терминала.

Хэлу страстно захотелось хоть на короткое время подавить болезненные ощущения, отвлекавшие его внимание. Но он знал, как мало сил у него осталось. Поэтому, сделав над собой усилие, отказался от соблазнительной идеи использовать анестезию самовозбуждения и безжалостно заставил затуманенный и горящий в лихорадке мозг на ходу обдумывать свое нынешнее положение.

В данный момент его врагом была не милиция, которая просто выполняла роль орудия, а Блейз. Несомненно, у Блейза имелись особые причины

бояться его, иначе этот предводитель Иных не стал бы организовывать такую грандиозную охоту за ним. Причем он явно не собирался убивать Хэла — Блейз мог бы это сделать еще на Коби, просто уничтожив всех, кто работал в шахтах, полагая, что среди них находится и Хэл. Использование подобных методов с целью достижения относительно небольших результатов вовсе не противоречило мировоззрению Иных — это Хэлу было известно.

Значит, но каким-то особым причинам Блейз старался заполучить его живым. Следовательно, задача Хэла состояла в том, чтобы не дать Блейзу поймать себя либо сделать эту поимку как можно более бесполезной для лидера Иных. Лишенный возможности рассчитывать на чью-либо помощь, больной, он, пожалуй, не имел никаких шансов выйти с терминала, минуя милицию. Он мог и должен был попытаться совершить некоторые действия, но неизбежность того, что он окажется в руках милиции, следовало признать очевидным фактом. Таким образом, оставалось лишь постараться, чтобы связанные с ним ожидания Блейза оправдались в минимально возможной степени.

Прежде всего нельзя допустить, чтобы они

завладели его личными документами и кредитными картами. Если ему впоследствии удастся вырваться из рук Блейза и его людей, он вновь сможет скрыться от них на другой планете.

Сосредоточив все свои мысли на том, как это сделать, Хэл почти не обращал внимания, куда идет, наугад сворачивая с одной улицы на другую. Оказавшись примерно за полквартала от площади, он вдруг увидел, что навстречу ему, перегородив улицу, движется шеренга людей в черной форме.

Итак, они начали прочесывать терминал. Или, по меньшей мере, торговый центр. Они стремятся поймать его во что бы то ни стало. Хэл представил, сколько же людей понадобилось поднять для этого на ноги, и с содроганием подумал о том, какую огромную власть Иные уже сумели получить на Гармонии. Поравнявшись с очередным магазином, он пошел не спеша, словно прогуливаясь, остановился, на секунду заглянул внутрь, вышел и направился в обратную сторону. Хэл двигался, постепенно ускоряя шаг. Дойдя до конца улицы, повернул налево и пошел дальше, ища глазами почтовый автомат. Через два квартала он увидел его. Вставив в щель приемника выданную ему в отряде кредитную карту,

действительную на Гармонии, Хэл получил из автомата большой конверт со штемпелем местной почты. Поспешно вынув из кармана куртки свои документы, сунул их в конверт и, запечатав его, написал адрес: «Амиду. Отделение истории, Университет, Сета». Внизу крупно, печатными буквами добавил: «ВРУЧИТЬ ПО ПРИБЫТИИ». По его запросу на дисплее появился адрес маранского консульства в Аруме, и автомат напечатал его на обратной стороне конверта. Хэл постарался хорошо запомнить адрес. Затем он опустил конверт в приемник автомата; сопровождаемый тихим, похожим на вздох звуком, конверт исчез в его недрах. Освободившись от документов и испытав на мгновение чувство легкого торжества, Хэл повернулся, чтобы отойти от автомата.

Теперь следовало попытаться покинуть терминал. Во-первых, можно было переодеться в милицейскую форму, и лучше всего — в форму старшего офицера. Оставалось лишь отыскать среди тех, кто его ловит, подходящего по комплекции офицера. Во-вторых, воспользоваться документами одного из участников его поимки, расставленных на площади и одетых в гражданскую одежду, и попробовать выйти наружу в своем собственном костюме.

Хэл все еще находился на расстоянии квартала от площади. Почувствовав впервые в этот день нечто вроде воодушевления, он двинулся прочь от автомата.

— Он здесь! Вот он!

Это был голос Эдиена Корфуа. Взглянув вперед, Хэл увидел его в сопровождении двух человек в штатском и пяти милиционеров — они шли ему навстречу. Хэл резко обернулся, намереваясь броситься бежать, но заметил выходящую на перекресток шеренгу милиционеров в конце квартала позади него.

— Хватайте его! — кричал Корфуа.

За спиной раздался топот сапог по мостовой; находящиеся впереди милиционеры тоже бросились к нему. Он взглянул направо и налево, но там не было ничего, кроме небьющихся стекол витрин магазинов. Сделав мгновенный выбор, Хэл бросился вперед, на шеренгу бегущих навстречу людей в черной форме.

Ему почти удалось прорваться и убежать. Не ожидавшие нападения милиционеры при его стремительном рывке слегка отшатнулись. Ведь они не прошли той выучки, какую прошел он. Потом они кинулись к нему, и Хэл врезался в них. Четверо рухнули на землю, а пятый, заша-

тавшись, еле удержался на ногах. Но время было упущено, и оставшиеся милиционеры сумели подоспеть к концу этой схватки и вцепиться в него, а затем те, кого он только что раскидал, оправившись, стали им помогать. И в этот момент нахлынувший на него прилив энергии вдруг иссяк. Просто их оказалось слишком много. Хэл упал и некоторое время ощущал сыпавшиеся на него удары, правда, не причинявшие ему никакой боли. Но вскоре он перестал их чувствовать.

Глава 32

Когда сознание вернулось к Хэлу, он обнаружил, что лежит на какой-то плоской, жесткой и холодной поверхности, слегка подрагивающей под ним. Секунду спустя он понял, что доносящийся снизу низкий монотонный гул — это звук работающих вентиляторов машины на воздушной подушке. У него ныли руки и ноги, он попробовал пошевелить ими, но не смог. Щиколотки, колени и запястья были накрепко притянуты друг к другу. На мгновение он собрал все свои силы, пытаясь освободиться от того, что их держало, но ничего не вышло. После этого он снова потерял сознание.

Очнувшись во второй раз, Хэл обнаружил, что по-прежнему лежит на спине, но поверхность под ним стала мягче и перестала дрожать, а гула вентиляторов уже не слышно. Светивший прямо ему в глаза яркий свет постепенно делался не таким ярким.

— Так лучше, — произнес звучный, хорошо знакомый голос. — Теперь развяжите его и помогите сесть.

С невероятной осторожностью чьи-то пальцы убрали все то, что удерживало в неподвижности его запястья, колени и щиколотки. Сильные руки подхватили его, придав телу сидячее положение, и подложили под спину какой-то предмет. Он вдруг почувствовал укол в левую руку, но, несмотря на неожиданность этого ощущения, ничем не выдал, что снова пришел в сознание. Однако меньше чем через минуту блаженное ощущение тепла, прилива сил, исчезновения боли и общего недомогания захватило его целиком.

Хэл понял нелепость дальнейшего притворства и открыл глаза. Он увидел, что полулежит на узкой койке в маленькой комнатке с голыми стенами, судя по всему — тюремной камере. В дальнем от койки конце комнаты стояли два человека в милицейской форме. А рядом с койкой возвышался, склонившись над ним, Блейз Аренс.

— Ну вот, Хэл, наконец у нас появилась возможность побеседовать, — мягко произнес он. — Если бы тогда, в Цитадели, ты назвал себя, мы могли бы найти общий язык.

Хэл не отвечал. Теперь, очутившись лицом к лицу с этим Иным, он вновь почувствовал прилив непоколебимой решимости, такой же, как почти четыре года тому назад, когда понял, что не оста-

нется на Абсолютной Энциклопедии. Вспомнив, как Малахия учил его вести себя с врагами, он решил внимательно следить за Блейзом, чтобы, получив необходимую информацию, определить свои дальнейшие действия.

Блейз уселся в кресло рядом с койкой, которая, как только теперь почувствовал Хэл, была достаточно узкой, а положенный на нее тонкий матрас не отличался мягкостью. Только что кресла перед койкой не было, никакого приказания Блейз не отдавал, и Хэл не заметил, чтобы он даже сделал какой-нибудь знак. Но к тому моменту, когда оно Блейзу понадобилось, кресло с мягким сиденьем оказалось в нужном месте.

— Я должен сказать тебе, какие чувства испытываю в связи со смертью твоих учителей, — начал Блейз, поудобнее устраиваясь в кресле. — Я знаю, сейчас ты не настолько мне доверяешь, чтобы поверить моим словам. Но тем не менее знай: в мои намерения никогда не входило причинять какой-либо вред кому бы то ни было в твоем доме. И если бы существовала хоть малейшая возможность предотвратить то, что там случилось, я непременно сделал бы это.

Он умолк, но Хэл по-прежнему ничего не говорил. Блейз слегка улыбнулся печальной

улыбкой.

— Тебе известно, во мне течет и экзотская кровь, — продолжал он. — И я не только не сторонник убийств, я вообще отрицаю всякое насилие и считаю, что для него в принципе не существует никакого оправдания. Поверил бы ты мне, если бы я сказал, что в тот день на террасе из всех троих твоих учителей лишь один повел себя непредсказуемо и застал меня врасплох, поэтому я на короткое время утратил контроль над ситуацией?

Он сделал паузу, и снова Хэл не проронил ни слова.

— Я имею в виду твоего учителя Уолтера и его нападение на меня — поступок, которого я абсолютно не мог предвидеть. И именно этот поступок оказался тем роковым препятствием, которое не позволило мне вовремя вмешаться в действия моих телохранителей.

— Телохранителей? — спросил Хэл настолько слабо и хрипло, что едва узнал свой собственный голос.

— Извини, — кивнул Блейз. — Я понимаю тебя. Но что бы ты ни думал о них, эти ребята должны были в тот день охранять меня.

— От троих стариков, — уточнил Хэл.

— В том числе и от троих стариков, — подтвердил Блейз. — И они оказались не такими уж безобидными, твои старики. Они уложили трех моих охранников из четырех, прежде чем их удалось остановить.

— Убить, — снова уточнил Хэл. Блейз чуть наклонил голову.

— Убить, — произнес он. — Перестрелять, если ты хочешь, чтобы я выразился именно так. Все, о чем я прошу тебя, — это поверить в искренность сказанных мною слов: повторяю, я не хотел кровопролития.

Хэл отвернулся от него и уставился в потолок. Наступило молчание.

— С того момента как твоя нога ступила на принадлежащую мне землю, — наконец прервал его Хэл, — ответственность за все происходящее легла на тебя.

Лекарство, которое они ему ввели, сняло боль и ощущение недомогания, но он продолжал чувствовать ужасную слабость, а свет наверху, даже после того как убавили его яркость, резал ему глаза. Хэл закрыл их и услышал, как Блейз кому-то приказывал:

— Убавьте свет еще немного. Хорошо. Оставьте так.

И пока Хэл Мэйн находится в этой комнате, яркость освещения не должна ни увеличиваться, ни уменьшаться, если только он сам не попросит об этом.

Хэл открыл глаза. Теперь камера погрузилась в приятный полумрак, но под влиянием неослабевающей лихорадки и находящихся в его организме лекарственных препаратов ему почудилось, что Блейз, возвышаясь над ним, продолжает расти подобно башне, устремившейся в бесконечную вышину.

— Разумеется, ты прав, — говорил Блейз, обращаясь теперь к нему. — И все же я хочу, чтобы ты попытался понять мою точку зрения.

— И это все, чего ты хочешь?

Лицо Блейза склонилось к нему с невообразимой высоты.

— Ну конечно же, нет, — мягко ответил он. — Я хочу спасти тебя, и не только ради тебя самого, но и помня о бессмысленной гибели твоих учителей, за которую, как бы там ни было, я чувствую себя ответственным.

— А что подразумевается под этим моим спасением? — Теперь Хэл пристально смотрел в лицо Блейзу.

— Под этим подразумевается, — ответил тот, —

предоставление тебе возможности жить той жизнью, какая предначертана твоим рождением.

— То есть жить как Иной?

— Как Хэл Мэйн, свободно использующий все свои способности.

— Значит, как Иной, — констатировал Хэл.

— Ты сноб, мой юный друг, — сказал Блейз. — Сноб и к тому же еще неосведомленный человек. Неосведомленность — это не твоя вина, но снобизм — полностью твоя. Ты слишком умен, чтобы притворяться, будто веришь в существование закоренелых негодяев. Если бы нас — меня и моих сподвижников — воспринимали именно так, разве позволили бы нам люди на большинстве обитаемых миров взять в свои руки управление ими? А ведь они это сделали.

— Просто у вас хватило на это способностей, — ответил Хэл.

— Нет. — Блейз покачал головой. — Даже если бы все мы были сверхлюдьми или кем-то вроде мутантов, как некоторые предпочитают о нас думать, разве смогла бы столь небольшая группа подчинить себе огромное количество людей, если бы они этого не хотели? А ты, несомненно, слишком хорошо образован, чтобы считать нас

сверхлюдьми или мутантами. Мы всего лишь удачная генетическая комбинация человеческих возможностей, развитых путем обучения и применения специальных упражнений. Ты представляешь собой абсолютно то же самое.

— Нет, я не такой... — На некоторое время Хэл, убаюканный мягким, проникновенным голосом Блейза, забыл о своей ненависти к нему. Но теперь она вновь вспыхнула с удвоенной силой, а мысль о возможности сходства с Блейзом вызвала настоящий приступ отвращения.

— Ну конечно же, такой, — мягко возразил Блейз. Хэл посмотрел мимо него на двух стоящих позади милиционеров. Теперь, когда его глаза привыкли к освещению, он разглядел, что один из них офицер. Всмотревшись повнимательнее, Хэл узнал Барбеджа.

— Все верно, Хэл, — подтвердил, оглянувшись, Блейз. — Ты ведь знаком с капитаном, верно? Это Эмит Барбедж. Пока ты находишься здесь, он отвечает за тебя. А ты, Эмит, помни, что у меня к Хэлу особый интерес. Тебе и твоим людям предстоит забыть о его временных связях с одним из партизанских отрядов. Вы не должны причинять ему никакого вреда ни по каким причинам и ни при каких обстоятельствах. Ты понял меня,

Эмит?

— Я понял, Великий Учитель, — ответил Барбедж, не спуская глаз с Хэла.

— Хорошо, — кивнул Блейз. — А теперь всякий надзор за этой комнатой прекращается до тех пор, пока я не позову вас, чтобы вы выпустили меня отсюда. Так что сейчас вы оба оставьте нас и подождите в коридоре, чтобы мы с Хэлом могли поговорить наедине. Если вы, конечно, не возражаете.

Стоявший рядом с Барбеджем рядовой милиционер встрепенулся, сделал полшага вперед и открыл было рот. Но в этот момент Барбедж крепко схватил своего подчиненного за руку. Хэл заметил, как глубоко впились пальцы Барбеджа в его рукав. Тот молча замер на месте.

— Не беспокойся, — сказал, обращаясь к нему Блейз. — Со мной ровным счетом ничего не случится. Ну а теперь идите.

Они вышли. Дверь за ними закрылась, мягко щелкнул замок.

— Видишь, они ничего не понимают. — Блейз повернулся к Хэлу. — Но разве можно от них этого ожидать. С их точки прения, если кто-то становится на твоем пути, то его — или ее — следует убрать. Мы сами по себе в нашем противостоянии

не так уж важны, но как центры сосредоточения огромных сил, да еще в такой ситуации, когда именно эти силы становятся главным фактором... Все это лежит за пределами их понимания. Но разумеется, и ты и я должны понимать такие вещи... и, разумеется, друг друга.

— Нет. — Хэл хотел сказать еще и многое другое, но вдруг почувствовал, что силы оставили его, и только еще раз повторил: — Нет.

— Да, — возразил Блейз, глядя на него с высоты. — Да. Боюсь, мне придется на этом настаивать. Рано или поздно, но в любом случае ты должен понять истинное положение вещей, и для твоего же блага лучше, если это произойдет раньше, а не позже.

Хэл снова принялся рассматривать потолок. Голос Блейза доносился до его слуха, словно звучание мелодичного фагота.

— Побудительной причиной любых практических действий является их необходимость в суровой действительности, — продолжал поучать Блейз. — И то, что делаем мы — те, кого вы называете Иными, — продиктовано тем, кто мы есть, и той ситуацией, в которой мы находимся. А эта ситуация охватывает в прямом смысле слова миллионы простых людей, и их дальнейшая

жизнь может обернуться или раем, или адом. Или — или, третьего не дано. Поэтому выбор предстоит каждому. И если мы упустим возможность выбрать рай, то неизбежно окажемся в аду.

— Я не верю тебе, — произнес Хэл. — Нет никаких причин для того, чтобы все происходило именно так.

— О нет, мой мальчик, — мягко возразил Блейз. — Такие причины существуют. Несмотря на наши врожденные индивидуальные способности, приобретенные навыки и взаимную поддержку, мы продолжаем оставаться всего лишь человеческими существами, такими же, как и миллионы людей вокруг нас. Без дружеской поддержки и без средств к существованию мы можем голодать, как и все остальные. Наши кости ломаются и мы заболеваем так же легко, как простые смертные. Если нас убивают, мы непременно умираем. Позаботясь о себе, мы можем прожить дольше отпущенного обыкновенному человеку срока, но ненамного. Нам свойственны естественные духовные потребности — в любви, в общении с теми, кто мыслит и рассуждает на одном с нами языке. Но если бы мы предпочли не придавать значения нашим особенностям и стали мерить себя по скудным

меркам большинства окружающих нас людей, то прожили бы несчастную жизнь, и возможно — даже, пожалуй, наверняка, — никому из нас никогда бы не посчастливилось встретить подобную себе человеческую личность. Никто из нас не выбирал своей судьбы — быть таким, каков он есть, — но все мы, как и любой другой человек, имеем неотъемлемое право строить свою жизнь наилучшим для себя образом.

— За счет миллионов людей, о которых ты упоминал, — сказал Хэл.

— Ну и какова цена? — Голос Блейза стал еще ниже. — Один Иной, рождающийся на миллион обычных, — очень легкое бремя, если разложить на каждого из этих людей. Но взгляни на ситуацию с противоположной стороны. Во что обходится она каждому Иному, вынужденному, только ради того, чтобы приспособиться к окружающим его людским массам, вести замкнутый образ жизни, изо дня в день пребывая в атмосфере непонимания и предубежденности? И в то же самое время его уникальное могущество и таланты позволяют тем самым личностям, которые отворачиваются от него, пожинать плоды его трудов. Разве это справедливо? Взгляни на интеллектуальных гигантов прошлого, оставив-

ших о себе память на бесчисленных страницах истории. Этим людям, мужчинам и женщинам, продвигавшим цивилизацию вперед, приходилось бороться за свое выживание среди тех, кто обладал более низким уровнем развития, инстинктивно не доверял им и остерегался их. Им, гигантам, приходилось изо дня в день таиться от окружающих, стараясь не проявлять свою непохожесть на них, чтобы не вызывать у этих заурядных людей чувства безотчетного страха. Испокон веков человеческое существо, отличающееся от себе подобных, подвергалось постоянной опасности. И если существует выбор: или множество людей с легкостью несут вместе на своих плечах одного человека, или этот один человек, пусть обладающий гораздо большим могуществом, чем любой из них, должен, сгибаясь под тяжестью непосильного бремени, тащить за собой все это множество, то какой из двух вариантов является более справедливым?

Голова Хэла, под действием лихорадки и введенных ему препаратов, странно кружилась. Зрительный образ притаившегося гиганта предстал в его сознании как некий гротеск.

— А зачем таиться? — спросил он.

— Зачем таиться? — Высоко над ним плыло

смеющееся лицо Блейза. — Спроси сам себя об этом. Сколько тебе сейчас лет?

— Двадцать, — ответил Хэл.

— Двадцать, и ты все еще задаешь этот вопрос? С течением времени, становясь старше, разве ты не начал ощущать свою изолированность, отстраненность от всех, кто тебя окружает? Разве не приходилось тебе в последнее время все чаще и чаще вмешиваться в ход событий, принимая решения, касающиеся не только тебя, но и тех, кто находится рядом с тобой и кто не способен сам принимать подобные решения? Постепенно, но неуклонно брать на себя ответственность за происходящее, оказываясь в положении, когда только ты один понимаешь, что необходимо в данный момент для блага всех окружающих, и делать это необходимое?

Блейз замолчал.

— Я уверен, ты понимаешь, о чем я говорю, — продолжал он после паузы. — Сначала ты просто пытаешься посоветовать им, потому что не веришь — не хочешь поверить, — что сами они настолько беспомощны. Однако постепенно ты убеждаешься, что они, будучи способными совершать нужные действия по твоим постоянным подсказкам, сами никогда не бывают в состоянии

правильно оценить обстановку и в каждом конкретном случае самостоятельно делать именно то, что требуется. В конце концов тебе это надоедает, и ты просто берешь руководство в свои руки. Ты начинаешь направлять события в правильное русло даже без их ведома и понимания, и эти недалекие люди искренне считают, что все происходит естественным путем.

Блейз снова сделал паузу. Хэл, с трудом воспринимая происходящее, молча смотрел на него.

— Да, ты понимаешь, о чем я говорю, — повторил Блейз. — Ты уже столкнулся с этим и начал чувствовать ширину и глубину пропасти, отделяющей тебя от остального человечества. И поверь мне, что твое нынешнее ощущение с течением времени станет еще более сильным и глубоким. И опыт, обогащающий твой более развитый и восприимчивый ум с такой быстротой, какую они даже не могут себе представить, будет все больше увеличивать эту пропасть, лежащую между тобой и ими. Разумеется, ты испытаешь горькое сожаление о столь глубоком расхождении, но изменить ничего не сможешь. Нельзя вложить в них то, чего они никогда не сумеют воспринять, так же как обезьяны никогда не сумеют оценить великих произведений искусства.

В конце концов, чтобы унять свою внутреннюю боль, о которой они даже не подозревают, ты оборвешь последние духовные связи с ними и предпочтешь жизнь в молчании, пустоте и покое — это позволит тебе оставаться таким, какой ты есть, — единственным в своем роде и обреченным на вечное одиночество.

Очевидно, Блейз сказал все, что хотел.

— Нет, — произнес через некоторое время Хэл. Он испытывал чувство отрешенности, как человек, находящийся под воздействием сильных успокаивающих средств. — По такому пути я не смогу пойти.

— Тогда ты умрешь, — сообщил Блейз бесстрастным тоном. — В итоге ты, как и подобные нам люди в прошлые века, позволишь им убить себя, просто прекратив предпринимать постоянные усилия, необходимые, чтобы защищаться от них. И тогда все уйдет в песок — и то, чем ты был, и то, чем ты мог бы стать.

— Значит, так оно и будет, — сказал Хэл. — Я не могу стать таким, как ты говоришь.

— Возможно. — Блейз поднялся, кресло уплыло от него назад. — Но ты подожди немного, подумай. Жажда жизни сильнее, чем тебе кажется.

Он возвышался над койкой, глядя сверху вниз

на Хэла.

— Я уже говорил тебе, в моих жилах течет и экзотская кровь. Ты думаешь, я не бунтовал, когда впервые узнал, что собой представляю? Не отвергал того существования, на которое меня обрекало одно лишь мое происхождение? Не говорил сам себе поначалу, что скорее предпочту существование затворника, чем воспользуюсь своими способностями в целях, которые я считал тогда аморальными? Подобно тебе, я был готов платить любую цену, лишь бы окружающие не воспринимали меня как бога. Одна лишь мысль об этом вызывала у меня такое же отвращение, какое вызывает сейчас у тебя. Но потом я сумел понять, что, став одним из руководителей, принесу людям не зло, а добро. Ты тоже поймешь это — в конце концов.

Блейз повернулся и подошел к двери камеры.

— Открывайте! — крикнул он в коридор сквозь решетку.

— В данный момент совершенно не важно, — он снова повернулся к Хэлу; в коридоре за дверью послышался нарастающий звук шагов, — какой выбор ты, по твоему мнению, сделал для себя окончательно. Неизбежно наступит день, когда тебе станет ясно, насколько неразумно ты сейчас

поступил, предпочтя остаться здесь, в этой камере, под надзором тех, кто в сравнении с тобой лишь незначительно превосходит уровень цивилизованных животных. В том, на что ты сейчас сам себя обрекаешь, нет абсолютно никакой необходимости.

Блейз помолчал.

— Но это твой выбор, — продолжал он. — Поступай так, как считаешь нужным, пока не начнешь видеть все в правильном свете. А когда это произойдет, от тебя потребуется только одно. Скажи своим стражникам, что ты намерен обдумать то, что услышал от меня. И тебя приведут ко мне, туда, где ты найдешь уют, свободу и дневной свет, где у тебя окажется достаточно времени, чтобы привести свои мысли в порядок в располагающей к этому обстановке. Необходимость заниматься нынешним уединенным самобичеванием целиком представляет собой плод твоего собственного ума. И тем не менее я не лишаю тебя возможности предаваться этому занятию, в надежде, что вскоре тебя посетят гораздо более трезвые мысли.

Барбедж и его подчиненный уже были у двери камеры. Они открыли и распахнули ее. Блейз вышел, и дверь за ним захлопнулась. Хэл остался

лежать один, в полной тишине.

Глава 33

Обессилевший, Хэл провалился в тяжелый сон без сновидений. Когда он снова пришел в себя, его колотил сильнейший озноб, волнами накатывающийся на него, словно порывы осенней бури на одинокий, прильнувший к дереву увядший листок.

Внутри камеры ничто не изменилось. С потолка лился все тот же неяркий свет. За запертой дверью в коридоре стояла мертвая тишина. С усилием приподнявшись в прежнее полусидячее положение, Хэл увидел сложенное в ногах постели тонкое одеяло, дотянулся до него дрожащей рукой, схватил и закутался в него до самого подбородка.

Ощущение того, что он чем-то укрылся, успокоило его на некоторое время, и он опять начал погружаться в забытье. Но тонкое одеяло, едва ли толще надетой на нем рубашки, почти не согревало, и озноб продолжал трясти его, как собака пойманную крысу. Хэл плотнее укутался одеялом и попытался подчинить своей воле дрожащее тело, направив все внимание на точку, неимо-

верно удаленную в его сознании, и постаравшись полностью сосредоточиться на ней.

Прошло несколько минут, а ему все еще не удавалось осуществить свое намерение. Чтобы установить контроль сознания над телом, требовалась энергия, которой его измученному организму уже не хватало. Однако постепенно он начал одерживать победу над самим собой. Дрожь утихала, напряжение в мышцах спадало, все тело успокаивалось.

Хэл чувствовал, что его плоть по-прежнему стремится реагировать на пронизывающий до костей холод. Но теперь он уже был в состоянии контролировать это стремление и мог думать. Хэл открыл рот, чтобы заговорить, но вместо слов услышал лишь собственный хрип. Затем ему удалось прочистить горло, сделать глубокий вдох и громко крикнуть.

— Здесь холодно! Включите обогрев!

Никакого ответа.

Он крикнул снова. И снова не последовало никакой реакции; температура в камере оставалась прежней.

Хэл лежал, вслушиваясь в тишину, и у него в памяти всплыло приказание Блейза прекратить надзор за камерой до тех пор, пока он не позовет

охранников, чтобы его выпустили. Значит, когда Блейз ушел, надзор за камерой наверняка возобновили, и, следовательно, кричать вовсе незачем. Сейчас его обязательно кто-нибудь слышит, а возможно, и наблюдает за ним.

Он постарался завернуться поплотнее в одеяло, вынужденный преодолевать стремление своего тела снова поддаться ознобу, и устремил взгляд в потолок.

— Я знаю, вы слышите меня, — заговорил он спокойным голосом, что стоило ему немалых усилий. — Блейз Аренс приказал вам не причинять мне вреда, а здесь я могу умереть от холода. Включите обогрев. Иначе я расскажу ему об этом при нашей следующей встрече.

Он ждал.

По-прежнему никто не отвечал и не приходил. Он хотел было уже снова повторить свое обращение, но потом подумал, что если на приставленных к нему охранников его слова не подействовали, то повторять их не имеет смысла, а если подействовали, то повторение только ослабит впечатление от его угрозы.

Минут через десять он услышал шаги в коридоре. Перед решеткой двери появилась сухощавая прямая фигура в черной форме. Щелкнул замок,

дверь открылась, и охранник вошел внутрь. Подняв глаза, Хэл увидел угловатое и угрюмое, словно высеченное из гранита, лицо Эмита Барбеджа.

— Лучше, если ты будешь знать, — произнес Барбедж. Его голос звучал как-то странно тихо, словно он говорил во сне. Хэл пристально смотрел на него.

— Да, я скажу тебе, — повторил Барбедж. В полумраке камеры его глаза сверкали, как два отполированных кусочка антрацита.

— Я знаю тебя, — медленно проговорил он, глядя сверху вниз, и каждое его слово падало, словно капля ледяной воды, остужая разгоряченный мозг Хэла.

— Ты одной крови с теми демонами, что грядут перед Армагеддоном, который теперь уже близок. Да, я вижу твое подлинное обличье, хотя некоторые не видят. Вижу и твои стальные челюсти, и твою голову, похожую на голову огромного отвратительного пса. Коварное чудовище, ты притворился тогда, что спасаешь мою жизнь от этого богоотступника, Сына Гнева, намеревавшегося пристрелить меня на перевале. Ты хотел, чтобы я чувствовал себя твоим должником и ты мог бы совратить меня, когда наконец окажешься, как сейчас, в руках Избранных Господа.

Его голос зазвучал немного резче, но в то же время оставался негромким и бесстрастным.

— Но я принадлежу к Избранным, и твое коварство бессильно против меня. Великий Учитель приказал мне следить, чтобы тебе никто ничего не сделал. Ничего тебе не сделаю и я. Но он не говорил о том, что нужно что-то делать для тебя. Таких, как ты, вечно пребывающих в богохульстве и грехе, незачем окружать заботой и нежить. Поэтому ты можешь звать сколько хочешь, никто не придет к тебе и не отзовется. Температура в камере сейчас такая же, какой была, когда тебя доставили в нее. Никто ее не менял и не станет менять. Если ты захочешь, свет можно убавить или прибавить, но все остальное останется прежним, сколько бы ты ни просил. Так что лежи как есть, смердячий пес сатаны.

Он повернулся и вышел. Дверь за ним захлопнулась, щелкнул замок. Хэл снова остался один.

Он лежал неподвижно, стараясь сдерживать озноб, и мало-помалу необходимое для этого усилие становилось все меньше. И не столько благодаря тому, что организм стал лучше подчиняться его воле, сколько из-за того, что у него снова начал подниматься жар и температура тела стала расти. Когда он согрелся, необходимость

контролировать рефлексы ослабла, и он опять погрузился в сон.

Но сон этот был беспокойным, неглубоким Внезапно проснувшись, Хэл почувствовал боль и сухость в горле, казалось, стоит только попытаться глотнуть, и в нем появится трещина. Его мучила такая сильная жажда, что он сумел, собрав все свои силы, сползти с койки и встать на ноги. Шатаясь, добрел до умывальника, вделанного в стену рядом с унитазом, открыл кран и, наклонив голову, стал жадными глотками ловить ледяную струю воды.

Но, сделав всего несколько глотков, он обнаружил, что не может больше пить. Уже проглоченная вода, похоже, заполнила всю глотку и угрожала вызвать приступ тошноты. Добравшись до постели, Хэл рухнул на нее и мгновенно заснул — чтобы снова проснуться, как ему показалось, через несколько минут. И та же безумная жажда снова подняла его и погнала к крану.

Опять он проделал на подгибающихся ногах нелегкий путь к умывальнику; и опять после нескольких глотков как будто бы весь наполнился водой. Вернувшись к койке, Хэл почувствовал, что теряет последние силы.

И тогда, дергая и толкая койку рывками то в

одну, то в другую сторону, словно муравей, пытающийся сдвинуть с места мертвого жука во много раз тяжелее себя, он сумел в конце концов поставить ее рядом с умывальником и, свалившись на постель, тут же уснул.

Через какое-то не поддающееся определению время — казалось, всего через несколько секунд, но на самом деле времени могло пройти и гораздо больше — он проснулся, утолил жажду и забылся в тревожном сне.

С этого момента началась критическая стадия болезни, в которой ритм его существования задавался периодичностью сна. Хэл просыпался, пил и проваливался в сон, просыпался опять, чтобы напиться и заснуть... И так снова и снова. А вокруг него стояла мертвая тишина, с потолка струился слабый свет, в безмолвном коридоре за дверью не появлялись охранники, там вообще ничего не происходило.

Хэл понимал, что еще никогда в жизни болезнь не вцеплялась в него с такой яростью, как теперь, и где-то в глубине его сознания возникло незнакомое до сих пор чувство тревоги. Периоды горячки чередовались с периодами сильнейшего озноба, при этом жар с каждым разом держался все дольше. Мало-помалу болезнь полностью овладела

им: ощущение леденящего холода, сопровождающееся сильнейшей дрожью, сменялось жаром с нестерпимой головной болью и мучительной жаждой, во время которой горло пропускало внутрь лишь несколько глотков воды; за периодами такого полубредового бодрствования следовали моменты тяжелого, раздираемого кошмарами сна.

Хэл чувствовал, что инфекция одерживает верх над его жизненными силами. Приступы озноба в конце концов полностью уступили место бредовому состоянию, которое можно было бы даже считать приятным по сравнению с прежними ощущениями, если бы оно не таило в себе угрозу. Он понимал, что это признак тяжелой формы лихорадки, но насколько тяжелой, он судить не мог. Головные боли временами ослабевали, но дышать становилось все труднее, как будто нижнюю часть грудной клетки постепенно заполняло какое-то плотное вещество, оставляя свободным для вдыхаемого воздуха только небольшое пространство, там, где расположены самые верхушки легких. Тогда Хэл занял сидячее положение, несколько облегчающее процесс дыхания, и приблизительно в это же время он вовсе перестал спать. Время тянулось бесконечно, и

перед решетчатой дверью камеры по-прежнему никто не появлялся.

Хэл впервые вспомнил о приобретенном на Коби шахтерском хронометре, который ему возвратили в числе прочих личных вещей, когда вместе с Джейсоном Роу выпускали из Управления милиции в Цитадели, после того как дни выслушали обращение Блейза. Во время своего пребывания в партизанском отряде Хэл постоянно носил этот хронометр на запястье. Он инстинктивно взглянул на левую руку и с некоторым удивлением обнаружил, что на этот раз хронометр у него не отобрали.

Цифры на внешнем кольце, светящиеся на фоне металлического циферблата, словно огненные магические знаки, сообщали ему, что где-то на Гармонии, за пределами этой камеры, сейчас одиннадцать часов двадцать три минуты вечера.

Хэл не знал, сколько времени прошло с тех пор, как его заперли здесь. Но наверное, приблизительно это определить можно. Напрягая горящий в лихорадке мозг, он вспомнил, что на терминале космопорта его схватили, когда полдень еще не наступил. Вряд ли он находился здесь меньше одного полного календарного дня, составляющего на Гармонии двадцать три целых и шестнадцать

сотых стандартного межзвездного часа. Значит, от того полудня до полудня следующего дня, плюс время, необходимое, чтобы почти наступила полночь этого второго дня, что составляет в целом полтора дня с того момента, как его привезли сюда. Порывшись в карманах, он обнаружил в них все, что там находилось в момент его ареста, но среди этих вещей не оказалось ничего, чем можно было бы делать отметки на поверхности находящейся за ним окрашенной стены. В конце концов ему удалось металлическим корпусом часов процарапать вертикальную черточку под умывальником, в том месте, где падающая от него на стену тень скрывала царапину от посторонних глаз.

За все время его пребывания здесь ему еще ни разу не приносили еду. Но чувство голода его не беспокоило. Под действием жара лихорадки его желудок съежился, словно сжатый кулак. Хэл продолжал постоянно испытывать только жажду, но, как и прежде, мог сделать только один-два глотка подряд. Сейчас больше всего на свете ему хотелось дышать легко и свободно, набирая полные легкие воздуха. Но организм отказывал ему в этом.

Затруднения с дыханием начали пробуждать

в нем все инстинкты самосохранения; разум напрягался и бился в поисках выхода. Хэл сидел, прислонившись спиной к стене камеры, хватая ртом воздух, находясь в состоянии почти полной физической неподвижности и одновременно тревожного умственного возбуждения, а все его тело пыталось бороться с угрожающим ему постепенным удушьем.

Хэл не мог надеяться на чью-либо помощь. Барбедж заверил его, что никто к нему не придет, и, очевидно, так оно и будет, если только он сам не попросит о новой встрече с Блейзом. Барбедж ждет смерти своего пленника и делает все возможное, чтобы ее ускорить. Если его нынешнее состояние будет продолжать ухудшаться, то, предоставленный самому себе, он в конце концов должен умереть.

Теперь эта перспектива предстала перед ним во всей реальности, и он больше не мог отрицать подобный исход. До этого момента Хэл скорее мог вообразить гибель Вселенной, чем свою собственную смерть. Теперь же приближение собственного конца он ощущал почти так же, как и холод стены этой камеры. Возможно, ему осталось жить всего несколько часов, если только какое-нибудь чудо не сумеет его спасти.

Его возбужденный ум не хотел смириться с неизбежностью такой участи, он судорожно искал выхода, подобно животному, диким галопом скачущему круг за кругом вдоль кольцевой стены скотобойни в поисках какого-нибудь проема, который открыл бы ему путь к свободе и к жизни. Где-то глубоко и очень далеко в своем сознании он впервые в жизни ощутил мертвенное, холодное прикосновение настоящей паники, словно уловил едва слышный звук трубы, возвещающий о приближении врага. Хэл попытался, используя метод, частично основанный на самогипнозе, призвать на помощь призраки трех своих учителей, так же как он сделал это, находясь на Абсолютной Энциклопедии? Но у него ничего не вышло, и тогда волна паники на какое-то мгновение захлестнула его целиком. А затем ей на смену пришло холодное, рассудочное понимание того, что в любом случае сейчас никто не сможет ему помочь, кроме него самого. За те годы, что прошли после смерти его учителей, он приобрел опыт и знания, которых у него не было прежде, и теперь он должен суметь применить эти знания и этот опыт для собственного спасения.

Эти несколько секунд логического осмысления сложившегося положения успокоили и укрепи-

ли его. Хэл заставил себя выпрямиться, крепче оперся спиной о стену и принялся обстоятельно обдумывать свое положение. Но лихорадка по-прежнему действовала на него наподобие опьянения, удерживая на грани потери сознания, поэтому, несмотря на все его усилия, мысли путались и отдалялись от предмета размышлений.

Внезапно он уснул, сохранив во сне остроту всех своих ощущений. Ему снилось, что он снова очутился на горном склоне, где укрылся в своем воображении, когда Блейз, не сумевший опознать его среди стоящих перед ним людей, задержанных милицией, пытался, используя свои уникальные способности, превратить их всех в последователей Иных.

Но в этом сне он видел, что лежит на спине, распластанный на гранитной плите, притянутый к ней оковами, а сверху на него непрерывно льет дождь, под ледяными струями которого он уже продрог до самых костей...

Он заставил себя проснуться и обнаружил, что все его тело снова дрожит в сильном ознобе и что холод действительно пробрал его до самых костей, а тонкое одеяло с него сползло. Он поспешно натянул его на себя и лег, сжавшись в комок и тяжело дыша после только что предпринятого

усилия. Он долго, как ему показалось, боролся с одышкой и с сотрясавшим его приступом озноба, до тех пор пока жар не начал снова подниматься вдоль его тела вверх и он вдруг снова не погрузился в сон, вернувший его в совсем недавнее прошлое, когда Блейз стоял, возвышаясь над ним здесь, в камере.

— ...Разумеется, ты прав, — услышал он снова его слова. — И все же я хочу, чтобы ты попытался понять мою точку зрения...

Как и тогда, огромная, вздымающаяся ввысь фигура Блейза нависала над ним. Но из очень далекого прошлого послышался тихий голос Уолтера, как когда-то он читал Хэлу «Потерянный рай» Мильтона[16].

Вот что говорил сатана:

«...Обрел свое пространство и создать
В себе из Рая — Ад и Рай из Ада
Он может. Где б я ни был, все равно
Собой останусь, — и в этом не слабей
Того, кто умом первенство снискал».

---

[16] Примечания: 16

Мильтон (Milton) Джон (1607-1674 гг.) — английский поэт и политический деятель. Поборник суверенитета английской республики, противник феодальной реакции. В своих произведениях ставил вопрос о праве человека преступать освященную богословием мораль.

Уолтер смолк, а Блейз по-прежнему продолжал говорить о предназначении Иных. Его глубокий голос эхом отдавался в безграничном пространстве лихорадочного сна Хэла, а затем стал удаляться, многократно отражаясь от невидимых преград, и вскоре уже напоминал отдаленные раскаты грома в горах, поглотившие звуки произносимых им слов. Вдруг Хэл увидел себя у кромки берега озера в имении. Прячась за кустами, он глядит сквозь ветви на террасу своего дома, где три так хорошо знакомые ему фигуры вдруг одновременно рванулись со своих мест... и упали.

А вот он на Коби. Он снова лежит на койке в своей маленькой комнатке шахтерского барака, в ту свою первую ночь на шахте Яу Ди, чувствуя именно то, о чем говорил Блейз: свое отличие и свою изолированность от всех остальных, спящих и бодрствующих вокруг него в стенах этого неуютного барака. И эти ощущения знакомы ему, он испытывал их задолго до появления Блейза или любого другого Иного...

Неожиданно Хэл снова оказался на Гармонии, в своем сне о каменистой равнине и стоящей очень далеко высокой башне, к которой он медленно шел пешком. И эту равнину он тоже знал из своего прошлого, видел ее где-то. Теперь он

медленно, с трудом двигался к этой башне, но, несмотря на все его усилия, кажется, совсем не приближался к ней. И только убежденность в том, что в конце концов он должен дойти до этой башни, как бы далеко она ни находилась и каким бы трудным ни был к ней путь, поддерживала его на этом пути.

Проснувшись, он тут же заснул снова и в новом своем сне продолжал оставаться на Гармонии, но теперь уже в совершенно мокром лесу, среди бредущих из последних сил бойцов партизанского отряда, спасающегося от неотступно преследующих его милиционеров Барбеджа. А вот он прощается с Иаковом.

— ...Как твое настоящее имя? — снова спрашивал Иаков, повернув к нему голову.

— Хэл Мэйн.

— ...Благословляю тебя во имя Господа, Хэл Мэйн. Передай всем остальным, что я благословляю Рух Тамани и ее отряд, а также всех, кто сражается или станет сражаться под Божьим знаменем. Теперь иди. Позаботься о тех, чье благополучие зависит от тебя.

...Окончательно проснувшись в своей безмолвной камере, Хэл увидел, что по-прежнему находится в ее стенах.

Глава 34

Да, все осталось без изменений. Но где-то глубоко внутри у него появилась уверенность, что он начал движение к какой-то пока еще не вполне определенной цели. Только что увиденные сны обогатили его, он почерпнул из них нечто новое, до сих пор остававшееся для него недоступным. Хэл ощутил почти полное разделение собственной личности на две части. Одна из них, та, из которой он постепенно высвобождался, представляла собой его страдающее тело, проигрывающее — теперь он ясно и со спокойствием это понимал — схватку за жизнь, по мере того как температура поднималась, а легкие постепенно закупоривались. Другая была сознанием, к которому он теперь подступился ближе, благодаря тому что обычные прочные связи между этой другой частью и ощущениями и инстинктами тела резко ослабевали под воздействием пламени борьбы последнего за свое дальнейшее существование. Сознание и само теперь горело, причем так ярко, что добавляло жару тому пламени.

Именно эта яркость высветила то, что прежде

было скрыто от него. Он действительно в конце концов взял дело в свои руки. Он обманул Рух, не посвятив ее в свой истинный замысел, так как не рассчитывал на ее согласие. Она наверняка не разрешила бы убрать из отряда всех ослов и все взрывчатые материалы, чтобы бойцы смогли рассыпаться и таким образом сохранить себе жизнь, а взрывчатые материалы передать какому-нибудь человеку, который смог бы укрыть их в надежном месте. Хэл предпочел сделать это, ни с кем не советуясь, самовольно принял решение, касающееся всех, и единолично взял на себя всю ответственность за его последствия. Но он сделал это с определенной целью. И эта цель лежала за пределами его личных интересов.

Здесь-то и заключалось все отличие от тех мотивов, которыми Блейз пытался обосновать подобные действия. Ибо Блейз говорил о принятии на себя решений и взятии в свои руки власти более могущественной личностью в одиночку с целью собственного выживания и благополучия. В словах предводителя Иных содержался очевидный намек на то, что другой достойной цели для таких поступков не может и быть. Но он заблуждался. Потому что в действительности существует гораздо более высокая цель — сохра-

нить человечество, обеспечить ему возможность развиваться и процветать. Эта цель олицетворяет собой жизнь, тогда как цель Блейза — лишь короткое мгновение личного удовлетворения, после которого наступает неизбежная смерть, не оставляющая за собой никакого следа в материи Вселенной.

Путь всех тех, с кем Хэл когда-либо сближался, всегда вел к какой-либо большой цели. Малахия, Уолтер и Авдий умерли за то, чтобы сохранить жизнь Хэлу, и, возможно, за то, чтобы он пришел к этому столь важному для него моменту. У бойцов из отряда Рух тоже была цель, которую они воспринимали настолько горячо, что у них даже не возникало мысли усомниться в ней, несмотря на то что они не очень ясно представляли себе ее конкретное воплощение. Там Олин потратил долгие годы своей жизни, опекая тот великий инструмент, каким в один прекрасный день должна стать Энциклопедия для всего человечества. И он сам, Хэл Мэйн, руководствовался аналогичной целью; хотя, как и для партизан, для него ее точное содержание до сих пор тоже оставалось не вполне ясным.

У Хэла возникло сильное ощущение, что сейчас он вплотную приблизился к тому, что все

время искал. Перед этим ощущением отступили все страдания, и даже приближающаяся смерть его тела потеряла свою значимость. В воздухе тюремной камеры ощущалось присутствие победы; и, зная наконец, что она здесь, рядом, Хэл прокладывал к ней путь, используя в качестве инструмента свои сны и стихи. Он предвидел, что именно эти инструменты смогут в конце концов привести к той далекой башне из сна, которая с самого начала была и его целью, и целью всего человечества. Эти инструменты только ждали того, чтобы он превратил их в осознанную реальность из категорий воспоминаний и видений.

Хэл позволил сознанию расстаться с измученным телом, борющимся за сохранение пока еще доступного ему скудного дыхания, и дал свободу своим ощущениям.

Он снова впал в сонное состояние. Но на этот раз его привела к нему путеводная нить цели.

...Хэл увидел лицо молодого человека на фоне голубого летнего неба Старой Земли. Лицо принадлежало экзоту — он учился у Уолтера, когда тот еще преподавал на своей родной Маре. Теперь бывший ученик вырос и уже сам учил других. Худощавый и стройный, одетый в темно-коричневый хитон, он стоял рядом с Хэлом в лесу,

недалеко от берега озера. Они оба наблюдали за тем, как у них под ногами деловито суетились муравьи.

— ...С одной стороны, все их сообщество, — говорил Хэлу гость Уолтера, — можно рассматривать как единый организм, то есть весь муравейник или пчелиный рой считать эквивалентом одного живого существа. Тогда каждая отдельная особь — муравей или пчела — просто частица такого организма. Так же как для тебя, например, ноготь на пальце руки, — разумеется, он нужен, но при необходимости ты смог бы без него легко обойтись, а кроме того, твой организм способен вырастить вместо утраченного ногтя новый.

— Пчелы и муравьи? — переспросил Хэл, глядя на него как зачарованный. Образ одного живого существа пробудил в его сознании что-то наподобие воспоминания. — А люди?

Молодой учитель улыбнулся.

— Люди — это индивидуумы. Ты — индивидуум, — ответил он. — Ты не обязан делать то, что намеревается делать весь муравейник или весь пчелиный рой как единое целое. У них нет выбора, а у тебя есть. Ты можешь принимать собственные решения и свободно их осуществлять.

— Да, но... — Услышанное взбудоражило Хэла,

внезапно пробудило мысль, сразу захватившую его целиком. Правда, в свои восемь лет он еще не в состоянии был четко сформулировать ее и выразить словами. — Индивидуум не обязан делать то, чего хотят от него другие, если только их желание не совпадает с его собственным. Это я знаю. Но можно представить себе нечто такое, что известно всем людям, а потом каждый определяет к этому свое личное отношение. Ведь это одно и то же, да?

Экзот снова улыбнулся.

— Я думаю, то, о чем ты говоришь, — это своеобразный обмен мыслями. О такой возможности спорят уже не одно столетие, ей придумано много различных названий; одно из них — телепатия. Однако все опыты, которые нам удалось провести, показывают, что в лучшем случае телепатия представляет собой случайное неуправляемое явление, связанное с деятельностью подсознания, и его невозможно вызывать и использовать по своему желанию. Большинству людей она вообще несвойственна.

Они отошли от муравейника и пошли осматривать другие достопримечательности поместья. Позже Хэл случайно услышал, как во время беседы бывший ученик сказал Уолтеру:

— По-моему, он очень смышленый мальчик.

Что ответил ему на это Уолтер, Хэл не расслышал. Но его сильно взволновал комплимент, заключенный в этих словах. Ни один из трех его учителей никогда так о нем не отзывался. Но впоследствии чем больше он размышлял об этом случае из своего детства, тем больше крепла в нем уверенность, что его вопрос не возник внезапно, в тот самый момент, а нашелся готовым в той части его сознания, с которой он тогда еще не был знаком. И, пережив заново с волнением этот случай теперь, через много лет, он из своего сна о давнем госте опять перенесся в реальность тюремной камеры.

Эти до сих пор недоступные ему пласты могли отложиться там очень давно, за пределами того времени, к которому способна прикоснуться его сознательная память. Возможно, они в какой-то степени окутаны мраком тайны, касающейся его самого: кто он и откуда явился.

Вслед за этой мыслью пришла другая: подсознание может знать то, чего не знает сознание. В нем должны оставить свой след и события, случившиеся прежде, чем он достиг того возраста, когда уже мог осознанно наблюдать за тем, что происходит вокруг него. Возможно, там хранятся

сведения и о том, как все было на курьерском космическом корабле устаревшей конструкции, где его нашли еще ребенком. Он закрыл глаза и прижался спиной к холодной стене камеры, стремясь вновь избавиться от ощущения своего тела и получить возможность заглянуть в прошлое, предшествующее временам, запечатлевшимся в его памяти...

Но картина, появившаяся в конце концов в результате предпринятых им усилий в его воображении и представлявшая собой наполовину сон, наполовину возникшую вследствие самогипноза галлюцинацию, разочаровала его. Он смог увидеть нечто, весьма напоминающее помещение на корабле, но основную его часть или окутывал полумрак, или она находилась как бы не в фокусе. Отдельные места — кресло пилота, какие-то лампы, горящие ровным светом на пульте управления над ним, — были видны резко и отчетливо, так, как они запечатлелись в детском сознании. Но все остальное терялось где-то вдали или расплывалось до такой степени, что становилось неузнаваемым. Однако Хэл осознал, что видит перед собой помещение, в котором объединены функции главного салона и кабины управления того корабля, где его нашли.

Но кроме данного факта, он не смог почерпнуть из этой картины ничего, что помогло бы найти ответ на мучивший его вопрос.

Хэл почувствовал острое разочарование, граничащее с гневом. В течение всей сознательной жизни он стремился выяснить свое происхождение, придумывая тысячи фантастических историй на эту тему. Теперь же словно какая-то сила намеренно не дает ему сделать это открытие в тот самый момент, когда он, как ему казалось, уже коснулся его кончиками пальцев. В расстройстве он устремил свои мысли в самые удаленные уголки подсознания со всей яростью человека, бегущего по пустынным коридорам, неистово колотящего кулаками в одну запертую дверь за другой и нигде не получающего никакого ответа. Но он все-таки сумел проникнуть за одну из таких дверей и внезапно очутился перед преградой, существование которой явилось для него полной неожиданностью.

Его воображение представило ему массивную круглую металлическую дверь, подобную тем, что устанавливают в сейфах. Это было искусственной преградой, и ему стало совершенно ясно, что ее воздвиг некто, гораздо более могущественный, чем его теперешнее «я», и поэтому

следовало оставить всякие надежды прорваться сквозь нее силой. Она стояла на его пути и словно самим своим существованием непреклонно заявляла ему: «Я откроюсь только тогда, когда тебе уже станет ненужным то, что я скрываю».

Сам этот факт означал поражение. Но наличие этой преграды служило доказательством, по крайней мере, того, что он представляет собой — и всегда представлял — нечто большее, чем то, что было доступно пониманию его сознания. А еще оно означало, что открывшаяся дверь дала ему доступ всего лишь туда, куда его прежнее «я» однажды уже проникало и обнаружило там тупик. Таким приемом его наталкивали на поиски какого-то иного пути к той цели, которой оба этих «я» стремились достичь; и новые возможности для поиска иных путей к этой цели лежали теперь в том озарении, которое только что пришло к нему здесь, в этой камере.

Хэл снова вернулся к осознанию того, что находится в камере, к своему терзаемому болезнью телу. Но, обретя теперь новую свободу воли и мысли, он приступил к созданию тех особых умственных инструментов, о которых уже размышлял раньше, когда ему пришло в голову, каким образом сознание может вернуться в про-

шлое и открыть доступ не только к хранящейся в нем информации, но и к возможностям подсознания. Несмотря на продолжающиеся трудности с дыханием, он принялся за сочинение стихов.

АРМАГЕДДОН

Ля, это только олени: инстинкты, копыта, рога,

Бедняги пугливо толкутся в снегу среди сосен нарядных,

Поставленных будто печати на зимнем листе

Белоснежном;

И, сути не понимая, смотрят за черную тропку,

Которую кто-то проворно между холмами проторил,

Где длинной цепочкой люди застыли в алеющих шапках.

Название и строки стихотворения горели перед его мысленным взором, подобно стихотворению о рыцаре, созданному на Абсолютной Энциклопедии. И потом то, что он открыл для себя в этой поэтической форме, превратилось в непреодолимую внутреннюю силу, влекущую

его вперед, прочь от Энциклопедии, навстречу годам, проведенным на Коби, и к теперешнему моменту озарения. Сейчас же эти последние стихи вызвали в его воображении образ рукотворного катаклизма, к которому человечество устремилось, словно пьяный человек, выпивший слишком много, чтобы представить себе последствия того, что он творит.

Конечно. Армагеддон-Рагнарек, как бы его ни называли, в конце концов грозил стать уделом всех. Он захватит всех людей, как лавина, несущаяся по горному склону, стремительно набирая скорость; и теперь уже не осталось никого, кто не ощущал бы его приближения.

О нем откровенно и напрямую говорил ему Там Олин. Хэл помнил, что и Сост, в коридорах-тунелях на Коби, также упоминал о нем. Хилари беседовал о нем с Джейсоном, когда вез его и Хэла на встречу с Рух и ее партизанами... И вот совсем недавно, несколько часов тому назад, Барбедж произнес это же слово — Армагеддон — здесь, в этой самой камере.

Армагеддон, последняя битва. Его тень бременем давила на всех людей, в том числе и на тех из них, кто не только не имел понятия о смысле этого слова, но даже никогда его не слышал. Теперь

Хэлу стало совершенно очевидно, что каждый из них поодиночке уже смог почувствовать его приближение — ведь двери и птицы при безоблачном голубом небе способны почувствовать надвигающуюся грозу. Собираются огромные силы, готовые вступить в жестокую схватку.

В далекое доисторическое прошлое уходят корни этого противостояния. Теперь, когда у Хэла открылись глаза на его существование, ему стало ясно, каким образом развитие исторической обстановки за последние несколько сот лет привело к тому, что неотвратимое приближение решающего часа этого противостояния просто оказалось на короткое время задержанным, и как вместе с тем оно, это развитие, готовило место действия для последней яростной битвы.

Все это в аллегорической форме вошло в содержание только что сложенного им стихотворения. Охотниками могли быть только Иные, озабоченные исключительно лишь короткими мгновениями своей мирской жизни. Олени — это огромные массы людей, подобных Состу и Хилари, гонимые теперь непонятными им силами за черту, являющуюся границей зоны безопасности, прямо в руки охотников. И наконец, в стихах присутствуют и те, кто находится как бы в стороне и

видит ситуацию такой, какая она есть, обладая преимуществом или читателя стихов, или созерцателя нарисованной в них картины. Это те, кто уже понимает, что должно произойти, и кто уже посвятил себя тому, чтобы предотвратить надвигающуюся катастрофу. Такие как Уолтер, Малахия и Авдий, как Там, Рух и Дитя Господа. Такие как...

Внезапно свет в камере и в просматривающейся из нее небольшой части коридора померк настолько, что стало почти совсем темно. Через несколько секунд все вокруг задрожало. И одновременно, казалось бы ниоткуда, возник низкий рокочущий звук, в течение короткого времени нараставший, а затем постепенно смолкающий — как будто прямо за стенами его камеры обрушилась огромная, стремительно несущаяся лавина, послужившая для него образом Армагеддона.

Происхождение звука, достигшего его ушей здесь, в таком месте, находящемся, несомненно, в недрах Управления милиции, в самом центре Арумы, было необъяснимо. Через некоторое время яркость света снова стала прежней.

Он ждал, что объяснение происшедшему придет само собой — раздастся топот ног бегущих по коридору людей или донесутся громкие звуки пе-

рекликающихся голосов. Но ничего подобного не произошло. Вокруг по-прежнему стояла тишина. И никто не пришел.